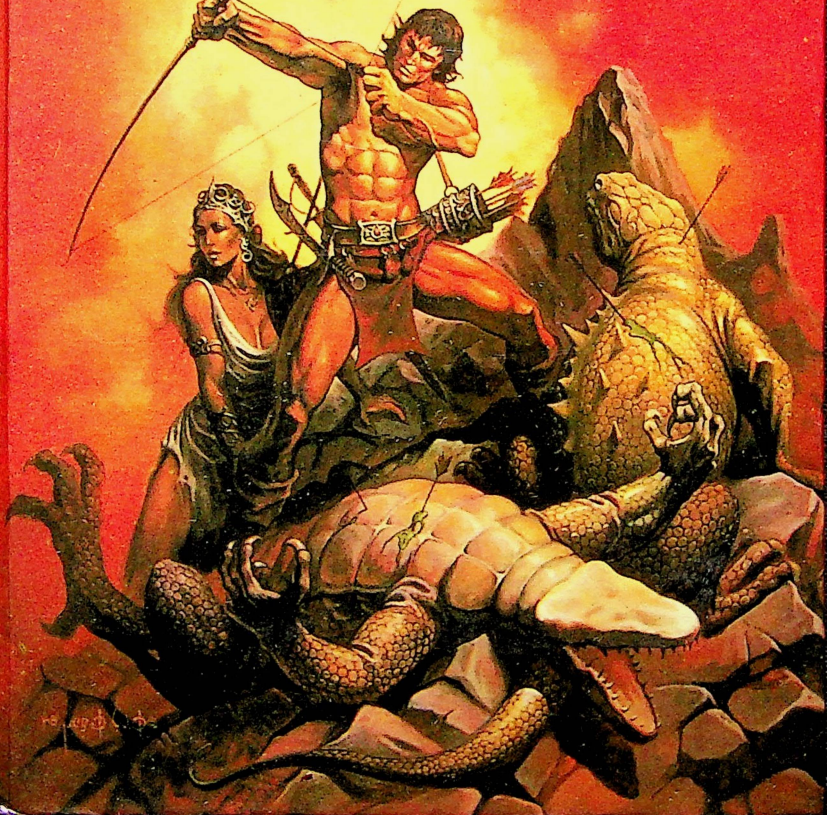

СОКРОВИЩНИЦА
БОЕВОЙ ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

АЛАН ДИН ФОСТЕР

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ФЛИНКСА · I

АЛАН ДИН
ФОСТЕР

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ФЛИНКСА · I

РОМАНЫ

СМОЛЕНСК
РУСИЧ
1994

ББК 84(7США)

Ф47

УДК 820(73)-31

Серия основана в 1993 году

Перевод с английского Д. Арсеньева, С. Рахабова

Художник А. А. Шуплецов

Публикуется впервые с разрешения автора и его литературного агента Александра Корженевского. Любые другие публикации настоящих произведений в любой форме, в целом или частями являются противоправными и преследуются по закону.

Фостер А.

Ф47 Приключение Флинкса-I: Романы/Пер. с англ. Д. Арсеньева и др.; Худож. А. А. Шуплецов.— Смоленск: Русич, 1994.— 448 с.— (Сокровищница боевой фантастики и приключений).

ISBN 5-88590-011-6.

Первая книга из сериала «Приключения Флинкса» переносит читателя в будущее на планеты Сообщества Разумов и рассказывает о приключениях юноши-телепата Флинкса и мини-дракона Пипа. На русском языке публикуется впервые.

Ф 8200000000

ББК 84(7США)

© by A. Foster, 1972

© Перевод. Д. Арсеньев, С. Рахабов, 1994

ISBN 5-88590-011-6

© Оформление. А. А. Шуплецов, 1994

**РАДИ ЛЮБВИ
К НЕ-МАТЕРИ**

Глава первая

«Какой тощий, никуда не годный малыш», подумала матушка Мاستифф. Она теснее прижала к себе мешок с резным деревом, убедившись, что он надежно защищен от дождя полой ее плаща. Мелкий дождь, характерный для дралларской осени, не смачивал водоотталкивающий материал.

Инопланетянам очень трудно определить различие во временах года на планете. Летом дождь теплый; осенью и зимой холоднее. Весной он сменяется постоянным липким туманом. Солнце так редко прорывается сквозь вечные тучи, что, когда это происходит, власти склонны объявить день праздничным.

То, мимо чего проходила матушка Мастифф, нельзя было назвать настоящим рынком рабов. Этот архаичный термин использовали только циники. На самом деле это являлось местом, где упорядочиваются договоры по найму рабочей силы.

Драллар — самый большой город на планете Мот, единственный подлинный метрополис, и не очень богатый. Низкие налоги привлекли сюда немало инопланетных фирм и торговых компаний с гораздо более благоустроенных, но менее гостеприимных планет. Недостатки планеты компенсировались отсутствием таких раздражающих помех в делах, как ограничения и налоги. В результате некоторые процветали, но общий доход городской администрации не увеличивался.

Среди множества сфер, которые не в состоянии сами себя обеспечить, находится и забота о бедных. В случаях полной нищеты, когда человек одинок, считалось разумным позволить богатым гражданам избавить правительство от заботы о нем. Это сокращает расходы на помощь

бедным, чиновники довольны, о самих бедных заботятся гораздо лучше — так, во всяком случае, утверждает администрация, — чем безличная, и вечно испытывающая недостаток средств городская служба.

Объединенная Церковь, духовная основа Содружества, не очень приветствовала такую одностороннюю экономическую политику. Но Содружество предпочитает не вмешиваться в дела местной администрации, и дралларские чиновники торопились заверить изредка посещающих планету падре или советников, что за благополучием «усыновленных» тщательно следят.

И вот матушка Мاستифф стояла, опираясь на свой посох, прижимая мешок с резными поделками, и смотрела на распределительную платформу, переводя дыхание.

Один из зевак толкнул ее. Сердито взглянул на нее, когда она ударила его по ноге посохом, но отодвинулся, не решившись спорить.

На платформе в Круге Компенсации неподвижно стоял худой серьезный мальчик восьми или девяти лет. Его рыжие волосы намокли от дождя и резко контрастировали со смуглой кожей. Широко раскрытые невинные глаза, такие большие, что казалось, они загибаются за края лица, смотрели на промокшую толпу. Руки он держал за спиной. Только глаза двигались, взгляд его, как насекомое, перелетал с одного поднятого лица на другое. Большинство возможных покупателей оставалось совершенно равнодушно к его присутствию.

Справа от мальчика стояла высокая стройная женщина, представитель правительства; она руководила продажей для благотворительного бюро; это называлось распределением ответственности. На большом дисплее сообщались данные о мальчике; матушка Мастифф мельком посмотрела на дисплей.

Рост и вес соответствуют, по ее мнению. Цвет волос, глаз и кожи она и сама видит. Родственники, кровные и другие, — прочерк. Личная история — опять прочерк. Дитя случая или несчастья, подумала она, подобно многим другим находящимся на попечении правительства. Да, судя по его виду, ему, несомненно, будет лучше у какого-нибудь богатого человека, чем в детском уч-

реждении. По крайней мере сможет поесть.

Но что-то в нем есть, что-то отличает его от бесконечной процессии сирот, год за годом проходящей по этой мокрой от дождя платформе. Матушка Мастифф ощущала что-то скрывающееся за этими большими печальными глазами — зрелость, не соответствующую возрасту, пристальность взгляда, какой не ожидаешь от ребенка в его положении. Этот взгляд продолжал изучать собравшихся, перемещаться с лица на лицо. И в мальчике больше чувствуется охотник, чем преследуемый.

Дождь продолжал идти. Внимание большинства присутствующих было устремлено к краю платформы, где стояла привлекательная девушка шестнадцати лет — следующая в очереди на покупку. Матушка Мастифф презрительно фыркнула. Что бы ни говорили правительственные чиновники, на умах у этих толкающихся, пускающих слюни в переднем ряду что-то другое, а не невинная альтруистическая забота о будущем девушки. О, нет!

Постоянно изменяющаяся группа потенциальных благодетелей образовала остров, вокруг которого билось остальное население рынка. Сам рынок представляет собой обширное кольцо киосков, магазинчиков, ресторанов, погребков вокруг центра города. Он достаточно современен, чтобы функционировать и привлекать любопытных к его загадкам.

Для матушки Мастифф в нем нет никаких загадок. Рынок Драллара — ее родной дом. Девяносто лет провела она здесь в бесконечном потоке людей и чужаков, иногда ее затягивало под поверхность, иногда она поднималась над нею, но ей никогда не угрожала серьезно опасность утонуть.

Теперь у нее есть магазин, маленький, но собственный. Она торгует предметами искусства, украшениями, подержанными вещами, электроникой и зарабатывает достаточно, чтобы держаться подальше от таких мест, как платформа, на которой сейчас стоит мальчик. Она поставила себя на его место и вздрогнула. За девяностолетнюю женщину мало что заплатят.

На воротнике ее плаща плохо наложенная заплатка, и дождь начал просачиваться сквозь расширяющуюся дыру. Мешок с товаром, который она прижимает к поясу, не становится легче. Матушке Мастифф предстояли еще некоторые дела, и она хотела до наступления темноты вернуться домой. Когда сядет солнце Мота и сумрачный день Драллара сменится темнотой ночи, из трущоб выйдут гораздо менее вежливые обитатели рынка. Только беззаботные и нахалы бродят тогда по рынку, а матушка Мастифф ни то и ни другое.

Глаза мальчика, перемещавшиеся по лицам собравшихся, дошли до нее — и остановились. Матушка Мастифф ощутила странное беспокойство. Рука ее двинулась к животу. Слишком много жирного за завтраком, подумала она. Взгляд мальчика уже передвинулся. Когда ей исполнилось восемьдесят пять, пришлось думать о диете. Но она однажды сказала подруге: «Я скорее умру от несварения, но с полным желудком, чем со вкусом этих таблеток и концентратов во рту».

— Здесь! — вдруг услышала она свой собственный голос, не понимая, что она делает и почему. — С этой стороны!

Она пробилась сквозь толпу, расталкивая зрителей посохом, растрепала высокую шляпу из перьев у слишком полной матроны, вызвав ее негодующее замечание. И пробралась на открытое место непосредственно перед платформой. Мальчик не обратил на нее внимания; он продолжал разглядывать собравшуюся толпу.

— Пожалуйста, леди и джентльмены, — обратилась чиновница с платформы, — кто из вас даст дом этому здоровому честному мальчику? Правительство обращается к вам с просьбой, цивилизация требует этого от вас. Сегодня вы имеете возможность совершить доброе дело ради вашего короля и ради этого несчастного ребенка.

— Я бы показал королю доброе дело, — послышался голос из толпы, — в самое уязвимое место.

Чиновница бросила на насмешника сердитый взгляд, но промолчала.

— Какова минимальная сумма? — Неужели это мой голос, удивленно подумала матушка Мастифф.

— Всего лишь пятьдесят кредитов, мадам, удовлетворяет департамент обязательств, и мальчик ваш. Чтобы заботиться о нем и воспитывать. — Она немного поколебалась и добавила: — Если вы считаете, что справитесь с таким живым ребенком.

— Я в свое время со многими справлялась, — коротко ответила матушка Мастифф. Забавлявшаяся аудитория ответила одобрительными возгласами. Матушка Мастифф изучала мальчика, который теперь смотрел на нее. Неприятное ощущение в животе, возникшее, когда их взгляды впервые встретились, не повторялось. Жир, подумала она, придется уменьшить количество жира.

— Пусть будет пятьдесят кредитов, — сказала она.

— Шестьдесят. — Низкий голос, прозвучавший откуда-то из задних рядов толпы, неожиданно прервал ее мысли.

— Семьдесят, — автоматически ответила матушка Мастифф. Чиновница на платформе быстро взглянула на толпу.

— Восемьдесят, — сказал неизвестный конкурент.

На конкуренцию она не рассчитывала. Одно дело — помочь ребенку за сравнительно небольшую плату, совсем другое — затратить неразумно большую сумму.

— Девяносто, будь ты проклят! — сказала она. Повернулась и постаралась разглядеть соперника, но не видела его за головами толпы. Голос мужской, властный, гулкий. Какого дьявола владельцу такого голоса нужен ребенок?

— Девяносто пять, — послышался голос.

— Спасибо, спасибо! Вас обоих благодарит правительство. — Чиновница говорила довольным голосом, лицо ее прояснилось. Оживленная и совершенно неожиданная торговля из-за рыжего мальчишки разогнала ее скуку и озабоченность. Она сможет показать боссу счет лучше обычного. — Что скажете в ответ, мадам?

— Черт бы его побрал! — пробормотала матушка Мастифф. Она хотела повернуться и уйти, но что-то удержало ее. Она разбиралась в людях не хуже, чем в товарах, и было в этом мальчике что-то особенное, что-то необычное, хотя она не могла бы сказать, что

именно. А в необычном всегда скрывается выгода. К тому же этот печальный взгляд был застенчиво устремлен прямо в такое место в ее душе, которое она обычно скрывала.

— Дьявол, сто, и будь ты проклят! — Она едва выговорила эту сумму. Мысли ее метались. Что она делает здесь, забыв свои обычные дела, почему мокнет под дождем и торгуется из-за этого сироты? В девяносто лет у нее не может быть материнского инстинкта. И слава Богу, она никогда в жизни не испытывала материнского инстинкта.

Она ожидала неизбежного «Сто пять», но в толпе началось какое-то движение. Матушка Мاستифф вытягивала шею, пытаясь разглядеть что-нибудь, сердясь на гены, которые сделали ее такой низкорослой. Слышались крики, гневные проклятия из десятка глоток. Слева, за дамой в пернатой шляпе, она увидела яркие мундиры жандармов, их плащи блестели в тусклом свете. Группа людей передвигалась гораздо энергичнее, чем обычно.

Матушка Мастифф повернулась и прошла вправо, к ступенькам, ведущим на платформу. Поднимаясь по лестнице, она на полпути оглянулась на толпу. Пурпурные мундиры скрывались за первой группой административных и торговых помещений. Перед ними подпрыгивала массивная фигура: кто-то убегал от полиции.

Матушка Мастифф понимающе кивнула. Кое-кому мальчик нужен совсем не в гуманных целях. У многих в этой толпе криминальное прошлое. Вероятно, кто-то из собравшихся, возможно, платный осведомитель, узнал того, кто хотел купить ребенка, и известили полицию, а та отреагировала необычайно быстро.

— Значит, сто кредитов, — разочарованно объявила чиновница на платформе. — Кто-нибудь даст больше? — Естественно, никто не дал, но чиновница создала видимость дальнейшего торга. Прошло несколько мгновений тишины. Чиновница пожала плечами и посмотрела на стоявшую на лестнице матушку Мастифф.

— Он ваш, старуха. — Больше не «мадам», сардони-

чески подумала матушка Мастифф.— Заплатите и выполняйте все предписания.

— Я имела дело с правительственными предписаниями задолго до вашего рождения, женщина.— Матушка Мастифф, не обращая внимания на чиновницу и мальчика, повернулась и направилась в помещение конторы.

Внутри скучающий клерк взглянул на нее, бросил взгляд на надпись о продаже, появившуюся на экране его компьютера, и небрежно спросил:

— Имя?

— Мастифф,— ответила посетительница, опираясь на посох.

— Это фамилия или имя?

— И то и другое.

— Мастифф Мастифф? — Клерк недовольно взглянул на нее.

— Только Мастифф,— ответила старуха.

— Правительство предпочитает полные имена.

— Знаете, что правительство может сделать со своими предпочтениями?

Клерк вздохнул. Нажал несколько клавишей.

— Возраст?

— Не ваше дело.— Она немного подумала и добавила: — Запишите «старая».

Клерк послушался, с сомнением качая головой.

— Доход?

— Достаточный.

— По вашему виду не скажешь,— начал раздраженно клерк,— в таких делах, как принятие ответственности за бедняков, правительство требует более подробных разъяснений.

— Правительство может отправить разъяснения вслед за своими предпочтениями.— Матушка Мастифф взмахнула посохом, указывая на платформу. Клерк едва успел увернуться. Торговля закончена. Второй покупатель ушел. В спешке. Я могу взять свои деньги и уйти. Или могу дать немного правительству, чтобы оно заплатило вам жалование. Что вы предпочтете?

— Ну, ладно,— раздраженно сказал клерк. Он закончил набор и нажал кнопку. Из принтера показалась

бесконечная лента. В сложенном виде она была в сантиметр толщиной.— Прочтите это.

Матушка Мастифф взвесила в руке пачку бланков.

— Что это такое?

— Правила относительно вашей покупки. Вы должны воспитывать мальчика и хорошо обращаться с ним. Если будет установлено, что вы нарушаете указанные здесь правила,— он указал на стопку,— его могут отобрать у вас с конфискацией уплаченной вами суммы. Вдобавок вы должны ознакомиться с...— Он прервал свою лекцию, так как в этот момент другой чиновник ввел в помещение мальчика.

Мальчик взглянул на клерка, потом на матушку Мастифф. Потом, словно ему не раз приходилось выполнять этот ритуал, подошел к ней и вложил ей в левую руку свою правую. Большие невинные глаза ребенка смотрели ей в лицо. Она заметила, что они зеленого цвета.

Клерк собрался продолжать, но что-то застряло у него в горле, и он занялся бумагами на столе.

— Это все. Вы можете идти.

Матушка Мастифф торжественно, словно после одержанной победы, вывела мальчика на улицы Драллара. Ему дали с собой только одно — небольшой плащ. Мальчик плотнее запахнул дешевый пластик, когда они добрались до первого перекрестка.

— Ну, парень, дело сделано. Пусть меня возьмет дьявол, если я понимаю, почему это сделала, но теперь я с тобой связана. Ну, и ты со мной, конечно. Что-нибудь есть у тебя в ночлежке?

Он медленно покачал головой. Очень тихий мальчик, подумала она. В доме от него, наверно, много шума не будет. Она по-прежнему не понимала, что вызвало такой неожиданный и нехарактерный для нее приступ великодушия. Теплая рука мальчика лежала в ее старой искривленной ладони. В этой руке перебивало множество кредитных карточек, которыми платили за покупки; эта рука привыкла брать вещи, чтобы оценить возможность продать их с прибылью; бывал в этой руке и нож, и совсем не всегда при приготовлении пищи; однако никогда

не было в ней руки ребенка. Странное ощущение.

Они пробирались сквозь толпу, старавшуюся опередить близкую ночь, избегая дренажных канав, проходящих по середине каждой улицы. Из десятков ресторанчиков и забегаловок доносились ароматные запахи пищи. Мальчик по-прежнему молчал. Наконец, видя, что его лицо постоянно обращено к тем местам, откуда исходят аппетитные запахи, матушка Мاستифф остановилась перед одним заведением, с которым была знакома. Все равно они уже рядом с домом.

— Есть хочешь, мальчик?

Он медленно кивнул — один раз.

— Глупо с моей стороны. Я целый день могу обходиться без пищи и даже не подумать о ней. И забываю, что не у всех такие терпеливые желудки.— Она кивнула в сторону двери.— Ну, чего же ты ждешь?

Они вошли в ресторан, и она провела его за заго-родку у стены. Из центра стола поднималась круглая консоль. Матушка Мастифф изучила напечатанное на ее боку меню, поглядывая на сидящего в ожидании мальчи-ка, и нажала несколько кнопок.

Вскоре консоль опустилась в стол и тут же поднялась с едой: густая ароматная похлебка с овощами, какие-то длинные клубни и нарезанный хлеб.

— Давай,— сказала она, заметив нерешительность мальчика, восхищаясь его сдержанностью и аккуратностью.— Я не голодна, да и никогда много не ем.

Она смотрела, как он поглощает пищу, иногда брала небольшие кусочки хлеба, отвечала на кивки проходящих знакомых. Когда дно миски и похлебкой было вылизано дочиста и исчез последний кусок хлеба, она спросила:

— Хочешь еще?

Он нерешительно взглянул на нее, потом коротко кивнул.

— Не удивляюсь,— сказала она,— но не хочу, чтобы ты сегодня ел еще. Ты съел порцию взрослого. Больше тебе не пойдет на пользу. Завтра утром, ладно?

Он понимающе кивнул.

— Еще одно, мальчик. Ты говорить умеешь?

— Да.— Голос у него ниже, чем она ожидала; в нем нет страха, только благодарность.

— Я хорошо говорю,— добавил он без дальнейших расспросов, чем удивил ее.— Мне сказали, что для своего возраста я говорю очень хорошо.

— Прекрасно. Я уже беспокоилась.— Она встала, опираясь на посох, и снова взяла его за руку.— Здесь близко.

— Что близко?

— Место, где я живу. И где отныне будешь жить ты.— Они вышли из ресторана и погрузились в влажную ночь.

— Как тебя зовут? — Мальчик спросил, не поднимая головы, поглядывая на тусклые витрины и отдельные освещенные окна. Внимательность его взгляда казалась неожиданной.

— Мاستифф,— ответила она и улыбнулась.— Это не мое настоящее имя, мальчик, но мне его дали много лет назад. И оно задержалось у меня дольше любого мужчины. На самом деле это порода собак, очень злых и уродливых.

— Я не считаю тебя уродливой,— ответил мальчик.— Ты мне кажешься красивой.

Она смотрела на его открытое детское лицо. Слабый, слепой? А может, слишком умный?

— Можно мне называть тебя мамой? — с надеждой спросил он, еще более смутив ее.— Ты ведь теперь моя мать, правда?

— Что-то в этом роде. Не спрашивай почему.

— Я не причиню никаких неприятностей.— Голос его вдруг зазвучал озабоченно, почти испуганно.— Я никогда никому не доставлял неприятностей, честно. Просто хотел, чтобы меня оставили в покое.

Почему такое отчаянное признание? — подумала она. И решила не расспрашивать.

— Я от тебя ничего не требую,— заверила она.— Я простая старуха и живу простой жизнью. Она мне нравится. Хорошо, если бы она и тебе понравилась.

— Хорошо,— согласился он.— Я постараюсь помочь, если смогу.

— Дьявол знает, сколько работы в магазине. Я не так гибка, как была когда-то.— Она вслух рассмеялась.— Теперь устаю задолго до полуночи. Знаешь, мне теперь нужны целых четыре часа сна. Да, думаю, ты сможешь мне помочь. Постарайся. Ты мне дешево обошелся.

— Простите,— сказал он упавшим голосом.

— Прекрати. Я этого не потерплю в своем доме.

— Я сказал: простите, что я вас расстроил.

Она раздраженно фыркнула, наклонилась, опираясь обеими руками на посох. И оказалась на уровне его глаз. Он стоял и серьезно смотрел на нее.

— Послушай меня, мальчик. Я не правительственный чиновник. Не имею ни малейшего представления, что заставило меня заплатить за тебя, но дело сделано. Я тебя не буду бить, если ты этого не заслужил. Я прослежу, чтобы ты был накормлен и достаточно тепло одет. А в ответ я требую, чтобы ты перестал говорить глупости вроде «простите». Договорились?

Ему не потребовалось много времени на размышления.

— Договорились... мама.

— Решено.— Она пожала ему руку. И это вызвало новый феномен — его первую улыбку. От улыбки его маленькое веснушчатое лицо словно засветилось, и ночь стала казаться не такой холодной.

— Пошли побыстрее,— сказала она, с трудом распрямляясь. Не люблю задерживаться, а из тебя какой телохранитель? И никогда не станешь, судя по твоему виду. Но это не твоя вина.

— А почему так важно быть дома, когда темно? — спросил он и добавил неуверенно: — Это глупый вопрос?

— Нет, мальчик.— Она улыбнулась ему сверху вниз, продолжая ковылять по улице,— Наоборот, это умный вопрос. Важно оказаться дома в темноте, потому что чем меньше света, тем больше мертвецов. Но если ты будешь осторожен, не слишком самоуверен и изучишь темноту, то поймешь, что иногда она может стать не только врагом, но и другом.

— Я так и думал,— твердо ответил он.— Думал так, сколько...— лицо его сморщилось, он словно сосредоточился на чем-то...— сколько себя помню.

— Да? — Она улыбалась ему.— И что заставляет тебя так думать, кроме моих слов?

— Потому что сколько я могу вспомнить себя счастливым, это всегда было в темноте,— ответил он.

Она обдумывала его ответ, когда они завернули за угол. Дождь почти прекратился, сменившись туманом, который в этом городе считался обычным воздухом. Легкие матушки Мاستифф туман не тревожил, но она беспокоилась о мальчике. Ей совсем не нужен больной ребенок. Он и так стоил ей достаточно.

Ее дом-магазин — один из многих на этом бесконечном рынке. Прочные ставни защищают невзрачный фасад, который тянется на десять метров в одной из боковых улиц. Матушка Мастифф прижала ладонь к дверному замку. Чувствительный пластик на мгновение засветился, дважды прогудел, и дверь открылась.

Внутри матушка Мастифф плотно закрыла дверь за собой и автоматически принялась разглядывать товары, чтобы убедиться, что ничего не исчезло за время ее отсутствия. Здесь были стойки с медной и серебряной посудой, редкие статуэтки из резного дерева, которыми особенно славится Мот, хорошо сделанные кубки, столовые приборы, многие из которых предназначены для негуманоидов, многочисленные модели самого Мота с его разрывными кольцами из сверкающего материала и различные другие предметы неясного назначения.

Мальчик бродил по этому водовороту цветов и форм. Он все рассматривал, но не задавал ни одного вопроса, и она решила, что это необычно.

Дети должны спрашивать обо всем. Но это не обычный ребенок.

В глубине магазина на подставке стоял серебряный ящичек. Его чувствительные приборы соединялись непосредственно с Центральным банком Драллара и позволяли матушке Мастифф проводить финансовые операции со всеми книгами, пришли ли они с той же улицы или прилетели с другого края Сообщества. Универсаль-

ная кредитная карточка давала доступ к счету владельца.

За ящичком располагались четыре помещения: небольшая кладовка, ванная, кухня и спальня. Матушка Мастифф на несколько минут призадумалась, потом принялась очищать кладовку. Старые вещи, товары, которые никак не удавалось продать, щетки, одежда, консервированная пища и другие предметы она укладывала на пол. Как-нибудь найдет для них другое место.

К дальней стене была прислонена прочная старая кровать. Матушка Мастифф коснулась кнопки, и кровать откинулась, встала на расставленные ножки. Дальнейшие раскопки обнаружили банку специального масла, которое пошло в матрац. И через минуту матрац наполнился, стал мягким и теплым. Наконец она накрыла кровать тонким термочувствительным одеялом.

— Это твоя комната,— сказала она мальчику.— Твое место. Я знаю, как важно иметь что-нибудь, что можно назвать своим. Можешь расставлять здесь все, как захочешь.

Мальчик взглянул на нее так, словно она подарила ему все сокровища Терры.

— Спасибо, мама,— сказал он.— Здесь прекрасно.

— Я продаю вещи,— сказала она, отворачиваясь от его сияющего лица. Указала на товары.— Это и другое.

— Я так и подумал. Ты много зарабатываешь?

— Ну, не расспрашивай меня, как правительственный чиновник.— Она улыбнулась, чтобы показать, что шутит.— Управляюсь. Мне бы хотелось иметь большой магазин, но в такой момент моей жизни...— она прислонилась к кровати, потом, опираясь на посох, пошла в большую комнату,— не похоже, что когда-нибудь он у меня будет. Но меня это не тревожит. У меня жизнь полна, и я довольна. Ты скоро поймешь, что мое ворчание и проклятие — это только представление. Но не всегда.— Она погладила его по голове и указала в сторону кухни.

— Хочешь выпить чего-нибудь горячего перед сном?

— Да, очень.— Он осторожно снял свой уже просохший плащ. Повесил его на крючок в своей спальне.

— Надо будет купить тебе одежды,— заметила она, глядя на него из кухни.

— У меня все есть.

— Может, тебе достаточно, но не мне.— И она в качестве объяснения ущипнула его за нос.

— О! Я понимаю!

— Что бы ты хотел выпить?

Лицо его снова прояснилось.

— Чай. Какой чай у тебя есть?

— А какой чай ты любишь?

— Всякий.

— Ну, я сейчас выберу.— Она отыскала цилиндр, наполнила его водой и нажала кнопку сбоку. Потом порылась в своих запасах.

— Это «Черный Анар»,— сказала она,— с Райин-пайна.— Далекое путешествие для сухих листьев. Он мягче «Белого Анара», который растет на той же планете, но ближе к горам. Если любишь сладкий чай, у меня есть немного местного меда. Он дорогой. На Моте цветы редкость, они в основном растут в оранжереях. Эта планета принадлежит грибам и деревьям; беднякам пчелам на ней нелегко приходится, хотя они здесь отращивают густые волосы и не страдают от холода и влаги. Есть и другие сладости.

Не услышав ответа, она повернулась и увидела, что он лежит на полу, свернувшийся клубок рыжих волос и грязной одежды. Руки он подложил под щеку, они служили ему подушкой.

Она покачала головой и выключила цилиндр. Чай перестал кипеть. Наклонившись, матушка Мастифф просунула под него свои худые руки и подняла. Ей удалось уложить его на кровать, не разбудив. Потом укрыла его термальным одеялом по подбородок. Одеяло было уже запрограммировано и негромко загудело.

Матушка Мастифф постояла немного, удивляясь тому, сколько удовольствия может доставить простая картина — спящий ребенок. По-прежнему удивляясь, что с нею такое приключилось, она пошла к себе в комнату, медленно разделась. Вскоре в магазине погас свет. И ти-

шину погруженной в туман темноты нарушал только легкий шелест ветра и шипение испаряющейся с теплых стен влаги.

Глава вторая

Мальчик ел так, словно ужин накануне был только сном. Матушка Мастифф приготовила ему два завтрака и смотрела, как он приканчивает их до последнего кусочка. Когда он съел все, она отвела его в магазин.

Он внимательно следил, как она набирает комбинацию и открывает тяжелые ставни. Открывшись, они показали мир, совершенно не такой, каким он был накануне ночью. Только что мальчик видел тусклые металлические полосы. А в следующий момент ощутил шум, суматоху, запахи, зрелища огромного дралларского рынка; они заполнили магазин, подавляя своей грандиозностью и яркостью. Матушка Мастифф встала рано: покупатели появляются вместе со скрытым за облаками солнцем. Впрочем, рынок никогда не пустовал совсем. Всегда находились торговцы, которым удобнее действовать в темноте.

Мальчик определил, что наступил день, потому что стало не так темно. Но солнце не показалось, оно освещало дождевые капли. Утро теплое — хороший признак, и влага скорее туман, чем дождь. Прекрасный день, для торговли.

Матушка Мастифф провела мальчика по магазину, показывая разные товары, называя их цену и объясняя, почему именно такая цена. Она надеялась, что когда-нибудь сможет поручать дело ему. Так лучше, чем закрывать всякий раз, когда ей нужно куда-нибудь отлучиться. Чем раньше научится, тем лучше, особенно учитывая, как он ест.

— Я сделаю, что смогу, — заверил он ее, когда она завершила короткое знакомство.

— Я знаю, мальчик. — Она села в свое любимое

кресло, чудовище, покрытое шерстью геммака. Обивка почти совершенно износилась, кресло потеряло всякую ценность, но оно слишком удобно, чтобы она с ним рассталась. Мальчик смотрел на проходящие толпы. Какой он тихий, подумала матушка Мاستифф. Тихий и внимательный. Дав ему возможность немного понаблюдать за прохожими, она подозвала его к себе.

— Вчера в спешке мы кое-что упустили. Особенно одно.

— А что? — спросил он.

— Я не могу называть тебя «мальчик». Как тебя зовут.

— Меня называли Флинкс.

— Это твое имя или фамилия?

Он медленно, с несчастным выражением лица покачал головой.

— Мама, я не знаю. Так они меня называли.

— А кто такие эти «они»? — Она подождала немного. — Твоя мать? Отец?

Снова медленное покачивание головы, рыжие волосы разметались.

— У меня не было ни отца, ни матери. Так меня называли люди.

— Что за люди?

— Люди, которые смотрели за мной и другими детьми.

Странно. Она нахмурилась.

— За другими детьми? Значит, у тебя есть братья и сестры?

— Нет... — Он пытался вспомнить. — Не думаю. Может быть. Не знаю. Просто другие дети. Помню их с самого раннего времени. Это было странное время.

— А что в нем странного?

— Я был счастлив.

Она кивнула, словно поняла.

— Вот как. Ты помнишь ранее время, когда ты был счастлив и когда было много других детей.

Он энергично закивал.

— Мальчики и девочки. И у нас было все, что нужно, все, что мы просили. И хорошая еда, и игрушки, и...

Наверно, разорившаяся богатая семья. Она позволила ему рассказывать об этом раннем времени, счастливом времени. Какая катастрофа случилась с ним в младенчестве?

— Большая была семья? — спросила она. — Будем отныне называть ее семьей. Сколько там было других мальчиков и девочек?

— Не помню точно. Много.

— Ты что, считать не умеешь?

— Умею, конечно, — гордо сказал он. — Два, три, четыре, пять и еще много.

Не очень похоже на семью, подумала она, хотя бывают и большие семьи.

— Помнишь, что случилось с ними и с тобой? Вы все были счастливы, у тебя было много друзей, а потом что-то случилось.

— Пришли плохие люди, — прошептал он, и его выражение омрачилось. — Очень плохие. Они ворвались туда, где мы жили. Люди, которые смотрели за нами, кормили и давали нам игрушки, сражались с плохими людьми. Было много шума и стрельбы, и люди вокруг меня падали. И хорошие, и плохие. Я плакал, пока кто-то не поднял меня и не унес. Меня несли по многим залам и темным помещениям, потом я помню, что меня посадили в какую-то... машину?

Она одобрительно кивнула.

— Вероятно. Продолжай.

— Меня много раз перевозили. Так кончилось счастливое время.

— А что случилось после?

— Не знаю, — медленно сказал он. — Мне трудно вспоминать.

— Я понимаю, это трудно для тебя, Флинкс. Но я должна больше знать о тебе, чтобы помочь, как смогу.

— Если я тебе расскажу, — неуверенно спросил он, — ты не отдашь меня плохим людям?

— Нет, — мягко ответила она. — Нет, я не позволю им прийти и забрать тебя, Флинкс. Никогда. Обещаю тебе.

Он придвинулся к ней и сел на ручку кресла. Закрыв глаза и сосредоточился.

— Я помню, что нигде не оставался надолго. Люди, хорошие люди, которые кормили меня и заботились обо мне, скрывались от плохих людей. Они всегда были чем-то расстроены и часто кричали на меня. Не так, как раньше.

— Они сердились на тебя?

— Не думаю. Нет.— Он облизал губы.— Я думаю, они боялись, мама. Я знаю, что сам боялся, и думаю, они тоже. А потом,— он смущенно взглянул ей в лицо,— я уснул. Очень надолго. Но это был не настоящий сон. Я как будто спал и в то же время не спал.— Он открыл глаза и снова посмотрел на нее.— Ты понимаешь это, мама? Я не понимаю.

— Наверно, я тоже не понимаю, мальчик.— Она напряженно размышляла. Кому и зачем понадобилось усыплять мальчика надолго?

— Потом снова неожиданно пришли плохие люди,— продолжал он.— Я их на этот раз не видел. Но некоторые из тех, кто смотрел за мной, умерли или разбежались. Потом остался только я и один мужчина, и одна женщина, но потом и их не стало.

— Твои мать и отец?

— Нет, не думаю. Ну, они никогда так себя не называли. Просто двое из хороших людей. Потом меня нашли другие люди. Я их никогда раньше не видел. Они увели меня с собой.

— Они были плохие или хорошие?

— Ни те, ни другие,— осторожно ответил мальчик.— Я думаю, они были просто посторонние. Может быть, они меня просто пожалели. Промежуточные люди. Они пытались быть со мной добрыми, но...— он пожал плечами,— они ведь посторонние. Мы с ними много переезжали, и было много других детей, а потом было вчера, и ты меня купила. Верно?

Она прикрыла рот рукой и кашлянула.

— Я не покупала тебя. Я согласилась нести за тебя ответственность.

— Но ведь ты заплатила за меня правительству? Мне рассказали об этом.

— Я только заплатила правительству за право вос-

питывать тебя,— объяснила она.— Ты мне не принадлежишь. Я бы никого не стала покупать.

— О,— негромко сказал он.— Это хорошо. Я рад.— Он подождал немного, глядя на нее, потом добавил:— Это все, что я могу вспомнить.

— Ты хорошо рассказал.— Она наклонилась вперед и указала направо, вверх по улице. Кресло закрипело.— Если пройдешь шесть магазинов, увидишь очень маленький магазинчик. Хозяина зовут Генет. Иди туда, расскажи ему, кто ты и откуда. И можешь купить у него,— она ненадолго задумалась, не желая проявлять слишком большую расточительность,— купи на полкредита, что у него тебе понравится.

— А что это за магазин? — возбужденно спросил он.

— Кондитерский,— ответила она, радуясь его просветлевшему лицу.— Ты ведь помнишь, что такое конфеты? Вижу по твоему выражению, что помнишь.— Она могла бы это понять по скорости, с какой он очутился на улице. И довольно скоро вернулся, зеленые глаза блестели на смуглом лице.— Спасибо, мама.

— Давай, давай, в сторону. Ты мешаешь покупателям. Походи, присматривайся, узнавай, как будешь теперь жить.

Он исчез в толпе, только сверкнули рыжие волосы.

Дорого, подумала она про себя. Дорого обойдется ей этот мальчишка. Как меня только угораздило? Она ворчала про себя еще несколько минут, пока не появился потенциальный покупатель.

* * *

Флинкс учился быстро. Он был ненавязчив, легко приспосабливался и вел себя так тихо, что матушка Мاستифф часто не подозревала, что он рядом. Вскоре он начал поражать ее своими знаниями рынка и даже всего большого города. Он постоянно расширял свои знания, расспрашивал владельцев магазинов и отказывался воспринимать ответ «Не знаю».

Матушка Мастифф его не ограничивала. Никто не говорил ей, что нельзя отпускать маленького мальчика

в такой город, как Драллар. Сама она никогда не имела детей и могла отговориться незнанием, и поскольку он добросовестно приходил по вечерам невредимый, она не видела причин менять эту практику, несмотря на неодобрение соседей.

— Нельзя так воспитывать ребенка в таком нежном возрасте,— говорили они ей.— Если не остережешься, ты его потеряешь. Однажды он не вернется из этих блужданий.

— Он ребенок, но совсем не нежный,— отвечала она.— Он умен не по годам. Я о нем не беспокоюсь. Во-первых, у меня нет для этого времени. И что бы с ним ни случилось, ему все равно лучше, чем под опекой правительства.

— Ему не станет лучше, если он умрет где-нибудь в канаве,— предупреждали ее.

— Не умрет,— уверенно отвечала она.

— Пожалеешь,— говорили ей.— Подожди и увидишь.

— Я жду и вижу уже девяносто лет,— обычно отвечала она,— и до сих пор меня ничего не удивило. Не думаю, чтобы мальчик нарушил это обыкновение.

Но она ошибалась.

Была середина дня. Утренний туман перешел в сильный дождь. Матушка Мастифф решала, послать ей мальчика за едой или подождать. С полдюсятка человек забрели в магазинчик, ожидая ослабления дождя,— необычно большое количество для такого времени дня.

Немного погодя Флинкс подобрался к ней и потянул за широкую юбку.

— Мама Мастифф?

— В чем дело, мальчик? Я занята.— Она снова повернулась к покупателю, который рассматривал древнее украшение, блестящее в закрытой витрине в глубине магазина. Редко удается продать такую дорогую вещь. Если бы удалось, прибыл оказалась бы значительной.

Мальчик настаивал, и она прикрикнула на него:

— Я сказала тебе, Флинкс, не сейчас!

— Это очень важно, мама!

Она раздраженно вздохнула и виновато взглянула на инопланетянина.

— Прошу прощения, дорогой сэр. Дети, знаете ли. Тот с отсутствующим видом улыбнулся, поглощенный старинным ожерельем.

— В чем дело, Флинкс? — сердито спросила она. — Дело должно быть важным. Ты знаешь, как я не люблю, когда меня беспокоят в середине...

Он прервал ее, указав в дальний конец магазина.

— Видишь того человека?

Она посмотрела мимо него. Пожилой лысый мужчина с хорошо подстриженной бородкой и серьгами. Вместо плаща на нем тяжелое иноземное пальто из черного материала. Черты лица гораздо деликатнее, чем можно ожидать при его росте, рот тонкий. Помимо серьг, никаких украшений. И обувь выдает в нем иноземца: она относительно чистая.

— Вижу. И что?

— Он украл драгоценности из витрины.

Матушка Мастифф нахмурилась.

— Ты уверен, мальчик? — В голосе ее звучало беспокойство. — Он чужеземец и по внешнему виду состоятельный. Если мы ложно обвиним его...

— Я уверен, мама.

— Ты видел, как он украл?

— Нет, я этого не видел.

— Тогда какого дьявола... — негромким обвинительным тоном начала она...

— Посмотри в витрину.

Она поколебалась, потом пожала плечами. «Ну, в этом никакого вреда нет». Что с этим мальчишкой? С невинным видом подошла к витрине. Иноземец отвернулся и отошел, очевидно, не встревоженный ее приближением. Он не вел себя, как нервничающий вор, которого могут поймать с поличным.

Она наклонилась к витрине. Да, витрина вскрыта профессионально. И не хватает четырех колец, самых ценных предметов из ее скромного запаса. Она взглянула на Флинкса.

— Ты уверен, что это он?

Мальчик энергично кивнул.

Матушка Мастифф поднесла два пальца ко рту и

пронзительно свистнула. И тут же появился десяток соседей. Лысый по-прежнему не проявлял никаких признаков паники, смотрел с любопытством вместе с другими посетителями на это необычное вторжение. Дождь на улице продолжал идти. Матушка Мاستифф указала на лысого и сказала:

— Задержите вора!

Глаза лысого удивленно расширились, но он не попытался убежать. Сразу несколько сердитых владельцев магазинов схватили его за руки. По крайней мере двое из них были вооружены.

Лысый попытался гневно отбросить их руки. Акцент, когда он заговорил, выдавал в нем уроженца одной из более мягких планет, вроде Ривьеры или Центавра Б.

— Минутку! Что происходит! Предупреждаю, вы за это ответите!

— Не грози нам, гражданин,— сказала Алджин, почтенная владелица большого магазина тканей на углу.— Мы решим этот вопрос быстро и без полиции. Мы не любим, когда на нашей улице появляется полиция.

— В этом я вам вполне сочувствую,— сказал мужчина, расправляя пальто.— Я сам не очень ее люблю.— Помолчав, он добавил шокированно: — Я надеюсь, эта женщина не утверждает, что я...

— Именно это она утверждает,— сказал один из торговцев за ним.— И если у тебя нет причин бояться, удели нам немного твоего времени.

— Конечно. Но я не понимаю, почему...— Иноземец поглядел на них, потом пожал плечами: — Ну, хорошо, давайте покончим с этой глупостью.

— Значит, решено,— сказал торговец с пистолетом.

— Хорошо. И спасибо, что не направляете на меня ваше оружие. Вам оно не нужно, вас ведь много.

Торговец поколебался и отвел пистолет. Но не убрал его.

Матушка Мастифф некоторое время смотрела на него, потом выжидательно взглянула на Флинкса.

— Ну? Ты видел, куда он дел эти кольца?

Флинкс неотрывно смотрел на лысого, его зеленые глаза не мигали.

— Нет, мама. Но он их взял. Я в этом уверен.

— Ну, хорошо.— Ее внимание снова перешло на чужеземца.— Сэр, прошу вас согласиться на обыск.

— Это оскорбительно,— заявил тот.— Я пожалуйюсь в свою туристическую компанию.

— Простите,— ответила она,— но если вам нечего скрывать, мы хотим все же убедиться.

— Ну, хорошо. Только побыстрее, и покончим с этим. Мне нужно и в другие места. Я в отпуске, знаете ли.

Не очень уверенно двое из откликнувшихся на свисток матушки Мاستифф начали обыскивать посетителя. Они действовали быстро и уверенно, видно было, что такое занятие им не впервой. Обыскали все: от подкладки пальто до каблуков. Закончив, они беспомощно взглянули на матушку Мастифф и покачали головами.

— У него ничего нет,— заверили они.— Ничего.

— А что пропало, матушка? — осторожно спросила Алджив.

— Кольца убийства,— ответила она.— Единственные четыре кольца убийства в моем запасе. Я многие годы собирала их и теперь не смогу заменить. Общайте его снова,— кивнула она в сторону лысого.— Они небольшие, и их легко спрятать.

Они послушались, обратив на этот раз особое внимание на толстую металлическую пряжку пояса. В ней оказалось потайное отделение, в котором находилась кредитная карточка и кое-что еще. Но колец не было.

Когда второй обыск тоже окончился безрезультатно, матушка Мастифф строго взглянула на своего подопечного.

— Ну, Флинкс, что скажешь теперь?

— Он взял их, взял,— настаивал мальчик, чуть не плача.— Я знаю, что он взял.— Он продолжал пристально смотреть на лысого. Неожиданно глаза Флинкса широко распахнулись.— Он проглотил их.

— Проглотил... минутку,— начал посетитель.— Это уже переходит всякие рамки. Я должен терять время из-за обвинений мальчишки? — Он указал пальцем на

Флинкса, который не отводил пристального взгляда холодных зеленых глаз.

— Он их взял,— повторил мальчик,— и проглотил.

— Ты видел, как я беру кольца? — спросил лысый.

— Нет,— признался Флинкс,— не видел. Но вы их взяли. Я знаю это. Они у вас внутри.

— Очаровательно. И такое приходится испытывать на этих планетах-трущобах,— саркастически сказал посетитель.— Но мне уже не забавно. Я должен идти. Мой тур отводит только два дня на этот замечательный город, и я не хочу больше тратить время, изучая очень странные местные обычаи. По своей доброте я не стану вызывать жандармов и просить арестовать вас. В сторону, пожалуйста.— Он раздвинул неуверенно смотревших на него торговцев и вышел под дождь.

Матушка Мастифф смотрела ему в спину. Ее друзья выжидательно и беспомощно смотрели на нее. Она снова взглянула на мальчика. Флинкс перестал плакать. Голос его звучал спокойно и незэмоционально:

—Он взял их, мама, и прямо сейчас уходит с ними.

Она не смогла бы объяснить, что заставило ее спокойно сказать Алджин:

— Позови жандармов.

Лысый услышал это, остановился и повернулся под ставшим не очень сильным дождем.

— Послушай, старуха, если ты думаешь, что я собираюсь ждать...

— Алджин,— сказала матушка Мастифф,— Генет.— Те переглянулись и отправились под дождь за лысым: если кого-то и накажут за ложное обвинение, то не их, а матушку Мастифф.

— Простите, сэр,— сказал кондитер Генет, как бы случайно махнув пистолетом,— но нам придется попросить вас подождать, пока придут представители власти.

— А потом что? Они потащат свободного гражданина в магистрат из-за обвинений ребенка?

— Достаточно будет простого просвечивания,— сказала матушка Мастифф, когда трое вернулись в магазин.— Вы ведь не станете возражать против этого?

— Конечно, возражаю! — ответил посетитель. — У них нет ни причины, ни права...

— Эй, а вы что-то слишком много спорите, если вам так уж нечего опасаться, — заметила торговка тканями Алджин. Ей было сорок два года, и она выдержала четыре замужества. И очень хорошо научилась чувствовать ложь. Неожиданно она потеряла уверенность в невиновности посетителя. — Конечно, если вы поймете, что допустили ошибку, поймете, что мы, странные туземцы, не такие уж простаки, какими вы нас считали, если вы хотите избежать неприятностей просвечивания, а тем более официального внимания, уверяю вас: мы вас простим, если вы просто вернете матушке Мастифф, что взяли у нее.

— Я ничего не... — начал лысый.

— Тюрьмы в Дралларе очень-очень неудобные, — резко продолжала Алджин. — Наше правительство неохотно тратит деньги на общественные нужды. И особенно скупится, когда речь заходит о нарушителях законов. Вы с другой планеты. Не думаю, что вам понравятся наши влажные подземелья. Грибок съест ваши легкие, а ваши веки заплесневеют.

Неожиданно из лысого словно выпустили воздух. Он посмотрел на Флинкса, который продолжал спокойно смотреть на него.

— Как ты меня увидел, мальчик? Клянусь, никто не видел! Никто!

— Будь я проклят! — сказал Генет, переводя взгляд с лысого на мальчика и обратно. — Значит вы взяли кольца!

— Да. Не нужно звать жандармов, — сказал он Алджин. — Вы сказали достаточно, чтобы я вернул кольца. Я согласен.

Матушка Мастифф медленно кивнула.

— Я тоже согласна, при условии что вы пообещаете никогда не показывать свою блестящую макушку на нашем рынке.

— Даю слово профессионала, — быстро сказал тот. — Я не соврал, сказав, что я в отпуске. — Он криво улыбнулся. — Просто я люблю немного оправдать отпускные расходы.

Матушка Мастифф не улыбалась в ответ. Она протянула руку.

— Мои кольца, пожалуйста.

Улыбка стала еще более кривой.

— Скоро. Но сначала мне нужно что-нибудь съесть. Достаточно нескольких фруктов или обычные лекарства. Нужно также тряпку для очистки и дезинфектант. Видите ли, мальчик прав. Я их проглотил. Дайте то, что мне нужно, и через час проклятые кольца будут у вас.

Они вернулись через сорок минут.

После того как вор и восхищенные торговцы разошлись, матушка Мастифф отвела своего воспитанника в сторону и задала вопрос, который больше никто не догадался задать.

— Ты говоришь, мальчик, что не видел, как он проглотил кольца?

— Не видел, мама.— Теперь, когда толпа разошлась и он был оправдан, вернулась его застенчивость.

— Тогда как же ты знал?

Флинкс молчал.

— Послушай, мальчик. Давай закончим с этим. Мне ты можешь сказать,— уговаривала она.— Помни, я теперь твоя мать. Единственная. Я с тобой всегда обращалась хорошо и честно. Теперь твоя очередь.

— Правда? — Она видела, что он борется с собой.— Ты правда не хочешь меня обмануть? Ты не из плохих людей?

Странно, что он об этом говорит, подумала она.

— Конечно, нет. Разве я похожа на плохих людей?

— Н... н... нет,— признался он.— Но иногда трудно бывает сказать.

— Ты ведь уже пожил со мной, мальчик. И знаешь меня достаточно.— Голос ее снова стал мягким.— Давай. Нужно быть честным. Перестань меня обманывать. Ты ведь видел, как он проглотил кольца?

— Нет,— возмущенно ответил он,— и я не лгу. Этот человек... он отходил от витрины и чувствовал себя... неудобно. Он чувствовал... как это сказать... чувствовал себя виноватым.

— А откуда ты это знаешь?

— Потому что я это почувствовал,— тихо ответил он, глядя не на нее, а на улицу, где в тумане взад и вперед проходили незнакомые люди. Он положил маленькую руку себе на лоб и слегка потер.— Вот здесь.

Великий Гнев Потопа!— подумала матушка Мاستифф. У мальчишки Дар.

— Ты читаешь мысли?

— Нет,— поправил он,— не читаю. Только чувствую. Иногда.

— Ты чувствуешь, когда человек виноват?

— Не только виноват,— объяснил он,— я все чувствую. Люди — как огонь. Тепло огня чувствуется.— Она медленно кивнула.— Ну, я иногда что-то чувствую. Счастье, и страх, и ненависть, и многое другое, даже не знаю что. Ну, когда мужчина и женщина вместе.

— Ты можешь это делать всегда, когда захочешь?

— Нет. Не всегда. Часто я совсем ничего не чувствую. Тогда все чисто, ничто на меня не обрушивается, и я могу успокоиться. Но иногда тут у меня появляется чувство — вот здесь,— добавил он, постучав себя по лбу.— Я смотрел на этого человека, и вина и тревога исходили от него, как тепло огня, особенно когда он смотрел на витрину. Он беспокоился о том, что его могут поймать, и о многом другом. Он разбрасывал чувства, как мелочь, мелкую монету. Он нечестно должен был заработать денег.

— Эмоции,— вслух рассуждала она,— все это эмоции.— И негромко рассмеялась. Она слышала о таких вещах. Мальчишка эмфатический телепат, хотя и не очень опытный. Он ощущает эмоции других людей, а не их мысли.

— Все в порядке, Флинкс,— заверила она его. Положила руку ему на голову, взъерошила волосы.— Ты правильно поступил. Сберег мне, сберег нам обоим много денег.— И она посмотрела на кожаный кошелек, в котором лежали теперь четыре возвращенных и очищенных кольца. От них еще пахло дезинфектантом.

— Неудивительно, что он не мог понять, как ты его раскрыл. Ты ведь не видел, как он берет кольца.

— Нет, мама. Я даже не знал точно, что он взял.

— Ты просто услышал его реакцию?

— Наверно. Я... я не знаю, как это происходит. Знаю, что многие этого не умеют. Правда?

— Да,— мягко ответила она,— большинство этого не умеет. И люди очень расстраиваются, если знают, что кто-то читает их чувства.

Флинкс серьезно кивнул.

— Как плохие люди?

— Может быть,— ответила она, обдумывая эту возможность.— Может быть, как плохие люди, да. Ты ведь не можешь управлять этой своей способностью?

— Да. Я пытался. Иногда это у меня в голове. Но чаще ничего нет.

Она кивнула.

— Это плохо, плохо. У тебя то, что называют Даром, Флинкс.

— Дар.— Он ненадолго задумался. Потом неуверенно спросил: — А это хорошо?

— Может быть. Но Дар может стать опасным, Флинкс. Это будет твоя тайна, твоя и моя. Никому не рассказывай об этом.

— Не буду,— прошептал он, потом энергично добавил: — Обещаю. Значит ты не сердишься на меня?

— Сержусь? — Она хрипло рассмеялась.— За что мне сердиться на тебя, мальчик? Я вернула себе кольца, а ты приобрел уважение моих соседей. Когда-нибудь ты поймешь, что на рынке это уважение бывает полезно. Посчитают, что у тебя острый глаз еще более острый язык. Но ты не рассказывай никому, что на самом деле. Держи свой Дар при себе. Помни, это наша тайна.

— Наша тайна,— серьезно повторил он.

— А еще что-нибудь можешь,— спросила она, стараясь не говорить очень настойчиво.— Кроме того, что чувствуешь чувства других?

— Не думаю. Хотя иногда... не знаю. Во мне что-то горит, я боюсь. Не знаю, что со мной происходит и почему.

— Не беспокойся, мальчик.— Она не стала настаивать, увидев, что он расстроен.— Бояться нечего.— Она прижала его к себе.

— Пользуйся своим мозгом и всем, что умеешь. Для этого тебе и дано. Дар не отличается от других способностей. Если хочешь попробовать что-то еще, пробуй. Это твое тело и твой мозг, и никому нет до них дела.

Глава третья

Пара прилетела с Берли. Матушка определила это по акценту и необычно большому количеству металлических украшений. Они охотились за ручной работой. И их внимание сразу привлекла резьба по черному калдерову дереву в магазине матушки Мастифф. Резьба изображала панораму одной из колоний северного полушария Мота. Она занимала всю длину куска, почти два метра от одного конца до другого. Доска толщиной в полметра и отполирована до блеска.

Прекрасная работа. Матушка Мастифф не стала бы продавать ее, потому что такие вещи привлекали покупателей в магазин. Но пара загорелась, и только необыкновенно высокая цена удерживала ее.

Флинкс зашел с улицы, взял связку небольших браслетов и смотрел на спорящих мужчину и женщину. И они совершенно неожиданно пришли к согласию: они покупают эту резьбу. Она завершит убранство их гостиной, и все друзья будут завидовать. К черту цену, таможенную пошлину и стоимость перевозки! Берут! И взяли, хотя почти полностью истощили свою кредитную карточку. Позже пришли двое, чтобы доставить покупку в отель, где остановились туристы.

Вечером, когда магазин закрылся и они поужинали, матушка Мастифф небрежно спросила:

— Помнишь, мальчик, пару, которая купила сегодня резьбу по дереву?

— Да, мама?

— Они с полдесятка раз заходили в магазин и выходили снова и не могли решиться.

— Интересно,— отвлеченно заметил Флинкс. Он сидел в углу и смотрел очередной чип на переносном

экране. Этим он всегда занимался очень усердно. Ма-тушка Мاستифф и не думала посылать его в школу — она в детстве сама училась на чипах, и для мальчика это подойдет.

— Да,— продолжала она.— У них едва хватало денег. Я уговаривала, отступала, делала все, что могла придумать, чтобы убедить их. Я поняла, что они серьезно заинтересованы. Но что бы я ни говорила, они уходили из магазина и продолжали спорить.

— Потом вошел ты, посмотрел на них — и вот, неожиданно, все их раздумья и сомнения кончились. Разве это не интересно?

— Нет,— ответил он.— Разве так иногда не случается?

— С таким дорогим изделием, как резьба по калдерову дереву,— нет. Так не бывает. Может, ты имеешь какое-то отношение к изменению их решения? Почувствовал их колебания и, может, как-то им помог?

— Конечно, нет, мама.— Он удивленно оторвался от экрана.— Я не могу этого сделать.

— Да? — разочарованно сказала она.— Ты ведь мне не лжешь, мальчик?

Он покачал головой.

— Зачем мне это делать? Я только доволен, что ты удачно продала вещь. Я всегда радуюсь, когда ты зарабатываешь.

— Ну, по крайней мере хоть это у нас общее,— грубовато сказала она.— С тебя достаточно чипов на вечер. Испортишь зрение. Ложись спать, Флинкс.

— Хорошо, мама.— Он подошел к ней с обязательным поцелуем в щеку, прежде чем идти в свою комнату.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, мальчик.

Она еще некоторое время не ложилась, смотрела в спальне развлекательный чип на своем экране. Шоу записывали на Эвории, в нем использовалась экзотическая природа и присутствие исполнителей транксов. Было уже поздно, когда она выключила экран и собралась лечь. Быстрый душ, полчаса расчесывания волос, и она готова была лечь под термальное одеяло.

И когда она лежала в темноте в ожидании сна, у нее неожиданно возникла беспокойная мысль. Почему бы мальчик мог солгать ей о такой необычной своей способности?

Может быть, потому, что если убедил пару совершить покупку, мог убедить и других? И что же тогда произошло последней осенью, когда она торопливо шла мимо платформы аукциона по своим делам и что-то заставило ее остановиться? Может быть, совершить эту покупку, неожиданную, до сегодня необъяснимую, ей помогло мысленное подталкивание покупаемого? Почему она его купила? Никто из друзей не мог понять причины ее поступка.

Обеспокоенная, она встала и пошла в комнату мальчика. Заглянула. Он спал под одеялом, невинно выглядящий ребенок. Но что-то есть в нем, невидимое и непредсказуемое, в чем она никогда не будет уверена. Она поняла, что больше никогда не сможет полностью расслабиться в присутствии этого мальчика.

Она уже забыла о своих первоначальных сожалениях и дарила ему любовь, которую раньше никому не могла отдать. Он милый дурачок и очень помогает ей в магазине. Хорошо иметь такого рядом в ее возрасте. Но сейчас, пусть только на время, она одной рукой будет гладить его, а другую держать вблизи оружия. По крайней мере пока не убедится, что ее мозг — по-прежнему ее мозг.

Глупая старая дура, подумала она и пошла назад в свою комнату. Ты радовалась его Дару, а теперь тревожишься из-за него. Нельзя иметь и то, и другое. К тому же чего опасаться Дара, которым не может управлять его обладатель? Это признание мальчика кажется достаточно правдивым, если судить по его замешательству и расстройству.

Вторично ложась в постель, она почувствовала себя лучше. Нет, беспокоиться не о чем. Конечно, интересен этот его Дар, но так как он им не управляет, тревожиться не из-за чего.

Ясно, что тот, кто не умеет управлять такой способностью, многого не добьется.

* * *

— Хейтнес, Круачан, идите сюда!

Женщина, сидевшая перед экраном компьютера, провела все утро, роясь в массе абстрактных данных. Она пыталась разрешить очень сложную химическую головоломку. Но именно сегодня утром, как бывает очень редко, какая-то особенно важная часть головоломки неожиданно встала на место. И вместо хаотического набора цифр и непонятных схем на экране возникло совершенное симметричное изображение.

Человек, откликнувшийся на ее призыв и через ее плечо заглянувший на экран, высок, с выразительным морщинистым лицом. Смуглая женщина, вскоре присоединившаяся к нему, также производила внушительное впечатление.

Помещение, в котором работали эти трое, размещалось в небольшом ничем не примечательном деловом здании малозначительного города на одной из захолустных планет. Оборудование, на котором они работали, хотя и собранное наспех, требовало огромного опыта в обращении и стоило очень дорого.

И знания, и деньги поступали из разбросанных и внешне никак не связанных между собой мест со всего Содружества. Мужчины и женщины практически жили в этом помещении, изоляция стала их почетным бременем, тайна — самым мощным оружием. Ибо они были членами уникально разбросанного и преследуемого меньшинства, которое оказалось в состоянии войны со всем цивилизованным обществом. Их сердца чисты и цели благородны — остальная часть человечества усомнилась лишь в их методах.

Трое внимательно смотревших на экран определенно не походили на людей, достойных такой участи. Высокий мужчина напоминал доброго дедушку; женщина восточной внешности, сидящая за компьютером, была бы уместней в какой-нибудь древней эпохе, одетая в шелка, в обуви на деревянной подошве. Только на лице высокой смуглой женщины, стоявшей против Круачана, отражалась внутренняя твердость.

Но во всех них жила эта твердость и холодная решимость, взращенная и укрепившаяся за два десятилетия непрерывных преследований. Эти мужчины и женщины считали себя выше остального стада. И цель их заключалась в усовершенствовании всего человечества. То, что их методы могут принести вред невинным жертвам, они знали с самого начала. Они отбросили и это, и свои привычные моральные нормы в сторону, считая, что такие жертвы необходимы для блага большинства. Они называли себя Обществом Улучшения — это невинное название прикрывало попытку усовершенствовать человечество путем изменений на генном уровне.

Неприятности у них начались, когда стало известно о нескольких неудачных экспериментах. Крик при этом поднялся ужасный. И вот теперь они вынуждены работать в отдельных тайных лабораториях, вместо большого научного-исследовательского института, и всегда пытаться на шаг опередить преследователей из правительственных организаций. Население в целом относилось к ним с ужасом и ненавистью.

Многие из членов Общества уже исчезли, их раскрыли и посадили в заключение невежественные чиновники правительства. Уцелевшие члены Общества считали их мучениками науки, в прессе их именовали бесчеловечными чудовищами.

Конечно, цели Общества Улучшения опасны! Усовершенствование, перемены всегда считались опасными. Такой способ мышления больше не действовал на членов Общества. Важен результат, а не мнение невежественной массы.

Они не боялись смерти, не боялись даже более страшного наказания — избирательной промывки мозга, потому что верили в справедливость своего дела. Если хоть один их эксперимент окажется успешным, он докажет необходимость работы, начатой еще на Терре сорок лет назад основателем Общества. И тогда они смогут вернуться в научное сообщество которое отвернулось от них. И смогут с гордостью продемонстрировать зрелое, явно усовершенствованное человеческое существо.

И вот, когда они собрались у экрана, всех охватило возбуждение, хотя и сдерживаемое.

— Хорошо бы, если бы эти данные подтвердились, Ньясса-ли,— сказал Круачан.— У меня еще много информации из Каначанской системы, и как ты знаешь, мы должны будем не позже чем через месяц покинуть это место. Значит, разборка всего оборудования и все прочие следствия переселения.

— Ты меня знаешь, Круачан,— ответила женщина в кресле. В ее словах не было торжества: они все давно отвыкли от таких тривиальностей.— Я уже несколько месяцев сопоставляла характеристики различных объектов. И наконец весь этот труд оправдался. Я нашла Номер Двенадцатый.

Высокая смуглая женщина придвинулась к экрану.

— Номер Двенадцать, помню такого. Это мальчик, верно?

Ньясса-ли кивнула и указала на экран:

— Вот я снова покажу все самое важное.

Они возобновили в памяти все подробности этого случая. Прошло восемь лет с исчезновения этого объекта. За это время они обнаружили несколько других объектов. Большинство оказалось нормальными детьми. Несколько человек проявляли какие-то искорки, но ничего многообещающего.

Были и такие, чей мозг и тело оказались чудовищно искаженными хирургическими манипуляциями на зародыше, за что все они несли вину. Правительство довело до всеобщего сведения эти неудачные эксперименты и так запугало невежественное население, что смогло провести закон о преследовании Общества.

Большинство детей-объектов эксперимента было отнято правительством, выращено в специальных учреждениях и возвращено к нормальной жизни. Там, где было возможно, генетические изменения, совершенные хирургами Общества, устранялись.

Если мы не сумеем усовершенствовать нормального человека, думала Хейтнес, мы не заслуживаем власти над вселенной. Природа помогает тем, кто помогает себе сам. Мы должны с помощью своих знаний подтолкнуть эволюцию.

Из дальнего угла затемненного помещения окликнул человек.

— Брора сообщает, что в шаттлпорту Каларума приземлился правительственный шаттл.

— Возможно, обычная группа специалистов по сельскому хозяйству,— задумчиво сказал Круачан.

— Возможно,— согласился человек за консолью коммуникатора.— Но можем ли мы рисковать?

— Не хочется начинать эвакуацию из-за такого неясного повода. Сколько там пассажиров?

— Трудно сказать,— ответил человек, внимательно слушая передачу.— Брора говорит, что он не узнает свыше десяти.

— Многовато специалистов по сельскому хозяйству, Круачан,— сказал Хейтнес.

— Да.— Он обратился к связисту.— Передай Броре, пусть возвращается и готовится к эвакуации. Не будем рисковать. Перенесем время эвакуации на сегодняшний вечер.

— Сегодня? — В голосе связиста звучало сомнение.— Я и половину оборудования не смогу разобрать.

— Новое оборудование можно купить,— напомнил ему Круачан.— А вот самих себя заменить мы не сможем.

Человек у коммутатора кивнул и вернулся к своему занятию, негромко говоря в микрофон. Круачан снова взглянул на экран.

Появилась новая информация. **НОМЕР ДВЕНАДЦАТЬ, ПОЛ МУЖСКОЙ. В КАЧЕСТВЕ РЕБЕНКА НИЧЕМ НЕ ОТЛИЧАЛСЯ.** Далее следовала расшифровка индекса мозга и цифры, характеризующие мощность потенциала коры.

И все же, несмотря на обнадеживающие данные, в истории Номера Двенадцать не было ничего особенного. Никаких намеков на телепатию, психокинез, пирокинез или любую другую способность, которую Общество надеялось обнаружить в экспериментальных детях.

Но все же Номер Двенадцать представляет какие-то возможности.

— Что ж, он обещает больше, чем последний деся-

ток,— вынуждена была согласиться Хейтнес.— Мы так давно с ним не контактировали, что я забыла эти показатели активности. Нужно как можно быстрее им заняться. Где он находится?

Ньясса-ли набрала вопрос, получила ответ.

— Где это в Сообществе? — удивилась Хейтнес.

— Торговая планета, — ответил Круачан, напряженно размышляя. — Размещена в центре, но сама по себе интереса не представляет. Отсталый мир, с редким населением.

— Ну, все равно придется туда отправиться. Вы только посмотрите, — сказала Ньясса-ли. Она снова работала на клавиатуре, и на экране появилась новая информация. — Это недавние данные, от нашего агента, который нашел объект. Кажется несомненным, что ребенок проявляет по крайней мере один Дар, а может, два. Больше того, он делал это публично и без всякой тренировки.

— Без тренировки, — прошептал Круачан. — Интересно, если, конечно, правда.

Ньясса-ли постукала по экрану.

— Этот агент всегда сообщал надежные данные и известен точностью своих наблюдений. Речь идет о каком-то варианте телепатического Дара. Наш агент, конечно, не имеет нужной научной подготовки, и во втором Даре он не вполне уверен, хотя его потенциальная ценность может быть еще выше.

— А что это? — спросила Хейтнес.

— Мне трудно придумать для этого название. В основном, похоже ребенок способен усиливать эмоции других.

Ее собеседница выглядела озадаченной.

— Не помню такого в списке возможных Даров.

— Там этого нет. Это новый Дар. Ребенок необычен, — сказал Круачан. Ньясса-ли кивнула. — Это означает, что он может воздействовать на поступки других людей. Это не контроль за мыслями, ничего похожего. Человек, обладающий такой способностью, должен будет пользоваться ею очень осторожно. Если этот отчет правдив... — Он смолк и задумчиво смотрел на экран.

— Либо ребенок вырос, не подозревая о своем Даре,— сказала Ньясса-ли, изучая новую информацию на экране,— либо он необыкновенно умен для своего возраста.

— Может, просто природная осторожность,— заметила Хейтнес.— Интересно будет узнать, что на самом деле.

— Что мы и сделаем,— твердо сказал Круачан.— Уже давно у нас не было такого многообещающего объекта. Может, именно его мы искали все эти годы.

— Как бы не было повторения того, что произошло, когда мы в последний раз обнаружили объект с такими данными,— осторожно предупредила Хейтнес, потом указала на новые данные, материализовавшиеся на экране.— Только взгляните на его неврологический потенциал. Помните другого ребенка с такими же данными?

— Конечно, помню,— раздраженно ответил Круачан.— Этого мы не потеряем, как потеряли ту девочку — как же звали это маленькое чудовище?

— Манами,— напомнила ему Ньясса-ли.— Да, если этот мальчик такой же, нам нужно быть предельно осторожными. Я не перенесла бы повторения того опыта.

— Я тоже, откровенно говоря,— признался Круачан.— Наша ошибка заключалась в том, что мы пытались контролировать ее непосредственно. И в результате девочка снова исчезла, а два члена нашего Общества встретили преждевременный конец. И мы по-прежнему не знаем, как она это сделала.

— Мы еще встретимся с ней как-нибудь, когда усовершенствуются наши методы,— холодно сказала Хейтнес.— И поступим с ней соответственно.

— Не уверена, что хочу этого,— заметила Ньясса-ли, глядя на экран.— И хорошо бы помнить, что потенциал Номера Двенадцать теоретически превышает тот, что был у девочки.

— Верно,— согласился Круачан, изучая данные.— Но ясно также, что развивается он значительно медленнее. У нас достаточно времени для того, чтобы справиться с его зреющим Даром — ради нашего блага и блага ребенка, конечно.

— Конечно,— холодно согласилась Хейтнес.— Но я хотела бы знать, как ты собираешься достичь этого. Ты знаешь, каким неуловимым может стать Дар, если его владелец встревожен.

— Да, девочка дала нам убедительные доказательства этого.— Пальцы Ньяссы-ли вызывали все новую информацию на экран.

Из конца комнаты послышалось новое сообщение.

— Брора говорит, что теперь убежден: прибывшие в порт не имеют ничего общего с сельским хозяйством. Они не задержались у отдела сельского хозяйства в правительственном здании; теперь они собрались в подземном помещении.

— Поторопи Брору,— ответил Круачан.— До полуночи нас тут не должно быть.

— Да, сэр,— ответил связист.

— Ты не ответил на мой вопрос,— напомнила Хейтнес рослому мужчине.— Как мы с ним справимся? Если попробуем прямой контроль, как с девочкой, рискуем нарваться на те же последствия. Невозможно предсказать, как будет реагировать объект.

— Вспомни, девочка была еще совсем маленькой, когда мы ее отыскивали. И мы опрометчиво решили, что в таком возрасте она безвредна. Казалось, чего можно ожидать от ребенка такого возраста? Я и не думал, что это обернется против нас.

— Неважно. Важнее то, что он все еще неопытен в использовании своего Дара. Но это делает его и опасным.— Хейтнес указала на числа на экране.— Смотрите. Как бы он ни был неопытен, мы должны обращаться с этим Номером Двенадцатым с крайней осторожностью. Нам нужно какое-то очень сильное сдерживающее средство, достаточное, чтобы приглушить его незрелую эмоциональную реакцию.

Ньясса-ли оглянулась на коллег.

— Но мы не можем ждать.

— В этом я с тобой согласна. Возможно, это наш последний шанс получить контроль над объектом с таким потенциалом. Мы не должны его упустить.

— Я понимаю все эти соображения и весь риск,—

заверил их обоих Круачан. — И не собираюсь пробовать, как мы это делали с девочкой, прямой контроль. Напротив, мы попробуем установить контроль через кого-то, кто, в свою очередь, может контролировать объект. Есть ли кто-нибудь, соответствующий нашим требованиям?

Ньясса-ли снова повернулась к клавиатуре. Последовала пауза, потом она ответила:

— Есть. Объект был куплен на воспитание у правительства престарелой женщиной. Она воспитывает мальчика как своего сына.

— Приемная мать, — рассуждала Хейтнес. — Это не плохо. Трудно рассчитывать на более сильную эмоциональную связь.

В голосе Хейтнес не было тепла. Для нее важно было только одно: успех эксперимента. Она знала, что время Общества подходит к концу: они не знают, когда правительство окончательно с ними расправится. Успех им нужен сейчас, и этот мальчик, возможно, их последний шанс.

— Я вижу пока одно возможное препятствие, — сказал Круачан, обдумывая появившуюся на экране информацию. — Женщина, о которой идет речь, приемная мать, она стара, хотя и здоровье у нее, по-видимому, хорошее. — Он кивнул Ньясса-ли, которая уступила ему место.

Круачан набрал вопрос и нахмурился, когда затребованная информация не появилась на экране.

— Никакой медицинской информации о ней нет. Могут возникнуть затруднения.

Хейтнес равнодушно пожала плечами.

— Неважно, в каком она состоянии. Нам все равно придется действовать.

— Знаю, знаю, — нетерпеливо ответил Круачан. — Решение принято. Мы не отправимся отсюда на планету Проигравших в поисках объекта Номер Пятьдесят Шесть. Напротив, установим постоянный пункт на корабле. И как только убедимся, что избежали преследования, полетим на Мот. У нас будет достаточно времени для проведения операции.

— Необходимо будет изолировать объект от его ма-

тери.— Хейтнес размышляла вслух.— Если сообщение точно, то, учитывая характер Дара объекта, можно предполагать, что он сумеет в определенных географических пределах проследить за своей матерью. Нам нужно время, чтобы без помех...— она только мгновение колебалась...— убедить приемную мать сотрудничать с нами.— Легкая улыбка не изменила выражения ее лица.

Краучан кивнул.

— Это нетрудно организовать. К счастью для нас, Мот заселен редко. Технология там известна, но уровень ее широко варьируется в зависимости от места. Мы соберемся и соберем необходимое оборудование подальше от метрополиса, где находятся объект и его приемная мать, чтобы действовать в обстановке необходимой секретности.

Связист повернулся от коммуникатора и без колебаний прервал его.

— Брора сообщает, что по крайней мере половина недавно прибывших специалистов по сельскому хозяйству вооружены.

— Так, так, так,— с покорным вздохом сказал Краучан. Еще один торопливый переезд, еще один перелет на незнакомую планету.

— Ньясса-ли, позаботься, чтобы вся эта информация была записана на корабле. Хейтнес, ты...

— Я знаю, что нужно делать, Краучан.— Она отвернулась от него и спокойно начала переводить данные в портативный банк.

Связист откинулся и хмуро смотрел на свои приборы.

— Мне нужно как можно больше оборудования переместить на корабль.

— Неважно, Остин,— заверил его Краучан.— На корабле есть дубликат этого оборудования. Мне не больше тебя хочется оставлять здесь что-нибудь.— Он указал на дорогую электронику, которой была уставлена комната.— Однако сейчас у нас нет выбора. Но все же мы обнаружили как раз сейчас нечто очень обнадеживающее. После всех этих лет, похоже, мы обнаружили наиболее перспективного ребенка.

— Это хорошая новость, сэр.— Остин один из не-

многих молодых людей в Обществе Улучшения. Круачан предпочел бы в качестве связиста более зрелого человека, но выбирать не из кого. Остин по крайней мере верен и исполнителен. Не его вина, что в интеллектуальном отношении он уступает первоначальным членам Общества. Но Круачан знал, что такой набор великолепных умов вообще невозможно снова собрать при его жизни.

Разве что... разве что Обществу удастся предъявить убедительное доказательство благородства своих намерений в лице этого объекта. Возможно, этот мальчик и есть нужное доказательство. Необходимо действовать быстро. В последние несколько лет правительство Содружества давало им все меньше и меньше времени для работы. И будущее не предвещает в этом смысле ничего хорошего: старение начинало мешать больше, чем правительство.

Они вдвоем да еще остроглазый Брора, приславший предупреждение, представляют последних выживших из основателей общества. И от них зависит теперь общее дело, подумал Круачан. С этим мальчиком они не должны промахнуться.

И мальчик не должен подвести их.

Глава четвертая

Одиночество никогда раньше не беспокоило Флинкса. Он, конечно, знал, что это такое: оно было с ним всю его короткую жизнь. В прошлом он всегда умел отгородиться от боли, но это ощущение — пустота одиночества — отличалось от одиночества, которое он испытывал раньше. Какая-то физическая реальность была его, вызвала боль в загадочной новой части мозга. И это чувство отличалось не только от его собственного одиночества, но и от одиночества, которое он изредка ощущал в других благодаря своему непредсказуемому Дару.

Вообще опыт был для него настолько нов, что ему не с чем было даже сравнивать. И все же это одиночество:

в этом он уверен. Одиночество и еще что-то, столь же напряженное и понятное — голод. Гнетущая настойчивая жажда пищи.

Чувство исключительно сильное и ничем не осложненное: Флинкс не мог догадаться, каков его источник. Оно настойчиво било в мозг, нисколько не слабея. Никогда раньше чужие эмоции не были так открыты ему, так чисты и ясны. Обычно они давно уже должны были ослабеть, но эти становились не слабее, а сильнее, и ему приходилось напрягаться, чтобы отстраниться от них. Они продолжали биться в него, пока мозг его не сдался, и Флинкс проснулся.

Он потерял глаза. Шел дождь, и через небольшое окно над его кроватью пробивался свет многочисленных лун Мота; каким-то образом ему удавалось проходить сквозь почти непрерывный облачный покров. Флинксу редко приходилось видеть ярко-алый спутник, который называется Пламя, и его многочисленных меньших товарищей. Но он не зря учился и знал, откуда этот свет.

Встав с постели, он неслышно оделся. Неярко горел ночник, освещая кухню и гостиную. Из спальни матушки Мастифф доносился негромкий храп. Чувство одиночества исходит не от нее.

Хоть он и проснулся, чувство не уходило. Значит, это не сон, как он решил вначале. От силы этого ощущения болел затылок; впрочем, физическая боль начала слабеть, но сама эмоция оставалась такой же сильной, как раньше.

Не будя матушку Мастифф, он осмотрел кухню, ванную, узкую кладовку. Неслышно открыл дверь и скользнул в торговое помещение. Ставни плотно закрыты, защищая от непогоды и пришельцев. А знакомый храп составлял успокоительный фон его поисков.

Флинкс превратился в стройного молодого человека чуть ниже среднего роста и приятной внешности. Волосы у него остались прежними, но на смуглой коже ни признака веснушек. Он двигался тихо и грациозно, чему могли бы позавидовать многие гораздо более взрослые и опытные воры рынка. Он мог пройти по комнате, пол которой усеян разбитым стеклом и кусками металла, абсо-

лютно беззвучно. Эту способность, к огорчению матушки Мастифф, он перенял у некоторых наименее почитаемых обитателей Драллара. Но он заверил ее, что это лишь часть его образования. У воров было для этого особое слово «скед», что значило «двигаться как тень». Только рыжие волосы Флинкса заставляли профессиональных воров неодобрительно щелкать языком. Они с удовольствием приняли бы его в свое общество, если бы он решил сделать воровство своей профессией. Но Флинкс мог украсть, только если это совершенно необходимо, да при том только у тех, кто при этом не очень пострадает.

— Я только хочу увеличить свой доход, — сказал он старому специалисту, спросившему его о планах на будущее, — и матушки Мастифф тоже, конечно.

Старый вор рассмеялся, демонстрируя обломанные зубы.

— Понимаю, мальчик. Я сам увеличиваю свой доход таким образом уже пятьдесят лет.

Он и его коллеги не могли поверить, что Флинкс, проявляющий такие способности в лишении других собственности, не хочет сделать это своей профессией, особенно поскольку никаких других перспектив у него нет.

— Ты, наверно, пойдешь в церковь, — насмеялся другой вор, — станешь Первым Советником.

— Духовная жизнь не для меня, — ответил Флинкс. Все при этом рассмеялись.

Неслышно открывая замок задней двери, Флинкс думал о том, что узнал за последние годы. Разумный человек не станет бродить по Драллару ночью, особенно такой влажной и темной. Но он не может снова лечь спать, не найдя источник этой бьющей в него эмоции. Одиночество и голод, голод и одиночество заполняли его сознание тревогой. Кто может излучать двойную эмоцию с такой силой?

В открытую дверь виднелась стена дождя. Вода стекала в эффективную подземную дренажную канализацию Драллара. Флинкс долго стоял у выхода, наблюдая. Неожиданный всплеск эмоций заставил его мигнуть. Это окончательно убедило его. Не ответить на этот призыв — все равно что не подобрать кредитную карточку с тротуара.

— Это юношеское любопытство когда-нибудь причинит тебе настоящие неприятности, мальчик, — не один раз говорила матушка Мастифф. — Помни мое слово.

Что ж, он помнит ее слова. Помнит и никогда не забывает. Он неслышно вернулся в свою маленькую комнату. Сейчас начало лета, и дождь относительно теплый. Флинкс надел плащ; это защитит его от дождя. Потом вернулся в магазин, вышел на улицу и негромко закрыл за собой дверь.

Тусклые огни, как уснувшие светлячки, виднелись в окнах немногих магазинов, где в относительной безопасности развлекались богатые любители ночных прогулок. Но на боковой улице, где размещался магазин матушки Мастифф, из-за закрытых ставнями окон лишь изредка мелькал слабый свет.

Флинкс стоял, исследуя свои ощущения; дождь потопом падал ему на плечи. Что-то подтолкнуло его вправо. Тут узкая щель между магазином матушки Мастифф и магазинчиком старой Маркин, которая сейчас в отпуске на юге; боком он едва может протиснуться в эту щель.

Протиснувшись, он оказался в заднем переулке, отделяющем тылы магазинов от большого общественного здания. Глаза его осматривали лунный ландшафт — горы мусора и отбросов: старые пластиковые упаковки, металлические ящики, контейнеры для хрупких товаров, похожие на соты, множество уже неразличимых предметов. Из-под его ног выбралась пара флермов. Флинкс осторожно поглядывал на них. Он не боялся этих вездесущих флермов, но испытывал к ним опасливое уважение. Эти существа покрыты тонким серебристым мехом, а пасти их полны острых зубов. Толщиной они в большой палец, а длиной в половину руки. Это не черви, а безногие млекопитающие, которые прекрасно приспособились к горам мусора и гниющих остатков, переполняющих все закоулки Драллара. Флинкс слышал ужасные рассказы о стариках и старухах, которые падали пьяными в таких местах, а потом находили только их голые кости.

Впрочем, Флинкс не пьян. Флермы могут больно

укусить, но вообще это опасливые существа, почти слепые, и обычно предпочитают прятаться, когда имеют такую возможность.

Перед магазином темно, но за ним настоящий стигийский мрак. С востока, со стороны главных улиц, виднелся свет, иногда слышался смех. Неподходящая ночь для пирушки. Однако этот огонь позволял ориентироваться, хотя и не давал света для поисков.

Но чувство одиночества исходит не от этого далекого гулянья, не идет оно и от закрытых задних дверей, выходящих в переулок. Источник эмоций, поглощающих Флинкса, где-то недалеко.

Он пошел вперед, осторожно пробираясь между грудами мусора, давая возможность флермам и красносиним жукам-могильщикам убраться с его пути.

И вдруг неожиданный удар обрушился на его настроенный на восприятие мозг. Этот удар заставил его опуститься на колени. Где-то мужчина бьет свою жену. Обычное обстоятельство, но Флинкс уловил его с другого конца города. Женщина испугана и рассержена. Она тянется к игольному пистолету, который держит под подушкой, и направляет крошечный ствол на мужа. Теперь очередь мужчины испугаться. Он умоляет ее, слов Флинкс не слышит, но ощущает поток эмоций, который прерывается бессловным воплем. И затем тишина, которую Флинкс уже распознает как смерть.

Он слышит смех, не от пирующих выше по переулку, но из высокого здания, одного из тех, что возвышаются в богатых пригородах; там селятся богатые купцы. А вот и другое: кто-то собирается крупно надуть других.

Далеко к западу от границ города в лесу — счастье и радость и неустойчивое ощущение появления. Родился ребенок.

Совсем близко, возможно, в одном из соседних магазинов, горячий спор. Недавние партнеры обвиняют друг друга, упоминают счета и подделки. Потом какие-то неясные ощущения из центра города: кто-то замышляет убийство, и неоднократное, но это фантазия, которая посещает почти любого человека, здорового и больного.

И вдруг все эти ощущения исчезают: радость и гнев,

спорщики и любовники, неопределенные мечтатели. Остается только дождь.

Мигая, Флинкс поднялся и неуверенно постоял в переулке. Дождь лился ему на плащ, тек по переулку, пробираясь к центральной дренажной канаве. Флинкс тупо смотрел вдаль, в направлении ночной пирушки. И вдруг четко ощутил у себя в сознании эмоции всех участников этой пирушки; только никакой боли не последовало; была четкость и уверенность.

Он видел женщину, пытающуюся не очень искусно соблазнить мужчину; видел мужчину, задумавшегося над будущим, и другого, размышляющего, как прожить следующий день; чувствовал смех, страх, удовольствие, похоть, восхищение, зависть — весь диапазон человеческих эмоций. Они набросились на него шквалом, угрожая вновь причинить боль, поглотить его...

— ПРЕКРАТИ! — приказал он себе. — Прекрати, спокойней.

Тщательно действуя участком мозга, о существовании которого он до сих пор не подозревал, Флинкс сумел контролировать поток эмоций, грозивший затопить его, — в этих эмоциях он ощущал что-то нечеловеческое. Вслушался и понял, что это эмоции спаривающихся орниторов. Впервые ощутил он нечеловеческие эмоции.

Медленно он начинал все лучше регулировать этот поток, задерживать его так, чтобы его легче было воспринять, отобрать, проанализировать. И тут же все эти эмоции исчезли вместе со всеми остальными, которые доносились к нему со всего города.

Он неуверенно попытался вернуть их. Но как ни напрягал мозг, все как раньше. Мозг пуст, в нем только его собственные чувства. Но и еще одно. Одиночество. Оно по-прежнему здесь, оно грызет. Но чувство это стало менее требовательным, в нем появились какие-то колебания. И голод тоже остался.

Флинкс сделал шаг вперед, другой, третий... какие-то существа разбежались с его дороги, раздвигая пустые контейнеры и канистры, пластик и металл позвякивали в пустом переулке. Флинкс напряженно пытался что-нибудь разглядеть в темноте и пожалел, что не прихва-

тил из магазина фонарик. Он сделал осторожный шаг к груде, готовый отпрыгнуть, если флермы или другие ее обитатели проявят агрессивность.

Это вовсе не флерм. Во-первых, слишком длинный, почти с метр. К тому же толще, хотя ненамного. Флинкс решил, что это змея, населяющая леса умеренного пояса к югу от Драллара. Некоторые из этих змей ядовитые. Иногда они и другие лесные хищники под покровом дождя и темноты пробираются в город поохотиться за мелкими существами, населяющими городские свалки. И иногда, правда, редко, горожане встречаются с такими пришельцами.

Флинкс приблизился к груде, и чувство голода ослабло. Зато усилилось ощущение одиночества; он чуть не отшатнулся, как от физического удара. И был убежден, что чувство исходит от змееподобного существа.

Любопытство — матушка Мاستифф постоянно упрекала его за это — быстро победило осторожность. Флинкс поразился, что такое сильное чувство исходит от существа, низко стоящего на шкале развития. К тому же в этом ощущении не было ярости, никаких признаков опасности. Только одиночество и чувство голода.

Существо снова двинулось. Флинкс видел его красные яркие глаза, блестящие даже в слабом свете перелука. Это не подлинная рептилия, он в этом уверен. Холоднокровное животное в такую прохладную ночь впало бы в летаргию. Это существо движется быстро.

Флинкс шагнул назад, подальше от груды. Существо двинулось за ним. А потом сделало то, чего он никак не ожидал. Ведь змеи не умеют летать.

Цвет складчатых крыльев голубой и розовый, достаточно яркий, чтобы разглядеть даже в полутьме. Нет, змееподобное существо совсем не в летаргии, крылья его забились, придавая существу внешность гигантской пчелы. Да и звук похож. Мгновенным рывком оно опустилось ему на плечо. Флинкс почувствовал, как мускулистые кольца падают ему на шею. Все это произошло слишком быстро, чтобы он успел отскочить.

Но существо не собиралось причинять ему вред. Оно просто сидело, грелось в его тепле и не думало нападать.

Скорость его приближения парализовала Флинкса, но только на мгновение. Потому что как только змея села, все чувство одиночества, все до остатка исчезло. И в то же время Флинкс ощутил такую ясность мысли, какой никогда раньше не испытывал. И кем бы ни было это существо, откуда бы ни явилось, оно не только само успокоилось, но и успокоило своего нового хозяина и дало ему новые силы.

Флинкс ощутил новую эмоцию, исходящую от змеи. Впервые он почувствовал то, что можно назвать умственным эквивалентом мурлыканья. Он не видел разума в этом существе, зато видел кое-что другое. В своем роде эмфатическая коммуникация оказалась столь же выразительной, как речь; больше того, она подобна китайским иероглифам: серия сложных мыслей сжимается в единый символ. Просто и эффективно.

Маленькая стреловидная головка поднялась с плеча Флинкса, маленькие яркие глаза внимательно разглядывали его. Складчатые крылья плотно прижались к телу, придавая существу сходство со змеей. Флинкс смотрел на него, позволяя своим чувствам свободно изливаться.

Существо медленно расслабилось. Мускулистое колыцо, плотно сжимавшее плечо Флинкса, разжалось, теперь существо только держалось на месте. В руке у Флинкса закололо. Он не обращал на это внимания. Голова животного опустилась на плечо Флинкса.

Змея уснула.

Флинкс стоял неподвижно, как ему показалось, целую вечность. Странное привидение, которое послала ему ночь, крепко спало у него на плече, голова его лежала в углублении между плечом и шейным сухожилием. Однажды существо вздрогнуло. Флинкс понимал, что оно не может полностью воспользоваться его теплом, потому что от тела его отделяет плащ. Лучше забрать беднягу внутрь, подумал он, внезапно поняв, что уже долго стоит под дождем. Его новый товарищ нуждается не только в отдыхе, но и в тепле. Он не мог бы объяснить, откуда знает это; но знал так же ясно, как осознавал и собственную усталость.

Флинкс ни на секунду не усомнился в будущем змеи.

Ее присутствие у него на плече и в сознании слишком естественно, чтобы он мог подумать о том, чтобы с ним расстаться. Конечно, если не объявится владелец. Очевидно, это не дикое животное. К тому же Флинкс был достаточно начитан, но если это существо — естественный житель окрестностей Драллара, он о нем ничего не слышал. Он вообще никогда не слышал о таких животных раньше. И если это какое-то ценное домашнее животное, владелец, конечно, рано или поздно придет за ним. Но сейчас змея сирота, каким когда-то был Флинкс. А Флинкс слишком много испытал в своей жизни страданий, чтобы не видеть их у другого, пусть даже у змеи. Пока змея на его попечении, как он сам на попечении матушки Мастифф.

Она захотела в тот далекий первый день узнать его имя.

— Как же я тебя назову? — спросил он вслух. Спящая змея не ответила.

К услугам Флинкса тысячи книг, которые в виде чипов он может взять в Центре Образования. Он прочел сравнительно немного, но среди прочитанного одна особенно ему понравилась. Она была еще из периода до Сообщества, чуть ли не до цивилизации, но это не уменьшило ее воздействия на него. У героев там были странные имена; одного из них звали... как же? Пип, вспомнил он. Взглянул на спящую змею. Отныне это твое имя, если только как-нибудь не узнаем другого.

И он пошел назад в магазин, пытаясь уверить себя, что нечего беспокоиться об этом «как-нибудь», если оно наступит. Но не смог. Потому что, хоть его контакт с этим существом очень краток, он уже ощущал его как бы частью самого себя. И мысль о том, что, возможно, придется возвращать змею какому-нибудь равнодушно-му инопланетянину, показалась ему непереносимой. Он не мог вспомнить, когда с самого младенчества так привязывался к живому существу. Даже матушка Мастифф не воздействовала так на его чувства.

Чувства. Это существо, эта змея понимает его чувства, она понимает, каково испытывать чужие эмоции, когда они непрошенными врываются тебе в мозг и каж-

дую твою минуту превращают в нечто ненормальное. Вот что делает ее такой особенной. Он знает это чувство, и змея знает его. И они больше не индивидуумы, вместе они компоненты одного целого.

— Я не отдам тебя, — решил он в холодном утреннем дожде. Даже если появится какой-нибудь богатый самодовольный инопланетянин и предъявит свои права. Ты принадлежишь мне. Змея продолжала спать, по-видимому, не подозревая о решении, принятом человеком.

Улица перед магазином по-прежнему пустынна. Замок ответил на его ладонь, и Флинкс скользнул внутрь, радуясь возможности уйти от дождя. Тихонько закрыл дверь. Прошел в столовую, где по-прежнему мягко горел ночник. Обеими руками развернул змею. Она не сопротивлялась, когда он снимал ее с плеча. Вдоль ее спины проходил яркий ало-синий узор, соответствующий расцветке крыльев. Брюшко золотистого оттенка, а голова зеленая.

— Прекрасно, — сказал он змее. — Ты прекрасна.

Глаза существа — нет, поправился он, глаза Пипа — сонно приоткрылись. Казалось, Пип ему улыбается. Мысленная улыбка, подумал Флинкс, снимая плащ и вешая его на крюк.

— Где же я тебя буду держать? — прошептал он, оглядывая свою маленькую комнату. Передняя часть дома, торговые помещения, отпадает. У матушки Мастифф, несомненно, есть покупатели, боящиеся змей, и им не понравится присутствие Пипа. К тому же там нет обогрева. И почему-то он был уверен, что матушка Мастифф не станет радоваться, если змея игриво прыгнет на нее из какого-нибудь кухонного шкафа, когда она будет готовить еду.

В его собственной комнате обстановка спартанская: компьютерный терминал, экран для чтения чипов, шкаф для одежды, который он соорудил сам, и кровать. Пожалуй, подойдет шкаф. Флинкс отнес змею к себе в комнату и положил в ногах кровати. Потом уложил на дно шкафа грязную одежду. Пип выглядит чистым, как и большинство чешуйчатых. Флинкс поднял змею и осторожно уложил на эту грудку, стараясь не повредить

нежные крылья. Змея свернулась, очевидно, довольная. Флинкс улыбнулся ей. Улыбался он крайне редко.

— Оставайся здесь, Пип,— прошептал он,— а утром мы стянем тебе чего-нибудь поесть.— Он несколько минут смотрел на змею, и тут на него обрушилась усталость. Зевая, он разделся, поставил ботинки на сушильную плиту и лег. Несколько капель дождя пробрались под плащ. Он стер их с волос, глубоко вздохнул и сразу погрузился в глубокий спокойный сон.

Как только поток умственной энергии человека улегся и змея убедилась, что ее новый симбиот не собирается снова войти в беспокойный период бодрствования, она неслышно развернулась и выползла из шкафа. Неслышно поднялась по ножке кровати, появившись рядом с подушкой.

Здесь животное надолго застыло, разглядывая спящее двуногое. Змея чувствовала себя удобно, ей стало тепло. Голод оставался, но она получила также сигнал о том, что скоро ее накормят.

В кровати тепло — от термоодеяла и от тела симбиота. Змея проползла по подушке, добравшись до затылка человека. И вытянулась, расправляя крылья. Потом удобно свернулась в углублении между плечом и шеей симбиота. Скоро ее мозговые волны приняли такой же вид, как у человека, и она погрузилась в свой вариант сна.

Глава пятая

Матушка Мастифф старалась не разбудить мальчика, пятась из его комнаты. Глаза ее, полные страха, не отрывались от страшного существа рядом с его головой. Невозможно сказать, что оно сделает, если мальчик проснется и напугает его.

Она понятия не имела, как это существо проникло в дом. Но сейчас не время думать об этом. Она подумала о своем пистолете, этом маленьком дамском игольном оружии, которое держит под подушкой. Нет, слишком

рискованно: змея слишком близко к голове мальчика, а она не так хорошо стреляет, как двадцать лет назад.

Возможно, пришелец не опасен. Она не может узнать его. За девяносто с лишним лет жизни на Моте она такого не видела. Во-первых, на теле у него ни признака шерсти. Только чешуя. Это сразу свидетельствует, что животное не местное. Ну, возможно. На Моте есть несколько видов, например, существа, глубоко закапывающиеся в землю, у которых нет шерсти. Но это совсем на них не похоже. Впрочем, она не зоолог и вообще никогда далеко не уезжала из города.

И все же она уверена, что это существо с другой планеты. Что-то невыразимое, она не может сказать, что именно, выдает его. Впрочем, сейчас дело не в этом. А в том, что оно каким-то образом пробралось в комнату мальчика, и ей пора что-нибудь предпринять, пока существо не проснулось и не начало предпринимать само.

Убрать его от мальчика, сказала она себе. По крайней мере от головы. Отогнуть, потом разбудить мальчика, чтобы он побежал и достал из-под подушки револьвер.

Метла в кладовке с металлической рукоятью и проволочной щеткой. Держа ее в руках, она вернулась в комнату мальчика и протянула метлу щетиной вперед. Металлические проволочки уперлись в пришельца.

Змея шевельнулась, раскрыла глаза и посмотрела на матушку Мастифф. Та снова толкнула метлой, на этот раз сильнее, пытаясь просунуть щетину между змеей и шеей мальчика. Змея раскрыла рот, матушка Мастифф инстинктивно отдернула руку, но змея всего лишь зевнула. Все еще сонная, подумала матушка Мастифф. Хорошо, у нее будет замедленная реакция. Снова наклонившись вперед, она резко двинула метлу. Змея развернулась, и женщина впервые увидела ее яркую раскраску.

Она снова толкнула метлой, но змея уже не была в кровати. Она парила в воздухе, крылья ее бились так быстро, что стали неразличимы. Их густое вибрирующее гудение заполнило маленькую комнату. Не зная, что делать дальше, матушка Мастифф попятилась, держа

метлу перед собой. Мальчик проснулся от последнего толчка и сонно посмотрел на нее.

— Мама? В чем дело?

— Тише, не шевелись! — предупредила она. — Не знаю, как эта штука попала в твою комнату, но...

Флинкс быстро сел. Взглянул на парящую змею, впервые увидев ее при дневном свете и восхитившись ее красотой, потом успокаивающе улыбнулся матушке Мастифф.

— Ах, это. Это просто Пип.

Метла качнулась, женщина пристально смотрела на своего воспитанника.

— Ты знаешь, что это?

— Конечно, — жизнерадостно ответил он. — Ну, я... услышал что-то ночью и пошел посмотреть. — Он ткнул пальцем в сторону змеи. — Она была за домом в мусоре, замерзшая и голодная. Эй, она по-прежнему голодна, и...

— Еще бы, — выпалила матушка Мастифф, — и я не позволю какому-нибудь чешуйчатому прожорливому пожирателю падали ползать по моему дому. Убирайся! — крикнула она змее. — Прочь! — И ударила змею метлой — раз, другой, третий, заставив Флинкса уклоняться от этих ударов. Каждый раз змея отскакивала в воздухе, демонстрируя поразительное проворство. Однажды метнулась влево, потом вправо, потом к потолку.

— Не нужно! — закричал Флинкс, сразу встревожившийся. — Она может подумать, что ты хочешь причинить вред мне!

— Ангел-хранитель в чешуе и с глазами-бусинами? Вздор, мальчик, она хорошо знает, в кого я целю.

И правда, змея хорошо понимала, что новое человеческое существо не собирается причинять вред его симбиоту, она чувствовала их взаимную симпатию, теплое отношению друг к другу. Но новый человек не испытывал любви к ней самой, а от жесткой блестящей штуки в тесном помещении увертываться трудно.

— Пожалуйста, мама, — беспокойно упрашивал Флинкс, вскакивая с постели и стаскивая за собой одеяло. — Перестань. Я не знаю, как она будет реагировать.

— Это мы сейчас узнаем, мальчик, — мрачно ответи-

ла она. Ударила метлой, промахнулась, метла отскочила к дальней стене. Матушка Мастифф замахнулась снова.

Змея была терпелива, очень терпелива. Она понимала связь между этими двумя людьми. Но метла загнала ее в угол, а жесткие прутья представляли опасность для тонких крыльев. Змея раскрыла пасть. Послышался негромкий свистящий звук. Вперед устремилась тонкая струя прозрачной жидкости. Она сверкнула на свету и коснулась протянутой щетины. И когда матушка Мастифф отвела метлу, чтобы ударить снова, она услышала отчетливое шипение, но не исходящее от змеи. Она остановилась, нахмурившись, и поняла, что шипит метла. Посмотрела на метлу и увидела, что половина металлических щетинок расплавилась. Что-то пенилось и шипело, методично разъедая метлу и добираясь до ручки.

Она с испуганным выражением выронила метлу, потому что ее металлическая ручка вдруг накалилась докрасна. Жидкость продолжала с шипением поглощать металл. Скоро она покончила со щетиной и принялась разъедать ручку.

— Мальчик, уходи из комнаты, пока есть возможность,— хрипло сказала матушка Мастифф, глядя на змею широко раскрытыми глазами и продолжая пятиться от собственной метлы.— Если она такое может сделать с металлом, кто знает...

Флинкс рассмеялся, потом торопливо прикрыл рот рукой.— Прости, мама,— сказал он виновато.— Дело в том, что Пип не может повредить мне. И только что показал, что не хочет вредить и никому другому.

— Откуда ты знаешь?

— Сам не понимаю,— ответил он удивленно.— Но это правда. Посмотри.— Он протянул левую руку.

— По-прежнему осторожно поглядывая на женщину, которая перекрывала выход, змея приземлилась на предложенный насест. И через мгновение оплела плечо. Потом она расслабилась, сложила крылья и прижала их к блестящему телу.

— Видишь? — Флинкс опустил руку и осторожно погладил змею по голове.— Она мой друг.

— Отвратительно! — фыркнула матушка Мастифф. Наклонившись, она подобрала остатки метлы и осмотрела их. Вся проволока исчезла, исчезли и несколько сантиметров рукоятки. От краев, где продолжал плавиться металл, доносилось зловещее потрескивание, хотя необыкновенная едкая жидкость, по-видимому, истощилась.

Матушка Мастифф показала остатки метлы Флинксу, опасаясь приближаться к змее, лежащей у него на плече.

— Видишь? Представь себе, что будет с твоей кожей.

— Мама, разве ты не понимаешь? — Флинкс говорил с раздражением, с каким иногда молодость относится к старости. — Он защищается, но чувствует, что ты для меня важна, и старается тебя не тронуть.

— Как любезно с его стороны, — сердито ответила матушка Мастифф, к ней вернулась отчасти ее привычная уверенность. — Ну, он не может здесь оставаться.

— Может, — возразил Флинкс.

— Не может. Я не допущу, чтобы такой смертоносный шалун летал и ползал по моему дому. Он всех покупателей распугает.

— Он все время будет со мной, — уговаривал Флинкс. Он продолжал гладить змею по голове. Она довольно закрыла глаза. — Видишь? Он как любое другое домашнее животное. Отвечает на тепло и внимание. — Флинкс скорчил самую печальную и умоляющую гримасу. И она подействовала.

— Ну, от меня ему тепла и внимания не дожидаться, — проворчала матушка Мастифф. — Но если ты так хочешь...

— Я думаю, — добавил Флинкс, подбрасывая дров в огонь, — он будет очень расстроен, если кто-нибудь попробует нас разлучить.

Матушка Мастифф развела руки, признавая свое поражение.

— О, Боже, ну почему это не обычное домашнее животное, кошка или санифф? Что ест это маленькое чудовище?

— Не знаю, — признался Флинкс, вспоминая голод, который почувствовал ночью, и решив немедленно что-

нибудь предпринять. Он сам был голоден и лучше многих других понимал значение этого слова.— Разве змеи обычно не хищники?

— Этот очень похож на хищника,— сказала она.

Флинкс, наклонившись, осторожно провел пальцем вдоль края пасти змеи, заставляя ее раскрыться. Змея открыла один глаз и с любопытством поглядела на него, но не возражала против вмешательства. Матушка Мاستифф затаила дыхание.

Флинкс осмотрел пасть.

— Зубы такие маленькие, что я не могу сказать.

— Вероятно, она глотает пищу целиком,— сказала матушка Мастифф.— Я слышала, так поступают все змеи, хотя это не обычная змея и я не стала бы ничего утверждать ни о ней самой, ни о ее диете.

— Я узнаю,— заверил ее Флинкс.— Если тебе сегодня не нужна в магазине помощь...

— Помощь, ха! Нет, иди, куда хочешь. Только убедись, что эта штука уходит с тобой.

— Я поношу ее по рынку,— возбужденно сказал Флинкс.— Может, кто-нибудь узнает и скажет, что это. Наверно, кто-нибудь видел таких.

— Я бы не стала на это ставить, мальчик. Она скорее всего с другой планеты.

— Я тоже так думал. Разве это не интересно? Как же она сюда попала?

— Наверно, принес кто-то, злой на меня,— негромко сказала матушка Мастифф. Потом громче: — Трудно сказать. Это редкое животное, и его владелец обязательно объявится.

— Посмотрим.— Флинкс знал, что змея останется там, где она сейчас, на его плече. И это правильно. Он постоянно чувствовал волну удовлетворения от нее.

— И я узнаю, что она ест,— добавил он.

— Давай. Кстати, задержись с ней и на вечер. Ко мне придут к ужину важные покупатели. Их направила Торговая Ассоциация, их интересуют некоторые наши крупные предметы, вроде стола из мирвуда. Так что забирай эту штуку,— она указала дрожащим пальцем на змею,— и не возвращайся раньше десяти. Тогда я поду-

маю, впустить ли вас снова в мой дом.

— Да, мама, спасибо.— Он подбежал, чтобы поцеловать ее. Она попятилась.

— Не подходи ко мне, мальчик. Пока это чудовище спит у тебя на руке.

— Он тебе не повредит, мама. Правда.

— Я была бы увереннее, если бы об этом сказала и сама змея. Теперь иди, убирайся, чтобы я вас обоих не видела. Если нам повезет, у нее проснется инстинкт дома и она улетит.

Но Пип не улетел. И не проявлял никаких признаков, что хочет отправиться куда-то в другое место Сообщества. Оставался на плече мальчика.

Бродя по рынку, Флинкс поразился: его способность чувствовать эмоции других многократно усилилась, хотя не было больше таких изолированных взрывов, как накануне ночью. Восприимчивость усилилась как по напряжению, так и по ясности, однако оставалась такой же непредсказуемой, как и раньше. Флинкс подозревал, что его новый любимец имеет какое-то отношение к этой перемене, но понятия не имел, как тот действует, как вообще не понимал действия своего Дара.

Если бы найти кого-нибудь, кто опознает змею! Конечно, он мог бы запросить информацию через свой домашний терминал, но все запросы автоматически регистрируются в Центре, и он опасался, что запрос о таком редком животном вызовет любопытство властей. Флинкс предпочитал не действовать по официальным каналам. Он усвоил мнение матушки Мاستифф о правительственных чиновниках, которая располагала их где-то между плесенью и флермами, населяющими захламленные переулки.

Теперь Флинкс знал многих постоянных обитателей рынка. Он всех расспрашивал о своем любимце. Некоторые смотрели на змею с любопытством, другие со страхом, кое-кто с равнодушием. Но никто не смог узнать ее.

— Спроси Миротворца,— предложил один из торговцев вразнос.— Он много летал по планетам. Может, он узнает.

Флинкс отыскал старого солдата на углу боковой

улицы вместе с несколькими стариками-приятелями. Все они пенсионеры. Многие иммигранты выбирают Мот не из любви к его влажному климату, а потому что жизнь здесь относительно дешева, не говоря уже о снисходительности местной полиции. На Моте никто не спрашивает, каков источник пенсии. Для некоторых товарищей Миротворца это очень серьезное преимущество.

Другие старики и старухи разглядывали змею с обычным любопытством, но Миротворец встретил ее с гораздо большим энтузиазмом.

— Будь благословен остаток моей души, — пробормотал он, наклонившись поближе — но не слишком, как заметил Флинкс, — чтобы разглядеть получше. Пип с любопытством поднял голову, словно ощутил кого-то отклоняющегося от нормы среди этих двуногих.

— Ты знаешь, что это? — с надеждой спросил Флинкс.

— Да, парень. У него ведь вот эти бугорки на боках — это крылья? — Флинкс кивнул. — Тогда это аляспинианский миниатюрный дракон.

Флинкс улыбнулся сначала старику, потом Пипу.

— Вот кто ты такой.

Змея посмотрела на него, словно хотела сказать:

— Я-то знаю, кто я, а тебе все очевидное кажется таким замечательным?

— Я считал драконов сказочными существами, — сказал Флинкс Миротворцу.

— Это правда. Его так называли только из-за сходства, Флинкс.

— Ты, наверно, знаешь, что он плюется разъедающей жидкостью? — продолжал Флинкс.

— Разъедающей! — Старик зрило захохотал, хлопая себя по ногам и поглядывая на слушателей. — Он говорит — разъедающей! — И он снова посмотрел на Флинкса.

— В яде минидракона какие-то химические соединения, моя старая голова не может их припомнить. Я ведь военный инженер. Биохимия никогда не относилась к моим любимым предметам. Мне привычнее математические термины, чем биологические. Но кое-что могу тебе

рассказать, потому что сам бывал на Аляспине.— Он указал на змею, которая неуверенно отклонила голову.— Если эта штука плюнет тебе в глаз, ты с минуту покорчишься на траве и умрешь.

— Я вспоминаю, что для некоторых аляспинианских ядов не существует противоядий, а у твоего минидрага самый сильный из них. Разъедающий неврологический яд. Разве можно такое забыть? Ты знаешь, значит, что он разъедает?

Флинкс представил себе метлу, металл которой таял, как масло на горячем ноже. Он кивнул.

— Постарайся никогда не убедиться в этом лично, парень. Я слышал, что их держат как домашних животных, но это бывает очень редко. Видишь ли, решение о совместной жизни всегда принимает змея. Будущий владелец в этом смысле не имеет права голоса. Их невозможно приручить. Они выбирают сами.— Он указал на плечо Флинкса.— Похоже, этот выбрал тебя.

— Я этому рад,— ответил Флинкс.— Мне кажется, что он тут и должен быть.

— Каждому свое,— заметила с легкой дрожью одна из старух. Остальные одобрительно закивали.

— Есть кое-что еще.— Старый солдат хмурился, пытаясь вспомнить то, что знал когда-то давно.— Ты сказал «он тут и должен быть», и я вспомнил. Говорят, у этих змей странные способности. Я не могу сказать точно, я ведь передаю только слухи, в чипах не читал. Но говорят.

— Что говорят? — спросил Флинкс, стараясь не казаться слишком встревоженным.

— Говорят, эти змеи эмфаты. Знаешь, что это? Телепатии на эмоциональном уровне.— Он почесал голову.— Много говорили, но будь я проклят, если могу вспомнить.

— Очень интересно,— равнодушно сказал Флинкс,— но маловероятно.

— Да, я тоже так всегда считал,— согласился Миротворец.— Ты, конечно, ничего такого в нем не заметил?

— Ничего.— Флинкс отлично умел принимать выражение полной невинности.— Спасибо за то, что потра-

тили на меня время, мистер Миротворец, сэр.

— С радостью, мальчик. Старые знания умирают, если ими не пользуются. Ты поосторожнее с этой штукой. Это не санифф, она может обернуться против тебя.

— Я буду осторожен,— ответил Флинкс. Он повернулся и ушел под смешки стариков.

Миротворец потирал подбородок, глядя ему вслед.

— Странно. Откуда взялся этот маленький дьявол? Мы очень далеко от Аляспина. Мне вспомнилось время...

Флинкс взглянул на свое плечо.

— Значит, ты ядовитый? Ну, можно было догадаться по утреннему представлению с метлой матушки. Если плюнешь мне в глаз, я плюну тебе.

Змея не ответила на его предложение. Несколько мгновений смотрела на него, потом повернула голову и принялась разглядывать улицу; очевидно, окружающее интересовало ее больше, чем непонятные слова хозяина.

Наверно, у миниатюрного дракона нет чувства юмора, решил Флинкс. Но у него будет возможность познакомиться с ним поближе. Теперь он по крайней мере знает, кто его любимец. Заглядывая за край плаща, он думал, где родина этого дракона. Аляспин назвал ее Миротворец. И сказал, что она очень далеко.

Он поднял увлажненное утренним туманом лицо. Облака сегодня кажутся выше, чем обычно. Если повеет, они не опустятся до вечера и он сможет взглянуть на разорванные ледяные кольца Мота, на луну Пламя и, конечно, на звезды.

Когда-нибудь, подумал он, когда-нибудь я улечу далеко, в те места, где бывал Миротворец и другие. Когда-нибудь я уйду с этого маленького влажного мира и отправлюсь путешествовать. Я буду свободным взрослым, меня ничто не будет связывать, на мне не будет никакой ответственности. Я буду жить спокойной простой жизнью, полной удовольствий. Он взглянул на своего нового товарища. Может, когда-нибудь мы даже слетаем на родную планету змея, на этот Аляспин, где бы он ни был.

Ну, еще бы, с горечью подумал он. Надо быть реали-

стом, как говорит матушка Мастифф. Ты застрял здесь навсегда. Мот твой дом, и здесь ты проведешь всю жизнь. И считай, что тебе повезло. У тебя есть заботливая мать, теплый дом, пища...

Пища. Змея голоднее, чем вчера.

— Пожалуй, пора тебя покормить,— сказал он Пипу, который посмотрел на него со свежим интересом.

Флинкс проверил свою кредитную карточку. Не очень много денег. Да и никогда много не было. Ну, он справится. Беда в том, что он понятия не имеет, что едят аляспинианские минидраги.

— Интересно, что бы тебя устроило,— сказал он вслух. Змея не ответила.— Если обязательно живая пища, то, думаю, я мало чем могу тебе помочь. Ну, ладно, попробуем сначала это.

И Флинкс направился в хорошо известный ему магазин. В большинстве магазинов и у киосков никого не было: время обеда. Оказалось, что пища для минидрага — совсем не проблема. К удивлению Флинкса, летающая змея оказалась всеядной. Она ела почти все, что он перед ней ставил, но, казалось, предпочитает сырое мясо. Флинкс нарезал мясо маленькими кубиками, и змея заглатывала из целиком. Флинкс и сам немного поел. В трудные времена они с матушкой Мастифф могли обходиться и меньшим.

Пипу нравились все фрукты и ягоды, но от овощей он отказался. Еще кое-что общее, подумал Флинкс. Странно, но змея даже лакала молоко. Флинкс теперь был уверен, что сможет кормить своего любимца достаточно разнообразно. Может, тот даже обойдется остатками пищи людей. И это ослабит враждебность матушки Мастифф. Проводя дальнейшие эксперименты, Флинкс обнаружил, что змее особенно нравится пища с высоким содержанием железа, вроде изюма и некоторых сортов рыбы. Если бы он был биохимиком и имел соответствующее оборудование, он обнаружил бы, что в крови минидрагов содержится необыкновенно большое количество гемоглобина, который снабжает организм кислородом. А его нужно много, чтобы поддерживать полет, как у колибри.

Когда Пип раздулся вдвое больше своего обычного диаметра, Флинкс перестал скармливать ему новую пищу. Он сидел, прихлебывал подогретое вино, и смотрел, как загораются огни города. Не так-то уж плохо и здесь провести жизнь, вынужден был он согласиться. Драллар не бывает скучен, а теперь у Флинкса есть и товарищ, с кем можно делиться ощущениями.

Да, летающая змея заполнила пустоту в его жизни и какую-то загадочную глубоко скрытую часть его существа. Но он по-прежнему стремился к звездам и таинственным планетам вокруг них.

Будь реалистом, приказал он себе.

Он помахал знакомым, входившим в ресторан. Мужчины и женщины старше его самого. Иногда матушка Мастифф беспокоилась, что он предпочитает общество взрослых своим ровесникам. Но он ничего не мог сделать. Он не против общения, просто тщательно выбирает себе друзей. И незрелость собственного возраста влекла его в общество взрослых.

Когда группа знакомых со смехом и шутками огибала угол, до него донеслась беглая эмоция одного из них. Флинкс попытался ухватиться за нее, но она исчезла. Он снова сел за стол, вино привело его в задумчивое настроение. Лучше вообще не иметь Дара, подумал он, чем такой невообразимый Дар, который только издевается над ним.

Он оплатил скромный счет, сунув карточку в щель в центральном столбике стола. Начинался вечерний дождь. Пип удобно устроился у него на плече под плащом, выставив только голову. Он был сыт и доволен. Еще бы — после всего съеденного, подумал Флинкс, с любовью глядя на него.

Дождь превратил бриллиантовые чешуйки на голове змеи в крохотные драгоценности. Влага, казалось, совсем не беспокоит ее. Интересно, подумал Флинкс. Может, Аляспин тоже влажная планета? Надо было спросить Миротворца. Наверно, он знает. Люди, которым повезло побывать в путешествиях, многое знают.

Неожиданно жгучий, острый взрыв эмоций — как неожиданный сильный удар молотком — от силы этого

удара Флинкс согнулся вдвое. Как будто в его голове раздался беззвучный крик. Флинкс слышал не сам крик, он слышал, чувствовал обнаженные эмоции, скрывающиеся за таким криком. Ничего подобного он не испытывал раньше, и все это ощущение болезненно знакомо ему.

Прохожий остановился и участливо спросил согнувшегося юношу:

— Ты здоров, сынок? Ты...— тут он кое-что заметил и попятился.

— Все... все в порядке,— выдохнул Флинкс. Он видел, что заставило встречного отскочить. Пип мгновение назад крепко спал на плече хозяина. Теперь змея проснулась, ее голова и шея, как чешуйчатый перископ, торчали из плаща, минидраг, казалось, высматривает в ночи нечто невидимое.

И тут беззвучный крик затих, голова Флинкса опустела. Но он успел кое в чем разобраться.

— Послушай, сынок, если тебе нужна помощь, я...— Но Флинкс не стал дожидаться продолжения. Он уже бежал по улице изо всех сил. Плащ раздувался, башмаки разбрызгивали лужи на стены и прохожих. Он не останавливался, чтобы извиниться, и не замечал брани.

И вот он поворачивает на знакомую улицу. Сердце его колотилось, легкие раздувались. На улице ничего не изменилось, однако здесь произошло насилие, и он это ощутил. Большинство магазинов уже закрыты на ночь. Ни одного человека не видно.

— Мама! — закричал он.— Матушка Мастифф! — Он приложил ладонь к замку, замок загудел, но дверь не открылась: заперта изнутри.

— Мама Мастифф, открой! Это я, Флинкс! — Никакого ответа изнутри.

Пип плясал у него на плече, наполовину поднявшись в воздух. Флинкс отошел на десяток шагов от двери, потом навалился с разбегу изо всех сил, одновременно ударив ногой, как учил его Миротворец. Дверь распахнулась внутрь. Она была закрыта не на сам замок, только на задвижку.

Флинкс пригнулся, быстро осматриваясь. Пип снова

сел ему на плечо, но голова его поворачивалась из стороны в сторону, словно он разделял тревогу и озабоченность хозяйина.

В магазине все как обычно. Флинкс прошел вперед и попробовал внутреннюю дверь. Она открылась при его прикосновении. Внутри хаос. На кухне разбросана посуда и припасы. На полу одежда и другие личные вещи. Флинкс перешел из кухни в свою комнату и наконец в спальню матушки Мاستифф, уже зная, что обнаружит.

Больше всего беспорядка в ее комнате. Кровать выглядит так, словно на ней произошло убийство или какая-то беспорядочная оргия. За кроватью, невидная постороннему взгляду скрывается дверь. Мало кто из посетителей, даже с острым взглядом, заметил бы ее. Она позволяет только протиснуться человеку.

Теперь она открыта и из нее дует холодный ветер.

Флинкс опустился на колени и протиснулся в дверь. Он прополз в переулочек и встал. Дождь сменился туманом. Никаких следов, что в переулке произошло что-то необычное. Весь хаос за ним и у него внутри.

Повернувшись, он пробежал два-три шага на север, но остановился. Постоял, отдуваясь. Он бежал долго и быстро, но опоздал. Никого в переулке не видно.

Медленно, подавленно он вернулся в магазин. Почему, спрашивал он себя. Почему это произошло со мной? Кто может похитить такую безвредную старую женщину, как матушка Мастифф? Чем дольше он думал, тем бессмысленнее это ему казалось.

Он заставил себя осмотреть дом. Ничего не пропало. Все товары на месте. Значит, это не воры. Что же тогда? Если бы не ясные свидетельства борьбы, он вообще ничего бы не заподозрил.

Нет, напомнил он себе, это не совсем так. Дверной замок не работает. И потребовалась бы половина всех воров Драллара, чтобы вытащить матушку Мастифф через переднюю дверь. Он вторично подумал о ворах, зная, что не останется здесь надолго. Полный мрачных мыслей и опасений, он принялся чинить замок.

Глава шестая

— Псст! Мальчик! Флинкс!

Флинкс приоткрыл дверь и выглянул в темноту. Человек, который обратился к нему, владеет небольшим магазином через два дома от матушки Мастифф; он торгует изделиями из твердого дерева, которыми славится Мот. Флинкс хорошо его знал и потому вышел к нему.

— Здравствуй, Аррапкха.— Он внимательно вглядывался в лицо торговца, но его закрывал капюшон плаща. А в сознании он ничего не испытывал. Какой замечательный и удивительный Дар, саркастически подумал он.

— Что здесь произошло? Ты что-нибудь видел?

— Я бы иначе не пришел.— Аррапкха обеспокоенно посмотрел вдоль улицы, на перекресток ее с более оживленной главной авеню.— Знаешь, как говорят в Дралларе. Лучшее дело — заниматься своим делом.

— Не нужно проповедей, друг,— нетерпеливо сказал Флинкс.— Ты много лет живешь рядом с моей матерью и знаешь меня с детства. Где она?

— Не знаю.— Аррапкха замолчал, собираясь с мыслями. Флинкс сдержал свое беспокойство и постарался быть с ним терпеливым: Аррапкха не очень быстр умом, но он хороший человек.

— Я как раз работал за своим токарным станком и был доволен. Только что продал два стула программисту из пригорода Велтер и подсчитывал прибыль, когда мне показалось, что я слышу какие-то звуки из вашего дома.— Он слегка улыбнулся.— Вначале я ничего такого не подумал. Ты ведь знаешь свою мать. Она из-за ничего может поднять крик, и тогда прибегут из магазинов на авеню.

— Ну, я закончил ножку для бройи, отличное будет изделие из древесины харпберри шестой номер...

— Да, конечно,— нетерпеливо сказал Флинкс,— я уверен, что получится прекрасно, но что с матушкой Мастифф?

— Я к этому как раз перехожу, Флинкс,— ответил

Аррапкха.— Как я сказал, я закончил ножку, и так как шум продолжался, мне стало любопытно. Даже для твоей матери это слишком долго. Поэтому я на время оставил свою работу и подумал, что стоит взглянуть, что там происходит. Я иногда думаю о твоей матери.

— И вот когда я был уже на полпути к твоему дому, шум внезапно прекратился. Я уже хотел вернуться, когда кое-что увидел. Вернее, мне показалось, что увидел.— Он указал на узкую щель, отделяющую магазин матушки Мастифф от соседнего пустующего магазина.

— Вот сквозь этот проход я увидел какис-то фигуры в переулке за вашим домом. Но я не уверен. Отверстие слишком маленькое, шел дождь, и вообще там сзади темно. Но все же я видел несколько фигур.

— Сколько? — спросил Флинкс.— Две, три?

— Не могу точно сказать,— печально признался Аррапкха.— Вообще не могу сказать, люди ли это. Но их было больше двух. Однако немного. Впрочем, я, может, не всех видел.

— Ну, я тогда пошел к двери и позвонил. Ответа не было, внутри тихо, дверь закрыта, так что я больше об этом не думал. Не было причины связывать эти фигуры в переулке с твоей матерью. Вспомни, шум я слышал из магазина.

— Становилось темнее, и я начал беспокоиться. Магазин оставался закрыт. Не похоже на матушку Мастифф не открываться целый день. Но ведь у нее пищеварение не то, что раньше, и печень иногда дает себя знать. Слишком много желчи. Она не раз ругала свои внутренности.

— Да, знаю,— сказал Флинкс.— Я много раз слышал ее жалобы.

— И я решил, что лучше не вмешиваться. Но ведь я знаю вас обоих очень давно, Флинкс, мальчик, и когда увидел тебя, решил, что должен рассказать, что видел. Теперь мне ясно, что нужно было тогда поинтересоваться серьезней.— Он постучал себя по голове.— Прости. Ты знаешь, я не самый умный человек на рынке.

— Все в порядке, Аррапкха. Тебе не в чем себя винить.— Флинкс долго стоял в тумане, молчал и напряженно размышлял.

Аррапкха нерешительно вмешался в его рассуждения.

— Мне очень жаль, Флинкс, мальчик. Если я могу чем-то помочь, если тебе негде переночевать, добро пожаловать ко мне — даже с этим твоим дьяволом на плече.

— Я много ночей провел сам по себе, — ответил Флинкс, — но спасибо за предложение. И за помощь. По крайней мере теперь я лучше представляю себе, что происходило, хотя не понимаю, почему. Не видел ли ты среди этих фигур матушку Мاستифф? Ее нет в доме.

— Я так и подумал по твоему виду и словам. Нет, не могу сказать, что она была среди них. Я видел только смутные фигуры, похожие на человеческие. Они во всяком случае передвигались как люди. Но с трудом.

— Может, они несли ее?

— Может быть, Флинкс, мальчик, может быть. Но она не пошла бы с незнакомцами, не оставив тебе записки.

— Да, не пошла бы, — согласился Флинкс, — а если ушла с ними, то не потому, что они ее друзья. В доме все вверх дном. Она не пошла с ними безропотно.

— Значит, ее по какой-то причине похитили, — согласился Аррапкха. — Пятьдесят лет назад я понял бы причину. Она была тогда красавица, матушка Мастифф, но годы ее не украсили. И тогда она не была покорной. Всегда сильная женщина, жесткая, но привлекательная. Но то, что случилось с ней сейчас... — Он покачал головой. — Загадка. У нее много денег?

Флинкс быстро покачал головой.

— Гм. Я так и думал. Может, она кому-нибудь должна много?

— Она должна многим, но не крупные суммы, — ответил Флинкс. — Она мне никогда об этом не говорила, и я никаких разговоров не слышал.

— Тогда я не понимаю, — серьезно сказал Аррапкха.

— Я тоже, друг.

— Может, кто-нибудь захотел побеседовать с ней наедине, — предположил Аррапкха, — и утром она вернется?

Флинкс вторично покачал головой.

— Я думаю, что она пошла не по своей воле, и ей поэтому не разрешат вернуться. Но она всегда говорила мне, что нельзя сидеть и тупо смотреть на необъяснимое — нужно стараться найти ответ. И если она придет домой завтра утром, я бы хотел встретить ее на полпути.

— Значит, ты решил пойти за ней? — Густые брови Аррапкхи поднялись.

— А что еще мне делать?

— Можешь подождать. Ты хороший мальчик, Флинкс. — Аррапкха махнул в сторону авеню. — И все на рынке так же считают. Если решишь подождать, у тебя не будет недостатка в еде и месте для ночлега. Ты молод, а молодежь слишком легко тревожится.

— Прости, Аррапкха. Я знаю, ты желаешь мне добра, но я просто не могу сидеть и ждать. Мне все время кажется, что я зря трачу свое и, что еще важнее, ее время. У матушки Мاستифф немного времени осталось.

— А что, если ее время, прошу прощения, вообще кончилось? — спросил Аррапкха. Тактичность и нежность не в ходу на рынке. — Неужели ты вяжешься во что-то опасное?

— Я должен знать. Должен пойти за ней и узнать, не могу ли помочь.

— Не понимаю, — печально сказал Аррапкха. — Ты умный молодой человек, намного умнее меня. Зачем рисковать? Она не хотела бы этого, ты знаешь. Она ведь на самом деле не твоя мать.

— Мать или не мать, — ответил Флинкс, — она единственная мать, которую я знаю. Дело не просто в биологии, Аррапкха. Годы с ней меня многому научили.

Аррапкха кивнул.

— Я так и думал, что ты что-нибудь такое скажешь, Флинкс, мальчик. Ну, что ж, могу только пожелать тебе удачи. Все, что могу дать. У тебя есть деньги?

— Немного, на карточке.

— Если нужно больше, я могу перевести. — Аррапкха достал свою карточку.

— Нет, во всяком случае не сейчас. Может, помощь понадобится позже. — Флинкс широко улыбнулся. — Ты

хороший друг, Аррапкха. Твоя дружба так же прочна, как твердое дерево твоих изделий.— Он повернулся.— Ты видел, в какую сторону двинулись эти фигуры?

— Немного для начала.— Аррапкха указал на север.— Вот сюда, вверх по переулку. Но они могли в любое время свернуть. И в такую погоду,— он указал на низко нависшие тучи,— никакого следа не останется.

— Может быть,— согласился Флинкс.— Посмотрим.

— Да, Флинкс, мальчик, вижу, ты настроен решительно. Ну тогда желаю тебе удачи.— Он повернулся и пошел через улицу к своему магазину, плотно закутавшись в плащ.

Флинкс подождал, пока дождь не поглотил соседа, потом вернулся в дом и закрыл за собой дверь. Мрачно побродил по жилым комнатам, поднимая вещи и расставляя их по местам. Вскоре он оказался в комнате матушки Мاستифф. Сел на кровать и посмотрел на дверь, ведущую в переулок.

— Ну, что ты думаешь, Пип? Куда она ушла, кто увел ее и почему? И как мне ее найти? Я даже не знаю, с чего начать.

Он закрыл глаза, напрягся, попытался нащупать эмоции, которые, он знал, она испытывает, куда бы ее ни увели. Ничего не почувствовал. Ничего от матушки Мастифф, ничего вообще. Его Дар насмехается над ним. Он начал прибираться в ее спальне, надеясь, что прикосновение к знакомым предметам пробудит что-нибудь в мозгу. Что-нибудь, что угодно, лишь бы иметь начало. Пип соскользнул с плеча и улегся на кровать, играя с простынями и покрывалами.

Флинкс заметил, что в единственном шкафу кое-чего не хватает. Похитители, по-видимому, намерены держать ее какое-то время. Это немного подбодрило его: они не стали бы заботиться об одежде, если бы хотели убить ее.

Пип перебрался с кровати на ночной столик и извивался среди бутылочек и коробочек на нем.

— Не нужно, Пип, ты что-нибудь разобьешь. Достаточно беспорядка на сегодня.

Раздражение в его голосе было вызвано тревогой,

а не заботой о порядке. Пока что минидраг ничего не разбил.

Пип прореагировал, но не на упрек хозяина. Змея расправила крылья и полетела к узкому выходу. Повисла там, глядя на хозяина. Флинкс смотрел на своего любимца, тот вернулся к столику, обернулся вокруг одной бутылочки, снова развернулся, полетел назад.

Нерешительность покинула Флинкса, он встал и подошел к столику. Маленькая пластмассовая бутылочка, привлекавшая внимание Пипа, раскрыта. Обычно в ней находилось сто граммов дешевых духов, которые очень любила матушка Мастифф. Но теперь бутылочка пуста.

Итак, матушка Мастифф сохранила достаточно присутствия духа, чтобы вспомнить, что жандармерия Драллара использует специальных служебных животных. Впервые у Флинкса появилась слабая надежда. Эти животные способны взять след даже в постоянной влажности Мота.

А что если аляспинианский минидраг обладает такой же способностью?.. Может, он неправильно понял действия летающей змеи?

— Пип?

Летающая змея, по-видимому, поняла значение упоминания своего имени, потому что тут же поднялась в воздух и направилась в проход. Флинкс опустил на четвереньки и пополз за ней. Через несколько секунд он снова оказался в переулке. Поднявшись, он поискал своего любимца. Змея двигалась на восток и почти исчезла из виду.

— Пип, подожди! — Змея послушно остановилась, висела в воздухе, пока хозяин не поравнялся с ней. И снова полетела по переулку.

Флинкс побежал. Он отличный бегун и находился в хорошей форме, которой всегда гордился. Он решил следовать за змеей, пока та не остановится.

Каждое мгновение он ожидал, что змея повиснет возле одного из многочисленных безликих зданий, которыми усеян торговый район Драллара. Но минидраг продолжал двигаться по переулкам и улицам и ни разу не усомнился в направлении. Скоро Флинкс понял, что

начинает уставать. Каждый раз как он останавливался, змея нетерпеливо ждала, пока хозяин не поравняется с ней.

Драллар — самый большой город Мота, но это деревня по сравнению с огромными городами Терры или подземными комплексами Хайвхоума и Эвории, так что Флинкс не удивился, когда Пип неожиданно замедлил движение. Они достигли северо-западной окраины метрополиса. Здесь здания не нужно уже было строить рядом друг с другом. Повсюду были разбросаны небольшие склады, и жилые дома из дерева и пластика начинали сливаться с первыми группами деревьев вечнозеленого леса. Пип задержался у деревьев, он беспокойно летал кругами, поднимался до вершин. Не обращал внимания на призывы и просьбы Флинкса. Наконец он снизился и сел на свое привычное место на плече хозяина.

Поворачиваясь, Флинкс пытался уловить хотя бы слабые эмоции. Но снова потерпел неудачу. Казалось очевидным, что похитители матушки Мاستифф исчезли в лесу, а запах, который привел Пипа сюда, окончательно растворился в дожде и тумане. На более сухой планете или в немногих пустынях Мота, вероятно, было бы по-другому, но сейчас Пип встал в тупик.

После недолгих размышлений Флинкс пошел в сторону от леса. Поблизости, помимо складов и жилых домов, виднелось несколько промышленных предприятий, включая две вездесущие лесопилки, которые окружают город и дают самую известную продукцию Мота. Флинкс побродил между ними, пока на одной из улиц не нашел будку связи. Он вошел в нее и закрыл за собой дверь из древесины спанды. Эта древесина сохраняет свойство расширяться, даже после обработки. Дверь защитила его от непогоды, а вентиляционные мембраны не дадут задохнуться. Он достал свою изношенную кредитную карточку и вставил в приемную щель, потом нажал кнопку. На небольшом экране появилась приятная женщина средних лет.

— Да, сэр. Чем могу быть полезна?

— Есть ли в муниципалитете Драллара отдел поиска пропавших без вести?

— Минутку, пожалуйста.— Наступила небольшая пауза. Женщина просматривала указатель.— Человек или чужак?

— Человек.

— Местный или приезжий?

— Местный.

— Хотите соединиться?

— Да, спасибо.— Женщина продолжала смотреть на него, и Флинкс решил, что ее заинтересовала змея у него на плече. Наконец экран погас, потом загорелся снова.

На этот раз на него смотрел мужчина, лысый и ску чающий. Возраст его сложно определить, а отношение трудно назвать вежливым. Флинкс никогда не любил чиновников.

— Ну, в чем дело?

— Вчера ночью или рано утром,— начал Флинкс; в своем лихорадочном беге по улицам он потерял представление о времени,— я... исчезла моя мать. Сосед видел, как за нашим домом по переулку пробежали какие-то люди, а в нашем доме все перевернуто. Не знаю, как искать ее. Я думаю, что ее увели из города на северо-запад, но не могу быть уверен.

Мужчина чуть оживился, хотя в голосе его звучало сомнение.

— Понятно. Но это скорее дело полиции, а не нашего отдела.

— Не обязательно,— ответил Флинкс,— если вы меня поймете.

— Ага.— Человек понимающе улыбнулся.— Минутку. Сейчас посмотрю.— Он нажал клавишу, не видную Флинксу.— Да, прошлой ночью совершенно несколько арестов, среди арестованных есть и женщины. Сколько лет вашей матери?

— Около ста,— ответил Флинкс,— но она еще очень бодра.

— Ну, вряд ли она среди этих,— ответил чиновник.— Имя?

Флинкс заколебался.

— Я всегда называл ее матушка Мастифф.

Человек нахмурился и снова взглянул на не видные Флинксу данные.

— Мастифф — это ее имя или фамилия? Я полагаю, «матушка» — просто почетное обращение.

Флинкс тупо смотрел на чиновника. Неожиданно он понял, что в его знаниях большой пробел.

— Не... не знаю.

Лицо бюрократа стало каменным.

— Это что, шутка, молодой человек?

— Нет, сэр,— поторопился заверить его Флинкс,— это не шутка. Я говорю правду. Просто не знаю. Она моя приемная мать.

— Ага,— клерк что-то пробормотал.— Ну, какова же ваша фамилия?

— Я...— К своему величайшему удивлению, Флинкс понял, что плачет. Такого с ним никогда не бывало, не получалось. Теперь же, когда ему это меньше всего нужно, он заплакал.

Но на чиновника, однако, слезы подействовали.

— Послушайте, молодой человек, я не хотел вас расстраивать. Могу вам только сообщить, что женщины такого возраста среди арестованных прошлой ночью нет. И вообще среди задержанных нет никого такого возраста. Это поможет вам?

Флинкс медленно кивнул. Поможет, но не так, как он надеялся.

— Большое спасибо, сэр.

— Минутку, молодой человек. Если вы сообщите свое имя, я позвоню жандармам и...— Флинкс отсоединился, и изображение исчезло. Кредитная карточка выскочила из гнезда. Флинкс медленно, вытирая слезы, спрятал ее. Потрудится ли чиновник проследить вызов? Флинкс решил, что нет. Бюрократ вначале решил, что это какой-то розыгрыш. Вероятно, он снова подумает так же.

Итак, среди арестованных нет людей возраста матушки Мастифф. Нет среди пропавших без вести, это плохо, но нет и в моргах, а это хорошо, потому что внушает надежды и подкрепляет его первоначальную мысль: матушку Мастифф похитили неизвестные лично-

сти, чьи цели остаются такими же загадочными, как и они сами. Он смотрел в маленькое окошко будки на чуждый лес, в котором она и ее похитители, по-видимому, исчезли, и чувствовал, как его охватывает усталость. В будке связи очень жарко.

Сидение в ней сознательно сделано неудобным, но пол теплый и не жесткий. Радуюсь собственному небольшому росту, Флинкс лег на пол. Для Пипа места не оставалось, и летающая змея неохотно уселась на коммуникатор. Всякий, кто войдет в будку позвонить, испытает сильный шок.

Уже поздно утром Флинкс проснулся, тело его застыло и онемело, но он отдохнул. Поднявшись и потягиваясь, он распахнул дверь и вышел из будки. К северу начинался, по-видимому, бесконечный лес, который тянулся от умеренной зоны Мота до арктической. К югу город, дружелюбный, привычный. Трудно будет отвернуться от него.

Пип повис над Флинксом, сделал в воздухе медленный круг, потом поднялся выше и двинулся на северо-запад. Через несколько минут минидраг вернулся. Без слов он подтверждал то, что показывал ночью: матушка Мастифф проходила в том направлении. Флинкс не надолго задумался. Может быть, похитители, чтобы сбить с толку возможных преследователей, только углубились немного в лес, а потом вернулись в город?

Как ему это проверить? Правительственные инстанции ему не помогут. Ну, хорошо. Ему всегда удавалось извлекать информацию у незнакомых людей. Они как будто инстинктивно доверялись ему, видя в нем всего лишь физически не крупного и в умственном отношении ограниченного юношу. Он попробует снова применить эту свою способность.

Оставив позади будку и квартал с лесопилками, он начал обследовать окружающие фабрики и жилые дома. Большинство домов оказались запертыми, жители их давно отправились на работу, но зато оживали предприятия и конторы, куда из города устремился поток работников. Флинкс видел многочисленных людей, входя-

щих в ворота и двери, они выходили из частных машин и из общественного транспорта.

У входа в небольшое предприятие, производящее деревянные части кухонного оборудования, он встретил человека, который не входил, а выходил.

— Простите, сэр,— сказал он, наверно, в сотый или тысячный раз,— вы случайно не видели группу людей, проходивших через этот район прошлой ночью? Они могли вести с собой пожилую женщину, может быть, силой.

— Странно, что ты об этом спрашиваешь,— неожиданно ответил мужчина.— Я ночной охранник вон там, в Коунлу.— Он указал на небольшое здание, куда входили работники.— Старуху я не видел, но в том направлении ночью был какой-то шум.— И он указал на дорогу, кончавшуюся тупиком у самых деревьев.

— Немало было криков и проклятий. Я взял свой прибор ночного видения — моя работа, видишь ли,— и увидел, как группа людей выходит из машины. Они пересели в маддер.

Охранник оказался сочувствующим.

— Вообще-то они не воры и не хулиганствующие юнцы, так что я не стал за ними наблюдать. Не знаю, те ли это, кто тебе нужен.

Флинкс немного подумал, потом спросил:

— Вы говорите, что слышали проклятия. Может, их производила женщина?

Охранник улыбнулся.

— Я понимаю, о чем ты думаешь, сынок. Нет, они были слишком далеко. Но вот что я тебе скажу: кто-то среди них ругается, как десять мусорщиков сразу.

Флинкс не мог сдержать своего возбуждения.

— Это они, это она! Должна быть она!

— Вообще-то именно из-за этого я и запомнил,— продолжал охранник.— Конечно, люди часто пересекаются из транспорта в транспорт. Но в такое время и в лесу? Это обычно делается тихо. Не вижу никакой причины для этого крика и проклятий.

— Да, это они,— решительно сказал Флинкс.— Это она бранилась... или похитители из-за нее.

— Похитители... — Охранник как будто впервые заметил возраст Флинкса. — Слушай, сынок, может, тебе лучше пойти со мной?

— Нет, я не могу. — Флинкс начал пятиться, виновато улыбаясь. — Мне нужно идти за ними. Найти ее.

— Подожди немного, сынок, — сказал охранник. — Я позвоню в полицию. Сможем воспользоваться коммуникатором компании. Нужно все сделать правильно, и тогда...

— Полиция ничего не сделает, — гневно ответил Флинкс. — Я ее знаю. — Знаю достаточно близко, мог бы он добавить, потому что его несколько раз арестовывали за воровство. И сейчас, наверно, он у них в черном списке. Его задержат и помешают идти по следу ма-тушки Мاستифф.

— Подожди, сынок, — настаивал охранник. — Я не хочу ни во что впутываться... — Говоря это, он протянул большую руку. Что-то яркое, сине-зелено-розовое угрожающе зашипело. Грозно повисла в воздухе треугольная голова. Охранник торопливо убрал руку.

— Черт возьми, да она жива! — сказал он.

— Очень, — ответил Флинкс, продолжая пятиться. — Спасибо за помощь, сэр. — Он повернулся и заторопился в сторону города.

— Мальчик, подожди минутку! — Охранник смотрел вслед уходящему. Потом пожал плечами. Он устал. Ночь была долгая и скучная, если не считать этой шумной группы; ему хочется поскорее добраться домой и лечь спать. И совсем ему не нужны проделки какого-то мальчишки. Выбросив все происшедшее из головы, он направился на стоянку.

Убедившись, что охранник больше его не видит, Флинкс остановился, чтобы перевести дыхание. Теперь он по крайней мере в некоторой степени уверен, что матушку Мастифф похитили и увезли из города. Почему ее увели в большой северный лес, он понять не мог.

Вдобавок к тупой боли в голове он ощутил еще одну грызущую боль. Он с прошлого вечера ничего не ел. И вряд ли стоит углубляться в огромный вечнозеленый лес на пустой желудок.

Сначала подготовься, потом действуй. Так всегда учила его матушка Мастифф. Назад на рынок, к дому. Похитители пересели в маддер. Такая машина вне финансовых возможностей Флинкса, но он знает, где можно взять напрокат беговую птицу ступаву. Это даст ему и проходимость, и скорость.

Ноги у него все еще дрожали от бесконечного вчерашнего бега по городу, и потому он добирался домой общественным транспортом. Время сейчас важнее денег. Транспорт проходил по главной улице. Через несколько минут Флинкс был на рынке.

От остановки совсем недалеко до дома. Он почти ожидал, что на пороге будет стоять матушка Мастифф, подметая крыльцо и ругая его за опоздание. Но в магазине тихо, жилые помещения по-прежнему в беспорядке. Тем не менее Флинкс тщательно все проверил. Он помнил точное расположение нескольких предметов; их никто не трогал.

Он начал отбирать вещи с собой. На рынке купил небольшой рюкзак и столько концентрированной пищи, сколько в него вошло. Несмотря на то, что торговался недолго, получил полную стоимость некоторых вещей из запасов матушки Мастифф. Мало кто решался обмануть его, видя на плече мальчика Пипа. Но когда решался, реакция минидрага тут же настораживала его хозяина, и Флинкс просто уходил.

Флинкс сменил свои городские башмаки на менее красивые, но более прочные лесные. Плащ послужит ему под деревьями так же хорошо, как и в городе. Сумма на его кредитной карточке выросла. Потом он вернулся в магазин, чтобы осмотреться в последний раз. Пусто. Так пусто без нее. Он убедился, что ставни опущены, потом закрыл входную дверь. Перед уходом остановился у соседнего магазина.

— Ты в своем уме, Флинкс, мальчик? — спросил от своего магазина Аррапкха, печально покачивая головой. Его магазин пах древесными опилками и лаком. — Ты знаешь, что такое этот лес? Он тянется отсюда до Северного полюса. Три тысячи, четыре тысячи километров полета тарпака, и ни одного города на пути.

— Там бывают такие топи, в которых может потонуть весь Драллар, не говоря уже о хищниках и ядовитых животных. Никто не ходит в северный лес, кроме исследователей и пастухов, охотников и спортсменов — эти сумасшедшие инопланетяне любят такие дикие места. Биологи и ботаники, не нормальные люди, как ты и я.

— Нормальные люди не уведят мою мать, — ответил Флинкс.

Не сумев отговорить юношу, Аррапкха попытался разъяснить ситуацию.

— Тем хуже для них. Они не представляют себе, с кем связались.

Флинкс вежливо улыбнулся.

— Спасибо, Аррапкха. Если бы не твоя помощь, я не знал бы, с чего начать.

— Я почти жалею о том, что сказал, — печально ответил тот. — Ну, желаю удачи, Флинкс, мальчик. Я тебя не забуду.

— Мы еще увидимся, — заверил его Флинкс, но сам особой уверенности не чувствовал. — Оба увидимся.

— Надеюсь. Без матушки Мастифф рынок намного скучнее.

— Да, скучнее. И гораздо более пустой, — согласился Флинкс. — Мне нужно идти за ней, друг Аррапкха. У меня нет выбора.

— Ну, как хочешь. Иди.

Флинкс подарил мастеру по дереву прощальную улыбку, потом повернулся и быстро пошел по главной улице. Аррапкха смотрел ему вслед, пока юноша не исчез в толпе, потом вернулся в свой магазин. Ему прежде всего нужно заниматься своими делами, а это главное правило рынка.

Флинкс прошел немного, и ароматы рынка сменились тяжелым мускусным запахом местной разновидности верховых животных. Они медленнее механического транспорта, не так эффективны, но у них свои преимущества: Их нельзя проследить по излучению, их дешево содержать и легко использовать.

В сарае Флинкс выбрал крепкую ступаву. Высокая

беговая птица способна прокормиться сама в дикой местности. Ростом она в два с половиной метра до ярко-оранжевого гребешка на голове, а внешне напоминает своих родственников, гораздо более умных орниторпов; впрочем, те не возражают, что их невежественных родственников используют как верховых животных. Флинкс немного поторговался с управляющей, договорившись о справедливой оплате. Женщина вывела птицу из стойла и оседлала ее.

— Ты ведь ничего не сделаешь с птицей?

— Я отправляюсь в небольшие каникулы,— беспечно ответил Флинкс.— Учебу в этом году я закончил и должен немного отдохнуть.

— Ну, Гарула отнесет тебя, куда захочешь. Это хорошая, крепкая птица.— Она погладила перья птицы.

— Я знаю.— Флинкс поставил правую ногу в первое стремя, левую во второе и сел в седло.— Вижу по ее ногам.

Женщина кивнула, немного успокоившись. Очевидно, молодой клиент знает, что делает. Она протянула ему узду.

— Ну, хорошо. Приятного путешествия.

Флинкс действительно ездил на таких птицах раньше, но только в пределах города и ненадолго. Он натянул узду и свистнул. Птица ответила ему криком и двинулась, легко переступая длинными ногами. Управляя легким натягиванием узды и свистом, Флинкс повел ступаву по улице, рассерженные пешеходы разбежались, а от механических экипажей Флинкс увертывался. Присутствие Пипа, казалось, не беспокоит ступаву — это хороший признак. Не стоит углубляться в большой лес на слишком пугливом животном.

Вскоре Флинкс обнаружил, что они уже повторили его вчерашний лихорадочный марафон. Слева остались лесопилки и будка, в которой он провел ночь. Впереди только лес. Деревья, в сто метров высотой и выше, поднимались над кустами и порослью. Асфальт кончился, дальше только грязная тропа. Ступаве все равно, ее лапы с широко расставленными пальцами с перепонками пронесут ее и по болоту.

— Вперед! — негромко прикрикнул он и свистнул. Повинуясь команде, ступава каркнула в ответ, подняла голову и углубилась в лес. Удары по асфальту сменились негромкими звуками, изредка у нее под лапами трещала ветка или слышался всплеск, когда она ступала в лужу. А когда они двигались по густому мху, звуков вообще не было. Вскоре деревья сплошной стеной встали за Флинксом, и город, который был его домом, впервые совершенно исчез из виду.

Глава седьмая

Вор Джофф был уверен, что ему попалась пара флермов. Мужчина и женщина, за которыми он осторожно крался, казались в возрасте тридцати с небольшим. Одежда у них обычная, настолько обычная, что только очень внимательный взгляд позволял увидеть, что они с другой планеты. Их присутствие на рынке ночью, с точки зрения Джоффа, доказывало одно из двух: либо они очень уверены в себе и в своей способности оставаться незамеченными, либо просто невежественны. Джофф решил, что они ищут развлечений.

Для него это прекрасно. Он с радостью предоставит им небольшое развлечение, что-нибудь действительно запоминающееся, о чем можно рассказать соседям где-нибудь на более мягкой планете, на Терре или Новой Ривьере. По их виду ясно, что никаких трудностей это не вызовет.

Джофф проголодался. Уже неделю ему не везет. Он поглядывал на болтающую пару алчным взглядом, с каким фермер смотрит на пару упитанных мясных животных.

Еще относительно рано, кое-где видны огни, но большинство магазинов уже закрылось, что давало Джоффу дополнительную надежду. Природа его работы требовала уединения. Он не торопился. У Джоффа была интуиция. Нужно выждать нужный момент, пока пара не осознала свою ошибку, заметив, что зайти больше некуда.

Но пара не собиралась этого делать. Надежды Джоффа продолжали усиливаться. Он ясно слышал их голоса: они говорили о каком-то зрелище, которое видели сегодня. Рука Джоффа легла на рукоять маленького игольника в кармане. Он двинулся вперед, сокращая расстояние между собой и своей добычей.

Пара достигла конца тупика и остановилась перед последним магазином, темным, с опущенными ставнями. Казалось, эти двое о чем-то спорят. Потом мужчина наклонился к двери и достал из кармана несколько предметов. И начал делать что-то. Что именно, Джофф не видел.

Вор остановился, держа в руке игольник, и в замешательстве смотрел. Что они делают? Он придвинулся чуть ближе, по-прежнему скрываясь в тени. Теперь он был достаточно близко, чтобы увидеть, что дверь закрывается на ладоневый замок: чтобы открыть его, владелец должен в определенной последовательности приложить все пять пальцев руки. Маленький черный диск, который турист прижал к замку,— это сложный и дорогостоящий электронный прибор для открывания таких замков. Мужчина пальцами осторожно поворачивал диск, вглядываясь в показания, и вид у него был такой, словно он не только точно знает, что делать, но и проделывал это не раз.

Пока мужчина работал у двери, его спутница смотрела на него, очевидно, поглощенная этим наблюдением. Неожиданно она подняла голову, и Джофф обнаружил, что она смотрит прямо на него.

Женский смехок, который она производила весь вечер, неожиданно исчез. И ничего в ней больше не казалось мягким. Неожиданная трансформация, вызванная всего лишь изменением позы и тона, была поразительной.

— Мне жаль, что вы зря потратили целый вечер, но нам нужно было укрытие от остальных. Спасибо за это. Теперь повернитесь, скажите себе, что день у вас неудачный, и отправляйтесь в другое место. Сейчас у нас нет на вас времени. Да, и оставьте свой игольник на месте, чтобы никому не причинить вреда. Ладно?

И она приятно улыбнулась.

Слишком изумленный, чтобы действовать, Джофф просто стоял, по-прежнему сжимая в руке игольник. Я могу ее снять, подумал он. Но что-то в ее голосе удерживало ее. Она явно вооружена и намерена в случае необходимости пустить оружие в ход. Ее спутник прервал работу и остановился в ожидании.

Все это неправильно, подумал Джофф. У него хорошее воображение, к тому же он очень наблюдателен и легко сопоставляет.

Вот стоит пара инопланетян в выходных нарядах и спокойно открывает с помощью сложного декодера запертую дверь магазина темной влажной ночью. Это никак не соответствует тому, как говорит женщина.

Джофф выпустил игольник и вынул руку из кармана. Медленно растопырил пальцы, чтобы они видели, что он не вооружен. Кивнул, улыбнулся женщине кривой беглой улыбкой и начал пятиться. Она ответила ему тоже улыбкой. Он пятился до тех пор, пока не скрылся в тени под защитой каменной стены. Здесь он перевел дыхание. Пульс у него участился. Не способный сдержать любопытство, он выглянул из-за края стены. Женщина не сдвинулась с места и продолжала смотреть на него. Мужчина вернулся к своей работе.

Джофф попал не в свое дело, и он знал это. Не оглядываясь больше, он повернулся и направился к главной авеню, разочарованный и по-прежнему нуждающийся в добыче. А что касается этой странной пары, он решил о них больше не думать. Такие действуют на недоступном для Джоффа и ему подобным уровне, и о них лучше позабыть.

— Разумный парень, — задумчиво сказала женщина. Она перенесла свое внимание с пустынной улицы на работу спутника. — Я думала, могут возникнуть проблемы.

— Для него так лучше, — согласился мужчина. — Нам здесь дураки не нужны. — Он продолжал оперировать с диском.

— Как дела? — спросила женщина, заглядывая ему через плечо.

— А как по-твоему?

— Ну, не сердись,— легко сказала она.

— Это модернизированный номер двадцать шестой,— сообщил он.— Я не думал, что в этих трущобах встречу что-нибудь такое сложное. Кто-то здесь очень любит уединение.

— А ты разве не любишь?

— Очень смешно.— Неожиданно диск негромко пискнул, и цифры на его экранчике застыли.— Вот и все,— облегченно сказал мужчина. В его словах не было удовольствия, только спокойная удовлетворенность профессионала. Он коснулся кнопок, размещенных на равном расстоянии по окружности диска. Диск снова пискнул — дважды. Светящиеся цифры исчезли с экрана. Мужчина отсоединил диск и спрятал его в карман пальто. Пальто с большим количеством карманов, а в них множество предметов, от которых у любого полицейского волосы встали бы дыбом. Бросив последний взгляд на пустынную улицу, двое вошли внутрь.

Ожила центральная часть богато украшенного пояса мужчины, бросая узкий, но мощный луч света. Мгновение спустя такой же луч сверкнул из броши спутницы. Пара принялась рассматривать товары, изредка презрительно фыркая. Потом они подошли к внутренней двери с ее более простым замком.

Оба остановились в двери и осмотрели жилое помещение.

— Тут кто-то здорово дрался,— негромко заметил мужчина.

— Мальчик... или его приемная мать, как ты думаешь? — Женщина наклонилась, осматривая перевернутый стол и упавшую с него серебряную вазу. Ваза была пуста. Она осторожно положила ее на место.

— Может, оба.— Ее спутник осматривал большую спальню. Они методично прошли по всему помещению: кухня, спальни, даже гигиенические приспособления.

Когда они закончили — а на это потребовалось совсем немного времени,— когда были взяты и осторожно упакованы образцы воздуха, пыли и некоторых предметов, мужчина спросил у своей спутницы:

— Ну, что будем делать? Ждать их здесь?

Женщина покачала головой, бросив взгляд вокруг.

— Они явно ушли не по своей воле — и ты знаешь, что это значит.

— Конечно, это приходило мне в голову. Не могло не прийти. Но гарантии нет.

Она рассмеялась.

— Да, конечно, гарантии нет, но что ты думаешь?

— То же, что и ты. Просто не нужно торопиться с заключениями.

— Знаю, знаю. Но разве не странно, что нет обоих? Это не простой взлом.

— Я ведь сказал, что согласен.— Голос мужчины звучал напряженно.— Что теперь?

— Владелец магазина через улицу, который видел, как мы входили,— сказала женщина. Мужчина согласно кивнул.

Они вышли, ничего не трогая. Ладонный замок захлопнулся за ними. Теперь невозможно определить, что его вскрывали. Пара прошла немного по боковой улице и остановилась у магазина Аррапкхи. Они несколько раз нажали на звонок.

После третьего раза мужчина наклонился к микрофону у звонка.

— У нас был длинный трудный день, сэр, и мы оба очень устали. Мы не причиним вам вреда, и у нас есть право предпринимать любые шаги, необходимые для завершения нашего дела. В том числе мы можем войти в ваш дом силой, если вы нас не впустите.

— Мы видели: вы следили за нами, когда мы входили в магазин старухи. Могу вам пообещать, что мы так же легко войдем и к вам. Могу вам сообщить, что в переулке за вашим домом стоит наш специальный автомат. Если у вас есть другой выход, это вам ничего не даст. Почему бы не проявить простую любезность,— мужчина приятно улыбнулся на случай, если у владельца есть скрытая видеокамера,— и не выйти к нам? Если предпочитаете, мы можем поговорить здесь на улице, на виду у ваших соседей.

Они подождали еще немного. Женщина взглянула на

своего спутника, пожала плечами и достала из внутреннего кармана небольшой предмет в форме наперстка. Дверь немедленно открылась. Мужчина кивнул, потом улыбнулся. Женщина снова спрятала наперсток и отступила.

На улицу вышел Аррапкха, прикрыл за собой дверь и неуверенно поглядел на своих посетителей.

— Что я могу для вас сделать, леди и сэр, в такую ночь? Ваша настойчивость заставила меня выйти, хотя я уже закрыл магазин и...

— Перестаньте болтать,— резко сказал мужчина.— Мы знаем, вы наблюдали за нами. И знаете, что мы здесь не для покупок...— он взглянул на вывеску над дверью,— резьбы по дереву. Или вы отрицаете, что следили за нами?

— Ну, не совсем,— начал Аррапкха,— но я...

— И вы не вызвали полицию,— спокойно продолжал мужчина,— потому что полиция станет задавать вопросы, на которые вы предпочли бы не отвечать. Верно?

— Сэр, уверяю вас, что я...

— Мы ищем старуху и мальчика, живших в этом магазине.— Мужчина взглянул в сторону магазина ма-тушки Мастифф.— Вы случайно не знаете, где они?

Аррапкха покачал головой с непонимающим выражением.

— Нет, сэр, не знаю.

— Там внутри следы борьбы. Улица маленькая. Вы ничего не видели, не слышали?

— Борьбы? О Боже! — в отчаянии бормотал Аррапкха.— Ну, знаете, конечно, улица маленькая, но тут бывает так шумно, даже по ночам. Мы обычно не обращаем на это внимание.

— Конечно,— сказала женщина.— Как вы не обратили внимание на шум, который мы производили, забираясь в соседский магазин.

Аррапкха слабо улыбнулся ей в ответ.

— У нас нет времени для таких игр,— нетерпеливо сказал мужчина и сунул руку в карман брюк.

— Пожалуйста, сэр и леди.— Искренняя озабочен-

ность отразилась на лице Аррапкхи.— Вы ведь сказали, что ничего не делаете...

— Не сделаем.— Мужчина остановился, увидев нервный взгляд владельца магазина.— Даже если понадобится, все-таки не сделаем.— Он медленно извлек руку, держа в ней небольшую книжечку. Аррапкха облегчено перевел дыхание и посмотрел содержимое книжечки. Глаза его расширились.

Посетитель спрятал книжечку.

— А теперь,— вежливо сказал он,— я повторяю, что мы не причиним вам вреда и у нас нет никаких враждебных намерений относительно старухи и мальчика. Напротив. Если они стали жертвой насилия,— а, по-видимому, так оно и есть,— нам нужно знать все, что знаете вы; если они еще живы, мы им поможем. Что бы вы о нас ни думали лично и о нашем деле, вы должны понимать, что с нами вашим соседям будет лучше, чем с теми, кто их похитил. Вы ведь это понимаете?

— К тому же,— деловито добавила его спутница,— если вы не расскажете нам, что знаете, мы отведем вас в специальный центр, где вас привяжут к машине, и в конце концов вы все скажете. Вам это не повредит, но мы затратим много времени. А я не люблю тратить время.— Она посмотрела ему в глаза.— Понятно?

Аррапкха медленно кивнул.

— Старая женщина, которую вы ищете,— матушка Мастифф? — Мужчина ободряюще кивнул.— Я думаю, что видел, как ее увели несколько фигур. Не могу даже сказать, люди это или чужаки. Было темно и туманно.

— Разве тут не всегда так? — пробормотал мужчина.— Продолжайте.

— Это все, что я знаю,— Аррапкха пожал плечами.— Правда.— Он указал на щель, которая отделяла магазин матушки Мастифф от соседнего.— Вот в эту щель я видел фигуры в переулке. Я по-прежнему не могу понять. Она ведь очень старая и совершенно безвредная.

— Давно ли это было? — спросил мужчина. Аррапкха ответил ему.— А мальчик? Что с мальчиком?

— Он вернулся домой тем же вечером. Он часто

уходит один и возвращается поздно. Так он всегда поступал, сколько я его знаю, а я его знаю почти всю его жизнь.

— Долгие одинокие прогулки по городу? В его возрасте? — спросила женщина. Аррапкха постарался не показать удивления при ее вопросе. Эти двое многое знают, хоть пришли издалека.

— Он не обычный юноша, — сообщил им Аррапкха, не видя в этом вреда. — Вырос здесь. — Он махнул в сторону огней и шума главной авеню. — В Дралларе взрослеют быстро.

— Конечно. — Мужчина кивнул. — Вы рассказывали о мальчике.

— Он вернулся в тот вечер, увидел, что случилось, и очень расстроился. Он эмоциональный мальчик, хотя старается этого не показать, я думаю. Матушка Мастифф — это все, что у него есть.

Пришельцы не отвечали, они ничего не хотели сообщать. Аррапкха продолжал:

— Он поклялся, что найдет ее. Не думаю, чтобы у него была такая возможность.

— Значит он пошел за ней? — оживленно спросила женщина. — Давно?

Аррапкха ответил. Она что-то сказала на незнакомом языке, потом добавила на более распространенном лингва франка Сообщества своему спутнику:

— Всего пара дней. Мы опоздали на несколько дней.

— Так бывало и раньше, — невозмутимо напомнил ей мужчина. Потом снова повернулся к Аррапкхе. — Куда собрался идти мальчик?

— Понятия не имею, — ответил владелец магазина.

— Знаете, — вежливо сказал мужчина, — все-таки нам придется совершить небольшую прогулку к машине.

— Пожалуйста, сэр, я вам все рассказал. До сих пор вы верили моим словам. Почему должно быть иначе, если факты вам не нравятся? Это не моя вина. Зачем мне лгать вам?

— Не знаю, — небрежно ответил мужчина. — А зачем?

— Незачем. — Аррапкха чувствовал, что совсем пе-

рестает соображать.— Пожалуйста. Я не понимаю, что тут произошло. Все это очень для меня затруднительно. Почему все так интересуются матушкой Мастифф и мальчиком Флинксом?

— Если бы мы рассказали, это бы еще больше вас смутило,— ответил мужчина.— Итак, вы не знаете, где собирался искать мальчик?

— Нет, потому что он мне не говорил,— признался Аррапкха.— Он только сказал, что обязательно ее найдет. И ушел.

— Ну, замечательно. Просто замечательно,— сардонически заявил мужчина.— Вся работа, весь поиск, пока мы не вышли на этот относительно небольшой город. А теперь придется все начинать сначала, и перед нами вся планета.

— Не так все плохо,— ответила женщина.— За пределами города местного населения немного.

— Меня не это беспокоит.— Голос мужчины звучал устало.— Наши счастливые соперники.

— Думаю, мы одновременно найдем и их.— Женщина указала на Аррапкху, как будто его тут нет.— От этого мы узнали все, что можно.

— Да. Еще одно.— Он повернулся к Аррапкхе и протянул ему маленький металлический ящичек. На гладкой блестящей поверхности была только одна кнопка.— Это мощный направленный передатчик высокой частоты,— объяснил он владельцу магазина.— Если женщина или мальчик вернутся, вы должны один раз нажать эту кнопку. Это приведет помощь — вам и им. Понятно?

— Да,— медленно сказал Аррапкха. Он взял ящичек и принялся поворачивать его в руках, разглядывая.

— Назначена награда, большая награда,— добавила женщина,— за помощь тем, кто поможет нам быстро и успешно решить эту задачу.— Она посмотрела мимо него, на маленький магазин.— Не знаю, сколько вы зарабатываете этим, но вряд ли много. Это не самый дорогой район. Награда даст вам много, гораздо больше, чем вы зарабатываете за год.

— Неплохо звучит,— признал Аррапкха.— Приятно заработать побольше денег.

— Ну, хорошо,— сказал мужчина.— Помните, в ответ на ваш сигнал не обязательно появимся мы, но эти люди будут знать о нашем деле. А мы прибудем, как только сможем. Вы все это поняли?

— Понял.

— Отлично.— Мужчина не протянул Аррапкхе руки.— Мы ценим вашу помощь, и мне жаль, что мы вам помешали.

Аррапкха пожал плечами.

— Жизнь полна таких помех.

— Это верно,— согласился мужчина. Он повернулся к своей спутнице.— Пошли.— И они направились к главной авеню, оставив Аррапкху на пороге его магазина.

Через несколько часов Аррапкха отложил свои инструменты, почистился и подготовился ложиться спать. Голубой металлический ящик стоял на столике рядом с его кроватью. Аррапкха некоторое время смотрел на него. Потом встал и пошел в туалет. Без всяких церемоний бросил его в мусоросборник и нажал кнопку «смыть». Интересно, подумал он, не пошлет ли теперь ящик сигнал.

Чувствуя себя гораздо лучше, он лег и уснул.

Глава восьмая

Для Флинкса, городского жителя, лес был полон откровений. Первые несколько ночей достались ему тяжело. Тишина была по нему с неожиданной силой, и ему трудно было уснуть. Пип тоже спал плохо, чувствуя беспокойство хозяина. Только ступава, методично покачивая головой в такт храпу, была довольна.

Но на четвертую ночь Флинкс уже спал крепко, а к пятой начал наслаждаться тишиной. Меня обманули обстоятельства и судьба, думал он. Здесь гораздо лучше, чем в городе. Правда, ему не хватало цвета, шума,

возбуждения, постоянно меняющихся фигур жителей десятков планет, проходящих по рыночной площади и по богатым пригородам, не хватало запаха разнообразной пищи и многословных споров. К тому же лес не давал возможности проявить его умения: тут нечего красть. Но то, что имел, лес отдавал в изобилии. И все шло как-то слишком легко.

Флинкс совсем расслабился, когда его испугал сквук. Он выскочил из земляной норы, напугав ступаву, которая чуть не сбросила Флинкса. Сквук, близкий родственник псовых, очень активный хищник, живущий в подземных норах. У него когти длиной с пальцы Флинкса. Тощее тело в коричнево-черных полосах плотно прижималось к земле. Большую часть жизни он проводит, раскапывая земляные норы других подземных жителей, травоядных грызунов, но иногда появляется наружу и нападает на более крупную добычу.

Очевидно, зверь принял относительно легкие шаги ступавы за походку гораздо меньшего животного. Птица закричала и рванулась, Флинкс изо всех сил пытался справиться с нею. Пип мгновенно насторожился, взлетел и угрожающе повис над жителем нор.

Сквук выразительно зарычал на минидрага, но бросил на парящую в воздухе Немезиду только один взгляд. Хотя птица явно испугалась, сквук с уважением отнесся к ее длинным мощным мускулистым ногам. Но все же, если бы ему удалось добраться своими клыками до одной из этих ног, он мог бы свалить большую добычу.

Но насчет человека, сидевшего на спине птицы, он не был так уверен. Люди, хотя встречались и редко, были хорошо знакомы обитателям леса. Сквук мог убить человека, но могло произойти и наоборот. А тут еще это совершенно незнакомое гудящее существо над головой. Всего три противника, причем один из них чужак и совершенно непредсказуем, остальные двое потенциально опасны. Зарывав в последний раз, сквук попятился в нору и исчез. В последний раз с предупредительным рыком показалась его морда.

Флинкс наконец справился со ступавой и поехал дальше. Гневные крики сквука затихли вдали.

Настоящей опасности все же не было, подумал Флинкс. С другой стороны, если бы он упал... — он ясно помнил длинную зубастую морду хищника и теперь с большим вниманием поглядывал по сторонам.

Но больше им ничего не угрожало. Встречались только мелкие парящие грызуны, населяющие эту часть леса. Пип забавлялся, летая кругами вокруг них, потому что они на самом деле не летали, а перепархивали с одной ветки на другую. И не могли ничего сделать, только гневно кричали на пришельца, который прямо среди них проделывал свои сложные воздушные маневры. А тех, которые жаловались громче всех, летающая змея отбирала себе на завтрак.

— Довольно, Пип, — окликнул Флинкс игривого минидрага. — Оставь их и спускайся сюда. — Почувствовав строгость хозяина, минидраг перестал мучить летающих грызунов, спустился и обернулся вокруг шеи Флинкса.

Они приближались к гостинице, сотни которых скрывались в необъятном лесу. Эти гостиницы предоставляют временное жилище торговцам и рубщикам твердого дерева, туристам, рыбакам и охотникам, изыскателям и прочим бродягам. Гостиниц гораздо больше, чем могло показаться, потому что и бродяг очень много. Многим нравятся бесконечные леса. Деревья скрывают многих людей и очень много грехов.

Флинкс привязал ступаву под навесом для животных, рядом с парой мукассов. Дверь гостиницы ощутила его присутствие и скользнула в сторону, пропуская его. От центрального очага поднимался дым, но этот каменный очаг существовал скорее для атмосферы, чем для тепла. А тепло давали термальные кольца, размещенные под полом. Многие здания, размещенные в лесу, деревенские только по внешности. Внутри они так же современны и удобны, как шаттлпорт на окраине Драллара. Инопланетным туристам, во множестве прилетавшим на Мот, нравилась простая внешность и комфортабельное внутреннее убранство.

— Здравствуйте. — Хозяин гостиницы был всего на несколько лет старше Флинкса. — Вы один? — Он взглянул на Пипа. — У вас интересное животное.

— Спасибо,— ответил Флинкс, пропустив первый вопрос.— Когда у вас обед? И он жадно взглянул в сторону столовой, одновременно подсчитывая, сколько кредитов осталось на его карточке.

— Вам не нужен номер?

— Нет, спасибо.— Как обычно, он будет спать в палатке в лесу. От усталости он спит теперь так же крепко, как в мягкой постели.

— А как ваше животное? — Хозяин указал на навес снаружи.

— Оно сыто.

Молодой хозяин равнодушно взглянул на него. Приятный тип, подумал Флинкс, но себе на уме — как и многие другие его знакомые в Дралларе.

— Можете поесть в любое время. У нас самообслуживание. Это не самая роскошная гостиница. Не можем позволить себе живых поваров.

— Машины меня устроят,— ответил ему Флинкс. Он прошел через фойе в столовую. Там уже сидело за едой несколько человек. Пара молодых туристов и одинокий мужчина в углу. После обычных любопытных взглядов на Пипа они перестали обращать внимание на вновь пришедшего.

Флинкс, пуская слюни, подошел к автоповару. Ступаве хорошо жить на подножном корму, а ему все-таки иногда нужно что-нибудь не сухое и концентрированное. Он выбрал из обширного меню, вставил кредитную карточку и подождал, пока заказ будет выполнен. Две минуты спустя он взял поднос с едой, выбрал столик и занялся ростбифом, тушеными клубнями и свежими зелеными овощами. Сопровождалось это двумя чашками кофе-заменителя.

Вошел хозяин. Он немного поболтал с парой, потом приблизился к столику Флинкса. Хотя Флинкс предпочел бы одиночество, он ничего не сказал, когда хозяин взял стул и сел к его столику.

— Простите меня,— добродушно сказал молодой человек,— но я мало вижу здесь людей своего возраста, не говоря уже о таких, кто моложе и к тому же путешеству-

ет в одиночку — ну, только с таким интересным спутником.— И он указал на Пипа.

Летающая змея спустилась с шеи Флинкса и разлеглась на столе, глотая зеленые семена. Это обычная пища древесных грызунов. Есть она не хотела, но минидраг никогда не упустит пищу, особенно такую, которая не может улететь.

— Что вы здесь делаете один?

Ну и дипломат, подумал Флинкс.

— Ищу друга,— объяснил он, пережевывая очередной кусок ростбифа.

— Тут никто для вас ничего не оставлял, если вас это интересует,— сказал хозяин.

— Друзья, которых я ищу, не оставляют сообщений,— ответил Флинкс с набитым ртом.— Может, вы их видели,— без особой надежды продолжал он.— С ними очень старая женщина.

— У нас тут не часто бывают старики,— признался хозяин.— Они держатся поближе к городу. Но вот что интересно.— Флинкс перестал жевать.— Была у нас тут недавно группа. Может, это как раз ваши друзья.

Флинкс осторожно проглотил.

— Старая женщина небольшого роста, ниже меня. Около ста лет.

— Но рот у нее гораздо моложе!

— Вы ее видели! — Он сразу забыл о еде.

— Пять дней назад,— ответил хозяин. У Флинкса упало сердце. Расстояние между ними не сокращается, а увеличивается.

— Вы случайно не видели, куда они направились?

— Их маддер направился прямо на север. Я подумал, что это странно, потому что цепь гостиниц, которые обычно навещают туристы, тянется отсюда на северо-запад, а не на север. Конечно, охотничьи домики есть и на севере, в районе озер, но их немного. Странная группа, и не только потому, что с ними была старуха. Они не похожи на туристов или рыболовов.

Стараясь не проявлять свое беспокойство, Флинкс заставил себя спокойно закончить есть. Не в том дело, что не ценит помощь, но разговорчивый молодой чело-

век все это тут же выболтает любому встречному, включая лесной патруль. А Флинкс не хотел, чтобы его задерживали разными вопросами, особенно потому, что хотел увеличить свою скорость и готов был для этого воспользоваться способами, неодобряемыми полицией. Не забыл он и охранника в Дралларе, чья помощь чуть не превратилась в помеху.

— Вы мне очень помогли,— сказал он хозяину.

— А в чем дело? — настаивал хозяин, пока Флинкс заканчивал еду, а Пип перебрался со стола по его руке на свое место на плече.— Что происходит?

Флинкс лихорадочно размышлял. Что бы такое сказать этому болтуну, чтобы тот не сообщил патрулю?

— Они в отпуске — моя прабабушка и другие родственники. Они часто спорят.— Хозяин гостиницы понимающе кивнул.— Я не должен был ехать с ними,— продолжал Флинкс, подмигнув.— Но я сбежал с уроков и играю в то, что выслеживаю их. Понимаете. Когда они доберутся до домика, где хотели провести месяц, я вдруг появлюсь и удивлю их. Тогда они вряд ли меня отправят домой, верно?

— Понятно,— хозяин улыбнулся.— Я никому не скажу.

— Спасибо.— Флинкс встал.— Очень вкусно.— Он взял Пипа и направился к выходу.

— Эй,— неожиданно окликнул его хозяин,— в каком домике хотели остановиться ваши родственники? — Но Флинкс уже вышел.

Он торопливо оседлал ступаву и направился в лес. Пять дней, обеспокоенно думал он. Еще два дня таким ходом, и они будут опережать его на десять. Ступава делает, что может, но этого недостаточно. Он должен каким-то образом увеличить скорость. Он натянул узду и дал возможность птице передохнуть, а сам достал из рюкзака десятисантиметровый пластиковый квадрат. Он дорого заплатил за него на рынке, но вряд ли решился пускаться в путь без этого пластика. По 'левой стороне квадрата проходил ряд контактов. Флинкс коснулся верхнего, квадрат засветился. Добавочные прикосновения заставили появиться на нем карту леса, которая

изменялась; еще некоторые манипуляции показали непосредственное окружение Флинкса.

Он добавил название гостиницы, где так торопливо поел. Изображение на карте сразу изменилось. Он как будто летел над абстрактным ландшафтом. Когда изображение остановилось, он начал постепенно расширять его, пока на нем не показалось несколько соседних гостиниц и небольшой городок, который он, сам того не зная, миновал накануне. Флинкс снова коснулся контактов, и изображение городка увеличилось. На окраине несколько деревообрабатывающих фабрик, лесная станция и терминал связи, с пунктом ремонта и обслуживания. Флинкс вначале решил попробовать станцию, но потом подумал, что там круглосуточно кто-нибудь есть. Остается терминал связи. Флинкс выключил карту, тщательно упрятал ее в рюкзак и взялся за узду. Птица свистнула и двинулась вперед.

Приближалась ночь, скоро солнце сядет за скрывающими его тучами. Он может рассчитывать на отсутствие луны: даже темно-бордовый свет Пламени не пробьет сегодняшнюю сплошную облачность.

Хотя он совсем не заметил городок, до него оказалось недалеко. Здания разбросаны на холме — это самое сухое место здесь — и не видны из-за деревьев, пока не окажешься совсем рядом. Большинство жилых и общественных зданий по другую сторону холма. Слева низкое длинное сооружение, в окнах которого за двойными стеклами кое-где горит свет. Лесная станция. Терминал связи прямо впереди. Флинкс неслышно спустился со спины ступавы, привязал птицу к дереву и стал ждать полуночи.

Вокруг терминала, включая служебный двор, идет трехметровая проволочная изгородь. Флинкс видел силуэты нескольких больших машин, предназначенных для продвижения в самом густом лесу и с полным экипажем и громоздким оборудованием. Они его не интересовали. Слишком велики, для него не подходят. Но в ангаре должно быть что-то более подходящее. Должно быть. Он сомневался, чтобы нашлось для него на лесопилке или на других небольших предприятиях.

Он проверил, сможет ли ступава отвязаться. Если ему не повезет, может понадобится побыстрее уезжать на птице, а если повезет, ступава вскоре начнет беспокоиться, отвязется и отыщет дорогу назад в Драллар, в свое стойло. Именно поэтому Флинкс предпочел птицу жабо-подобному мукассу: у мукасса нет инстинкта дома.

С Пипом, свернувшимся на плече, Флинкс пошел сквозь ночной туман. Двор не мощеный, но земля утрамбована, и он смог двигаться бесшумно. Осторожно обошел весь двор и здание. Никаких огней, не видно сигнализации от воров. Ему и раньше приходилось иметь дело с сигнализацией против воровства, однако впервые он пытается проникнуть в здание, принадлежащее государству.

Изгородь сверху загибается наружу, чтобы затруднить подъем; Флинкс ясно видел передатчики на столбах, которые поднимут тревогу, если что-нибудь замкнет их цепь. Флинкс перевел взгляд на задние ворота. Замок механический, даже чересчур простой. Он сможет открыть его без специальных инструментов. Но на нем такой же передатчик, как на столбах. Открыть замок значит поднять тревогу.

Перерезать саму проволоку — это исключается. Она чувствительна: любое незапрограммированное вмешательство вызовет тревогу. Все равно что он попытался бы порвать ее бульдозером.

Отодвинув Пипа, Флинкс снял рюкзак и порылся в нем. Помимо пищевых концентратов и некоторых медикаментов, там находились предметы, которые шокировали бы разговорчивого хозяина гостиницы. Искать долго не пришлось. Из рюкзака Флинкс достал несколько кусков провода разной длины. К ним был присоединен переключатель. Убедившись, что переключатель не включен, Флинкс осторожно обернул проволокой передатчик на замке. Сложил проволоку петлей и осторожно провел над передатчиком. На переключателе вспыхнул зеленый огонек.

Потом Флинкс достал из рюкзака небольшой, странной формы предмет из тусклого металла, вставил его в замок ворот и дважды повернул. От тепла его руки

металл размягчился и потек. Замок щелкнул. Держа металлический инструмент двумя пальцами, Флинкс уменьшил поступление тепла, пока металл снова не застыл, потом повернул его. Услышал второй негромкий щелчок. Замок раскрылся. Флинкс толкнул ворота. Они раскрылись метра на два, слегка раскачиваясь. Юноша заколебался. Никаких сигналов тревоги он не слышал. Он надеялся, что в таком провинциальном городке не станут устанавливать неслышные сигналы. Но все же торопливо сложил инструменты в рюкзак и отошел в лес.

Подождал с полчаса, но никто не появился во дворе или возле ворот. Тогда он вернулся к изгороди. Ворота по-прежнему раскрыты. Проволока, натянутая им, позволяла току непрерывно проходить от передатчика к передатчику. Но если ему понадобится раскрыть ворота пошире, длины проволоки может не хватить.

Он легко скользнул на служебный двор. Пип перелез через изгородь и парил над взъерошенной головой хозяйина.

Флинкс осмотрел двор. Никаких следов, что его обнаружили. Перед ним машинный ангар — без ворот, открытый. Прячась за большими машинами и ремонтным оборудованием, он пробрался к ангару. Там, наряду с различным оборудованием, находились два пассажирских маддера. Сердце его забило чуть быстрее. У машин закрытые пассажирские кабины.

Флинкс попробовал обе. Включить электрический двигатель очень просто. Но он начал беспокоиться, когда в первой машине не обнаружилось заряда, ее аккумуляторы разряжены. Однако на втором маддере оказался 95-процентный заряд. Это не просто хорошо, это чрезвычайно важно: он сомневался, что сумеет где-нибудь перезарядить аккумуляторы.

Поскольку все было тихо, Флинкс занялся дополнительной проблемой — на машине обозначения ее принадлежности государству. В шкафу он нашел несколько банок с быстровысыхающей каталитической краской. Он выбрал коричневую. Немного подумав, вернулся к шкафу и взял еще банку с красной. У него раньше никогда

не было своего транспорта, предстояло проявить некоторую изобретательность. Машина должна соответствовать своему шестнадцатилетнему хозяину. И среди деревьев не будет так заметна.

Закончив перекрашивать маддер, он сел в сидение водителя. Пип уселся в соседнем пустом кресле. Управление, как Флинкс и ожидал, очень простое. Правую руку он положил на руль, левой включил зажигание. Ожил двигатель, его гудение ненамного громче гудения Пипа. Нажатие на акселератор послало маддер вперед. Единственный прожектор с широким лучом, установленный на носу, оставался темным. И останется таким, пока Флинкс не убедится, что ушел достаточно далеко.

Он вывел машину во двор: по-прежнему никаких признаков жизни. У ворот он оставил маддер висеть над землей, а сам выпрыгнул. Добавил длину проволоки и сумел открыть ворота достаточно широко, чтобы прошел маддер. Он так боялся, что его обнаружат, что чуть не забыл пригнуться: проволока, которая предупреждала действие сигналов тревоги, чуть не обезглавила его.

И вот он миновал ворота и оказался на утоптанной площадке за терминалом. Еще несколько мгновений, и вокруг сомкнулся лес. Нажатие кнопки, и пластиковая прозрачная крышка закрылась, отрезав туман. Еще одна кнопка привела в действие нагреватель. Впервые после того, как он покинул Драллар, Флинксу стало тепло.

Он не увеличивал скорость маддера, пока достаточно не удалился от города. Только потом включил прожектор. Мощный луч развеял тьму, показывая тропу среди деревьев. Теперь он смог увеличить скорость, и маддер понесся над влажной поверхностью. Вероятно, слишком быстро для ночного путешествия, но Флинксу хотелось сократить расстояние до похитителей. К тому же его слегка опьянял успех.

В Дралларе было бы не так легко, напомнил он себе. А здесь воров мало, потому что нечего воровать, и ему повезло.

Нижняя поверхность маддера покрыта специальной гидрофобной полисмолой, которая позволяет ему почти без трения скользить по влажной почве; машину приво-

дит в действие единственный электрический двигатель, расположенный на корме. Он почти не шумит; и вообще никаких признаков преследования. Компас маддера помогает держать курс на север.

Была уже середина утра, когда Флинкс почувствовал необходимость остановиться. При дневном свете красной краской он добавил декоративные полосы спереди и сзади машины. На какое-то время это его развлекло, он перестал думать о своих проблемах. Когда он снова двинулся, никто не принял бы его маддер за государственный.

Накануне ночью он ощутил прикосновение эмоции, до боли знакомой. Как обычно, эмоция исчезла, как только он попытался на ней сосредоточиться, но он был уверен, что доносилась она откуда-то с севера.

Довольный, чувствуя себя удобно и в безопасности, он откинул купол. Неожиданно воздух вокруг посерел от тысяч пушистых телец, не больше его мизинца. Они летели на тонких крыльях-мембранах, и он отмахивался от них рукой, замедляя ход маддера. Они двигались так плотно, что он почти ничего не видел.

Пип обрадовался — из-за возможности и поиграть, и поесть. Скоро туча этих существ стала такой плотной, что Флинксу пришлось совсем остановить маддер, чтобы не наткнуться на что-нибудь впереди. Теперь он смог отмахиваться обеими руками.

Ему не хотелось закрывать кабину, потому что в ней неизбежно останется множество этих зверьков. К тому же они, если не считать того, что закрывали видимость, его не беспокоили. Их квадратные маленькие зубы предназначались для раскалывания орехов и семян, и они не проявляли никакого интереса к живой плоти. У них большие ярко-желтые глаза, и две тонкие лапки, которыми удобно цепляться за ветви. Флинкс дивился им и думал, скоро ли ему можно будет продолжить путь.

И вдруг воздух заполнился свистящими звуками. Из земли выскакивали круглые тела размером с голову. Флинкс заметил морды, полные длинных зубов-иголок, и многочисленные лапы, высовывающиеся из-под узкого туловища. Свист сопровождался многочисленными хлопками.

Флинкс всматривался в поток летунов и видел, как из узких вертикальных нор в земле вылетают все новые и новые хищники. В воздух они поднимались, надувая два воздушных мешка в форме сосисок, прикрепленных к спине. Изменяя количество воздуха в мешке, животное управляло не только высотой, но и направлением полета. Они врзались в стаю летунов и узкими мордами выхватывали одного за другим. Поймав нескольких, такой прыгун выпускал воздух из мешка и, как на парашюте, опускался на землю. И опускался как будто сразу в свою нору, в которой немедленно исчезал.

Поскольку ни летунов, ни нападающих на них прыгунов не становилось меньше, Флинкс решил двигаться дальше. Он продвигался медленно, выбирая путь меж деревьев. Проехал почти километр, прежде чем рой стал редеть, и постепенно он снова оказался в пустом лесу. Оглянувшись, он увидел сплошную серо-черно-желтую стену, как дым, вьющуюся меж деревьями. Прошло несколько мгновений, прежде чем он сообразил, что в маддере чего-то не хватает.

— Пип? — Минидрага не было ни на соседнем сидении, ни в воздухе в кабине маддера.

Прошло несколько тревожных минут, прежде чем Флинкс обнаружил своего любимца в багажном отделении за сидениями. Тот раздулся втрое толще обычного. Наглотался вкусных пушистых летунов. Флинкс подумал, что его обычно такой подвижный товарищ сейчас выглядит не очень хорошо.

— Это научит тебя не быть обжорой, — сказал он минидрагу. Тот медленно пошевелился и полностью отказался от всяких усилий. Пройдет немало времени, прежде чем он снова сможет подняться, хотя бы на плечо хозяина.

Флинкс продолжал двигаться на север, почти не останавливаясь для отдыха. Прошло два дня, как он приобрел маддер. Если учесть неторопливость провинциальной жизни, отсутствие машины обнаружится не скоро. Флинкс к тому времени удалился не менее чем на двести километров, а местные власти не знают, в какую сторону он поехал. Скользя по поверхности, маддер не

оставляет следов. Его простой электрический двигатель почти не выделяет тепла, и обнаружить его с воздуха очень трудно. Но Флинкс и не думал что будут разыскивать этот единственный маленький и дешевый экипаж.

Он по-прежнему дивился тем усилиям, которые прилагает кто-то, чтобы похитить безвредную старую женщину. Неправдоподобность ситуации только усиливала его беспокойство, но не уменьшала гнева и решимости.

Прошло несколько дней, прежде чем он почувствовал какую-то перемену в воздухе. Какое-то непривычное ощущение, которое он не мог определить. Вездесущая влажность сохранялась, но она стала острее, он резче чувствовал ее запах.

— Что бы это значило, Пип? — спросил он вслух. Летающая змея, даже если бы могла, не стала бы отвечать. Вся ее энергия по-прежнему была обращена на пищеварение.

Маддер поднялся на небольшой холм. На его вершине в разрыве деревьев Флинкс увидел необычную картину. Вначале он решил, что каким-то образом вышел к океану. Нет, этого не может быть. К северу от Драллара нет никакого океана: нужно либо перебраться через замороженный полюс, либо проехать несколько тысяч километров на запад или восток.

И хоть водная поверхность походила на океан, он понял, что это такое: озеро, одно из сотен озер, которые начинаются здесь и тянутся до самой Арктики. Солнце не отражалось в воде, потому что тучи здесь такие же густые, как над далеким Дралларом, но все же пробивалось достаточно света, чтобы поверхность блестела; этот блеск ударялся в облака, отражался от них и снова падал на воду.

Ослепляющая Синева, подумал Флинкс. Он достаточно знал географию Мота, чтобы узнать первое из озер, носящих такое общее название. Без карты определить, какое именно это озеро, он не мог. Одно из сотен. Названия их он не запоминал, потому что не думал, что ему когда-нибудь придется на них побывать.

От блеска, заключенного между водой и облаками,

начали слезиться глаза, когда он направил маддер к берегу. Озеро преграждает проход на север. Нужно решить, поворачивать на восток, на запад или попытаться пересечь. Куда направилась его добыча, он не знает.

Погода тихая. Небольшая рябь на поверхности воды. Маддер движется над водой так же легко, как над землей, если, конечно, хватит заряда. Если не хватит, он просто утонет.

Флинкс решил, что ему нужен совет. Поэтому он включил карту, которая показала, что недалеко от него к востоку расположен небольшой охотничий комплекс. Он направился к нему.

Десять минут спустя он увидел здание — большое неаккуратное здание из местного камня и дерева. У входа стояло несколько наземных машин. Флинкс напрягся на мгновение, потом успокоился. Ни на одной машине нет правительственных обозначений. Конечно, воровство уже обнаружено, но если и начаты поиски, то в более населенных районах к югу, в сторону Драллара, а не на этом бездорожном севере.

Тем не менее он тщательно осмотрел машины. Во всех четырех никого нет. Две на гусеницах — чисто наземный транспорт. Остальные маддеры, больше и дороже, чем у него, с роскошной кожаной обивкой и самозатеняющимися защитными куполами. Это частные машины. Более комфортабельные, чем его собственная, но вряд ли более прочные. Ни следа верховых животных. По-видимому, всякий, кто может позволить себе такое далекое путешествие на север, может позволить и механический транспорт.

Флинкс остановил свой маддер рядом с остальными и на всякий случай отсоединил зажигание. Маддер опустился на землю, Флинкс перешагнул через его крыло и спустился.

Стоянка для транспорта не вымощена, и он испачкал обувь, пока добрался до ступенек, ведущих в дом. Но всасывающие шланги большую часть грязи убрали. Ступени вели на крытое крыльцо, где стояла деревянная мебель, любимая туристами, которым нравится ее трогать. Дальше начинался узкий коридор, стены из дре-

весных стволов, выкрашенных темной краской.

Флинкс подумал, что в гостинице сможет найти нужную информацию, но тут кое-что не менее важное потребовало его внимания. Пища. Он чувствовал где-то поблизости запахи еды. Нужно немного передохнуть от концентратов, которыми он питается уже много дней. На кредитной карточке баланс еще положительный, а когда еще ему удастся поесть настоящей пищи? И любопытных взглядов со стороны клиентов не будет: Пип все еще не способен есть. Флинкс глубоко вдохнул. Похоже даже, что пищу готовит настоящий живой повар, а не машина.

Флинкс нашел дорогу в большой, с мощными балками над головой, обеденный зал. В дальней стене в каменном очаге горел огонь. Слева источник удивительных ароматов — кухня. Поблизости мирно фыркает пара пушистых животных. У входа сидит пожилая пара. Они едят и даже не смотрят на вошедшего. У очага едят и болтают две молодые пары. В дальнем углу группа пожилых людей, все в плотной одежде для севера.

Флинкс пошел между столами, собираясь спросить кого-нибудь в кухне, может ли он поесть. Неожиданно что-то так сильно ударило по его сознанию, что он для поддержки ухватился за стену.

Из дальней двери появились еще два относительно молодых человека, они подошли к группе обедающих в углу и что-то им сказали. Никто не смотрел на Флинкса, никто не сказал ему ни слова.

Он отделился от стены, ухватился за столик пожилой пары. Мужчина поднял голову и нахмурился.

— Ты себя плохо чувствуешь, сынок?

Флинкс не ответил, он продолжал смотреть через комнату. Лица — он не может разглядеть лица за этой плотной одеждой. Они скрыты от взгляда, но не от чего-то другого.

Он громко, не раздумывая, спросил:

— Мама?

Глаза девятая

Одна из закутанных фигур за столом повернулась к нему. Во взгляде ее было удивление и предупреждение, на которое Флинкс не обратил внимания. Она начала вставать.

Остальные смотрели на молодого человека, стоящего посреди комнаты. Один из младших положил руку на плечо матушке Мاستифф и усадил снова на стул. Она быстро ударила его по руке. Другой достал что-то из кармана и начал приближаться к Флинксу. Ошеломленное выражение, вызванное неожиданным появлением Флинкса, становилось мрачным.

Флинкс оглянулся на пол и стены поблизости, нашел выключатель и бросился к нему. Огни в комнате погасли, теперь ее освещал только тусклый дневной свет из дальнего окна.

Что у меня за фантастический дар, думал он, ныряя в укрытие. Так отреагировать на матушку Мастифф, когда он буквально наткнулся на нее!

Комната заполнилась криками обычных посетителей, смешанными с проклятием тех, кого Флинкс застал врасплох. Он не пытался добраться до стола, за которым держали матушку Мастифф; слишком во многих уличных драках пришлось ему участвовать. Держа в голове очертания обеденной комнаты, он отступил, опустился на четвереньки и пополз вдоль стены, пытаясь обойти похитителей и подобраться к столу с другой стороны. С ней за столом было трое, потом подошли еще двое. Пять противников.

— Где он? Кто-нибудь зажгите свет! — Очень любопытно с их стороны, подумал Флинкс, теперь он знает их местонахождение. Он знал, что нужно как можно быстрее воспользоваться этой информацией. Скоро кто-нибудь из посетителей или работник гостиницы зажжет свет, лишив его единственного преимущества.

В комнате раздался резкий треск, сопровождаемый вспышкой. Один из гостей предупреждающе крикнул. Флинкс улыбнулся про себя. Теперь все жмутся к полу, значит свет не зажжется.

Второй разряд разорвал воздух на уровне стола, он прошел очень близко, так что закололо кожу. Парализующие лучи. Хотя Флинкс несколько приободрился: его противники не намерены убивать, но не стал думать, чем вызвана такая заботливость. Похитители продолжали слепо стрелять в темноте. Теперь парализующие лучи заполняют комнату, и вряд ли кто-нибудь из работников решится включить свет.

Снова радуясь своему небольшому росту, Флинкс продолжал ползти на животе, пока не добрался до дальней стены. В это же время огонь вслепую прекратился. Представляя себе, как кто-то из его противников шарит по стене в поисках выключателя, Флинкс приготовился побыстрее проползти мимо горящего очага. Но тут слышалось проклятие, и совсем рядом с ним опрокинулись стул и стол. Рука Флинкса устремилась к ботинку. Он привстал, выжидая.

Снова услышал звук падения, на этот раз громче и поближе. Флинкс нащупал в темноте стул и толкнул его в темноту. В свете очага показался человек, стул вспыхнул. Флинкс метнулся к человеку и использовал стилет, как его учил старый Миротворец. Человек вдвое больше Флинкса, но плоть его не тверже, чем у остальных. Он резко выдохнул и свалился. Флинкс бросился вперед, подальше от света очага.

— Эрин, — послышался неуверенный возглас, — что с тобой? — Несколько новых всплеск заполнили воздух, лучи ударили в камни камина, где только что стоял Флинкс. Если эти выстрелы должны были застать Флинкса врасплох, ничего не вышло; с другой стороны, они вынудили его снова прижаться к полу.

Еще чуть позже вспыхнули огни, ослепительно яркие после темноты. Флинкс напрягся под столом, защищавшим его, но мог бы и не беспокоиться. Группа путников сбежала, прихватив с собой и матушку Мастифф.

Флинкс выбрался из-под стола. Остальные посетители продолжали лежать на полу. Кто включил свет, Флинкс не знал, но ему некогда было думать об этом.

Дверь в дальнем конце комнаты была распахнута. Она вела на изогнутое крыльцо. Флинкс поспешил к

ней, но задержался, чтобы протолкнуть вперед стул. Когда никто не выстрелил, он набрал воздуха в грудь и выпрыгнул, перекатился через крыльца и встал, полупригнувшись.

Однако никакие враги его не ждали, крыльцо пусто. Но не берег за ним. У берега припаркованы два маддера. Флинкс беспомощно смотрел, как путники, которых он так долго выслеживал, садятся в эти маддеры. Не заботясь больше о безопасности, он побежал по спуску к берегу. Первый маддер уже шел над вершинами волн. К тому времени как он добежал до воды и в изнеможении опустился на колени, сжимая в руке бесполезный нож, обе машины уже были далеко в озере.

Тяжело дыша, Флинкс заставил себя встать и пошел вверх по склону к крыльцу. Надо быстрее идти за ними. Если он потеряет их из виду на этом обширном озере, он не сможет узнать, где они вышли на берег. Он пошел вокруг гостиницы туда, где оставил свой маддер. На него смотрел лежащий на спине Пип. Минидраг пошевелился и снова лег на сидение.

— Отличный из тебя помощник! — рявкнул на него Флинкс. Минидраг, если это только возможно, постарался выглядеть еще более несчастным. Он явно ощутил опасность, грозившую Флинксу, и попытался прийти на помощь, но просто не мог взлететь.

Флинкс уже садился в кабину, когда кто-то положил руку ему на плечо.

— Минутку.

Флинкс напрягся, но бросил взгляд на Пипа и увидел, что тот спокоен.

— Не могу...— начал он, поворачиваясь. Но когда увидел, кто перед ним, мог только смотреть.

Казалось, женщина нависла над ним, хотя на самом деле была всего на несколько сантиметров выше. Черные волосы тугими кольцами падали ей на плечи. Походная куртка заправлена в брюки, которые в свою очередь заправлены в невысокие сапоги. Худая, но не тощая. Рот и нос маленькие, скулы широкие, глаза огромные, как у совы, карие. Кожа у нее почти такая же смуглая, как у Флинкса, но это результат блеска озера,

а не наследственности. Более красивой женщины он не видел.

Он обрел способность говорить и пробормотал:

— Мне нужно идти за ними.

Рука оставалась у него на плече. Он хотел сбросить ее и не мог.

— Меня зовут Лорен Уолдер,— сказала она.— Я главный управляющий «Гранитных Отмелей».— В голосе ее звучал еле сдерживаемая ярость, когда она кивнула в сторону озера. Разлетелись кольца волос.— Что у тебя общего с этими идиотами?

— Они похитили мою мать, женщину, воспитавшую меня,— объяснил он.— Не знаю почему, и сейчас меня это не интересует. Я просто хочу ее вернуть.

— Кажется, ты слегка уступаешь им в численности.

— Я привык к этому.— Он указал на гостиную и по-прежнему открытую дверь крыльца.— Не я лежу мертвым там на полу.

Она нахмурилась, сведя брови вместе.

— Откуда ты знаешь, что он мертв?

— Я убил его.

— Понятно,— сказала, поглядев на него по-новому.— Чем?

— Стилетом.

— Не вижу никакого стилета.— Она осмотрела его сверху вниз.

— Ты и не должна. Послушай, мне нужно идти. Если я от них слишком отстану...

— Спокойней,— сказала она.— Я тебе хочу кое-что показать.

— Ты, кажется, не понимаешь,— настойчиво сказал он.— Я не могу следить за ними. Если я не узнаю, где они вышли на берег...

— Об этом не беспокойся. Ты их не потеряешь.

— Откуда ты знаешь?

— Мы их скоро догоним. Пусть успокоятся и думают, что ушли.— Пальцы ее крепче сжали его плечо.— Обещаю, что ты их догонишь.

— Ну...— Он бросил еще один взгляд на Пипа. Может, чуть позже змея сможет подняться в воздух. Это

внесло бы большое изменение в предстоящую схватку.— Если ты уверена...

Она кивнула. Так же уверена, как и красива. Управляющая охотничьими домиками, подумал он. Должна знать, о чем говорит. Ну, несколько минут он может потратить.

— Что ты хочешь мне показать? — спросил он.

— Пойдем со мной.— В голосе ее по-прежнему звучал гнев.

Она повела его назад в гостиницу, на крыльцо и в обеденную комнату. Несколько ее работников оказывали помощь женщине, которая обедала, когда потух свет и началась стрельба. Ее муж и спутники беспокойно теснились поблизости; женщина тяжело дышала, прижимая руку к груди.

— Сердечный приступ,— сжато объяснила Лорен.

Флинкс осмотрелся. Столы и стулья все еще перевернуты, но никаких других указаний на отчаянную борьбу. Парализующие лучи не причиняют вреда неживым предметам. Убитого уже унесли служащие гостиницы. Флинкс был рад этому.

Лорен провела его на кухню. Тут у двери лежали два пушистых животных, которых он заметил входя. Теперь, вблизи, он видел их круглые мордочки, искаженные агонией. Короткие толстые лапы были плотно прижаты к мохнатым туловищам. мех у них рыжий, только вокруг глаз желтые круги. Глаза плотно закрыты. Навсегда.

— Сеннар и Соба,— сказала Лорен, глядя на мертвых животных со смесью гнева и боли.— Это вервилы. Я вырастила их. Они были детенышами. Нашла их покинутых в лесу. Им нравилось спать здесь, в кухне. Всем нравилось их кормить. Должно быть, они пошевелились не вовремя. И в темноте один из этих...— она произнесла слово, незнакомое Флинксу, что само по себе необычно,— должно быть, принял их за тебя. Мне говорили, что они стреляли по всему движущемуся.— Она помолчала немного, потом добавила: — Тебе везет, как беременной Яксме: все в комнате поражены, кроме тебя.

— Я лег на пол,— объяснил Флинкс.— И встал, только когда было необходимо.

— Да, как обнаружил этот.— Она ткнула пальцем в сторону главного зала. Флинксу видно было, как там заворачивают тело в простыни. Он несколько удивился, увидев, какой огромный у него был противник. Впрочем, в темноте важен только размер ножа.

— Они не должны были этого делать,— говорила управляющая, глядя на мертвых животных.— Не должны были быть такими неразборчивыми. Четыре года я их воспитывала. Четыре года. И они всегда очень любили тех, кто рядом.— Флинкс терпеливо ждал.

Немного погодя она жестом велела ему идти за собой. Они вошли в главный зал, потом в боковой коридор и наконец оказались в кладовой. Лорен открыла стенной шкаф и достала большое сложное на вид ружье и несколько маленьких круглых пластиковых контейнеров. Один из них она вставила в гнездо в нижней части ружья. Оружие казалось слишком громоздким для нее, но она легко повесила его на спину, продев правую руку в ремень. Повесила на пояс пистолет, потом снова вывела Флинкса в коридор.

— Никогда такого ружья не видел.— Флинкс указал на него.— Ты с ним охотишься?

— Оно не для охоты,— ответила она.— Это оружие для рыбы. В каждой обойме,— она указала на круглые контейнеры,— около тысячи стрел. В каждой стреле несколько миллилитров исключительно мощного нервного яда. Если оцарапаешь палец...— Она выразительно пожала плечами.

— Обоймы заряжают стрелами на фабрике в Драларе и потом герметически запечатывают. Стрелу можно достать только выстрелом.— Она похлопала по рукояти ружья. Они повернули за угол и снова оказались в главном зале.

— Этим ружьем убивают рыбу?

Она улыбнулась ему. Не очень веселая улыбка, но все же первая улыбка, подумал он.

— Ты никогда не бывал на Ослепляющей Синеве?

— Я всю жизнь прожил в Дралларе,— сказал он. В общем это практически правда.

— Мы этим не охотимся на рыбу. Только если она подплывет слишком близко к лодке, тогда стреляем.

Флинкс кивнул, стараясь представить себе использование этого оружия. Он знал, что в озерах Ослепляющей Синевы водится крупная рыба, но, очевидно, не понимал, насколько крупная. Конечно, если размер рыбы пропорционален размеру озер...

— Большое ли это озеро?

— Патра? Всего несколько сотен километров в поперечнике. Пруд. Настоящие большие озера, такие, как Бирюзовое и Ханамар, дальше к северо-западу. Географы все время спорят, как их называть: озерами или внутренними морями. Дураки географы.

Они вышли из гостиницы. Хоть дождь не идет, подумал Флинкс. Идти на маддере по следу будет немного легче.

Флинкс подпрыгнул, когда что-то тяжело опустилось ему на плечо. Он неодобрительно взглянул.

— Как раз вовремя.

Летающая змея удобней устроилась на плече, но не глядела в глаза хозяину.

— Интересное у тебя животное,— заметила Лорен Уолдер, не пугаясь минидрага, как большинство впервые. Еще один пункт в ее пользу, подумал Флинкс.— Где на Моте ты его нашел?

— В куче мусора,— ответил Флинкс,— и он сам в нее превратился. Переел несколько дней назад и все еще не переварил.

— Я как раз хотела сказать, что не очень он проворно приземлился.— Она повела Флинкса вокруг главного здания. За ним оказался небольшой залив и второй причал, уходящий в озеро. С того места, где он оставил свой маддер, Флинкс этого не видел.

— Я сказала, мы их догоним.— Лорен указала на причал.

Там стояла лодка необычного вида. Корпус в виде единой вогнутой дуги. Каюта размещалась на верху дуги и была погружена в нее. Нижние стороны дуги уходили

в воду, образуя своеобразный катамаран. Флинкс гадал, каково назначение этой лодки. Какое-то тяжелое оборудование, напоминающее строительный кран, виднелось в задней части палубы. Поблизости на воде покачивалась такая же лодка, но поменьше.

Они поднялись по изогнутому трапу, и Флинкс увидел, как Лорен сняла ружье и села в кресло водителя. Проверяя оборудование и приборы, она говорила:

— Поймаем их в течение часа. Маддер идет быстро, но на воде это гораздо быстрее.

За кормой лодки послышалось низкое гудение; многочисленные входные отверстия по краям начали всасывать воздух, и гудение усилилось.

Лорен коснулась еще нескольких ручек, и магнитные крепления отсоединились от причала. Потом она передвинула ручку в самом рулевом колесе. Гром заполнил воздух, отчего Пип слегка дернулся. Вода за кормой начала кипеть, как в гейзере, мощный поток ее вырвался из скрытых под поверхностью сопл. Лодка двинулась вперед, разрезая волны.

Флинкс стоял рядом с креслом водителя и перекрикивал гром:

— Откуда мы узнаем, куда они направились?

Лорен наклонилась вправо и нажала несколько переключателей под круглым экраном, который тут же осветился. На нем появилось несколько ярких желтых точек.

— Это изображение всего озера.— Она коснулась других кнопок. Все точки, кроме двух, из желтых стали зелеными.— Рыбачьи лодки из других охотничьих домиков вокруг Патры. У них совместимое оборудование.— Она постучала по экрану пальцем.— А вот две точки остались желтыми. Движущиеся неорганические несовместимые, с импульсным повторителем. Как ты думаешь, что это такое?

Флинкс ничего не ответил, он просто смотрел на экран. Потом принялся смотреть на нос, который в сущности не был носом. Двойной корпус катамарана разрезал поверхность озера, и Лорен постоянно увеличивала скорость.

Время от времени она поглядывала на экран.

— Они хорошо продвигаются. Должно быть, у них маддеры работают на пределе. Направляются прямо на север, вероятно, к мысу Хораков. Нам нужно их догнать до того, как они пересекут озеро. Это не маддер. На суше бесполезен.

— Догоним? — с тревогой спросил Флинкс. Он спокойно осматривал затянутый тучами горизонт в поисках блеска металла.

— Конечно, — заверила она. — Если только у них в этих маддерах нет специальных двигателей. Но я думаю, нет, иначе они бы их уже включили.

— А что будет, когда мы их догоним?

— Я попробую перерезать им курс, — задумчиво ответила она. — Если это их не заставит остановиться, что ж... — Она указала на ружье. — Можем перестрелять их по одному. Ружье точно бьет на километр. Стрелы выбрасываются газом, а у ружья телескопический прицел. Если понадобится, я могу попасть в глаз.

— А если они тоже будут стрелять?

— Парализующие пистолеты на такое расстояние не подействуют. К тому же они неточны. Лучи рассеиваются. На людей они эффективно действуют только на близком расстоянии. А для мелких животных они смертельны, — горько добавила она. — Если они сдадутся, мы передадим их властям. Можешь добавить и свои обвинения. Вервилы на Моте охраняются законом. Конечно, я предпочла бы, чтобы эта мерзость оборонялась, тогда мы смогли бы защитить себя.

Подобная кровожадность в такой привлекательной женщине не удивила Флинкса. Он встречался с ней раньше на рынке. Новыми для него оказались ее мотивы. Сколько же ей лет? Наверно, она вдвое старше его. Впрочем, трудно судить об этом уверенно. Жизнь в дикой местности сделала суровым ее лицо; даже жесткая городская жизнь не имела бы такого эффекта. Какая-то особая жесткость; Флинкс находил ее очень уместной.

— А что если они решат сдаться? — Он считал это маловероятным, но ему любопытно было знать, что она собирается делать в таком случае.

— Как я сказала, отвезем их с собой и передадим лесной страже в Калише.

Он сделал резкий рубящий жест.

— Мне это было бы неудобно.

— Не беспокойся,— ответила она.— Я позабочусь, чтобы тебя не ввязывали. Они не только законы охраны природы нарушили. Помнишь ту женщину? Больную жену мистера Мартинсона? Действие парализующих лучей в ее случае может оказаться постоянным. И не только лесная охрана заинтересуется этими людьми.

— А что касается тебя и твоей матери, то вы просто можете исчезнуть. Кстати, почему ее похитили? Ради выкупа?

— У нее нст денег,— ответил Флинкс.— Во всяком случае недостаточно, чтобы так беспокоиться.

— Тогда почему же? — Лорен продолжала посматривать на экран, иногда глядела на небо в поисках признаков дождя. У лодки есть сдвигающееся покрытие, но она надеялась, что его не придется использовать. С ним труднее целиться.

— Я сам бы хотел это узнать,— ответил Флинкс.— Может, узнаем, когда догоним их.

— Может быть,— согласилась она,— хотя Сеннару и Собе от этого лучше не будет. Ты, вероятно, уже понял, что я вообще невысокого мнения о людях. О присутствующих не говорят. Я люблю животных. Чувствую себя заодно с ними. Никогда вервил не предавал меня. Вообще никто из лесных созданий. С ними всегда знаешь, что тебя ждет. Главным образом поэтому я здесь и живу.

— Я знаю нескольких других людей, которые настроены так же,— сказал Флинкс.— Тебе не нужно извиняться.

— А я и не извиняюсь,— сухо ответила она.

— Однако ты управляющая охотничьих домиков.

— Нет, не охотничьих,— поправила она.— Рыболовных. Только рыболовных. У нас не останавливаются охотники, но другим я не могу помешать это делать.

— Значит к рыбам ты не испытываешь симпатии? Чешуя против шерсти? ЭйЭнн не понравилось бы это.

Она улыбнулась.

— А кому какое дело до ЭйЭнн? А что касается остального, то с рыбой нельзя подружиться. Я видела, как рыбы глотают беспомощных молодых вервиллов и других звериных малышей, которые слишком глубоко заходят в воду. Но если подумать,— она что-то сделала на щите, и лодка чуть свернула направо,— не уверена, что предпочла бы общество людей рыбьей компании.

— Все очень просто,— сказал Флинкс.— Ты хронически антиобщественная личность.

Она равнодушно пожала плечами.

— Я есть я. Лорен Уолдер. И я собой довольна. А ты?

Улыбка его поблекла.

— Я еще сам не знаю, кто я.

Он опустил взгляд и принялся смотреть на экран, на ближайшую желтую точку, обозначающую их добычу.

Странные слова для молодого человека, подумала Лорен. Большинство людей не скажут, что еще не знают, кто они. Оговорка? Она решила не продолжать эту тему.

Расстояние между преследуемыми и лодкой быстро сокращалось. Вскоре Флинкс возбужденно закричал, указывая вперед:

— Вот они!

Лорен прищурилась, но увидела только воду и облака. Она взглянула на экран.

— У тебя очень острое зрение, Флинкс.

— Для жизни в Дралларе это необходимо,— заметил он.

Чуть позже она тоже увидела маддеры, которые впереди двигались по волнам к северному берегу. Одновременно в маддерах заметили лодку сзади. Маддеры ускорили движение и снова скрылись из виду. Лорен добавила мощности. Им не уйти от лодки.

— Я так и знала,— сказала она.— Стандартные двигатели, никаких сюрпризов. Не думаю, чтобы они что-нибудь скрывали от нас.— Она взглянула на своего спутника.— Как ты думаешь, сможешь немного повести эту штуку?

Последние полчаса Флинкс провел, изучая приборы управления и экран. Управление не сложнее, чем в маддере. С другой стороны, он никогда не ездил по воде.

— Наверно,— сказал он. Сейчас не время для осторожности.

— Хорошо.— Она сошла с сидения и подождала, пока он не занял ее место и взял в руки руль.— Машина очень чувствительна,— предупредила она,— и на такой скорости любой случайный поворот руля отправит нас в другом направлении. Так что будь внимателен.

— Все будет в порядке,— заверил он ее. Через руль он чувствовал дрожь двигателя. Это ощущение возбуждало.

На маддере что-то блеснуло, но луч рассеялся, не долетев до лодки. Флинкс поддерживал прежнее расстояние между машинами. Последовала вторая вспышка; для лодки она не опаснее луча прожектора.

— Дальнобойного оружия у них нет,— заметила Лорен.— Если бы оно у них было, сейчас самое время его использовать. Флинкс видел, как она подняла ружье. Она почти с нее размером. Установила его на специальную скобу в корпусе и пригнулась к телескопическому прицелу.— Я их вижу,— объявила она, всматриваясь в прицел.— Они растеряны. Это понятно. Никакого оружия, кроме ручного, не вижу. Двое о чем-то спорят. Не думаю, чтобы они ожидали такого преследования.

— Они и меня не думали увидеть в столовой,— возразил Флинкс.— Конечно, они растеряны.

Она оторвалась от прицела.

— Ты уверен, что они не ожидали, что ты за ними последуешь?

— Я в этом сомневаюсь. Иначе мне бы не удалось подойти так близко.

Она хмыкнула и снова пригнулась к прицелу.

— На таком расстоянии я могла бы выбить им зубы.— Она слегка повернула ружье.— Держи лодку ровно.— И нажала кнопку, которая у этого оружия заменяла курок. Раздался негромкий звук, и из ствола стремительно вылетело что-то крошечное.

— Предупредительный выстрел,— объяснила она.—

Вот... там достают стрелу. Я всадила ее в спинку кресла водителя. Теперь все собрались вокруг и рассматривают. Все, кроме, конечно, водителя. Теперь смотрят на нас. Один из них двумя руками держит маленькую старую женщину. Твоя мать?

— Я уверен,— напряженно ответил Флинкс.

— Она сопротивляется, пытается укусить его. Хотя, похоже, ноги у нее связаны.

— Это она.— Флинкс не мог сдержать улыбку.— А теперь что они делают?

Лорен нахмурилась.

— Накрывают маддер каким-то прозрачным куполом. А теперь и откидная крыша. Ее мы можем пробить, а вот купол — не знаю. Ну, ладно, это не важно. Левый борт!

— Борт? — переспросил Флинкс.

— Поворачивай налево,— сказала она.— Мы их обойдем и перережем курс. Может, когда они увидят, что мы не только можем их догнать, но и ходить кругами, они прислушаются к голосу разума.

Флинкс послушно повернул руль, катамаран немедленно повиновался.

— Хорошо, теперь правый б...— направо, не очень резко.— Флинкс повернул руль, корабль разрезал воду.

И вдруг все изменилось. Послышался какой-то новый звук, низкое гудение.

— Черт возьми! — раздраженно сказала Лорен, указывая вперед.

Флинкс оторвал взгляд от приборов. С севера приближался очень большой скиммер. В нем вполне поместятся все пассажиры маддеров. И если были какие-то сомнения в намерениях скиммера, то они быстро исчезли, когда летающая машина начала снижаться, сделала круг и зависла над первым маддером, уравнив с ним скорость.

— Если они поднимутся на борт, мы их потеряем,— обеспокоенно сказал Флинкс.— Ты можешь их снять, когда они будут переходить? — Скиммер уже уравнил скорость с маддером, к воде спустили веревочную лестницу.

Лорен снова пригнулась к ружью. Палец ее лег на кнопку. Потом она неожиданно откинулась и гневно ударила по ложу.

— Какая низость! Они держат твою мать перед лестницей. Я не могу стрелять.

— Что нам делать? Мы ведь не можем просто кружить!

— Откуда мне знать? — Она оставила ружье и бросилась в багажное отделение. — Маддеры, парализующие пистолеты, похищение, а теперь скиммер, присланный откуда-то с севера. Да кто они, эти люди?

— Не знаю! — ответил Флинкс. — Я тебе уже говорил, что ничего не понимаю. — Он пытался одновременно смотреть на нее и вести лодку вокруг маддеров и парящего над ними скиммера. — Что ты собираешься делать?

Она достала из багажного отделения какое-то приспособление, длиной с ружье, но более узкое.

— Когда я дам знак, — напряженно сказала она, — плыви прямо на них и в последнюю минуту отворачивай. Не думаю, чтобы они ожидали такого хода. Сейчас они слишком заняты переходом на скиммер.

— А что ты хочешь сделать? — с любопытством спросил он. — Сбить скиммер?

— Этим ружьем? Ты шутишь? — фыркнула она. — Делай, что я говорю.

— Пока твои слова имеют смысл, — ответил он, слегка обиженный ее тоном.

— Ты зря теряешь время! Делай!

Он резко повернул руль. Катамаран развернулся так круто, что левая сторона поднялась из воды. Высокий водяной столб на мгновение перекрыл им видимость.

Через несколько секунд они уже неслись на маддер и висящий над ним скиммер. На машинах зашевелились проворнее. Как и считала Лорен, там меньше всего ожидали прямого нападения. Прогревели несколько выстрелов, но они были торопливо нацелены. Стрелявшие промахнулись.

— Круто левый борт! — Лорен перекрикивала гул двигателя. Те, что еще оставались на борту маддера,

пригнулись в ожидании столкновения. Флинкс повернул руль. С ревом двигателя катамаран свернул влево, чуть не потопив тех, кто поднимался по лестнице на скиммер.

Лорен, должно быть, один раз выстрелила, подумал Флинкс. Он снова повернул руль, и они по широкой дуге снова направились к своей добыче. К его удивлению, женщина убрала странное оружие в багаж и вернулась к своему ружью.

— А теперь попробуем пострелять.

— Однозарядное ружье? — удивился Флинкс. — Никогда о таком не слышал. Вообще, к чему был этот сумасшедший наскок? — Он сражался с рулем.

— Это наша страховка, Флинкс. — Она указала на багажное отделение, куда убрала узкое оружие. — Это маркировщик. Мы им пользуемся, чтобы пометить раненую рыбу, если она срывается с лески. — Она кивнула в сторону скиммера. — Думаю, попала дважды. Ружье стреляет специальной капсулой, которая приклеивается к корпусу. Эпоксидный клей приклеивается ко всему и не растворяется в воде. Если только не начнут осматривать днище скиммера в поисках повреждения — а им этого не нужно делать, потому что никакого повреждения нет, — они никогда не найдут капсулу. Кстати, она прозрачная. Теперь мы сможем их выследить.

— Но ведь не на этой лодке.

— Конечно, нет. Но у нас есть скиммер. Его слишком долго готовить, а то мы взяли бы его, а не лодку. Жаль, что не взяли. Но как мы могли ожидать, что к ним на помощь прилетит скиммер? — Она указала на мадер.

— Если только они намного не опередят нас, мы сможем за ними следить — как с этой лодки. Сейчас мы им не можем помешать... — Она снова пригнулась к прицелу. — Ага, они поднимают твою мать. Связанную. Я уверена, им это далось нелегко.

— Конечно, — ответил Флинкс.

— Сейчас можно стрелять, — обрадованно сказала Лорен. Следящее устройство громко загудело.

— Что это? — Флинкс удивленно взглянул на экран

Лорен выругалась и оторвалась от ружья. Бросила

быстрый взгляд на экран, и Флинкс обнаружил, что его не слишком вежливо столкнули с места. Он больно ударился о палубу.

— Эй, что...!

Лорен не слушала его, она резко повернула руль направо. Флинкс лихорадочно пытался за что-нибудь ухватиться, лодка накренилась. Флинксу· видно было, как над поверхностью воды поднялось что-то огромное и серебристое.

Глава десятая

С маддеров и скиммера слышались крики. Большая волна чуть не перевернула лодку; только опыт и искусное маневрирование позволили Лорен удерживать ее.

Флинкс видел огромную серебристую спину, в рассеянном солнечном свете на ней поблескивали золотистые точки. Словно из-под воды поднялась гигантская труба, украшенная радугами. Но она оказалась не бесконечной, как вначале подумал Флинкс. Чудовище снова погрузилось, и еще одна волна потрясла катамаран. Флинкс, держась обеими руками, смотрел наружу.

Маддеры исчезли, проглоченные тем, что поднялось из глубин озера. Скиммер едва успел увернуться от гигантской пасти. Он парил над потревоженной поверхностью воды, где только что виднелись другие машины. Потом кто-то на борту скиммера, очевидно, принял решение, скиммер поднялся еще метров на двадцать к облакам и быстро полетел на север.

— Они уходят,— закричал Флинкс.— Нам нужно вернуться за скиммером и торопиться за ними, пока...

— Сначала нужно уйти живыми,— Лорен вслед за этим сообщением еще раз выругалась и рванула руль. Серебряная гора поднялась из воды справа от лодки. Флинкс увидел пасть, способную проглотить несколько маддеров целиком. Или лодок, как у них. Челюсти щелкнули, в борта ударила пена. Чудовище было так

близко, что Флинкс ощутил его зловонное дыхание. Потом оно снова ушло под поверхность за катамараном.

Что-то шевельнулось у него на плече, он поднял руку, схватил мускулистое тело и помешал ему развернуться.

— Нет, Пип... Спокойней. Этот слишком велик даже для тебя.

Змея немного посопротивлялась, потом расслабилась. Но продолжала нервничать, чувствуя угрозу не только хозяину, но и себе. Однако ответила на пожатие пальцев Флинкса и оставалась на месте.

В третий раз вынырнул пенестрал, раздраженно схватив пастью воду в том месте, где только что была лодка. Благодаря следящему устройству, которое предупреждало о появлении кошмарного чудовища, пока им удавалось увернуться от него.

— Так больше нельзя,— сказала Лорен.— Я буду продолжать уходить, пока не допущу ошибку. И тогда он схватит нас, как тех бедняг на маддерах.— Она внимательно смотрела на экран.— Сейчас он кружит. Старается отрезать нас от мелководья и берега. Пусть думает, что мы направляемся туда. А потом вернемся на глубоководье.

— Зачем?

Она не обратила внимание на его вопрос.

— Ты ведь не обиделся, когда я тебя оттолкнула от руля? Бери его снова.— Она протянула руки и полупотщила, полунаправила его снова в сидение водителя.— Довольно.— Она резко повернула руль, лодка, казалось, повернулась на осн. Флинкс ухватился за руль.— Он последует за нами, не будет пытаться напасть снизу, а попробует с кормы. Веди лодку в озеро и дай мне знать, когда он приблизится.— Она указала на красное пятнышко за лодкой на экране.

— Но разве мы не?..

Она не слушала его, пробиравась к похожему на кран сооружению на корме. Села под ним, отрегулировала так, чтобы оно выдавалось за корму, проверила показания приборов.

— Когда я скажу,— крикнула она, перекрывая рев

машины и воды,— резко левый борт. Налево!

— Я помню,— ответил он. Все его внимание было приковано к экрану.— Он все ближе.

— Хорошо.— Она поудобнее уселась, коснулась рычага. Гибкие ремни плотно захватили ее талию, бедра, плечи, ноги, приковав к сидению полосатым коконом.

— Ужасно близко! — крикнул Флинкс.

— Еще рано,— ответила она.— Рыболов должен быть терпелив.— Вода за кормой начала кипеть, такое волнение не мог произвести двигатель лодки.— Давай! — крикнула она.

Флинкс рванул руль налево. Одновременно поверхность озера за ними взорвалась. Обе руки Флинкса лежали на руле, ему ничего не оставалось делать, как крикнуть, когда Пип взлетел с его плеча в воздух. Глухой взрыв прозвучал сзади, гарпун вонзился в бок пенестрала, как раз под крылообразным плавником, закрывавшим его жабры.

Чудовище вытеснило воду озера на том месте, где только что находилась лодка, которую круто повернул Флинкс. Послышался еще один глухой взрыв, это заряд гарпуна, настроенный на выдержку, разорвался внутри рыбы. В глубине корабля начал разматываться барабан с тросом, специальное химическое покрытие уменьшало трение в том месте, где трос касался корпуса.

— Выключи двигатель,— последовал приказ с кормы.

— Но тогда у нас не будет...— начал он.

— Выполняй! — приказала она.

Флинкс вздохнул. Он не очень хороший пловец. Он повернул акселератор, пока скорость их не упала до нуля. Лодка закачалась на волнах. И тут же катамаран начал отходить назад. Трос стал разматываться медленнее, так что Флинкс смог разобрать на нем метки длины. Тем временем Лорен перезарядила гарпунное ружье и внимательно следила за поверхностью.

Она крикнула:

— Где пенестрал?

— По-прежнему движется перед нами, но, мне кажется, медленнее.

— Этого следовало ожидать. Держи руки на акселераторе и на руле.

— Еще медленнее, — крикнул он. — Медленнее, медленнее... Я его больше не вижу. Мне кажется, он под лодкой!

— Вперед! — крикнула она, но в этот момент он в таком приказе не нуждался: он уже переключил акселератор. Двигатель взревел, и лодка понеслась по озеру. Чуть позже за ними взметнулся гейзер: пенестрал старлся проглотить все небо. Флинкс слышал, как вторично ударил гарпун.

На этот раз он ударил как раз под хрустальным глазом пенестрала размером с зеркало телескопа. Рыба снова упала на воду, как на пущенной обратным ходом видеоленте, подняв огромные волны, на которых легко качался катамаран. Волны по частоте, если не по размеру соответствовали дрожи в желудке Флинкса.

На этот раз рыба не ушла под поверхность, она осталась на воде, конвульсивно дергаясь.

— Назад! — приказал Лорен. Она сильно вспотела, перезаряжая гарпунное ружье в третий раз. Только специальное погрузочное оборудование давало возможность одному человеку справляться со стволом и тяжелым разрывным зарядом.

Этот гарпун был чуть меньше и тоньше двух предшествующих. Лодка двинулась назад к пенестралу, и Флинкс снова услышал выстрел. Прошло несколько минут. Пенестрал перестал дергаться и начал тонуть.

Лорен коснулась другой кнопки. Загудел компрессор в глубине катамарана, подавая сжатый воздух через полый трос, соединенный с последним гарпуном. Лорен отстегнулась, следя за тем, как разматывается трос.

— Воздух будет держать его на плаву несколько дней, — спокойно заметила она, снова обмениваясь с Флинксом местами. — Этот великоват для грузовой стрелы.

— А зачем с ним возиться? — Флинкс смотрел на серебристую гору за катамараном.

— Может, ты и прав: не слишком крупная рыба. Думаю, не больше пятнадцати метров. — Флинкс, рази-

нув рот, смотрел на Лорен.— Но в Каслине и в других городах на побережье много голодных, а у пенестрала хорошее мясо, нежное и не жирное. Они его используют. А что не съедят, продадут дальше на юг. Наша гостиница на этом заработает.

— К тому же к нам приехали гости, они приезжают регулярно, дважды в год, уже много лет подряд. Так вот, никто из них не видел рыбы, крупнее пятиметрового пескаря. А ты первый раз — и такой улов. Можешь гордиться.

— Я ее не поймал,— поправил он.— Ты поймала.

— У нас на озере скромность не в моде. Пенестрала одному не поймать, нужны коллективные усилия. Уходить от него не менее важно, чем стрелять. Иначе мы бы кончили на его стене с охотничьими трофеями.— Она указала на наполненную воздухом тушу, которая показывалась за катамараном.

На левое плечо Флинкса легла тяжесть.

— Я надеялся, ты не станешь нападать на него,— сказал он минидрагу, который обернулся вокруг его руки.— Приятно знать, что у тебя все-таки есть инстинкт самосохранения.— Летающая змея вопросительно взглянула на него, потом закрыла глаза и расслабилась.

Лодка направилась к южному берегу, а Флинкс продолжал разглядывать пенестрала.

— У этих людей в маддерах не было никаких шансов.

— Они так и не поняли, что на них обрушилось,— согласилась Лорен.— Я уверена, у них не было никакого следящего оборудования. Не было для этого причины. Если бы наш аппарат вышел из строя, мы бы присоединились к маддерам в брюхе пенестрала.

По крайней мере быстрая смерть, подумал Флинкс. Смерть частый гость неосторожных на рынке Драллара, так что он был знаком с нею. Мысли о смерти напомнили ему о матушке Мاستифф. Может, его настойчивость заставит похитителей решить, что не стоит дольше тратить на нее силы. Как они теперь к ней отнесутся, после того как ее присутствие послужило причиной смерти

нескольких из них? Впрочем, решил он, все равно не станут ее убивать. Слишком много сил они уже потратили.

Но эта мысль заставила еще больше встревожиться.

Лорен, утомленная схваткой, говорила возбужденно и слегка задыхаясь. У нее есть право устать, подумал Флинкс.

— Когда-нибудь, Флинкс, когда мы покончим с этим делом, тебе нужно будет вернуться сюда. Я отвезу тебя на озеро Хозингар или на Утухуку. Вот это большие озера, и рыба там большая. Не то, что в нашей маленькой Патре. На Хозингаре ты поймешь, почему эти озера называются Ослепляющей Синевой.

Флинкс взглянул на огромную тушу, плывущую рядом с их лодкой.

— Я знал, что есть озера больше этого, но не думал, что в них есть большие пенестралы.

— О, пенестралы — это хищники среднего размера, — ответила она. — На Хозингаре не охотятся на пенестрелов. Там добывают обовейров.

— А что такое обовейр? — спросил Флинкс.

— Рыба, которая питается пенестралами.

— Ага, — сказал он негромко, пытаясь представить себе такую рыбу. Воображения не хватало.

* * *

У причала их ждала целая толпа. Лорен привязала пенестрала к буйку. Туша слишком громоздка, чтобы сразу вытащить ее на берег.

Флинкс миновал охающих и ахающих гостей, оставив Лорен отвечать на вопросы. Несколько ее служащих тоже стали расспрашивать. Постепенно толпа рассеялась, некоторые вернулись в свои комнаты, другие остались глазеть на рыбину.

Флинкс с благодарностью опустил в кресло на крыльце главного здания.

— Сколько ты хочешь за пользование скиммером и следящим устройством? — спросил он, когда Лорен

подошла к нему.— Конечно, ты должна показать мне, как ими пользоваться.

Она нахмурилась.

— Не уверена, что поняла тебя, Флинкс.

— Я тебе сказал, что пойду за ними. Ты сделала это возможным, и я тебе благодарен.

Она выглядела задумчивой.

— Правление поднимет шум, если узнает, что я использовала скиммер в личных целях. Скиммеры гораздо дороже лодки и маддера. Нужно быть поосторожнее.

Он не слушал ее, обдумывая планы преследования похитителей.

— Не знаю, как я тебе отплачу, Лорен.

— Об этом не беспокойся. Прибыль от продажи пенестрала перекроет наши расходы. Давай, вставай с кресла и змею убери. Нужно собрать припасы. Скиммер обычно используется для срочных поездок в Атток. Оттуда мы привозим своих гостей. Нам нужно захватить продуктов, и я хочу убедиться, что в машине полный заряд. И если не потрачу десять минут на волосы, я умру.— Она дернула за путаницу черных колец, появившуюся после схватки на озере.

— Минутку.— На этот раз Флинкс удержал ее рукой.— Ты не поняла. Ты ведь не собираешься идти со мной?

— Ты не умеешь пользоваться следящим устройством,— заметила она.

— Справлюсь,— уверенно ответил он.— Мне ведь не пришлось долго учиться управлять лодкой.

— Ты не знаешь местность.

— Меня не интересует местность. Я не в турпоход собираюсь. Предоставь мне оборудование. Я как-нибудь заплачу. Мне нужно только следящее устройство и заряд для моего маддера, если ты боишься за свой скиммер.

— Ты забыл о моих вервилах. К тому же скиммер не выследить на маддере. А если попадешь в ущелье?

— Но ты ведь не можешь оставить свою работу здесь,— он решил попробовать по-другому,— только чтобы отомстить за домашних животных?

— Я тебе говорила, что вервилам на Моте грозит

вымирание. И говорила, как я отношусь к животным.

— Я знаю, но ведь это не значит...

Он замолк, так как она потрепала его волосы.

— Знаешь, ты напоминаешь мне другого вервила, который когда-то у меня был, хотя шерсть у него была не такая яркая, как твои волосы. Но похоже.—Потом более серьезно добавила:—Флинкс, эти люди мне не нравятся. Не нравятся из-за того, что они причинили тебе и мне. Поэтому я поступаю не только из-за тебя, но и ради себя самой. Я пошла бы за ними, даже если бы тебя не было,—из-за Сеннара и Собы.

— Не пытайся говорить, что тебе не нужна помощь. И не носи архаический вздор о том, что не берешь меня, потому что я женщина.

— О, не волнуйся,— резко возразил он.— Меньше всего я хочу нести архаический вздор.

Она смолкла, не зная, шутит ли он.

— И если я не пойду — ты, конечно, не остановишь меня,— добавила она,— ты тоже не сможешь идти, потому что только у меня доступ к скиммеру.

Флинксу не трудно было сдаться.

— Мне некогда с тобой спорить.

— И смысла нет, я думаю. Но насчет времени ты прав. Следящее устройство возьмет сигнал капсулы, но не будем рисковать. Не знаю, какой у них скиммер. Никогда таких не видела и не знаю, насколько он быстрее обычного. Итак, идем вместе?

— Вместе. Но только два условия, Лорен.

Снова она в затруднении посмотрела на него. Когда она уже думала, что сумеет предсказать его действия, он опять сделал нечто неожиданное.

— Ну, говори.

— Первое. Пип продолжает терпеть тебя.— Он с любовью почесал змее голову.— Видишь ли, у меня самого есть некоторые чувства к животным.

— А второе? — спросила она.

— Если еще раз тронешь мои волосы, я так пну тебя в твой прекрасный зад, что долетишь до полюса. Сколько я себя помню, старухи всегда так со мной поступали, и с меня достаточно!

Она улыбнулась.

— Договорились. Я рада, что твоя змея не так чувствительна, как ты. Пошли. Мне придется оставить сообщение начальству, если оттуда позвонят и захотят узнать, где управляющий вместе со скиммером.

Когда она сообщила о своем отъезде своему помощнику, тот очень расстроился.

— Но что я скажу Килкенни, если он позвонит из Аттоки? Если у него есть гости, за которыми нужно ехать?

— Мы еще целую неделю никого не ждем. Ты это знаешь, Сал. Скажи все, что хочешь.— Говоря, она складывала вещи в небольшой рюкзак.— Нет, скажи, что я отправилась помогать одному из гостей. Это хорошее объяснение моего отсутствия.

Помощник посмотрел в ту сторону, где нетерпеливо ждал Флинкс, почесывая Пипа под подбородком и глядя на озеро.

— Мне кажется, он не очень нуждается в помощи.

— Он скрывает свое расстройство,— сказала Лорен,— и больше я ничего не могу тебе объяснить, Сал. Ты меня удивляешь. Мы скоро вернемся.

— Гм. Просто я не умею лгать, Лорен. Ты ведь это знаешь.

— Постарайся.— Она потрепала его по щеке.— И я не лгу. У него действительно неприятности.

— Но скиммер, Лорен.

— У тебя остаются маддеры и лодки. Если только не случится серьезная катастрофа, не вижу, зачем тебе может понадобиться скиммер. Он ведь здесь только на случай чрезвычайного положения. А по-моему,— она взглянула в сторону Флинкса,— как раз у него чрезвычайное положение.

Помощник пнул ком земли.

— На твою ответственность.

— Да, на мою ответственность.

— А если спросят, куда ты направилась?

— Скажи...— Ее прервал кашель. Она взглянула на Флинкса и кивнула.— Скажи просто, что я отправилась за озеро.

— Но в какую сторону?
— Просто за озеро, Сал.
— Ага. Хорошо. Понял. Наверно, у тебя есть для этого причины.

— Да. Ну, а если я ошиблась, что ж, Сал, ты всегда хотел стать тут управляющим.

— Подожди, Лорен. Я никогда не говорил...

— Постарайся ради меня. Для меня это многое значит.

— Ты правда скоро вернешься?

— Зависит от того, как все обернется. Пока, Сал.

— Береги себя, Лорен.— Он смотрел, как она подошла к незнакомому юноше, потом пожал плечами и по ступенькам поднялся в гостиницу.

Как сказала Лорен, это на ее ответственности.

Проверка скиммера заняла немного времени. Флинкс поднялся на борт, восхищаясь удобной машиной. Впервые с того времени, как он покинул Драллар, он может не опасаться неудобно расположенных камней и деревьев. Корпус машины сделан из черной искусственной смолы. В нем может разместиться экипаж и еще с десятков пассажиров. Вдобавок к обычному запасу на случай неожиданностей Лорен прихватила еще продовольствия и медикаментов. Они взяли с собой ружье, несколько обойм со стрелами и портативное следящее устройство.

Флинкс смотрел на экран. По нему на север двигалась одна светящаяся точка. Круглый экран заполняла серия концентрических окружностей. Точка — их добыча — достигала уже самой крайней окружности.

— Еще немного, и они уйдут с экрана,— сказал он Лорен.

— Не волнуйся. Они теперь уверены, что мы их потеряли.

— Они делают зигзаг по экрану.

— Не рискуют. Но ты прав: нам пора отправляться.

Она села в кресло пилота и нажала несколько кнопок. Двигатель загудел громче мотора маддера, машина поднялась на несколько метров. Лорен в последний раз проверила все установки, потом повернула машину на невидимой оси и вывела ее из ангара. Машина подня-

лась на десять, двадцать, тридцать метров над гостиницей. Прикосновение к акселератору, и они двинулись к берегу.

В кабине было тепло, но Флинкс, глядя на экран, ощущал холодок.

— Я тебе сказала: не беспокойся.— Лорен бросила взгляд на его лицо.— Мы их поймаем.

— Дело не в этом.— Флинкс указал через прозрачное покрытие кабины.— Я думаю о том, что может поймать нас.

— Никогда не слышала, чтобы пенестрал поймал добычу в тридцати метрах над водой. Обовейр может это сделать, но в озере Патра нет обовейров. По крайней мере я об этом не слышала.

Тем не менее Флинкс все время переводил взгляд с горизонта на опасные глубины вниз.

* * *

— Я слышал, у вас были неприятности.

Сал сидел в столовой и прихлебывал горячую тому, разглядывая посетителей. Они прибыли на собственном маддере, что свидетельствовало о их независимости и богатстве. Если правильно проведет разговор, возможно, уговорит их провести в гостинице несколько дней. У них пустует несколько дорогих номеров, и если он поместит эту пару в один из них, это отразится в его досье. Обычно он мог по акценту определить, откуда инопланетяне, но с этими не получается. Слова они произносят четко, но звуки слегка расплываются. Это тоже удивляло его.

Как только Лорен и ее подопечный улетели, навалилось множество обычных дел. С юга никто не звонил, ни управляющий районом, ни другие. Сал был доволен собой. Впрочем, может, компания решила произвести какое-то расследование. Эта мысль заставила его нахмуриться.

— Вы случайно не из компании?

— Нет,— ответил мужчина, приятно улыбаясь.— Ничего подобного. Просто любим путешествовать. Нас интересуют всякие необычные случаи.

— У вас ведь тут убили человека? — спросила женщина.

— Ну, для одного дня у нас тут оживленно, — сказал Сал. — Да, человек был убит в драке. Не наш гость, — поторопился он добавить. — Прямо здесь. Настоящая стычка.

— Можете описать, кто в этом участвовал? — спросила она.

— Нет. Я даже не знаю, какие гости тут присутствовали и какие посетители. Видите ли, я сам не был свидетелем случившегося, а когда я пришел, большинство участников уже исчезли.

Женщина приняла его слова с разочарованным кивком.

— А участвовал в этом молодой человек? Примерно шестнадцати лет?

— Да, я его видел. Рыжие волосы?

— Это он.

— А что, он опасен? — Помощник управляющего наклонился вперед, неожиданно встревожившись.

— А почему вам интересно это?

— Видите ли, моя начальница, управляющая, Лорен Уолдер... Она отправилась с ним.

— Отправилась с ним? — Приятное выражение исчезло с лица женщины, лицо это застыло.

— Да. Три, может, четыре часа назад. До сих пор не понимаю почему. Она сказала только, что у молодого человека затруднения, и она хочет помочь ему.

— Куда направился их маддер? — спросил мужчина.

— На север, через озеро, — ответил Сал. — Но они отправились не в маддере. Она взяла скиммер.

— Скиммер! — Женщина раздраженно взмахнула руками и тяжело опустилась на стул напротив помощника. — Мы отстаем, а не догоняем, — сказала она своему спутнику. — Если он достигнет их раньше нас, мы можем потерять его и... — Ее спутник резко взмахнул рукой, и она смолкла. Жест был быстрым и скрытным, но Сал его заметил.

— Вот теперь я начинаю беспокоиться, — сказал он паре. — Если Лорен попала в неприятности...

— Возможно,— согласился мужчина, довольный, что помощник сменил тему.

Сал немного подумал.

— Опасность может идти от людей, которые здесь дрались, или от рыжеволосого?

— И то, и другое.— Мужчина лгал только отчасти.— Вам лучше рассказать нам все, что знаете.

— Я уже все рассказал,— ответил Сал.

— Вы сказали, что они отправились на север, через озеро. А точнее?

Сал беспомощно поглядел на них.

— Лорен ничего не говорила.

— Они могут направляться на север и дальше.

— Нет, вряд ли. У вас есть следящее устройство? — спросил Сал.

Мужчина покачал головой.

— Нет. Мы не думали, что оно нам понадобится. Молодой человек, о котором мы говорим, передвигался на птице ступаве.

— Мне кажется, сюда он прибыл на маддере.

Женщина удивилась и печально улыбнулась своему спутнику.

— Неудивительно, что мы отстали. Изобретатели, а?

— На мой вкус, слишком,— ответил мужчина.— А может, это и к лучшему, если он загонит — ты знаешь кого — в угол.

Женщина вздохнула, потом встала.

— Ну, что ж, мы достаточно потратили здесь времени. Придется возвращаться в Пранбет за скиммером и следящим устройством. Или ты думаешь, что мы можем догнать их в маддере?

Мужчина коротко невесело рассмеялся, потом повернулся к помощнику управляющего.

— Спасибо, сынок. Вы нам очень помогли.

— Хотел бы помочь больше,— беспокойно ответил Сал.— Если что-нибудь случится с Лорен... Вы ведь позаботитесь, чтобы с ней ничего не случилось?

— Обещаю, что мы сделаем все возможное,— заверила его женщина.— Мы не хотим, чтобы страдали

невинные. Даже и виновные тоже.— Она подарила ему материнскую улыбку, от которой почему-то нервному помощнику управляющего не стало спокойнее.

Глава одиннадцатая

Следящее устройство негромко гудело, на экране ярко сверкала единственная желтая точка, скиммер летел на север. Он летел в восьмидесяти метрах над грязью и топями, выше самых высоких деревьев. Они пролетели над озером Патра, потом миновали полосу сухой местности, далее гораздо большее озеро Тиграносерта и теперь снова летели над лесом. Шел холодный дождь, покрывая влагой прозрачное покрытие каюты и закрывая видимость. Инструменты скиммера продолжали регулировать его скорость, поддерживая необходимое удаление от добычи.

Необыкновенно молчалив, подумала Лорен Уолдер. И не только.

— Нет, я не слишком молод,— сказал он в тишине, заполнявшей кабину.

Лорен подняла брови.

— Ты читаешь мысли?

Он застенчиво улыбнулся.

— Нет.— Пальцы его поглаживали спящего минидрага.— Но иногда я кое-что чувствую. Не мысли, ничего такого сложного: То, что люди чувствуют.— Он взглянул на нее.— По твоим чувствам я решил, что ты скажешь что-нибудь подобное.

— Ну, ты прав,— призналась она, гадая, что делать с его признанием.

— Я не так уж молод.

— Сколько тебе лет?

— Шестнадцать. Но точно я не знаю.

Шестнадцать, а ведет себя, как в шестьдесят, печально подумала она. Во время своих редких посещений Драллара она таких видела. Дитя обстоятельств, выросший на улицах и обученный недостойными людьми

и случаями, он, кажется, справился с этим лучше других. Лицо свидетельствует о познаниях, каких нет у его более счастливых сверстников, но они как будто не озлобили его.

Но она чувствовала, что в нем есть что-то еще.

— А как ты думаешь, сколько мне лет? — спросила она.

Флинкс посмотрел на нее, поджав губы.

— Двадцать три, — без колебаний сказал он.

Она негромко рассмеялась и радостно захлопала.

— Вот кому я помогаю, шестнадцатилетнему мстительному дипломату! — Она перестала смеяться. Но по-прежнему улыбалась. — Расскажи мне о себе, Флинкс.

Ни один нахал в Дралларе не решился бы так сказать. Но здесь не Драллар, напомнил он себе. К тому же он в долгу у этой женщины.

И он рассказал, что знал. А когда закончил, она продолжала серьезно смотреть на него, кивая головой, словно его слова отвечали каким-то ее мыслям. Отвела взгляд, чтобы убедиться, что на экране по-прежнему ясно виден след, потом снова посмотрела на него.

— У тебя не очень счастливое детство.

— Не знаю, — ответил он, — мне не с чем сравнивать.

— Можешь поверить мне на слово. Но ты умудрился как-то поладить с большей частью человечества, которое не хотело иметь с тобой ничего общего. А мне приходится скрываться от большинства, которое, наоборот, слишком ко мне пристает.

Она импульсивно наклонилась в пилотском кресле и поцеловала его. Он мгновенно отшатнулся, такая необычная близость другого человека, особенно привлекательной особы противоположного пола, поразила его, и поцелуй, предназначавшийся щеке, пришелся в губы.

Поэтому она побыстрее отодвинулась. На губах ее сохранялась улыбка, и она только мигнула удивленно. Случайность, только и всего.

— Поверь мне, Флинкс. Если проживешь достаточно долго, жизнь станет лучше.

— Это что, одна из церковных проповедей? — Инте-

ресно, у нее что, едкая помада на губах? Его собственные губы в огне.

— Нет,— ответила она.— Это проповедь Лорен Уолдер.

— Рад слышать. От церкви мне никогда не было проку.

— Мне тоже. И большинству людей. Поэтому она такая живучая, я думаю.— Она снова повернулась к экрану.— Они уменьшили скорость. Мы сделаем то же самое.

— Ты думаешь, они нас заметили? — Неожиданно ему стало все равно, что решили делать люди в скиммере перед ними. Огонь с губ распространился на рот, пробежал по горлу, охватил все тело. Сладкий, приятный огонь.

— Сомневаюсь,— ответила она.— Ручаюсь, они близки к цели.— Руки ее устремились к приборам.

— Далеко ли они от нас? — Он прошел вперед и всмотрелся через ее плечо в экран. Мог бы встать слева от нее, но неожиданно почувствовал тепло ее тела, запах волос. И постарался не прикасаться к ней.

Она произвела быстрый расчет.

— Примерно в одном дне. Нам не нужно слишком сближаться с ними. Тут ничего нет. Странное место для остановки, но это дело вообще странное, судя по твоим словам. Зачем привозить сюда твою мать?

У него не было на это ответа.

Они снизились, и скиммер стал подниматься и опускаться над верхушками деревьев. И так напряженно следили за точкой на экране, что не заметили, что дождь кончился и облака начали расходиться. Над головой засверкало одно из разорванных колец Мота, золотое на фоне неба.

— Почему ты думаешь, что они тут останавливаются, а не просто ненадолго задерживаются? — спросил Флинкс Лорен.

— Потому что скиммер работает на заряде, как маддер. Вспомни, им пришлось отсюда лететь до Патры. Наш заряд тоже истощается, а мы ведь еще не повернули назад. Не знаю, какая у них модель, но машина боль-

шая. У нее не может быть большего запаса энергии, чем на несколько дней пути. Где-то им все равно нужно остановиться и перезарядиться. А это хорошо.

— Почему? — спросил Флинкс.

— Потому что нам тоже нужно будет зарядиться.— Она указала на шкалу.— Мы использовали больше половины заряда. Если не сумеем зарядиться где-нибудь здесь, домой придется добираться автостопом.

Флинкс с новым уважением взглянул на нее; его мнение о ней достигло головокружительных высот.

— А почему ты не сказала, когда мы были на середине?

Она слегка пожала плечами.

— Зачем? Мы с большими хлопотами добрались сюда. Ты бы возражал против поворота назад.

— Нет,— негромко ответил Флинкс,— я бы этого не сделал.

— Не думаю. Ты такой же целеустремленный, как я, и, наверно, такой же сумасшедший.

Она смотрела на него, он на нее. Больше ничего говорить было не нужно.

* * *

— Я голосую против.

Ньясса-ли была тверда в своем несогласии. Она сидела по одну сторону стола и выжидательно смотрела на своих коллег. Брора задумчиво разглядывал ногти на левой руке, а Хейтнес играла своими ресницами.

— Нежелание на такой стадии очень обескураживающе, Ньясса-ли,— сказала соучастнице смуглая женщина. Она отвела пальцы от глаз.— У нас может никогда не быть другого такого шанса, как с этим Двенадцатым. Время и события сговорились против нас. Ты знаешь это не хуже меня.

— Знаю.— Меньшая женщина наклонилась вперед и смотрела на пол между ногами. Пол потрескался: здание было собрано наспех.— Я просто не убеждена, что риск оправдан.

— Какой риск? — спросила Хейтнес.— Мы по-преж-

нему не видели никаких проявлений опасных способностей. Напротив, я бы сказала. Несомненно, у объекта были условия для проявления таких способностей. Очевидно, он не обладает ими, иначе применил бы их против нас. А что же вы вместо этого видим? Нож.— Это слово прозвучало в ее устах презрительно.

— Ты знаешь, она права.— Брора говорил редко, предпочитая, чтобы спорили старшие ученые. Он вступал в разговор, только когда был совершенно убежден.

— Нам не нужно повторение девочки,— сказала Ньясса-ли.— Другой такой неудачи Общество не выдержит.

— Именно поэтому мы должны довести операцию до завершения,— настаивала Хейтнес.

— Мы не знаем, представляет ли она нашу последнюю возможность.

— Послушай, Ньясса-ли.— Хейтнес оттолкнула свой стул и встала, начала нервно рассказывать взад и вперед. За ней на торопливо собранной консоли холодно горели зеленые и синие огоньки.— Если даже и есть объекты с таким потенциалом, мы не уверены, что у нас будет возможность ими заняться.

— С этим я не спору,— согласилась Ньясса-ли.— Не спору и с тем, что данные у Номера Двенадцатого многообещающие. Но именно они меня пугают.

— Пугают тебя? — Хейтнес остановилась и посмотрела на спутницу долгих трудных лет жизни. Высокая женщина была удивлена. На ее глазах Ньясса-ли пользовалась оружием с хладнокровной эффективностью кварма. Страх был ей совершенно чужд.— Но почему? Он ничего не сделал, чтобы вызвать такой страх.

— Нет? — Ньясса-ли начала загибать пальцы на руке.— Во-первых, его статистический потенциал внушает тревогу. Во-вторых, ему шестнадцать лет, и он на границе зрелости. В-третьих, он в любой момент может пересечь эту границу.

— Девочка была гораздо моложе,— заметил Брора.

— Согласна,— ответила Ньясса-ли,— но ее способности развились преждевременно. Ее преимуществом была внезапность. Этот Номер Двенадцатый развива-

ется медленнее, но потенциал у него больше. Он из числа тех, кто в ответ на давление глубже уходит в себя.

— Может быть,— задумчиво сказал Брора,— но у нас нет доказательств, данные ничего такого не предсказывают.

— Тогда как вы объясните, что он один...

— Он не один,— прервал Ньясса-ли Брора.— Эта женщина из охотничьих домиков помогала ему на озере.

— Да. Но до озера она не помогла ему добраться. Он сам по себе следовал за нами до озера, а ведь у него нет никакого опыта в таких делах. По моему мнению, это означает быстрое развитие его способностей, и нам нужно остерегаться.

— Тем больше причин поторопиться с завершением нашего плана! — гневно сказала Хейтнес, хлопнув ладонью по столу.

— Не знаю,— по-прежнему не убежденная ответила Ньясса-ли.

— Разве ты не согласна,— возразила Хейтнес, заставляя себя сдерживаться,— что если операция удастся, мы получим хороший шанс добиться своей окончательной цели именно с этим объектом?

— Возможно,— признала Ньясса-ли.

— Почему только «возможно»? Ты сомневаешься в эмоциональных связях?

— Не это меня тревожит. Предположим, только предположим, что так как его потенциал еще не развился окончательно, у него нет над ним сознательного контроля.

— Что ты говоришь? — переспросил Брора.

Ньясса-ли наклонилась над столом.

— С этой девочкой, Манами, мы знали чего ожидать, когда она проявила себя. К несчастью, это знание пришло к нам слишком неожиданно и поздно, чтобы что-то противопоставить ей. А чего ждать от Дара этого объекта, мы не знаем. Предположим, что, несмотря на эмоциональную связь, страх и напряжение высвободят его потенциал, независимо от его чувств. Статистически, этот объект — ходячая бомба, которая недостаточно зрела, чтобы сама себя контролировать. Вот что беспокоит

меня, Хейтнес. Эмоциональной связи может хватить, чтобы контролировать его на уровне сознания. Не его непредсказуемая часть может реагировать вопреки сознанию.

— Мы не можем отказаться от наших надежд и всей работы на основании только слабого предположения, не подкрепленного фактами,— настаивала Хейтнес.— К тому же объекту шестнадцать лет. Он должен иметь больше самоконтроля, чем девочка.

— Знаю, знаю,— с несчастным видом говорила Ньясса-ли.— Все, что ты говоришь, Хейтнес, правда, но я все равно беспокоюсь. Ну, в любом случае я в меньшинстве.

— Да,— сказала высокая женщина, бросив вопросительный взгляд на Брору.— И если бы Круачан был с нами, ты знаешь, что он тоже был бы за операцию.

— Вероятно.— Ньясса-ли бледно улыбнулась.— Наверно, я слишком беспокоюсь. Брора, ты уверена, что справишься с имплантированием?

Тот кивнул.

— Я давно этого не делал, но старое умение не забывается. Больше всего тут нужно терпение. Вы помните. А что касается возможной неудачи, что ж... — он улыбнулся,— мы и так осуждены. Еще одно небольшое нарушение архаичного закона нам не повредит, добьемся успеха или нет.

В углу в кресле сидела матушка Мастифф, сжав руки на коленях, и слушала. Она не была связана. Не было необходимости связывать ее, она это знала так же хорошо, как и ее похитители. Бежать ей некуда. Она в прекрасной форме для женщины ее возраста, но она хорошо разглядела скромный комплекс из фальшивого камня и дерева, когда скиммер садился. Тысячи квадратных километров влажного враждебного леса отделяют место, куда ее привезли, от знакомых улиц Драллара. А украсть экипаж у нее не больше возможности, чем снова стать двадцатилетней.

Она гадала, что теперь делает бедный Флианкс. Это был он в лодке на озере далеко на юге. Она не представляла себе, как он мог проследить за ней так далеко.

Вначале она беспокоилась только о себе. Теперь, послушав разговор этого дьявольского трио — а она не сомневалась, что это дьявольское отродье, — она не меньше, чем о себе, беспокоилась и о своем приемном сыне. Если она погибнет, что ж, она прожила долгую и полную событий жизнь. Лучше, наверно, чтобы храбрый Флинкс потерял ее след, чем оказался в руках этих чудовищ.

Один из этой троицы, приземистый мужчина с жабым лицом, говорил о подготовке ее к «имплантированию». И она поняла, что ее готовят к чему-то худшему, чем смерть. Многие из их слов не имели для нее смысла. Она по-прежнему не понимала, кто эти люди, откуда они и каковы причины их действий. Они никогда не разговаривали с ней, не обращали внимания на ее вопросы и проклятия.

Они вообще обращались с ней не как с человеком, а скорее как с хрупким предметом мебели. Но в разговоре их были и странности, одна из этого трио говорила о страхе перед ее мальчиком. Матушка Мاستифф не могла понять этого. Конечно, Флинкс приручил опасное животное, это ужасное летающее существо, но вряд ли такой подвиг может вызвать страх у этих людей. Они знали, что он иногда ощущает эмоции других людей. Но, не опасаясь этих способностей, обсуждали их как нечто чрезвычайно важное.

Никто не объяснил ей, зачем ее похитили. Если на самом деле их интересует мальчик, почему не похитили его? Все это дело приводило ее в замешательство. Матушка Мастифф не была глупа, и отсутствие формального образования не притупило ее острый критический ум; и все же она не могла понять, что с ней происходит и почему.

Она перестала слушать спор за столом и принялась разглядывать комнату, в которую ее привели. Основная часть освещения приходила от массы электронных приборов вдоль стен. Все, что она видела, свидетельствовало о временном характере и торопливости сборки. Она не знала назначения этих приборов, но понимала, что они очень дороги. Это, а также действия похитивших ее людей говорили о существовании организации, облада-

ющей большими средствами и злыми намерениями.

— Я даже не уверена, понимает ли объект, как ему удалось так долго идти за нами,— говорила Ньясса-ли.

— В этом нет ничего загадочного,— возразила Хейтнес.— Вспомните, он вырос в обстановке жестокого соперничества, пусть и весьма примитивного. Городская молодежь зреет быстро, когда предоставлена сама себе. Он мог не получить формального образования, но его учил реальный мир — нам тоже пришлось у него поучиться за все эти годы. Да и просто ему могло повезти.

— Все эти годы,— печально сказал Брора,— годы, которые нужно было провести, изучая великие тайны вселенной, а не учиться устанавливать контакты и использовать криминальное подполье.

— Я чувствую, что тоже напрасно тратила жизнь,— сказала высокая женщина успокоительно,— но наше оправдание рядом.

— Если вы намерены оперировать, я голосую за то, чтобы мы начали немедленно,— вздохнула Ньясса-ли.

— Что делать немедленно? — послышался старческий голос. Почему-то вопрос заставил троицу ответить, хотя все предыдущие попытки матушки Мастифф привлечь внимание закончились безрезультатно.

Ньясса-ли отошла от стола и приблизилась к матушке Мастифф. Она постаралась принять доброе понимающее выражение, но это ей не очень удалось.

— Мы ученые, занятые проектом, имеющим огромное значение для всего человечества. Мне жаль, что мы были вынуждены причинить вам неудобства, но это необходимо. Я хотела бы, чтобы у вас было лучшее образование и вы могли бы понять нашу точку зрения. Тогда вам было бы легче.

— Неудобства! — фыркнула матушка Мастифф.— Вы вытаскиваете меня из моего собственного дома и тащите через всю планету. Это неудобство? Я бы назвала это иначе.— Но гнев ее погас, она спросила.— Что вам нужно от моего мальчика Флинкса?

— Вашего приемного мальчика,— сказала Ньясса-ли. Пока маленькая женщина с восточной внешностью говорила, матушка Мастифф заметила, что остальные

двое изучают ее с таким видом, с каким коллекционер разглядывает жука на садовой скамье. Это еще больше рассердило ее, и гнев помог ей преодолеть страх.

— Я бы не стала вам помогать, даже если бы вы пообещали мне половину сокровищ Терры!

— Мне жаль, что вы так чувствуете, но мы этого ожидали,— сказала Ньясса-ли, снова становясь ледяной.— Вы когда-нибудь слышали об Обществе Улучшения?

Матушка Мастифф покачала головой, слишком рассерженная, чтобы плакать, чего на самом деле ей хотелось. Названия, слова — все это для нее бессмысленно.

— Мы участвуем в эксперименте,— объясняла ей восточная женщина,— этот эксперимент был начат на Терре много лет назад. Мы не только ученые, мы активисты Общества. Мы считаем, что задача науки — не только изучать существующее, но и создавать то, чего нет, но что обязательно будет. Мы не намерены стоять на месте и не позволим этого природе.

Матушка Мастифф покачала головой.

— Не понимаю.

— Подумайте,— говорила Ньясса-ли, увлеченная темой.— Что в нынешнем Сообществе больше всего нуждается в усовершенствовании? Правительство? — Хейтнес, стоявшая за ней, горько пренебрежительно рассмеялась.— Не правительство. Корабли, которые переносят людей от звезды к звезде? Нет? Язык, усовершенствованный от терроанглийского до симборечи? Музыка? Архитектура?

Матушка Мастифф смотрела на ораторствующую женщину. Она уверена теперь, вполне уверена. Они все безумны, тронувшийся умом Яакс'м.

— Нет, все не то! — воскликнула Ньясса-ли. Было страшно видеть такую одержимость в этой маленькой женщине.— Это мы. Мы.— Она похлопала себя по груди.— Человечество. И средства к нашему совершенствованию в нас самих.— Она поднесла руку к голове.— Здесь, в мозгу, не все области которого развиты и используются.

— Мы и другие члены Общества много лет назад

решили, что с этим нужно что-то делать. Мы создали организацию, чтобы преодолеть суеверные ограничения. В тайне мы отобрали определенные яйца, определенную сперму и стали с ними работать. Наше планирование было точным, подготовка тщательной. С помощью микрохирургической техники мы изменили генетический код будущих людей еще до помещения зародыша в матку. Результатом должна стать — станет усовершенствованная версия человечества.

Матушка Мاستифф смотрела на нее. Ньясса-ли вздохнула и повернулась к своим товарищам.

— Как я и опасалась, это за пределами ее понимания.

— Это-то вполне понятно,— сказал Брора.— Я только не понимаю, чего ты стараешься?

— Так было бы легче,— ответила Ньясса-ли.

— Легче для нее или для тебя? — удивилась Хейтнес. Маленькая женщина не ответила.— Ну, после операции это не будет иметь значения.— От этих слов волосы на затылке матушки Мастифф начали подниматься.

— Будет,— настаивала Ньясса-ли. Она пристально взглянула в глаза матушки Мастифф.— Ты разве не поняла, старуха? Твой мальчик, твой приемный сын — он один из наших объектов.

— Нет,— прошептала матушка Мастифф, но еще до того, как женщина произнесла эти слова, матушка Мастифф поняла, что это правда.— Что... что произошло с вашим экспериментом?

— Все дети воспитывались под присмотром, ими занимались с любовью, предоставили возможность получить образование и специальную подготовку. Большинство оказались совершенно обычными в смысле способностей и талантов. Во всех отношениях они нормальны. Дальше мы продолжили эксперимент с тщательной подготовкой и крайней осторожностью.

— Несколько объектов оказались недоразвитыми. Это, к несчастью, в природе науки. Нужно принимать не только хорошие результаты, но и плохие. Однако в свете нашего неизбежного успеха эти немногие жертвы впол-

не оправданы.— Она говорила так, словно убеждает себя, а не матушку Мاستифф.

— И наконец несколько детей, совсем немного, проявляли признаки тех способностей, которые, как мы считаем, спят в мозгу каждого человека. Мы не станем утверждать, что все понимаем относительно их Даров. Мы в положении механика, который знает, как починить неисправную машину, но не знает, на что способна машина, которую он чинит. Естественно, это привело к некоторым сюрпризам.

— Невежественное Сообщество не разделяло наше-го мнения об этом важном эксперименте. В результате последовали многие годы преследований. Как видишь, все мы, входившие в первоначальный состав Общества, почти так же стары, как ты.

— Правительство было безжалостно в своих усилиях уничтожить нас. Много лет оно сокращало наши ряды, пока не осталось всего несколько посвященных. Нам нужен один-единственный успех, одно неопровержимое доказательство важности нашей работы, чтобы освободиться от лжи и инсинуаций, которыми мы окружены.

— Жестокое неразумное правительство много лет назад разбросало детей и привело нас в научное изгнание. Медленно, терпеливо мы отыскивали детей, особенно тех, чьи данные были самыми многообещающими. Твой Флинкс отобран в качестве потенциального носителя Дара.

— Но в нем нет ничего ненормального,— возразила матушка Мастифф.— Он совершенно обычный здоровый молодой человек. Может, более тихий, чем остальные, но это все. Неужели он стоит этих затрат? О, я признаю, что он время от времени способен на салонные фокусы. Но я знаю сотни уличных волшебников, которые делают то же самое. Почему бы вам не взять их?

Ньясса-ли улыбнулась своей невеселой холодной улыбкой.

— Ты лжешь нам, старуха. Мы знаем, что он способен не просто на трюки, и ловкость рук тут ни при чем.

— Ну, хорошо,— продолжала матушка Мастифф, пы-

таясь подойти по-другому,— зачем было похищать меня? Зачем утаскивать меня из моего дома? Я старуха, как ты только что сказала. Я не могу помешать вам, не могу причинить вред. Если вас интересует Флинкс, почему вы не похитили его? Я не могла бы вам помешать.

— Потому что он может быть опасен.

Да, они совсем спятили, эти трое, решила матушка Мастифф. Ее мальчик, Флинкс, опасен? Вздор! Он чувствительный мальчик, это правда; иногда он знает, что чувствуют другие, но очень редко и вряд ли сам этого хочет. Возможно, он способен немного подтолкнуть эмоции других. Но опасен? Это ему угрожает опасность со стороны этих инопланетных глупцов и сумасшедших.

— К тому же,— продолжала маленькая восточная женщина,— мы должны продолжать очень осторожно, чтобы не принести дальнейшего вреда Обществу. Число наших членов и так уже сократилось, отчасти из-за слишком торопливой попытки обрести несколько лет назад контроль над другим ребенком, нашим объектом. Мы не можем допустить ту же ошибку с Номером Двенадцатым. Большинство наших коллег убито, заключено в тюрьму или подвергнуто промывке мозга.

Тревога матушки Мастифф удвоилась от этого бесстрастного признания. Она не понимала слов этой женщины о генетических изменениях и усовершенствовании человечества. Но вот насчет промывки мозгов она поняла. Преступление должно быть особенно отвратительным и жестоким, чтобы преступника подвергли этому наказанию. У него навсегда стирают память, всю прошлую жизнь, самую личность, и весь остаток своих дней он проживет с мучительно пустой черной дырой в сознании.

— Оставьте его в покое! — закричала она, удивленная силой своей реакции. Неужели она так привязалась к мальчику? Ведь чаще всего она воспринимала его как помеху, навязанную ей несчастливой судьбой. Правда ли это?

— Не причиняйте ему вреда! — Она вскочила на

ноги и обеими руками колотила женщину, которую другие называли Ньясса-ли.

Седовласая и совсем не молоденькая, Ньясса-ли была, однако, гораздо моложе и сильнее матушки Мастифф. Она схватила старую женщину за руки и снова усадила в кресло.

— Мы не собираемся причинять ему вред. Разве я не объяснила важность нашего дела? Неужели мы захотим повредить тому, кто так для нас важен? Конечно, нет. Мы видим, как ты привязана к своему воспитаннику. По-своему, мы также привязаны к нему.

Что за бездушные люди, думала матушка Мастифф, беспомощно падая в кресло. Не люди, а далекие мертвые тени людей.

— Я обещаю тебе, что мы не будем заставлять мальчика делать что-то против его воли и ничем ему не повредим.

— Но что вы тогда с ним хотите сделать?

— Мы хотим управлять его взрослением,— объяснила женщина,— помочь ему развить до предела его необычные способности. Маловероятно, чтобы он достиг этого без соответствующих инструкций и тренировок; именно поэтому его способности до сих пор не очень проявились. Но наш опыт показывает, что, достигнув половой зрелости, наши объекты не соглашаются на такую тренировку и управление. Поэтому мы должны руководить им так, чтобы он сам этого не сознавал.

— Как вы можете это сделать?

— Через третье лицо, чьи предложения и указания он примет охотно,— сказала женщина.— И вот тут становишься важна ты.

— Вы хотите, чтобы я заставляла его делать то, что докажет успешность вашего эксперимента?

— Правильно,— согласилась Ньясса-ли.— Все нужно делать так, чтобы он не догадался, что им руководит какая-то сила извне.— Она указала на дальний конец комнаты, где за прозрачной дверью находилась операционная. В тусклом зеленовато-голубом свете приборов стерильная операционная слегка блестела.

— Мы не можем допустить вмешательства, которое

уничтожит наши усилия, и не должны рисковать обнаружением, потому что агенты Сообщества продолжают нас преследовать. Поэтому нам необходимо поместить тебе в мозг небольшие приборы, которые обеспечат твоё полное подчинение нашим указаниям.

— К дьяволу! — выпалила матушка Мастифф. — Я сто лет заполняла свою голову. Знаю все, что там запасено. И не хочу, чтобы кто-то там все разбросал. — Взглянув в сторону операционной, она не добавила, что никогда не лежала под ножом или лазером и смертельно этого боится.

— Послушайте, — в отчаянии продолжала она. — Я буду рада помочь вам. Буду говорить мальчику все, что захотите, не позволю ему делать то, что вы не захотите. Но оставьте мою бедную старую голову в покое. Разве не полезнее я вам буду как добровольный помощник?

Брора сложил руки на столе и бесстрастно разглядывал ее.

— Это правда. Однако есть факторы, которые этого не допускают.

— Во-первых, потребуются такие действия, к которым ты не способна в силу недостатка умственного развития, но которые можно осуществить под руководством импланта. Во-вторых, нет никакой гарантии, что когда-нибудь в будущем ты не возмутишься и не расскажешь объекту все, что знаешь. Это имело бы катастрофические последствия для нашего эксперимента. В-третьих, хотя внешне ты будешь руководить мальчиком добровольно, он способен почувствовать твоё внутреннее сопротивление и понять, что что-то неладно. А вот импланты, механические устройства, он почувствовать не сможет. И наконец последнее. Я думаю, ты лжешь, говоря, что станешь добровольно помогать нам.

— Но я не хочу операции! — воскликнула матушка Мастифф, стуча кулаками по ручкам кресла. — Говорю вам, это не нужно! Я сделаю все, что захотите, если оставите мальчика в покое и скажете, что мне делать. Зачем мне лгать вам? Вы сами сказали, что он ведь не настоящий мой ребенок, всего лишь приемный. Я буду рада

вам помочь,— с хитрой улыбкой сказала она,— особенно если заплатите.

Но Брора покачал головой.

— Ты лжешь убедительно, но недостаточно убедительно, старуха. Мы большую часть жизни имели дело с изменниками в собственном кругу. Еще одного мы себе позволить не можем. Прости.

Его внимание привлекли двое вошедших. Он кивком указал на матушку Мастифф.

— Ограничьте ее подвижность. Она знает теперь достаточно много, чтобы сделать с собой какую-нибудь глупость.

Один из вновь прибывших взял правую руку матушки Мастифф и посмотрел на Брору.

— Анестезия, сэр?

— Нет, пока не нужно.— Матушка Мастифф в ужасе смотрела на этого страшного маленького мужчину. А он негромко обратился к смуглой: — Как ты считаешь, Хейтнес?

Она взглянула на матушку Мастифф.

— Завтра. Я устала. Нужно отдохнуть. Нам всем придется поработать.

Брора согласно кивнул, и двое младших связали матушку Мастифф.

Позже в тот же вечер за едой Ньясса-ли сказала Хейтнес:

— Меня по-прежнему беспокоит возраст женщины.

— Она не настолько стара,— ответила высокая женщина, набирая в ложку что-то искусственное, но очень питательное.— У нее впереди не менее двадцати лет жизни, если мы будем осторожны.

— Знаю, но все же у нее нет силы пятидесятилетней. Хорошо, что мы не сказали ей, какая сложная предстоит операция, и не объяснили, что мозг ее изменится безвозвратно.

Хейтнес согласно кивнула.

— Не нужно еще больше расстраивать ее. Меня удивляет твоя забота о ней.

Ньясса-ли промолчала и начала есть, но Хейтнес не отказывалась от темы.

— Сколько наших друзей погибло от рук правительства? Сколько подверглось промывке мозга? Конечно, если эта старуха умрет, мы утратим важный инструмент в эксперименте, но не единственный. Мы ведь согласились, что имплантирование — лучший способ продолжения.

— Я с этим не спору, — сказала Ньясса-ли, — только напоминаю вам, что нужно быть готовыми и к неудаче.

Брора откинулся в кресле и вздохнул. Он не был голоден: слишком возбужден перспективами, открывающимися после операции.

— У нас не будет неудачи, Ньясса-ли. Это наша лучшая возможность за все годы работы. Неудачи не будет. — Он взглянул на Хейтнес. — Я проверил импланты перед едой.

— И что же?

— Больше ничего делать не нужно. Не могу выдержать ожидание. Все приборы готовы, криогенная иннервация продолжается. Не думаю, чтобы нас ждали неожиданности при соединении синапсов. — Он посмотрел на Ньяссу-ли. — Возраст женщины не имеет значения.

— Конечно, кое-что в этой операции она утратит. — Он пожал плечами. — Я изучал вопрос. Это неизбежно. Но какая разница? Она примитивна и невежественна. Имплант даже пойдет ей на пользу.

— Ее лучшие добродетели, кажется, сварливость и упрямство, — согласилась Хейтнес, — наряду с поразительным невежеством и незаинтересованностью в том, что выходит за пределы ее ближайшего окружения.

— Типичный образец, — сказал Брора. — Ирония судьбы: такой низкий представитель человечества служит ключом к нашему величайшему успеху и полному оправданию.

Ньясса-ли оттолкнула пищу. Слова коллег ее расстроили.

— В какое время завтра?

— Достаточно рано, я думаю, — ответила Хейтнес. — И для старухи, и для нас будет лучше, если мы отложим философствования и рассуждения.

Брора уловил тайную мысль.

— Ты думаешь, может появиться мальчик?

— Лучше не думай о нем как о мальчике.

— Ну, вряд ли его можно назвать взрослым.

— Вряд ли — этого сомнения вполне достаточно. Он не продемонстрировал пока особых Даров, но настойчивое преследование приемной матери показывает, что вдобавок к своим Дарам он обладает еще и острым умом. — Она слегка улыбнулась Ньяссе-ли. — Видишь ли, дорогая, хоть я и не разделяю твоей склонности паниковать в этом случае, я уважаю и ценю твое мнение.

— Значит, ты ожидаешь его?

— Нет, — ответила Хейтнес. — Но нежелательно, чтобы он каким-то чудом объявился тут до успешного завершения операции. А когда она будет завершена, мы, естественно, установим с ним связь через его мать. Он увидит, что она невредима и внешне не изменилась и успокоится.

— Но что если он появится до того, как мы возвратим старуху в Драллар?

— Не волнуйся, — сказала Хейтнес. — У меня подготовлено стандартное объяснение, и персонал обучен всему до мелочи.

— Ты думаешь, он поверит? — спросила Ньясса-ли. — Нашему рассказу о каком-то альтруистическом обществе, помогающем старикам и больным?

— Конечно, мы эту маскировку уже использовали в разных случаях, но для нашего объекта она будет новой, — напомнила коллеге Хейтнес. — К тому же, как говорит Брора, он еще не взрослый, а его воспитание не предполагает никаких осложнений. Думаю, он нам поверит, особенно когда мы вернем ему мать. Одно это его удовлетворит. Разумеется, следов операции заметно не будет.

— Лучше хорошенько выспаться. — Брора встал из-за стола. — Предстоит сложная работа.

Все встали и разошлись по своим комнатам, Брора продолжал обдумывать предстоящую операцию, Хейтнес — шансы на успех, и только Ньясса-ли в последний раз взглянула в глаза матушке Мастифф.

Глава двенадцатая

Должно быть, они у цели: их добыча неподвижна уже больше часа. И тут боль настигла Флинкса, острая, горячая и, как всегда, неожиданная. Он поморщился и плотно закрыл глаза, а Пип нервно зашевелился на плече хозяина.

Встревоженная, Лорен быстро взглянула на своего спутника.

— В чем дело? Что случилось, Флинкс?

— Близко. Мы очень близко.

— Я вижу это на экране,— ответила она.

— Это она, матушка Мاستифф.

— Она ранена? — Лорен опускала скиммер в лес. Минидраг беспокоился на плече Флинкса, чувствуя невидимого врага.

— Она... нет, не ранена,— ответил Флинкс.— Она... в ней тревога и страх. Что-то хотят с ней сделать, что-то ужасное. И за меня она тоже боится. Но я не понимаю... не знаю, что или кто...

Он мигнул. Пип успокоился.

— Ушло. Черт возьми, ушло.— Он раздраженно стукнул кулаком.— Ушло, и я не могу его вернуть.

— Я думала...

Он прервал ее; на лице его появилось выражение покорности.

— У меня нет власти над своим Даром. Никакой власти. Это чувство ударяет, когда я меньше всего этого ожидаю, и никогда не возникает, когда оно мне нужно. Иногда я даже не могу установить его источник. Но на этот раз матушка Мастифф. Я уверен.

— Откуда ты можешь знать? — Лорен повернула скиммер влево, уклоняясь от массивного препятствия.

— Я знаю ее мозг.

Лорен неуверенно посмотрела на него, потом решила, что не стоит пытаться понять недоступное.

Скиммер двигался совсем медленно и наконец сел под покровом деревьев на относительно сухом холме. Выключив двигатель, Лорен прошла в заднюю часть машины и начала собирать пакеты и оборудование.

Стояла уже глубокая ночь, и до экипажа скиммера доходили звуки ночной жизни леса.

— Нужно торопиться,— беспокойно сказал Флинкс. Он уже открывал дверь каюты.— Ей скоро причинят вред!

— Подожди! — резко ответила Лорен.— Ты не знаешь, что с ней будет! И что гораздо важнее, не знаешь когда.

— Скоро! — настаивал он. Дверь скользнула в сторону, в прозрачный борт. Флинкс смотрел на темный лес. Направление он знал и без экрана следящего устройства.

— Обещаю, что мы пойдем к ней как можно быстрее,— заверила его Лорен, надевая на плечо ружье со стрелами,— но мы ни ей, ни себе не принесем пользы, если сразу же слепо столкнемся с этими людьми. Вспомни, у них было оружие. А здесь его может быть еще больше. Они не будут смотреть, как тыходишь и требуешь вернуть женщину, которую они с таким трудом перетаскивали через весь континент. Мы освободим ее, Флинкс, как только сможем, но безрассудство нам не поможет. Ты ведь это знаешь, мальчик: ты вырос в городе.

Он поморщился при слове «мальчик», но в целом вынужден был согласиться. С огромным усилием сдержался и не пошел слепо в черный лес. Напротив, вернулся в скиммер и проверил содержимое рюкзака, который она приготовила для него.

— А оружие ты мне не дашь?

— Охотничья гостиница не арсенал, знаешь ли.— Она похлопала по рукояти ружья.— Это все, что у нас есть из переносного вооружения. К тому же, как я припоминаю, ты уложил крупного противника с помощью собственного оборудования.

Флинкс невольно взглянул на правый ботинок. Умелым владением ножом он не гордился и не хотел говорить об этом.

— Стилет бесполезен на расстоянии, и у нас, возможно, не будет преимущества темноты.

— Когда-нибудь держал в руках настоящее ору-

жие? — спросила она. — Игольник? Лучевой пистолет, пистолет с патронами?

— Нет, но я видел, как ими пользуются, и знаю, как они действуют. Нетрудно догадаться: направляешь ствол на противника и нажимаешь кнопку или курок.

— Иногда все не так просто, Флинкс. — Она затянула ремни своего рюкзака. — Ну, все равно придется тебе обойтись ножом, потому что больше ничего у нас нет. А ружье я тебе не дам. Я с ним управляюсь лучше тебя. А если сомневаешься в моей решимости им воспользоваться, ты меня плохо знаешь. Мне не нравятся эти люди. Похитители людей и убийцы вервиллов.

Она проверила направление на экране, пометила его на своем маленьком компасе и вышла из кабины. Под ногами почва, относительно сухая, мягкая и пружинистая.

Они пошли, и Флинкс на ходу снова задумался о своей спутнице. Помимо независимости, у них еще немало общего. Например, любовь к животным. Волосы сбоку скрывали лицо Лорен, но Флинкс чувствовал, что может увидеть его.

Пип зашевелился на плече хозяина, ощутив странные эмоции Флинкса, эмоции, совершенно новые для минидрага. Он забеспокоился и попытался глубже заползти под плащ.

Цели они достигли около полуночи. Добрались до края густой рощи и посмотрели меж деревьев. Флинксу не трепелось идти дальше: он чувствовал, что где-то в этих зданиях спит матушка Мастифф. Его удержал здравый смысл, который лучше логики или разума служил ему с самого детства.

Внешне комплекс зданий очень походил на охотничью или рыбацкую гостиницу, хотя большую по размерам, чем та, которой управляла Лорен. В центре главное здание гостиницы, слева спальни для менее богатых посетителей, справа служебные помещения и склады. Лорен изучала расположение в свой маленький бинокль с ночным видением. И ее опытный взгляд рассмотрел кое-что еще, кроме обманчивой внешности.

— Это не бревна, — сказала она Флинксу. — Пла-

стик из смол. Очень хорошая маскировка, но деревья тут не больше, чем у меня в голове. То же самое относительно каменной кладки фундамента.

— Откуда ты знаешь? — с любопытством спросил он.

Она протянула ему бинокль. Флинкс приложил его к глазам, и тот автоматически настроился на его зрение, изменив фокус и освещение.

— Посмотри на углы и на соединения у земли и сверху, на потолке, — сказала она. — Слишком правильные, слишком ровные. Так бывает, когда кто-то слишком старательно копирует природу. Всегда видна рука компьютера или самого человека. Выступы на «бревнах», слишком гладкие углубления в «камнях» — слишком много очевидных признаков.

— Конечно, они обманули бы не очень внимательно-го и неопытного человека. Конечно, ничего этого не видно сверху, со скиммера. Но материалы этого здания — подделка, а это значит, что оно сооружено совсем недавно. Когда строят здание для долговременного использования, берут местные материалы.

Ближе всего к небольшому холму, на котором они прятались, располагались два длинных низких здания. Одно темное; в другом горело несколько огней. Между зданиями виднелись узкие светящиеся линии переходов.

Справа от длинных построек стояло шестиугольное трехэтажное здание из пластиковых камней. За ним большое двухэтажное сооружение, о назначении которого Флинкс догадался по широким воротам и стоявшему возле маддеру: ангар для укрытия и ремонта машин.

Поблизости размещалось приземистое здание со множеством серебристых проводов на крыше. Помещение энергетической станции недостаточно велико для термоядерной системы, решил Флинкс; вероятно, просто набор топливных ячеек.

Гораздо более удивило его отсутствие какой-либо ограды или другого барьера. Правдоподобие заходит слишком далеко, подумал он. В отсутствие такого ограждения внимание Флинкса и Лорен привлекла цент-

ральная башня, единственное сооружение, которому явно не место в комплексе для отдыха.

Лорен внимательно разглядывала ее в бинокль.

— Там тоже огни,— сказала она.— Может сойти за какую-нибудь обсервационную башню или даже за ресторан.

— Там наверху недостаточно места для столовой,— заметил Флинкс.

Постепенно огни в зданиях гасли, а пространство между постройками начали освещать прожекторы. Еще один час наблюдений из влажных холодных кустов подтвердил подозрения Лорен относительно загадочной башни.

— Там на крыше шесть конических объектов,— сказала она Флинксу, указывая рукой в перчатке.— Вначале я решила, что это прожекторы, но ни один из них не светится. Что это такое?

Флинкс тоже заметил их.

— Я думаю, что теперь узнаю их. Это проекторы высокочастотных звуковых колебаний.

Она удивленно взглянула на него.

— Что это? И откуда ты их знаешь.

Он слабо улыбнулся.

— Приходилось иметь с ними дело. Каждый испускает широкий луч высокочастотного звука. На экранах отражаются все движущиеся объекты. Луч покрывает очень большую площадь.

Он внимательно разглядывал башню.

— Судя по их расположению, я бы сказал, что они покрывают все пространство в пятидесяти метрах за длинными зданиями.

— Плохо,— заметила она, стараясь разглядеть невидимый барьер, хотя знала, что это невозможно.

— Даже хуже, чем ты думаешь,— сказал он,— потому что компьютер запрограммирован так, что реагирует только на человеческую фигуру. Он ни на что не обратит внимания, но если в поле луча окажется что-то, хотя бы отдаленно напоминающее человека, его изображение немедленно возникает на экране. И любой охранник, взглянув на экран, увидит, кто входит в зону, и решает,

поднимать ли тревогу.— Он виновато добавил: — Богатые люди очень любят такие системы.

— Когда не оказалось обычной изгороди, я опасалась что-нибудь в этом роде. А нельзя ли как-то обойти эту систему? Ты говорил, что имел с нею дело в прошлом?

Он кивнул.

— Я ее избегал, потому что пройти через нее невозможно. Во всяком случае не снаружи. Вероятно, можно сделать подкоп.

— А глубоко ли в землю проникает звук?

— Не знаю,— ответил он.— Это зависит от мощности проектора и от создаваемой им частоты. Может, метр, а может, и десять. Мы можем начать копать, незаметно для себя пересечем барьер и выйдем наружу в кольцо пистолетов. Но даже если бы удалось пробраться туда, возникает новая проблема: лучи покрывают всю территорию. Нужно выйти чуть ли не внутри самих зданий.

— Неважно,— ответила она,— все равно у нас нет оборудования для подкопа. Я выскажу догадку: если они так тщательно следят за поверхностью, то за небом в окрестностях их лагеря наблюдают еще внимательней.

— Конечно,— согласился Флинкс.— Может, просто посадить скиммер. Зданий не очень много, и мы смогли бы найти матушку Мاستифф, прежде чем они поймут, в чем дело.

Лорен продолжала разглядывать комплекс.

— Нет ничего более дорогого, чем временное сооружение, которое должно выглядеть как постоянное. Вероятно, здесь от тридцати до ста человек. Они не стали бы устанавливать все эти системы, если бы не были готовы отплатить вторгнувшимся. А ведь нас только двое.

— Трое,— поправил Флинкс. Довольный свист прозвучал из области его плеча.

— Конечно, внезапность многого стоит,— продолжала Лорен.— Может, десяти человек. Однако в виде трупов мы ничего хорошего твоей матери не принесем. Не забудь: никто не знает, что мы здесь. С нами погибнет и она.

— Я знаю, что шансов у нас мало,— раздраженно сказал он.— Но что-то ведь нужно делать.

— И мы сделаем. Помнишь ту опустошенную часть леса, над которой мы недавно пролетали?

Флинкс подумал недолго, потом кивнул.

— Это след.

— Чей след?

— Это наше средство уравнивать шансы. Гораздо лучшее оружие, чем это.— Лорен похлопала по ложу ружья.— Лучше даже, чем змея у тебя на плече. Я не разделяю твою уверенность в ней.

— Ты не видела Пипа в действии,— сказал Флинкс.— А о каком оружии ты говоришь?

Она встала и стряхнула кору и грязь с комбинезона.

— Увидишь,— заверила она,— но нужно быть очень осторожными.— Она взглянула на лагерь под ними.— Хотела бы я найти другой способ, но не могу. Помимо этой системы, у них есть и вооруженная охрана. А мы даже не знаем, в каком здании твоя мать. И если у нас только одна возможность, нужно ее использовать полностью.

— Оружие, которое я имею в виду, опасно. Оно может стать обоюдоострым, но я предпочитаю опасность, с которой знакома. Пошли в скиммер.

Она повернулась и направилась в лес. Флинкс затопил за ней, заставляя себя уйти от огней лагеря, которые горели, как глаза многочисленных рептилий, в ночи, пока их не закрыли деревья.

Они были на полпути к небольшой роще, в которой оставили скиммер, когда на него нахлынуло ощущение. Как обычно, оно пришло совершенно неожиданно, но на этот раз очень отличалось от предыдущих случаев. Во-первых, с этим ощущением не была связана никакая боль, а во-вторых, оно исходило не со стороны лагеря. У него был совершенно новый источник. И странно, в нем тоже было беспокойство, но совсем другого типа.

Оно исходило от Лорен и было направлено на него.

В нем не было любви, не было горячего продолжения небрежного поцелуя в скиммере. Внимание, да, но он не на это надеялся. Восхищение тоже, но кое-что еще. Что-

то, чего он никак не ожидал: забота о нем и в несколько меньшей степени — жалость.

Флинкс теперь лучше разбирался в получаемых ощущениях и не мог ошибиться. В поделуе, следовательно, не было искренней любви. Ей только жаль его.

Он старался подавить это ощущение — не только из-за разочарования, но и замешательства. Это хуже, чем заглянуть в чужой мозг. Он читал не ее мысли, а сердце. Но как ни старался, не мог заглушить этот поток. Он так же не может остановить реку эмоций, как не может и запустить ее.

Он постарался держаться в одном-двух шагах за ней, чтобы она не разглядела в темноте его лицо. Его по-прежнему заливала волна ее заботы и сочувствия, но он хотел бы чего-то другого.

Они задержались перед рощицей и обошли свою посадочную площадку. Быстрый осмотр показал, что их стоянка не обнаружена. Лорен сразу подняла машину. Но полетела не к лагерю; наоборот, повернула на юг и пошла обратным курсом над древесными вершинами. Скоро они увидели длинную прорезь в лесу. Лорен повисла над ней на несколько минут, изучая поверхность, потом решительно повернула за запад. Флинкс молчал, пытаясь забыть о потоке эмоций. И вдруг совершенно неожиданно разрез в лесу кончился.

— Черт возьми, — сказала Лорен. — Я не то направление выбрала. Мне казалось, я правильно прочла следы. Придется возвращаться.

Флинкс ничего не сказал, а она развернула скиммер и полетела на восток. Когда полоса снова кончилась сплошной стеной деревьев, Лорен гневно развернула машину вторично. На этот раз они залетели в лес, но продолжали медленно двигаться на запад. Лорен постоянно переводила взгляд с темного леса внизу на пригоры.

— Может, если бы ты мне объяснила, я бы помог, — наконец сказал Флинкс слегка раздраженно.

— Я тебе сказала. Оружие. Точнее союзники. Одно и то же. Но их не видно. Должно быть, поели и уснули. Так они живут: несколько дней подряд ничего не дела-

ют, только едят, потом ложатся и спят целую неделю. Беда в том, что после периода еды они могут уйти в любом направлении, пока не найдут удобное место для сна. А у нас нет времени обыскивать весь лес в поисках стада.

— Какого стада?

— Разве я тебе не сказала? Дьяволы.

И тут Флинкс понял. Он слышал о дьяволах, даже видел один или два раза их головы в крупных магазинах. Но никогда не видел живых. Да и мало кто из жителей Драллара их видел. Даже в городском зоопарке их не было. Как помнил Флинкс, дьяволы невозможно содержать в зоопарке.

Дьяволы были господствующими представителями туземной фауны Мота. Нетипично, когда травоядные являются доминирующей разновидностью, но у них не было естественных врагов, кроме совсем недавно появившегося человека. Они сравнительно редки, как и головы, которые видел Флинкс: огромная стоимость чучела позволяла обладать ими только самым богатым жителям города.

Скиммер скользил над деревьями, изредка поднимаясь на девяносто метров над самыми высокими, опускаясь над более низкими. Время от времени Лорен садилась, потом раздраженно снова взлетала, ничего не обнаружив. Ни следа дьяволов.

Тем временем Флинкса охватили новые ощущения, и Пип зашевелился у него на плече. Флинкс постоянно пытался уловить эмоции матушки Мастифф, но безуспешно. Кзалось, его усилия привлекают эмоции кого угодно, только не его не — матери. Он снова удивился обострению своих способностей с появлением у него Пипа; впрочем, подумал он, в этом лесу людей мало, они разбросаны; может, поэтому его восприятие обострилось.

Эти последние ощущения исходили от женщины. Тоже новые, не от матушки Мастифф или Лорен. Холодные и спокойные эмоции, трудно определимые. Они принадлежат исключительно неэмоциональному человеку. Флинкс ощутил страх, слабый, но несомненный, ощутил огромную решимость, холодную, неумолимую,—

она такая сильная и жесткая, что испугала Флинкса, как ужас матушки Мاستифф. Если бы не легкий оттенок страха, можно было бы решить, что это ощущения машины.

Эмоции исходят из лагеря, где содержат матушку Мастифф. Флинкс не сомневался, что они принадлежат одной из тех загадочных личностей, что похитили его мать. Он чувствовал, что способен понять этот страх. Но ощущение исчезло, весь приступ длился меньше минуты. Однако за это время Флинкс представил себе полный эмоциональный портрет этой женщины. Никогда раньше не встречался ему человек, полностью посвятивший себя единственной цели и совершенно лишенный обычных человеческих эмоций. Пип засвистел в воздухе, готовый ударить и защитить хозяина.

— Не получается,— сказала Лорен, вглядываясь меж деревьев.— Придется...— Она замолчала и пристально взглянула на него.— В чем дело? У тебя странное выражение лица.

— Все в порядке.— Холод уходил из сознания; очевидно, он не сознавал, насколько поглотили его эти ощущения. Ее вопрос вернул его к действительности, он заново ощутил тепло кабины скиммера, своего собственного тела. Не в первый раз подумал он, что его непредсказуемый Дар приносит ему столько же добра, сколько и зла.— Просто задумался.

— Да, ты много думаешь,— заметила она.— Флинкс, я такого, как ты, не встречала.

— Не смейся.

— Я не смеюсь.— Она снова повернулась к приборам.— Сейчас сядем. Этот скиммер не оборудован для ночных поисков. Не знаю, как ты, но уже поздно, и я устала.

Флинкс тоже устал, и не только физически. Поэтому он не возражал, когда Лорен нашла пространство между деревьями и посадила скиммер.

— Не думаю, чтобы нужно было дежурить,— сказала она.— Мы далеко от лагеря, и на нас никто не наткнется. Никаких следов воздушного наблюдения я не видела.— Она говорила из задней части скиммера, до-

ставая спальные мешки, которые они прихватили из гостиницы.

Флинкс молча смотрел на нее. Он знал мало девушек — молодых женщин — в Дралларе. Обитательниц рынка, подобно ему самому, учениц трудной школы жизни. Они его никогда не интересовали, хотя некоторые из них интересовались им. Они были... ну... не серьезны. Относительно жизни, других вопросов.

Матушка Мاستифф постоянно посмеивалась над ним.

— Мне непонятна твоя сдержанность, мальчик. Ты ведь не старше их.

Конечно, это не так, но он не мог убедить в этом матушку.

Лорен — совершенно другое дело. Привлекательная зрелая женщина. Уверенный мыслящий взрослый человек — себя Флинкс, несмотря на свой возраст, относил к таким же. Она уже разделась и легла в термальный спальный мешок.

— Ну? — Она посмотрела на него, убирая волосы с лица. — Ты не собираешься ложиться? Не говори мне, что не устал.

— Я на ногах не стою, — признался он. И, раздевшись, лег в свой мешок рядом с ней. Лежа в машине, слушая ритмичный шум дождя на крыше, он устремился к ней своим мозгом ища намек, предположения об эмоции, которую так ждал. Но совсем ничего не услышал.

Его постепенно окутало тепло спального мешка и кабины, он остро ощущал мускусный запах женщины, лежавшей на расстоянии руки от него. Ему захотелось протянуть руку, коснуться ее гладкой загорелой кожи, погладить блестящие черные кольца, закрывавшие ее щеку и шею. Рука его дрожала.

Что мне делать, напряженно думал он. С чего начать? Должен ли я что-то сказать сначала или просто тронуть ее, а говорить потом? Как выразить то, что я чувствую? Я могу принимать. Но не могу передавать.

Пип лежал, свернувшись клубком в ногах спального мешка. Флинкс, усталый, раздраженный и беспомощный, натянул мешок на себя. Что ему делать?

Негромкий шепот донесся до него из другого спального мешка.

— Спокойной ночи, Флинкс.

Она чуть повернулась, слегка улыбнулась ему, осветив кабину, потом снова отвернулась и затихла.

— Спокойной ночи,— ответил он. Убрал неуверенно высунувшуюся руку и сжал ею край мешка.

Может, так лучше, пытался он уверить себя. Хоть он и считал себя взрослым, есть тайны, с которыми он не знаком. К тому же он ощущал от нее волны жалости и сочувствия. Восхищение, стремление успокоить, но совсем не то, что испытывал сам. Ему нужно было что-то другое.

Единственное, что ему совсем не нужно, так это еще одна мать.

Глава тринадцатая

Флинкс молчал, когда они встали на следующее утро, быстро позавтракали концентратами и снова взлетели в туманное небо. Солнце поднялось еще невысоко, хотя его рассеянный облаками свет озарил верхушки деревьев. Флинкс знал, что им нужно побыстрее найти стадо Лорен, потому что заряд скиммера кончался и с ним кончалась их возможность выбора. Он не знал, сколько времени осталось матушке Мастифф, прежде чем она встретится с источником своего страха, который он почувствовал.

Может быть, им помешало отсутствие дневного света или просто пропустили это место, но на этот раз они нашли стадо в считанные минуты. Под порящим скиммером показалось множество небольших холмов цвета обсидиана. Черные волосы развевались на утреннем ветру, густые, длиной в метр. Один из холмов пошевелился в глубоком сне, вспыхнуло что-то красное, как рубин в куче угля: это на мгновение открылся глаз и тут же закрылся.

Флинкс насчитал свыше пятидесяти взрослых животных. Среди них рассыпано было примерно такое же количество детенышей разного возраста. Все лежали на

боку на влажной земле, отчасти защищенные от дождя рощей, которую выбрали для сна.

Так вот каковы знаменитые дьяволопы! Они внушают трепет даже в своем сне сытости. Флинкс на мгновение остановил взгляд на огромном самце, храпевшем между двумя деревьями. В длину он, вероятно, метров десяти, в высоту — около шести. Если бы он стоял, высокий человек смог бы пройти у него под животом и едва задел бы концы свисающих волос.

Мощная мускулистая шея между двумя огромными плечами заканчивалась кошмарным черепом с несколькими торчащими рогами. У некоторых дьяволоп всего два рога, у других до десяти. Рога изогнутые и витые, большинство направлено вперед; и нет двух животных, у которых рога росли бы одинаково. Роговые пластины, отходящие от рогов, прикрывают уши.

Передние ноги длиннее задних — это необычно для такого массивного млекопитающего. Исключительно развитая мускулатура позволяет дьяволопе сваливать большое дерево. Это объясняет тот опустошительный след, который они оставляют за собой в период кормежки. Стадо целиком сваливает деревья на участке леса, чтобы добраться до нежных ветвей и игл, и даже сдирает кору со стволов.

Дьяволопы ворочались во сне, дергали своими ногами толщиной в древесный ствол.

— Они будут так спать несколько дней, — объяснила Лорен, медленно кружа над стадом. — Пока не проголодаются снова или что-нибудь их не потревожит. Они даже не выставляют часовых. Ни один хищник в здравом уме не станет нападать на стадо спящих дьяволоп. Всегда существует опасность, что они проснутся.

Флинкс смотрел на океан дьяволоп.

— Что мы с ними сделаем?

Не говоря уже о том, как, подумал он.

— Их нельзя приручить и нельзя гнать, — сказала Лорен, — но можно привлечь. Нам нужно найти молодую самку в течке. Время года подходящее. — Пальцы ее устремились к приборам, и скиммер начал опускаться.

— Мы опускаемся туда? — Флинкс указал на стадо.

— Придется,— ответила она.— Другого способа нет. Все должно быть в порядке. Они спят и не испуганы.

— О себе я этого не могу сказать,— пробормотал Флинкс, когда скиммер опускался меж деревьев. Лорен осторожно маневрировала, стараясь не ломать ветви и не шуметь.— А зачем нам нужна самка в течке?

— Мускусный жир и кровь,— объяснила Лорен. Скиммер мягко коснулся почвы.

Вблизи стадо производило еще более внушительное впечатление: волнующаяся колышущаяся масса мохнатых черных волос, изредка прерываемая массивными изогнутыми рогами,— все это больше походило на адский ландшафт, чем на стадо мирных травоядных. Когда Лорен выключила двигатель и приоткрыла дверцу, Флинкс почувствовал густой запах и услышал мощный звук дыхания стада. Земля дрожит, подумал он.

Лорен держала ружье наготове. Они пешком подошли к стаду. Флинкс шел за Лорен и пытался уверить себя, что черные утесы, возвышающиеся перед ним, из бавальта, а вовсе не из живой плоти.

— Вот.— Лорен указала на просвет между двумя среднего размера животными. Прицелилась и всадила три стрелы за массивный череп. Самка пошевелилась, кашлянула раз. Потом голова, которая начала подниматься, расслабилась и снова медленно опустилась. Флинкс и Лорен затаили дыхание, но никто из соседних животных не проснулся.

Лорен бесстрашно прошла между двумя телами, образовавшими живой каньон, и развязала рюкзак рядом с усыпленной самкой. Перед выходом из скиммера она отобрала из запасов несколько предметов. Теперь она методично разложила их и принялась за работу. Флинкс с интересом следил, как действуют нож и инструменты, названия которых он не знал.

Один контейнер быстро заполнился кровью. Второй еще быстрее — зеленой прозрачной жидкостью. Лицо Лорен сморщилось, и когда запах достиг Флинкса, он понял почему. Такого сильного запаха он никогда не ощущал. К счастью, он не зловонный, просто очень сильный.

За ними послышался громкий резкий звук. Флинкс повернулся и, как зачарованный, посмотрел на огромный алый глаз. Нелепо маленький черный зрачок плыл в центре этого кроваво-красного диска. И тут веко опустилось, как занавес. Но Флинкс не мог успокоиться.

— Быстрее! — негромко бросил он через плечо. — Я думаю, он просыпается.

— Мы еще не кончили, — ответила Лорен, закрывая вторую бутылку и принимаясь за работу лазером с самым слабым лучом. — Мне сначала нужно закрыть раны.

— Пусть их закроет природа, — торопил он, поглядывая на глаз. Боялся, что когда веко откроется в следующий раз, животное окончательно проснется.

— Ты меня знаешь, — твердо ответила она. Флинкс ждал, заглушая рвущийся крик. Наконец Лорен сказала: — Сделано. Можно идти.

Они торопливо миновали огромную тушу. Флинкс не успокоился, пока они снова не оказались в скиммере. Долго пришлось успокаивать Пипа: тот почувствовал тревогу хозяина и начал нервно дергаться.

Несмотря на плотную крышку, запах из бутылочки чуть не задушил Флинкса. Контейнер с кровью ничем не пах.

— Зеленое — это жир, — без необходимости объяснила Лорен. — Это сезон гона.

— Я понимаю, к чему это, — сказал Флинкс, — но зачем кровь?

— Жир привлечет внимание самцов стада. Но нам нужно не просто заинтересовать их. Нужно слегка свести их с ума. Единственный способ — они должны подумать, что самка в опасности. На это откликнутся и самки в стаде. — Она принялась работать с небольшим запасом химикалий.

— Тебе бы посмотреть, как дерутся самцы, — говорила она, смешивая жир и кровь с различными катализаторами в запечатанном сосуде. Флинкс с опаской наблюдал за стадом. — Весь лес дрожит. Даже самые высокие деревья трясутся, когда сталкиваются два самца черепами с этими рогами, удар слышно на много километров.

Пять минут спустя она подняла в утреннем свете большую бутылку.

— Этого хватит. Феромоны, кровь и другие вещества, щекочущие нос. Если это не привлечет их, ничто другое не поможет.

— Они поднимут тревогу, когда пересекут звуковой барьер,— напомнил он ей.

— Да, но к этому времени они совсем безумеют, и их ничто не остановит. И тогда уже тревога будет не важна.— Она ехидно улыбнулась, потом задумалась.— Нужно найти твою мать, прежде чем они примутся за здания.

— Да,— согласился Флинкс.

— Будет достаточно смятения,— продолжала она,— чтобы отвлечь внимание. Если они люди, обитателям лагеря придется прежде всего думать о своем спасении.

— Теперь о спасении твоей матери. Я думаю, мы можем считать, что она не в ангаре, не в энергетической станции и не в центральной башне. Остаются два длинных здания на западе. Если мы сумеем туда проникнуть, раньше чем кто-нибудь придет в себя, то сможем увести ее, прежде чем они поймут, что происходит.

— Понимаешь, только мы будем готовы к происходящему. Очень многое зависит от того, как будут реагировать эти люди. Они не глупы, но не думаю, чтобы они могли спокойно встретить то, что их ожидает. К тому же других идей у меня нет.

Флинкс покачал головой.

— У меня тоже. Но я вижу одно затруднение. Чтобы уверить стадо, что оно идет за раненной самкой в течке, нам нужно быть на поверхности. Мне кажется, вверху запах на них не подействует.

— Верно. Все должно быть очень правдоподобно. Значит, придется касаться поверхности. Вверху помешают деревья, да и запах быстро развеется на ветру.

— И что же будет, если наше средство подействует, стадо пойдет за нами к лагерю, а мы столкнемся с деревом или еще чем-нибудь?

Лорен пожала плечами.

— Взбираться на деревья умеешь?

— В Дралларе не на многие деревья можно взбираться,— ответил он,— но я часто лазил по стенам зданий.

— Ну, у тебя будет несколько другой мотив, если скиммер откажет. Если что-то случится, беги к самому большому дереву. Я думаю, они будут обходить препятствия. Меньшие деревья они просто не заметят.— Она искоса взглянула на него.— Хочешь немного подумать?

— Мы зря тратим время,— ответил он, зная, что с каждой минутой опасность все ближе и ближе к ма-тушке Мاستифф.— Я готов, если готова ты.

— Я не готова, но никогда и не буду. Так что можно начать.— Она села в пилотское кресло и коснулась приборов. Задняя часть крыши скользнула вперед.

— Садись назад. Когда я скажу, открывай бутылку и лей примерно десятую часть содержимого. Потом держи ее открытой и каждый раз проливай десятую часть. Понятно?

— Да,— сказал он с уверенностью, которой на самом деле не испытывал.— Ты только води эту штуку и постарайся ни с чем не столкнуться.

— Об этом не беспокойся.— Она в последний раз улыбнулась ему и повернулась к приборам.

Скиммер поднялся и повернулся, медленно направившись к спящему стаду. В десяти метрах от ближайшего животного Лорен снова повернула машину и зависла, изучая на экране сканнера изображение стада.

Из стада слышались отдельные громовые фыканья и звуки блеяния. Флинкс держал плотно закрытую бутылку. Оглянувшись, он нашел обрывок ткани и плотно обвязал рот и нос.

— Мне следовало подумать об этом,— сказала Лорен.— Прости.

— А тебе не нужно?

Она покачала головой.

— Я вверх, и ветер относит запах от меня к стаду. Все в порядке. Готов?

Руки ее напряглись на рулевом колесе.

— Готов,— ответил он.— Ты готов, Пип?

Летающая змея не сказала, даже не свистнула в от-

вет. Но Флинкс почувствовал, как ее кольца крепче сжали его левую руку и плечо.

— Открывай и лей,— приказала Лорен.

Она медленно двинула скиммер вперед, а Флинкс открыл пробку. Даже в импровизированной маске, с ветерком, уносящим запах, он действовал ошеломляюще. Глаза Флинкса слезились, ноздри жгло. Но он каким-то образом сумел сосредоточиться и отлить десятую часть жидкости.

Громовой воинственный рев прозвучал из нескольких огромных глоток. Скиммер скользнул мимо толстого ствола, и Флинкс увидел, как один из больших самцов встал. Он, казалось, возвышается над лесом, хотя, конечно, большие деревья выше его. Металлически красные глаза полностью открылись, крошечные зрачки казались дырами на алом фоне.

Дьяволопа покачала головой из стороны в сторону, вперед и назад и загрохотала. Сделала шаг вперед, потом другой. Сзади поднималось все стадо, первоначальные неуверенные звуки превратились в рев гнева и желания. Второй самец двинулся вперед вслед за первым; потом третий начал свой громоздкий бег. При такой скорости, подумал Флинкс, им понадобится несколько дней, чтобы добраться до лагеря.

Но прямо у него на глазах скорость бега начала расти. Таким массивным животным нужно время, чтобы разогнаться. Но, разогнавшись, они начинают пожирать расстояние. И вскоре Флинкс уже хотел, чтобы скиммер летел побыстрее.

Стадо набегало на качающуюся машину. Лорен приходилось уклоняться даже от небольших деревьев, а стадо в стремлении найти источник тревожащего запаха просто их не замечало. Лорен что-то крикнула ему, но он не расслышал.

Деревья проносились мимо: Лорен сумела увеличить скорость и ни на что не наткнуться. За ними раздавался гром: сотни копыт били в землю, превращая ее в порошок, трескали небольшие деревья, стонали крупные, когда их выворачивали с корнями.

Флинкс, видя позади только красные глаза и вытяну-

тые рога, отлил еще десятую жидкости, и на хрупкий скиммер и его еще более хрупкий груз обрушился новый гром...

* * *

В маленькой операционной все было тщательно продезинфицировано. У матушки Мاستифф не оставалось сил для сопротивления, когда ее осторожно, но крепко привязали к теплomu столу. Проклятия ее сменились стонами, почти рефлекторными: она поняла, что ничто не отговорит этих сумасшедших от их намерений. Постепенно она перестала даже стонать и только смотрела, сжав губы, на своих мучителей:

Зажглись яркие огни, ослепив ее. Высокая смуглая женщина стояла справа от стола, глядя на пластиковый круг размером в ладонь. Матушка Мастифф узнала шприц для инъекций без уколов и отвела взгляд.

На Хейтнес, как и на остальных, был светлый хирургический халат и маска, из-под которой видны были только глаза. Ньясса-ли держала ножницы, которыми будет стричь волосы на голове объекта. Брора, которому предстояло совершать непосредственную имплантацию, смотрел на экран, расположенный за головой матушки Мастифф. Изредка он поглядывал на небольшой столик, на котором были разложены хирургические инструменты и несколько плоских прозрачных ящичков с изморозью на поверхности. Внутри ящичков находились микроэлектронные импланты, которые следует поместить в мозг объекта.

С потолка над операционным столом свисал металлический шар, похожий на медузу. С его нижней стороны спускались многочисленные трубки и щупальца. Они будут соединены шлангами и заменят любой орган, который может отказать во время операции. Сверхтонкие нити готовы были заменить капилляры; щупальца могли сверлить кость и делать в ней выемки; там же приспособления, которые могут, минуя легкие, подавать кислород непосредственно в кровь.

— Я готов начать, — Брора слегка улыбнулся Ньяс-

се-ли,— та кивнула. Он взглянул на вторую женщину.— Хейтнес? — Та ответила взглядом, приготовив шприц.

— Тогда последняя проверка,— сказал он, поворачиваясь к платформе с микрохирургическим оборудованием. Над головой выжидательно блестела медуза.

— Странно.— Брора нахмурился.— Смотрите.— Обе женщины наклонились к нему. Инструменты, крошечные ящички с замороженным содержимым, даже сама платформа — все слегка дрожало.

— Перебои с подачей энергии,— предположила Ньясса-ли. Она посмотрела вверх и увидела, что шар слегка раскачивается.

— Не знаю. Если бы что-то серьезное, нам бы уже сообщили,— сказал Брора. Дрожь усилилась. Один из зондов упал со стола и со звоном покатился по пластиковому полу.— Становится сильнее.— Снаружи донесся глухой гул. Броре показалось, что он идет с запада.

— Буря? — нахмурившись, спросила Ньясса-ли.

Брора покачал головой.

— От грома стол не стал бы трястись, и метеорологи ничего не сообщали. И не землетрясение. Этот район не сейсмичен.

Гром усиливался, и теперь стало ясно, что идет он не сверху, что дрожит сама земля. Неожиданно сработала сигнализация вокруг лагеря. Трое хирургов в замешательстве смотрели друг на друга; теперь уже дрожали не только столы и инструменты, но все здание.

Траурно зазвучала сирена. С треском что-то прорвалось сквозь стену комнаты для совещаний, немного не затронув операционную. Это что-то было видно только мгновение, но при этом заполнило всю комнату. Потом оно передвинулось, таща за собой часть стены из фальшивых бревен и пластиковых камней, впустив в помещение туман и оставив за собой большую яму в фундаменте. Хейтнес лучше всего разглядела эту яму, в которую падали обломки с потолка. Отпечаток копыта.

Ньясса-ли сорвала хирургическую маску и побежала к ближайшей двери. Брора и Хейтнес устремились за ней. Матушка Мастифф неожиданно обрела голос и закричала.

Пыль и изоляция падали с потолка, вокруг продолжали дрожать стены. Многорукий хирургический шар над операционным столом теперь угрожающе раскачивался взад и вперед, с каждым колебанием он мог сорваться с крепления.

Матушка Мاستифф не стала зря тратить силы в попытках разорвать путы. Она знала свои ограничения. Всю силу она вложила в крик.

Как только впереди показался лагерь, Лорен увеличила скорость и устремилась к центральной башне. У кого-то хватило присутствия духа ответить на сирену оружием, но торопливые выстрелы миновали скиммер.

И в это время стрелявший увидел, как что-то вылетело из кормы скиммера. Он присел, но когда взрыва не последовало, выглянул из своего окна на третьем этаже и с любопытством посмотрел на разбитую бутылку и красно-зеленую жидкость, текущую по стене сооружения. Но ему не пришлось долго разглядывать, потому что его внимание — и внимание всех остальных — привлекла черная волна, грозно накатившаяся из леса.

Разъяренное стадо сосредоточилось на самом сильном источнике сводящего с ума запаха. Центральная башня, в которой находилась аппаратура связи и все защитное оборудование лагеря, скоро превратилась в груды пластика и металла.

Тем временем Лорен повернула скиммер по широкой дуге и посадила между двумя длинными низкими зданиями на западном краю лагеря. Персонал был слишком занят бегством в лес и стремлением увернуться от копыт и рогов, чтобы удивиться присутствию незнакомой машины.

Нужно было с первой же попытки правильно выбрать здание. И им повезло, выбрали они правильно... и совсем не благодаря его решительно бесполезному Дару, подумал Флинкс.

Крыша над операционной уже начала прогибаться, когда они добрались до конца здания.

— Флинкс, как ты... — начала матушка Мастифф.

— Как он вас нашел? — закончила за нее Лорен, отводящая правую руку старой женщины.

— Нет,— поправила ее матушка Мастифф,— я хотела спросить, как он сюда добрался без денег. Не думала, что это возможно на Моте.

— У меня немного было, мама,— улыбнулся ей Флинкс. Она казалась невредимой, просто очень устала за эти лихорадочные дни.— И у меня есть другие способности, ты знаешь.

— Ага.— Она серьезно кивнула.

— Нет, не это,— поправил он ее.— Ты забыла, что есть способ получить вещь, не платя за нее.

Она рассмеялась. Этот смех обрадовал Флинкса. На мгновение он заглушил крики и грохот разрушения, заполнявшие воздух за пределами здания. Земля под ногами дрожала.

— Да, да, ты всегда добивался, что хотел. Разве я тебя не отговаривала? Но не думаю, что сейчас время тебя ругать.— Она взглянула на Лорен, которой трудно приходилось с повязками.

— А это кто? — спросила матушка Мастифф, подняв брови.

— Друг,— заверил ее Флинкс.— Лорен, познакомься с матушкой Мастифф.

— Очень рада, бабушка.— Лорен сжала зубы, борясь с неподатливыми привязями.— Тут магнитные зажимы, встроенные в полиэтилен.— Она посмотрела на Флинкса.— Наверно, нужно разрезать.

— Ты справишься,— Флинкс повернулся и направился к разбитой двери, вовремя увернувшись от падающей части крыши.

— Эй, какого дьявола! Куда ты? — Крикнула ему вслед Лорен.

— Хочу кое-что узнать,— крикнул он в ответ.— Я ведь по-прежнему не знаю, ради чего это все, и будь я проклят, если не попытаюсь узнать!

— Дело в тебе, мальчик! — крикнула матушка Мастифф.— Они хотели через меня влиять на тебя! — Но Флинкс уже не слышал ее.

Матушка Мастифф подняла голову и беспокойно посмотрела на стонущий потолок.

— Этот мальчишка,— сказала она,— не знаю, стоит ли он всех этих неприятностей.

Верхний замок неожиданно щелкнул и раскрылся. Лорен облегченно вздохнула. Она, как и матушка Мاستифф, слышала треск потолка, видела раскачивающийся над головой тяжелый хирургический шар.

— Вряд ли вы это серьезно,— сказала она спокойно,— и вам пора перестать думать о нем, как о мальчике.— Женщины обменялись взглядами, старшая смотрела вопросительно, младшая дала уверенный и красноречивый ответ.

* * *

Уверенный, что Лорен освободит матушку Мастифф, Флинкс смог дать волю гневу, который копился в течение всех этих дней. Высвободившаяся эмоция была так сильна, что Пип слетел с плеча хозяина и беспокойно повис в воздухе у него над головой. Маленькая треугольная голова металась во всех направлениях, пытаясь найти источник гнева Флинкса.

Ярость, кипевшая в нем, едва поддавалась контролю.

— Они не отделаются так легко,— повторял он про себя.— Не уйдут.

Он не знал, что сделает, если встретит все еще неизвестных обидчиков, но что-то должен сделать. Месяц назад он и не подумал бы отправиться за таким опасным врагом, но последние недели добавили ему уверенности.

Стадо постепенно успокаивалось, хотя самцы все еще искали источник своего беспокойства. Самки и малыши первыми ушли в лес. По лагерю бродили только одиночные самцы, вымещая раздражение и гнев на всем большем камня. Изредка Флинкс видел остатки тех, кто не успел убежать в лес от дьяволов. Обычно на земле виднелось только красное пятно.

Флинкс направился к ангару, который они с Лорен разглядели с холма. Это логичное последнее убежище. Вскоре он добрался до здания. И ему даже не приходило в голову, что одна из фыркающих, роющих землю дьяволов может обратиться против него.

Большие ворота ангара косо повисли. Внутри Флинкс заметил движение и услышал звуки команд. Без колебаний он вошел внутрь и увидел, что на большой транспортный скиммер грузят какие-то ящики. Люди торопливо работали под руководством маленькой пожилой женщины восточного вида. Флинкс остановился на пороге. Теперь, найдя того, кто чем-то распоряжается, он не знал, что делать дальше. Гнев и хаос привели его сюда, он ни о чем предварительно не подумал.

Высокая смуглая женщина, стоявшая в передней части ангара, перестала отдавать распоряжения и через плечо оглянулась на дверь. Их взгляды встретились. Флинкс подумал, что в молодости она должна была быть исключительно красива. Но очень холодна. Волосы у нее поседели, глаза посерели.

— Хейтнес,— подбежал к ней мужчина.— Некогда мечтать. Мы...

Она указала дрожащим пальцем. Брора взглянул в том направлении и увидел смотрящего на него юношу.

— Мальчишка,— прошептал Брора.— Это он?

— Да, но посмотри выше, Брора. Вверху слева.

Приземистый мужчина посмотрел выше, и спокойствие тут же покинуло его. Рот широко раскрылся.

— О, Боже! — воскликнул он.— *Аляспинианский минидраг!*

— Видишь,— прошептала Хейтнес, взглянув на Флинкса, словно на обычный лабораторный образец,— это многое объясняет.— Все остальные обращали внимание только на продолжающиеся звуки разрушения лагерь.

Брора пришел в себя.

— Может быть, может быть, но мальчик может даже не знать...

Флинкс пытался разобрать их слова, но было слишком шумно.

— Откуда вы? — крикнул он в сторону скиммера. Недавно приобретенная зрелость покинула его; неожиданно он почувствовал себя рассерженным юнцом.— Почему вы похитили мою мать? Вы мне не нравитесь. Все не нравиться. Я хочу знать, почему вы это сделали!

— Осторожней,— крикнула им Ньясса-ли.— Помните данные этого объекта!

— Он не опасен, говорю тебе,— настаивала Хейтнес.— Он демонстрирует свою безвредность. Если бы он контролировал себя, не стал бы задавать нам детские вопросы.

— Но этот катализатор,— Брора указал на летающую змею над Флинксом.

— Мы не знаем, катализирует ли он хоть что-то,— ответила Хейтнес,— потому что в сущности не знаем способностей самого мальчика. Это всего лишь потенциал. Минидраг ничего для него не делает, потому что ему не над чем работать. У него только настойчивость и сверхъестественная способность идти по следу.— Она продолжала рассматривать объект.— Много бы я дала, чтобы узнать, как у него оказался минидраг.

Брора облизал губы.

— С матерью не получилось. Может, поговорить с объектом непосредственно, несмотря на наш опыт с девочкой?

— Нет,— возразила она.— У нас нет разрешения на такой риск. Сначала нужно связаться с Круачаном. Он должен принять решение. Важнее убраться отсюда немедленно и увезти все записи.

— Я не согласен.— Брора продолжал разглядывать мальчика, пораженный его спокойствием. Объект, казалось, не замечал гуляющую по лагерю опустошительную смерть на копытах.— Наш первоначальный план не удался. Время перейти к импровизации. Мы должны воспользоваться возможностью.

— Даже если это последняя возможность?

Флинкс закричал им:

— О чем вы говорите? Почему не отвечаете мне?

Хейтнес повернулась к нему и как будто хотела ответить, но в этот момент ангар задрожал. Неожиданно восточная стена выпятилась внутрь. Послышались испуганные крики, и грузчики рассыпались во всех направлениях, не обращая внимания на угрозы Ньяссы-ли.

Но не успели разбежаться.

Стены и потолок рухнули, погребя под собой персо-

нал, контейнеры и большой грузовой скиммер. Три самца дьяволопы прошли сквозь разрушенную стену. Флинкс отскочил от ворот. Металл, пластик и плоть смешались в хаотическую пульпу под громоздкими ногами. Вокруг Флинкса по воздуху летели обломки. Один ударил его в плечо.

Блестя красными глазами, один из самцов повернулся к единственному уцелевшему человеку. Он склонил огромную голову.

Случайность, везение, что-то большее — что бы ни защищало до сих пор Флинкса от внимания стада, внезапно оно кончилось. Нависший над ним самец был вне себя от ярости. Его намерения были очевидны: превратить Флинкса в еще одно красное пятно на земле.

Что-то маленькое, почти незаметное повисло перед гигантом и плюнуло в один из красных глаз размером с тарелку. Дьяволопа мигнула раз, другой. Этого было достаточно, чтобы яд проник в кровь. Чудовище открыло пасть и заревело, отворачиваясь от Флинкса. Начало яростно трясти головой, не обращая внимания на двух других самцов, которые продолжали крушить остатки ангара.

Флинкс вскочил и побежал от этой сцены разрушения назад, к тому зданию, где оставил Лорен и матушку Мастифф. Пип присоединился к нему, сел на плечо, но время от времени взлетал в воздух.

За ними рев дьяволопы стал хриплым и тихим. Послышался удар, это бык опустился на четвереньки. Несколькими мгновениями огромные ноги еще дергались. Очень медленно, как айсберг, откалывающийся от ледника, бык упал на бок. Глаз, в который попал яд Пипа, исчез, оставив только пустую глазницу.

Тяжело дыша, Флинкс подбежал к зданию, в котором находилась операционная, и чуть не столкнулся с Лорен и матушкой Мастифф. Он кратко обнял мать, потом подставил ей плечо под левую руку, чтобы помочь идти.

Лорен, поддерживавшая старуху с другой стороны, с любопытством взглянула на него.

— Ты нашел, кого искал?

— Да. Сеннар и Соба отмщены. Это сделали дьяволопы.

Лорен кивнула, и они вышли из остатков здания. Снаружи земля дрожала меньше.

— Стадо рассеивается. Дьяволопы снова соберутся в лесу, будут удивляться, что это с ними было, и, вероятно, снова лягут спать. Но тогда в лагерь соберутся уцелевшие. Нам нужно заняться своим транспортом, и побыстрее. Здесь поблизости была станция зарядки скиммеров. Мы можем идти, но...

— Я могу то же, что и вы,— заявила матушка Мастифф. Ее состояние противоречило этим словам: если бы не поддержка Лорен и Флинкса, она бы не устояла на ногах.

— Все в порядке, мама,— сказал Флинкс.— Мы что-нибудь найдем.

Они сели в свой скиммер, Лорен включила зажигание, и они начали облетать разрушенный лагерь.

Их опасения встречи с выжившими обитателями лагеря не оправдались. Несколько встреченных мужчин и женщин были так ошеломлены катастрофой, что ни о чем не спрашивали. Все они были из обслуживающего персонала и не подозревали о роли и важности Флинкса и матушки Мастифф.

Дьяволопы исчезли. Энергетическая станция оказалась почти не повреждена, может, потому, что находилась на удалении от остальных зданий, а может, и потому, что управлялась автоматически и там для стада не было живых целей. Никто не помешал им перезарядить сканнер, хотя Лорен держала палец на спуске своего ружья, пока приборы не показали, что в машине полный заряд.

— Ну думаю, чтобы нас стали преследовать,— сказала Лорен.— Похоже, некому преследовать. Если предводители погибли в ангаре, как ты говоришь, Флинкс, нам не о чем беспокоиться.

— Я не получил ответ,— разочарованно сказал он. Потом громче: — Давай убираться отсюда.

— Да,— быстро согласилась матушка Мастифф. Она вопросительно взглянула на Лорен.— Я городская жительница. Жизнь на природе не по мне.— Она улыбнулась своей неотразимой улыбкой, и Флинкс понял, что она оправится.

Лорен улыбнулась и нажала на акселератор. Скиммер двинулся, поднимаясь над окружающими деревьями. Они пролетели над несколькими потерявшими ориентировку дьяволопами и на полной скорости полетели на юг.

— Я так и не узнал, в чем дело,— пожаловался Флинкс с заднего сидения.— А ты не знаешь, почему они тебя похитили, мама? Чего им от тебя было нужно?

Она уже хотела повторить ему рассказ членов Общества Улучшения. Неужели она слышала его только вчера вечером? Что-то остановило ее. Прирожденная осторожность, забота о нем. Опыт долгой жизни приучил ее не торопиться, не говорить сразу, что придет на ум, даже если это правда. Сначала нужно кое-что узнать. Будет еще время рассказать ему.

— Ты сказал, долгая история, как вы меня выследили. Ну, моя история тоже долгая. Тебе достаточно знать, что это связано с давним преступлением, в котором я участвовала. Жажда мести никогда не умирает. Ты ведь понимаешь это?

— Да.— Он знал, что у его матери была разнообразная, насыщенная событиями юность.— Расскажешь подробнее дома.

— Хорошо,— согласилась она, довольная тем, что он принял ее объяснение.— Когда благополучно вернемся домой.— Она взглянула на Лорен и увидела, что та вопросительно смотрит на нее.

Матушка Мاستифф прижала палец к губам. Вторая женщина кивнула, не вполне понимая, но готовая подчиниться желанию старшей.

Глава четырнадцатая

Прошло несколько часов. Ветра нет, туман стал реже, скиммер спокойно летел на юг. Матушка Мастифф посмотрела назад, где на корме скиммера спал Флинкс. Его ужасный, хотя и полезный любимец, как обычно, свернулся у головы хозяина.

Матушка Мастифф разглядывала пилота. Красивая, жесткая и самоуверенная, решила она. На лес, пронесившийся под ними, опускалась ночь. В кабине тепло и сухо.

— Почему ты заинтересовалась моим мальчиком?

— Как друг. Кроме того, мне нужно было заплатить долг,— объяснила Лорен.— Эти люди, которые вас похитили, убили двух редких животных, которые долго жили у меня.

— Месть никогда не умирает.— Она улыбнулась.— Вы сами это сказали, помните?

— Где ты с ним встретилась?

— Он появился в гостинице, недалеко от озера, где я управляющая.

— А! Драка! Да, я помню. Значит, это твое место.

— Я только управляющая. Туда мы и направляемся. Я помогу вам оттуда вернуться в Драллар.

— Откуда ты знаешь, что мы из города?

Лорен указала на спящую фигуру.

— Он сказал. Он мне много рассказывал.

— Странно,— заметила матушка Мастифф.— Он не болтлив, мой мальчик.— Она продолжала смотреть на пролетающий внизу лес. Флинкс спокойно спал, впервые за долгое время.

— Ты на многое пошла,— наконец объявила матушка Мастифф,— особенно для незнакомого человека. И такого молодого.

— Молодость относительна,— ответила Лорен.— Может, он разбудил во мне материанский инстинкт.

— Не философствуй, девочка,— предупредила матушка Мастифф,— и не темни.— Ничего себе замечание. Разве она сама не испытала того же относительно мальчика много лет назад? — Я видела, как ты на него поглядываешь. Ты в него влюбилась?

— Влюбилась? — Лорен искренне удивилась. Потом, заметив, что матушка Мастифф спрашивает всерьез, заставила себя ответить тоже серьезно.— Конечно, нет! Ну, по крайней мере, не так. Он мне нравится, конечно. Я поражена тем, что он смог сделать в одиночку, я уважаю его за это. И мне его жаль. Конечно, я что-то к нему

испытываю. Но любовь, о который вы говорите? Ни малейшего шанса.

— Юность относительно, — мягко передразнила ее матушка Мастифф. — В одном можно быть уверенным. Я многое видела в жизни, девочка. Мало что меня может удивить. Так думала я несколько недель назад. — Она негромко рассмеялась. — Я рада твоим словам. Ты могла бы причинить мальчику боль.

— Я никогда этого не сделаю, — заверила ее Лорен. Она оглянулась на спящего Флинкса. — Я высажу вас у гостиницы. Моего помощника зовут Сал. Сделаю вид, что организовываю ваш отъезд, и поговорю с ним. А потом улечу за озеро. Думаю, так для него лучше. Я не хочу причинять ему боль. — Она заколебалась. — Он ведь не станет делать глупости? Например, не пойдет за мной?

Матушка Мастифф задумалась, потом покачала головой.

— Он немного излишне чувствителен. Но поймет, я уверена. А я не знаю, что и сказать, девочка. Ты так помогла ему и мне.

— Месть, помните? — Она улыбнулась, огоньки приборов осветили ее лицо. — Он забавный, ваш Флинкс. Не думаю, чтобы я его забыла.

— Знаешь, девочка, — задумчиво сказала матушка Мастифф, глядя на туман и облака, — ты не первая, кто говорит так.

— Наверно, и не последняя, — ответила Лорен и снова занялась приборами управления.

* * *

Маддер несколько раз обошел по кругу разрушенный лагерь, потом показался из-за укрытия в деревьях и направился к разрушенным зданиям. И сел возле груды развалин, некогда бывших центральной башней.

Женщина, вышедшая из него, и мужчина, оставшийся за рулем, были одеты в темно-зеленые с коричневым маскировочные комбинезоны. Мужчина не выключил двигатель, женщина прошла с полдесятка метров к баш-

не, остановилась и медленно повернулась, осматриваясь. Потом оба расслабились, поняв, что то, что уничтожило лагерь, больше не представляет угрозы. Никакого обсуждения не потребовалось: они долго работали вместе и понимали друг друга без слов.

Мужчина выключил двигатель и присоединился к женщине. Шел легкий дождь. Он не промочил их: маскировочные костюмы отталкивали влагу. Судя по виду лагеря, долго они здесь не задержатся.

— Я устал открывать ящик и находить в нем другой, меньший, — печально сказал мужчина. — Все наши розыски ведут в глухой тупик. — Он жестом указал на окружающее их разрушение: обрушившиеся здания, облака дыма, поднимающиеся от развалин, расплавленный металл.

— Скорее мертвый тупик, судя по этому.

— Не обязательно. — Женщина его почти не слушала. Она смотрела на широкое углубление возле своих ног. С одного конца оно заостренное. В нескольких метрах виднелось другое такое же углубление, а сзади на таком же расстоянии еще одно. Посмотрев дальше, она увидела всю цепочку. Вначале она не заметила эти углубления, потому что они были заполнены водой.

Она пнула ближайшее сапогом.

— Отпечатки ног, — сказала коротко.

— Копыт, — поправил мужчина. Он взглянул на затянутый туманом лес вокруг лагеря. — Хотел бы я лучше знать этот отсталый мир.

— Не вини себя. Мы не собирались провести здесь много времени. К тому же города везде космополитичны.

— Да, и цивилизация кончается на их окраинах. Остальная часть планеты примитивна. Это нам и помешало с самого начала. Слишком много мест, где можно скрыться.

Она осмотрела развалины.

— Ну, это им ничего хорошего не принесло.

— Да, согласился он. — Я видел тут немало костей. Интересно, бедное чудовище тоже здесь умерло?

— Не говори так, — беспокойно сказала она. — Ты знаешь, кем мы должны его считать. Следи за собой,

иначе вставишь как-нибудь в отчет и получишь нагоняй.

— А, да, я забыл,— ответил он.— Искалеченный ребенок. Прости, Роза, но все это дело с самого начала мне не нравилось. Ты, конечно, права. Не надо было выделять его. Он не виноват. Наоборот. Он не отвечает за то, что сделали с ним улучшатели.

— Верно,— согласилась женщина.— Ну, скоро его приведут в порядок.

— Если он уцелел,— напомнил ее спутник.

— Ну, кое-кто уцелел,— ответила она.

Мужчина указал на несколько длинных куч развалин, которые когда-то были зданиями.

— А еще говорят о дьяволах.

Какая-то фигура направлялась к ним. Ей потребовалось много времени, потому что она двигалась не по прямой. Все время отклонялась вправо, как колесо, потерявшее подшипник. Это мужчина, в грязной одежде, в испачканных ботинках. Видно было, что он несколько дней не переодевался. Он слабо помахал прилетевшим. Если не считать хромоты, он не казался раненым. Его волнистые волосы промокли и прилипли к лицу и голове. Он не пытался убрать их с глаз.

Казалось, ему все равно, кто эти новые люди. Интерес его был гораздо прозаичней.

— У вас есть еда?

— Что здесь случилось? — спросила женщина, как только он подошел поближе.

— Еда есть? Бог видит, воды здесь достаточно. Все, что это несчастное место может предложить, это вода. И когда хочешь и даже когда не хочешь. Я питался ягодами, орехами и тем, что можно было спасти на кухне. Пришлось отбиваться от стервятников. Ужасная, вонючая дыра!

— Что тут случилось? — спокойно повторила женщина. Подошедшему казалось лет двадцать с небольшим. Она знала, что он слишком молод, чтобы быть членом внутреннего круга улучшателей. Скорее всего просто нанят на работу.

— Кастер,— сказал он.— Меня зовут Кастер.— Прошу прощения.— Он осторожно начал опускаться само-

дельный костыль, пока не сел на влажную землю.— Сломал лодыжку, мне кажется. Она не слишком хорошо срастается. Нужно будет поправить.— Он сморщился, потом снова поднял голову.

— Будь я проклят, если знаю. Я имею в виду, что тут случился. Только что я сменял спокойно коммуникационные модули, а в следующую минуту начался ад. Вы бы их видели. Огромные, как башни, каждый огромный. Так мне показалось. Хуже всего эти огромные глазатарелки и маленькие черные точки в них, смотрят на тебя, как машина. Отвратительные глаза. Не знаю, что их на нас навлекло, но это не доброе провидение.

— Только вы выжили? — спросил мужчина.

— Никого больше не видел, если вас это интересует.— Он жалобно сказал: — Эй, у вас хоть какая-нибудь еда есть?

— Мы вас накормим,— с улыбкой сказала женщина.— Послушайте, а на кого вы здесь работали?

— На ученых. Чванные типы. Никогда не разговаривали с нами, обычными рабочими.— Он слегка рассмехался.— Но платили хорошо. Держи рот на замке, выполняй свою работу и любуйся окрестностями. Никак не думал, что окрестности придут ко мне. С меня хватит. Хочу домой. Могут сохранить свою неустойку.— Ему пришла в голову новая мысль, и он посмотрел на пару.

— Эй, вы что, не знаете, кто они? Кто эти люди?

Они обменялись взглядом. Потом женщина пожала плечами.

— Вреда не будет. Может, это освежит его память.

Она достала из внутреннего кармана маленькую пластиковую карточку и показала раненому. Карточка ярко-красная. На ней напечатано имя и название планеты происхождения: Терра. Глаза человека при этом названии округлились. Следующая серия букв увеличила его озадаченность.

НПС — И — МС — ОМО. Первые буквы он понял: «Независимая полевая служба» и ранг — инспектор МС — «Миротворческие силы», военная организация по поддержанию закона в Сообществе.

— А что такое ОМО? — спросил он.

— Отдел операций по морали,— ответила она, пряча карточку.— Эти ученые, с которыми вы работали... У вас не было с ними близких контактов, но вы ведь их видели время от времени?

— Конечно. Они держались особняком, но иногда я их видел.

— Все пожилые, верно?

Он нахмурился.

— Знаете, я об этом не думал, но да, так и есть. Это что-то означает?

— Вас не должно это беспокоить,— сказал мужчина.— Вы говорите, что никого не видели после того, как на вас напали эти звери. Это не обязательно означает, что вы один уцелели. Вероятно, здесь были какие-то средства передвижения. Вы никакого маддера или скиммера не видели?

Человек на земле немного подумал, и лицо его прояснилось.

— Да, да, видел. Были женщины: старуха и молодая. Молодая красивая. И с ними мальчик. Я их не узнал, но тут часто появлялись люди.

— Сколько лет мальчику? — спросила женщина.

— Будь я проклят, если знаю. Я бежал в одном направлении, а их скиммер двигался в другом, так что я не стал останавливаться и задавать вопросы. *Парень рыжий.* Это я помню. Рыжие на этом комке грязи редкость.

— Очаровательная жизнь,— сказал мужчина своей спутнице. В его голосе звучало восхищение и раздражение.— Мальчишка ведет очаровательную жизнь.

— Как ты отлично знаешь, дело не только в чарах,— ядовито ответила женщина.— Старуха, о которой он говорит, очевидно, приемная мать, но кто эта другая женщина? — Она обеспокоенно нахмурилась.

— Неважно,— ответил ее товарищ. Он заговорил с раненым.— Послушайте, каковы отношения этих троих? Я знаю, у вас было немного времени. Эта младшая женщина, красивая? Не показалось ли вам, что она ими командует? Может, старуха и мальчик были у нее в плену?

— Говорю вам, я мало что видел,— ответил Кастер.— Никакого оружия не было, если вы об этом говорите.

— Интересно,— сказала женщина.— У них появился союзник. Еще одно осложнение.— Она вздохнула.— Черт бы побрал этот случай. Если бы в штабе не придавали ему такого значения, я бы отказалась.

— Ты знаешь, что значит такой приказ,— фыркнул мужчина.— Мы их возьмем. Много раз были уже совсем близко. Когда-нибудь должно и повезти.

— Может быть. Вспомни свои ящики внутри ящиков,— усмехнулась она.— Но теперь будет легче.— Она махнула на разрушенный лагерь.— Похоже, никто из улучшателей не ушел.

— Улуч... улучшатели? — Раненый раскрыл рот.— Эй, я это слово знаю. Это ведь те... — Глаза его широко раскрылись.— Подождите, ведь это...

— Спокойней,— сказал мужчина в маскировочном костюме.— Ваше удивление свидетельствует о невинности. К тому же вы слишком молоды. И им нужны гораздо более умные люди.

— Нам легко будет обнаружить мальчика.— Женщина вновь обрела уверенность.— Отыщем и их.

— Хотел бы я так быть уверен,— сказал ее спутник, поджав нижнюю губу.— Ничего легкого в этом деле с самого начала нет.

— Я не знал,— начал раненый,— я не знал, что они улучшатели. Никто из нас не знал, никто. Я всего лишь техник. Никто ни слова не говорил нам о...

— Спокойней, я вам сказал,— выпалл старший мужчина,— рассерженный такой реакцией. Люди так легко впадают в панику, подумал он.— Вам придется пройти проверку на правду. Пища в маддере. Но пройдете проверку. Это не вредно, вы знаете. А потом вас отпустят.

Человек с помощью костыля встал. Он немного успокоился.

— Нам ни слова об этом не говорили.

— Они никогда не говорят,— сказала женщина.—

Так им удается столько лет избегать тюрьмы. А легковерные их не спрашивают.

— Улучшатели. Вот дьявольщина! — бормотал человек. — Если бы я знал...

— Если бы вы знали, вы не стали бы брать их деньги и работать на них, верно?

— Конечно, нет. У меня есть принципы.

— Ну, еще бы. — Мужчина взмахнул рукой, предупреждая протесты. — Простите меня, друг. За восемь лет, проведенных в ОМО, я привык желчно смотреть на человечество. Не ваша вина. Идем, — сказал он женщине, которую называл Розой, — нам тут нечего делать.

— Я с вами? — молодой человек захромал за ними.

— Да, вы тоже, — сказал миротворец. — Вы не возражаете против сканирования на правду? Это чисто добровольная процедура.

— С радостью, — сказал тот, готовый угодить. — Будь прокляты эти грязные улучшатели. Обманывают невинных работников. Надеюсь, вы всех их возьмете до последнего.

— Еда на корме, — ровно сказала женщина, когда они поднялись в мэддер.

— Странно, — заметил ее товарищ, когда они усаживались. — Странно, что дикие звери напали на это место так, что дали возможность нашей добыче сбежать. Истории этих детей полны таких странных совпадений.

— Знаю, — ответила Роза. Двигатель загудел, и маленький экипаж скользнул в лес. — А еще эта летающая змея, о которой рассказывали. Интересно, откуда она?

— С Аляспина, если отчеты точны.

— Да, верно, Аляспин. Если я правильно помню уроки галографии, эта планета во многих парсеках отсюда. Опять совпадение.

— Но возможное.

— Похоже, когда речь идет об этих детях, нет ничего невозможного. Чем быстрее мы задержим этого и передадим психирургам, тем лучше. Нет, по мне лучше какой-нибудь маньяк-убийца. От этой охоты за мутантами у меня мурашки по коже.

— Он не мутант, Роза, — напомнил ее спутник. —

Это так же неточно, как то, что я назвал его чудовищем.— Он взглянул в хвост маддера. Их пассажир поглощал еду и не слушал разговор.— Мы даже не уверены, что он обладает какими-нибудь особенностями. Последние двое, которых мы выследили, были откровенно нормальны.

— Улучшатели ведь заметили какое-то отличие,— не согласилась Роза.— Они пошли на большие хлопоты, чтобы захватить этого, и смотри, что получилось.

Они углубились в лес, направляясь на юг. Разрушенный лагерь скрылся из виду, закрытый деревьями и неровной местностью.

— Это сделало какое-то крупное местное животное,— сказал ее спутник.— Обезумевшее стадо не имеет никакого отношения к мальчишке и его способностям. Пока что мы знаем только, что это обычный ребенок, искалеченный улучшателями. Ты слишком многого хочешь, Роза.

— Да. Знаю. Такова наша работа, Федор.

Но тревога не оставляла их.

* * *

Женщина за консолью коммуникатора очень стара, почти так же стара, как маленький звездный корабль, но руки ее работали с легкостью, рожденной долгим опытом, а слух у нее достаточно острый, и она не пропустила ни одну передачу. Она подняла голову, посмотрела в лицо высокому серьезному мужчине и печально покачала головой.

— Простите, доктор Круачан, сэр. Они не отвечают на наши сигналы. Я даже не могу поймать их постоянный направленный луч.

Высокий человек медленно, неохотно кивнул.

— Вы знаете, что это значит.

— Да,— печально ответила она.— Ньясса-ли, Хейтнес, Брора — все они ушли. Все эти годы... — голос ее сменился шепотом.

— Мы не совсем уверены,— сказал Круачан.— Не

на сто процентов. Но сейчас они должны были бы уже отозваться, пусть через запасную установку.

— Это нападение стада — ужасная неудача, сэр.

— Если бы просто неудача, — негромко сказал он. — История показывает, что там, где участвуют эти дети, нечто неизвестное часто подталкивает неудачу. И очень сильно подталкивает.

— Я знаю, сэр. — Круачан знал, что женщина устала; но они все устали. Их время, время всего Общества Улучшения подходит к концу, а их благородная цель, так неправильно понятая, по-прежнему далека. Много лет назад они пытались привлечь новых, более молодых членов, обучить их технике манипулирования генами, разработанной основателями Общества. Но то бремя ответственности, под которым они все работали, клеветническая пропаганда церкви и правительства Сообщества не дали это сделать.

Будь прокляты все эти невежественные дикари! Общество еще не мертво!

Хейтнес, Ньясса-ли, Ёрора — эти имена панихидой звучали в мозгу Круачана. Если они действительно погибли — а сомневаться в этом не приходится, — как мало осталось способных выполнять Работу. Он не мог принять решение. Нужно ли улетать отсюда и начинать новую операцию в другом месте? Так много старых друзей, коллег, великих ученых погибло; стоит ли этого один-единственный объект? У них все еще нет доказательств, что он именно тот, кто им нужен. Только некоторые данные и предположения компьютеров. Но компьютерам все равно. Всем все равно.

Ничто не указывает, что объект вызвал это нападение стада, погубившее лагерь и столько надежд. Конечно, вполне возможно, что сам объект погиб вместе с остальными, рассуждал Круачан. Если это не так и если он решится продолжать операцию, больше не должно быть косвенного манипулирования. Им придется иметь дело непосредственно с объектом, как они несколько лет назад пытались с девочкой.

Предстоит долгий кружной курс к следующей «безопасной» станции. Круачану совсем не хотелось еще

несколько лет скрываться и отыскивать новый объект. Если длинная рука миротворцев не дотянется до них туда, время и возраст завершат работу правительства. Они прошли длинный общий путь, он и его товарищи. Огромные усилия; множество людей погибло, чтобы проект продолжал жить. Они и немногие оставшиеся коллеги должны довести его до конца.

— Спасибо, Амарет,— сказал он женщине, терпеливо ожидавшей у консоли.— На всякий случай не выключайте приемник.

— Конечно, доктор Круачан, сэр.

Повернувшись, он медленно направился в конференц-зал. На полпути приободрился и зашагал решительней. Так не пойдет, сказал он себе. Как президент Общества, он должен подавать пример товарищам, теперь больше, чем когда бы то ни было. К тому времени, как он твердой походкой вошел в зал, отчаяние и сомнения сменились холодной целеустремленностью и решительностью.

Его ожидали с полдюжины очень пожилых мужчин и женщин. Как мало, подумал он, как мало нас осталось.

Это последние члены Общества, последние защитники великой идеи. На их лицах был все тот же вопрос.

— По-прежнему ни слова,— твердо сказал он.— Поэтому мы должны считать, что доктор Брора, доктор Хейтнес и доктор Ньясса-ли погибли.— Не последовало никаких внешних проявлений горя, криков и плача. Все ждали продолжения, и их спокойная вера в него укрепила его решимость.

— Я рекомендую продолжить попытки установить контроль над Номером Двадцатым.

— У нас есть основания считать, что в этом районе работают агенты ОМО,— сказала пожилая женщина из дальнего угла удобного зала.

— Ну и что? — резко спросила другая женщина.— Они всегда на два шага отставали от нас и всегда будут отставать.

— Хотела бы я быть так же уверена, Хенсон,— сказала первая женщина.— Длительность существования нашего общества объясняется предвидением и осто-

рожностью, а не презрением к тем, кто презирает нас.— Она взглянула на президента.— Вы уверены, что нам следует продолжать действовать здесь, Круачан?

— Более чем когда-либо,— ответил он.— Мы слишком много вложили в этого Двенадцатого Номера, чтобы отказаться.— И он принялся перечислять долгий перечень факторов, побудивших его принять такое решение.

Когда он кончил, несоответственно глубоким голосом заговорил маленький худой человек, сидевший в глубине зала. У него были искусственная нога и сердце, но в глазах горел тот же боевой огонь, что и пятьдесят лет назад.

— Я согласен! Наше будущее здесь! Если объект по-прежнему доступен...

— У нас нет причин сомневаться в этом,— полу-солгал Круачан.

— ...тогда мы можем связаться с ним раньше агентов ОМО. Как говорит Круачан, мы должны противопоставить свою решимость усиливающимся недомоганиям.— И он стукнул по полу искусственной ногой.

— Хорошо,— сказала старуха, вызвавшая призрак вмешательства Сообщества.— Я вижу, большинство согласено, что мы должны продолжать свою работу здесь. Должна признать, что мало что могу противопоставить убедительным аргументам доктора Круачана. Но у нас есть новая проблема, которую не решить голосованием.

— Правда ли, что в последнем отчете сообщалось о наличии у объекта аляспинианского миниатюрного дракона?

Круачан медленно кивнул.

— Да, в отчете указывается на наличие существа-каталиста.

— Что же нам делать? Это существо не только действует как увеличительное стекло по отношению к возможным способностям объекта. Оно еще само по себе смертельно опасно. Если у него установилась эмоциональная связь с объектом, то это гораздо более опасный противник, чем десяток агентов ОМО.

Круачан отмахнулся от ее тревог.

— Я обдумал эту проблему. Обещаю вам, что мы

позаботимся об этой змее. Если мы не сможем нейтрализовать простую рептилию, нам нечего претендовать на защиту идеалов Общества.

— Это не рептилия,— возразил один из мужчин. Глаза у него казались стеклянными: ему приходилось носить толстые контактные линзы.— Внешне он похож на рептилию, но в жилах его теплая кровь, и более правильно было бы классифицировать его как...

— Мне нет дела до его классификации! — нетерпеливо прервал Круачан.— Со зверем мы справимся.— Брови его сошлись в неожиданной задумчивости.— Если такая эмоциональная связь существует, она может быть сильнее, чем с приемной матерью.

— Еще одна возможность внешнего контроля! — воскликнула женщина.

— Да. Вместо того чтобы стать новой угрозой, это существо поможет нам контролировать объект. Видите, как трудности могут превратиться в преимущество для нас.

— Жаль Хейтнес и остальных,— сказал один из стариков.— Я знал Хейтнес сорок пять лет.

— Я тоже,— напомнил ему Круачан.— Мы не должны подвести ее, и Ньяссу-ли, и Брору. Они принесли себя в жертву нашему делу, но дали новую возможность продолжить его. И по мере сокращения численности должна расти наша решимость.

Повсюду слышались одобрительные возгласы.

— Мы не отказываемся от этого объекта,— энергично сказал Круачан.— Любыми средствами мы должны его использовать. Предлагаю проголосовать.

Круачан с благодарностью видел, что решение принято единодушно. Такими обычно и были их решения: дискуссиям не место в организации с единой целью.

— Благодарю вас всех,— сказал он, когда руки опустились.— Помните, в этом Номере Двенадцатом ключ к нашему оправданию. Продолжим с надеждой. С этого момента вся наша деятельность подчинена необходимости установить над ним контроль.— Он повернулся к выходу.

— Нужно торопиться. Если его первым найдет ОМО, он для наших целей будет потерян.

Все разошлись и с новой решимостью занялись работой.

Глава пятнадцатая

В городе пахло людьми и чужаками, животными и экзотической кухней, смолой и строительными материалами, старыми и новыми, и все: органика и неорганические материалы — все пропитано вечной важностью. Но Флинксу все это казалось сладкими ароматами. Машина остановилась перед маленьким баром. Флинкс остатками кредитов на своей карточке рассчитался с ней. Она сказала механическое «Благодарю вас, сэр» и отправилась на поиски нового клиента.

Матушка Мاستифф тяжело оперлась на него, и они вошли. После пережитых испытаний она почувствовала свой возраст и очень устала. Так устала, что даже не отстранилась от змей, ехавшей на плече Флинкса.

Внутри Пип сам развернулся, выполз из-под плаща, данного Лорен Уолдер, и полетел к стойке. Он знал это место. На стойке были приготовлены сухие крендельки, орехи и прочие соленые деликатесы, с которыми можно играть, а можно их и есть.

Флинкс сознательно привез их на рынок кружным маршрутом, часто пересаживаясь, стараясь зайти в транспорт в самый последний момент и передвигаться с другими пассажирами. Как ни старался, он не обнаружил никаких признаков слежки, да и минидраг не реагировал на пассажиров, искоса поглядывавших на измученного юношу и старуху с ним. И все же осторожность заставила его заглянуть сначала в бар, прежде чем возвращаться в магазин. Разумно не ходить домой одним, а Малыша Симма, владельца бара, хорошо иметь поблизости, когда они будут открывать ладонный замок. В каком-то смысле физические данные Малыша Симма соответствовали умственным Флинкса.

Как все гиганты, Малыш Симм добрый человек. Он был другом Флинкса еще с того времени, как его усыновила матушка Мастифф. И часто покупал у матушки Мастифф разные забавные мелочи, чтобы развлекать своих посетителей.

Появилась огромная рука и увлекла путников в отдельную будку. Несколько посетителей нервно расступились, уступая дорогу змее, метнувшейся к кренделькам.

— Я слышал, что вы вернулись,— сказал молодой гигант вместо приветствия. Голос глухо доносился из его широкой груди.— Новости на рынке распространяются быстро.

— У нас все в порядке, Симм,— Флинкс наградил своего друга усталой улыбкой.— Я, кажется, готов проспать целый год, но в остальном все нормально.

Гигант подтащил к будке стол и использовал его в качестве стула.

— Что я могу для вас сделать? Хотите чего-нибудь выпить?

— Не сейчас, мальчик.— Матушка Мастифф слегка махнула старой сморщенной рукой.— Нам хочется побыстрее домой. Нам нужно твое общество, а не напитки.— Она замолчала, предоставив Флинксу объяснять остальное.

Малыш Симм нахмурился, брови его сошлись, как тучи на небе.

— Вы думаете, эти люди еще идут за вами?

— Матушка Мастифф чуть не сказала: «Не за мной», но успела прикусить язык. Она все еще считала, что не время Флинксу узнавать то, что узнала она. Слишком быстро.

— Маловероятно, но возможно, а я не хочу искушать судьбу, этого злого ублюдка.

— Понимаю.— Малыш Симм встал, чуть не задев головой за потолок.— Вам нужен товарищ в пути до дома.

— Если можешь уделить нам немного времени,— с благодарностью сказал Флинкс.— Я верю, что у нас с этими людьми покончено.— Он не стал объяснять, что

считает их всех мертвыми. Не к чему усложнять дела.— Но нам было бы гораздо спокойней, если бы ты проводил нас до магазина.

— Сейчас приду,— заверил их Симм.— Подождите здесь.— Он исчез в задней комнате. Вернулся в сопровождении высокой молодой женщины. Он негромко с минуту поговорил с ней, она в ответ кивнула и направилась к посетителям. На Симме был плащ, способный вместить среднего размера здание.

— Я готов,— сказал он им.— Накина присмотрит за делом до моего возвращения. Если не хотите немного отдохнуть.

— Нет, нет.— Матушка Мастифф с трудом встала.— Отдохну у себя в магазине.

От бара Малыша Симма совсем недалеко до боковой улицы, где размещен магазин матушки Мастифф. Матушку нес Малыш, и они добрались быстро.

— Как будто пусто,— заметил гигант, осторожно ставя старуху на ноги. Уже наступил вечер. Большинство магазинов были уже закрыты, может, потому что шел более сильный, чем обычно, дождь. На рынке погода часто самый важный судья в экономике.

— Кажется, все в порядке.— Матушка Мастифф направилась к передней двери.

— Минутку.— Флинкс удержал ее.— Вон там, слева от магазина.

Симм и матушка Мастифф посмотрели в указанном направлении.

— Ничего не вижу,— сказал гигант.

— Мне показалось, я видел движение.— Флинкс взглянул на Пипа. Летающая змея мирно спала под плащом. Конечно, настроение змеи часто непредсказуемо, но ее спокойствие — хороший признак. Флинкс указал направо. Гигант кивнул и отошел, как огромная тень. Спрятался у соседнего пустого магазина. Флинкс пошел направо — правый борт, как сказала бы Лорен. Ему потребовалось немало времени, чтобы простить ее уход,— а матушке Мастифф — что позволила ей уйти,— пока он крепко спал. Он гадал, что она делает,

но воспоминания о ней уже начали слабеть. А вот эмоции забудутся гораздо позже.

Матушка Мастифф подождала, глядя, как ее сын и друг расходятся в разных направлениях. Она не возражала против дождя. Это дралларский дождь, который каким-то образом отличается от дождя в любом другом месте вселенной.

Флинкс осторожно продвигался вдоль влажной пластиковой стены, пробираясь к переулку, который извивается за домом. Если движение, которое он заметил, означает присутствие ожидающего их возвращения шпиона, он не хотел, чтобы шпион сообщил своим хозяевам новость. Сначала Флинкс вытянет из него всю информацию.

Вот — снова движение, и на этот раз никаких сомнений! Тот уходит. Флинкс пошел быстрее, держась в тени. Стиллет, спавший в ботинке, теперь, холодный и знакомый, в руке.

Возглас впереди и огромная нависающая тень. Флинкс побежал, готовый помочь. Хотя он сомневался, что гиганту понадобится помощь. И тут услышал неожиданный звук.

Нервный смех?

— Здравствуй, Флинкс, мальчик.— В тусклом свете Флинкс разглядел лицо их соседа Аррапкхи.

— Здравствуй.— Флинкс спрятал стилет.— Ты меня встревожил. Я думал, на сегодня мы со шпионами покончили.

— Я тебя встревожил? — Ремесленник указал на стоявшего за ним Малыша Симма.

— Прости,— виновато сказал Симм.— Мы ведь не знали, что это ты.

— Теперь знаете,— Аррапкха снова посмотрел на Флинкса.— Я присматривал за вашим магазином.— Симм пошел успокаивать матушку Мастифф.— Хотел убедиться, что никто не пытается взломать его и украсть что-нибудь.

— Очень хорошо с твоей стороны,— ответил Флинкс, и они направились назад, на улицу.

— Приятно снова увидеть тебя, Флинкс, мальчик. Я думал, не увижу больше.

— А чего же следил за магазином?

Ремесленник улыбнулся.

— Не мог перестать надеяться. Но в чем было дело?

— Что-то незаконное в жизни матушки Мастифф много лет назад,— объяснил Флинкс.— Она не рассказывала подробности. Просто сказала, что ей хотели отомстить.

— У некоторых долгая память,— понимающе кивнула Аррапкха.— Вы вернулись, целые и невредимые. Наверно, заключили мир с теми, кто похитил твою матушку?

— Мы закончили дело,— кратко ответил Флинкс.

Они вернулись на улицу, где их ждали Малыш Симм и матушка Мастифф.

— Так это был ты, Аррапкха. Ты, невежественный флерм, так за нас беспокоишься.— Она улыбнулась.— Никогда не думала, что так тебе обрадуюсь.

— Я тоже,— признался ремесленник. Он указал на Флинкса.— Твой мальчик так же настойчив, как храбр. Я пытался разубедить его, чтобы он не шел за тобой.

— Я сказала бы ему то же самое, и он так же не послушался бы меня. Крепкоголовый.— Она позволила себе проявить родительскую гордость. Флинкс смутился.— К счастью для меня.

— Старые связи и дурные дела.— Аррапкха укоризненно покачал пальцем.— Бойтесь старых знакомых и незавершенных дел.

— А, да.— Она сменила тему.— Присматривал за моим старым домом? Мне лучше проверить запасы товаров, когда войду внутрь.— Оба рассмеялись.

— Как вы думаете, мне можно уйти? — спросил Малыш Симм.— Накина вспыльчива, это плохо для дела.

Матушка Мастифф задумчиво взглянула на него.

— Если этот наш друг говорит, что приглядывал за магазином...

— Я следил и следил,— подтвердил Аррапкха.— Разве что сделали подкуп. А так никто не заходил, пока вас с мальчиком не было.

— Никаких подкопов под этими улицами,— заметила матушка Мастифф с улыбкой.— Попадут в канализацию.— Она посмотрела на свою охрану.— Спасибо, Симм. Можешь возвращаться в свой вертеп греха.

— Ну, это не так,— скромно возразил тот.— Когда-нибудь, если я хорошо поработаю...

Флинкс протянул руку, которая скрылась в ладони гиганта.

— Спасибо, Симм.

— Не за что. Рад был помочь.— Гигант повернулся и исчез в ночи.

Трое друзей подошли к передней двери. Матушка Мастифф прижала ладонь к пластине замка. Замок немедленно щелкнул, и дверь отодвинулась, пропуская их внутрь. Флинкс включил свет, и они увидели, что торговое помещение, по-видимому, не тронут. Товары оставались на месте, они успокоительно знакомо поблескивали в витринах.

— Похоже, все так, как я оставила,— с облегчением сказала матушка Мастифф.

— Все так, как и десять лет назад,— Аррапкха медленно покачал головой.— Ты не меняешься, матушка Мастифф, и твои товары тоже. Мне кажется, ты слишком привыкаешь к некоторым вещам, чтобы продать их.

— Нет ничего такого, что я бы не продала,— возразила она,— и мои запасы товаров меняются вдвое быстрее, чем груда изъеденного хлама, который ты выдаешь доверчивым покупателям за работу по дереву.

— Пожалуйста, не нужно драться,— умолял Флинкс.— Я устал от драк.

— Драка? — Аррапкха удивился.

— Мы не деремся, мальчик,— сказала матушка Мастифф.— Разве ты не знаешь, как приветствуют друг друга старые знакомые? Они стараются как можно сильнее оскорбить друг друга.— И чтобы показать, что она не злится, она дружески улыбнулась Аррапкхе. Этот резчик по дереву вовсе не плох. Несколько медлителен, вот и все.

В жилых посещениях тоже ничего не изменилось: полный хаос, какими оставил их Флинкс.

— Домашнее хозяйство,— проворчала матушка Мاستифф.— Всегда ненавидела домашнее хозяйство. Но кто-то должен привести в порядок дом. Лучше я, мальчик. Боюсь, у тебя тоже нет склонности к домашнему хозяйству.

— Не сегодня, мама.— Флинкс зевнул. Собственная кровать начала увеличиваться и заполнила всю комнату.

— Конечно, не сегодня, мальчик. Должна признать, что я немного устала.— Флинкс про себя улыбнулся. Она на краю истощения и может уснуть прямо на месте, но в присутствии Аррапкхи не хочет признаваться в своей слабости: это нанесет ущерб ее репутации неутомимой женщины.

— Завтра мы все приберем. Днем мне лучше работать.— Она пыталась не смотреть в сторону своей спальни, ожидая ухода Аррапкхи.

— Ну, что ж, тогда я ухожу,— сказал ремесленник.— Опять скажу: приятно увидеть вас снова живыми и здоровыми. Улица без вас не та.

— От нас, памятников прошлого, трудно избавиться,— сказала матушка Мастифф.— До завтра.

— До завтра,— повторил Аррапкха. Он повернулся и вышел, закрыв за собой дверь.

Снаружи Аррапкха плотно натянул на плечи и голову плащ и заторопился к своему магазину. Он не больше собирался сообщать о возвращении друзей властям, как ему было приказано, чем снизить вдвое цену на свои товары. Он не станет мешать полиции, но и помогать ей тоже не станет. Всегда может сослаться на незнание и несообразительность — его качества хорошо известны в этой части рынка.

Такие усталые. Они так устало выглядят, подумал он. Впервые, насколько он мог вспомнить, матушка Мастифф выглядела на все свои сто лет. Даже мальчик... Несмотря на хрупкое телосложение, раньше он никогда не уставал от работы. Теперь же он совершенно изможден. Даже его любимец, который всегда у мальчика на плече, кажется уставшим.

Ну, он даст им несколько дней. Пусть приведут дом

в порядок, вернут силы. Тогда он их удивит. Ответит к Магриму на чай с сэндвичами и расскажет о загадочном посещении маленькой тихой улицы двумя миротворцами. Интересно, что скажет об этом матушка Мастифф. Возможно, в данном случае она будет приветствовать интерес властей к себе — а может, и нет. Не зная подробностей истории, Аррапкха не был уверен. Поэтому он и решил не помогать иноземным посетителям.

Да, твердо решил он. Даст им несколько дней на отдых, а потом сообщит новую информацию. В этом нет никакого вреда. Он вошел в свой дом и закрыл дверь от ночи и дождя.

Прошел день, потом другой, постепенно следы беспорядка исчезли, дом приобрел прежний вид. Оказавшись в привычной обстановке, матушка Мастифф быстро восстанавливала силы. Выносливая старая женщина, думал с восхищением Флинкс. Со своей стороны, уже на второй день он отправился бродить по знакомым углам, приветствовать старых друзей, некоторые из них слышали о происшествии, другие нет; но теперь он никогда не задерживался допоздна и всегда возвращался домой; какие-то члены этой загадочной организации, похитившей матушку Мастифф, могли выжить и явиться в поисках мщения.

Однако ничто не подтверждало таких опасений. На третий день Флинкс и умственно, и физически расслабился. Поразительно, думал он, ложась спать, что больше всего не хватает незначительных мелочей. Какой дружеской и приятной кажется старая кровать, как поспишь в другом месте...

Разбудила Пипа ненависть. Холодная и жестокая, как морозный день на ледяной планете Тран-ки-ки, она вывела летающую змею из спокойного сна. Но нацелена она не на самого минидрага, а на хозяина.

Розово-голубые кольца бесшумно выскользнули из-под термального одеяла. Флинкс спал, не подозревая о действиях своего любимца. До рассвета еще несколько часов.

Пип анализировал свои ощущения. Глядя на ми-

минидрага, лежащего в ногах кровати, посторонний наблюдатель мог бы принять его за разумное существо. Конечно, это не так, но у минидрага были свои особенности мышления. Строго говоря, никто так и не понял, как действует мозг аляспинианского миниатюрного дракона, потому что ни один ксенобиолог не решился изучать его вблизи.

Раскрылись сине-розовые крылья, расправились складки, и с негромким гудением змея поднялась в воздух. Повисела над головой хозяина, обеспокоенная; Пип искал, пытался определить источник злобы, отравлявшей его мозг. Ненависть очень близко. Хуже того, она знакома.

Вентиляционное отверстие в крыше Пип приспособил для своих уходов и приходов. Змея устремила к нему, сложила крылья в последнюю секунду, и тонкое тело скользнуло в извилистую трубу. Животное крупнее мыши не прошло бы здесь. Но с плотно прижатыми крыльями минидраг легко проходил.

Пип появился на крыше под предутренним дождем. Ненависть доносится с севера, выше по переулку. Крылья развернулись и забились в воздухе. Минидраг сделал круг над магазином, остановился, чтобы сориентироваться, и целеустремленно направился в переулок.

Он затормозил и повис в воздухе, свистом ответив на оклик, который слышал только мозгом.

— Сюда, сюда, — манили его. — Ты ведь хочешь узнать, кто ненавидит твоего хозяина? Ты знаешь, что мы с ним сделаем, если он попадет к нам в руки.

Летающая змея устремила через приоткрытую дверь в заполненную ненавистью комнату. В смертельном спокойствии ее ждали два человека. Они не должны получить возможность повредить хозяину! Никогда!

Тонкая струйка яда отделилась от верхней челюсти летающей змеи и полетела к ближайшему злому двуногому. Но не достигла его. Что-то находилось между ним и Пипом, что-то твердое и прозрачное. Яд ударился в преграду, зашипел в неподвижном воздухе и начал проедать прозрачную перегородку. Удивленные, два чудовища за щитом начали медленно вставать.

Дверь, ведущая за минидрагом в переулок, уже хлопнулась. Неожиданно комнату заполнил странный сладкий запах. Крылья начали биться медленнее, расслабились. Дрогнули и закрылись двойные веки. Змея забилась на полу, как вытасченная из воды рыба, крылья ее тщетно бились о пластиковый пол, она хватала воздух.

— Осторожней,— предупредил отдаленный голос.— Мы не должны отравить ее слишком большой дозой. Нам она мертвая ни к чему.

— Я скорее готов ее убить и иметь дело непосредственно с объектом,— сказал другой.

— Нам нужны все возможности контроля, в том числе и те, что дает этот маленький дьявол.

Голоса смолкли. Скоро движения летающей змеи прекратились. Прошли долгие минуты, прежде чем человек решился войти в комнату. С ног до головы он был одет в защитный костюм. Глаза его за прозрачным щитком оставались беспокойными. Длинным металлическим прутом он один раз, другой потрогал бессознательное животное. Змея в ответ на прикосновения конвульсивно дернулась, но других признаков жизни не проявляла.

Человек глубоко вздохнул, отставил прут и поднял тонкое тело. Оно вяло повисло у него на руках. Он принялся рассматривать его.

— Дышит,— сказал он людям за прозрачным барьером.

— Хорошо. Быстрее его в клетку,— ответила более низкорослая наблюдательница. Ее товарищ смотрел на дыру, которую проделал яд в защитном барьере.

— Хотел бы я взглянуть на молекулярный состав этого яда,— сказал он, стараясь не прикасаться к шипящим краям отверстия.— Все, что может так быстро проесть панкреилик...— Он недоверчиво покачал головой.— Не понимаю, как она держит этот яд. Но ведь должен разжесть ей челюсть.

— Для объяснения нам понадобился бы токсиколог и биохимик,— ответила стоявшая рядом женщина, тоже разглядывая отверстие.— Может, это не просто яд. В па-

сти змеи несколько отдельных мешков, и их содержимое смешивается только при выбросе.

— Это разумно.— Мужчина отвернулся от щита, который едва их не подвел.— Нужно действовать. Объект может проснуться каждую минуту. Следи, чтобы чудовище все время находилось под наркозом.

— Разве это необходимо? — нахмурилась она.— Клетка выдержит.

— То же самое мы думали о стене. Клетка прочнее, но я не хочу рисковать. Не хочу, чтобы наш гость освободился, когда мы будем в своих постелях.

— Да, надо постараться.— Женщина слегка вздрогнула.— Я сама буду за этим следить.

— Я на это рассчитывал.— Круачан про себя улыбнулся. Он тщательно ознакомился со всеми теориями, объясняющими возникновение эмоциональной связи между животными-каталистами и обладателями Даров. Связь между этой змеей и Номером Двенадцатым сильнее, чем отмечено в других известных случаях. Можно предполагать, что она сильнее даже связи между мальчиком и его приемной матерью.

* * *

Они пришли к нему без предупреждения во время сна, когда он был беззащитен. Выскочили из пустоты, смеясь над ним, пытая его чувствами и эмоциями, которые он не мог определить и понять.

Кошмары.

Кто-то стянул его мозг проволокой, затягивал ее все плотнее и плотнее, пока ему не показалось, что глаза вылетят из головы и разлетятся по комнате. Он лежал в постели, слегка дергаясь, веки его дрожали, а кошмары мучили его, пользуясь беспомощностью его бессознательного мозга.

Этот хуже других: какая-то дергающаяся абстрактная фигура, темные меняющиеся цвета, и он каким-то образом в ее центре, он летит по длинному зловещему коридору. В конце коридора спасение, он знает это, и что еще важнее-там ответ. Понимание и безопасность.

Но чем быстрее он бежит, тем медленнее продвигается. Пол — это не пол, он растворяется под ногами. Как релятивистская Алиса, он падает в кроличью нору искаженного пространства-времени, а дальний конец коридора с его обещанием света и понимания исчезает вверху.

Флинкс проснулся, вздрогнув, и быстро огляделся. Только убедившись, что он действительно в своей комнате, слегка успокоился.

Комната правильная, его комната, та самая, в которой он прожил большую часть своей жизни. Музыка звучит знакомый шум ударов дождевых капель по крыше, слабый свет пробивается в окно высоко над кроватью. Флинкс выставил ноги из-под одеяла и потер глаза пальцами.

Но вдруг застыл и снова посмотрел на кровать. Что-то не так.

— Пип? — Летающая змея не лежит, свернувшись, на своем обычном месте на подушке, нет ее и под одеялом. Флинкс откинул одеяло, потом заглянул под кровать. — Давай, парень, не нужно сегодня прятаться. Я устал, и голова болит.

В ответ на это признание не послышался знакомый свист. Флинкс осмотрел маленькую комнату, вначале удивленный, потом озабоченный. Наконец встал на кровать и крикнул в вентиляционное отверстие.

— Пип, завтракать!

Снаружи не послышался знакомый гул, не показались яркие крылья. Флинкс отыскал кусок проволоки и потыкал в отверстие. Там ничего нет.

Он вышел из комнаты и принялся лихорадочно обыскивать другие помещения. У печи стояла матушка Мاستифф, готова что-то ароматное, с перцем и другими пряностями.

— Что случилось, мальчик?

— Пип. — Флинкс заглядывал под мебель, передвигал посуду, раздвигал занавеси.

— Я догадалась по тому, как ты вопил у себя в комнате, — сардонически ответила она. — Снова исчез?

— Он никогда не задерживается утром, когда отправляется ночью. Никогда.

— Ну, всегда что-то бывает в первый раз, даже у чудовищ,— сказала матушка Мастифф, пожимая плечами и вновь сосредоточившись на своем блюде.— Я бы не расстроилась, если бы это маленькое чудовище вообще не вернулось.

— Как тебе не стыдно, мама! — сказал Флинкс, в голосе его звучала боль.— Он спас мне жизнь, вероятно, тебе тоже.

— Я неблагодарная старая Яксма,— фыркнула она.— Ты знаешь, что я думаю от твоим звере.

Флинкс закончил осматривать ее комнату, потом решительно направился к себе и начал одеваться.

— Пойду поищу его.

Матушка Мастифф нахмурилась.

— Скоро будет готов завтрак. К чему беспокоиться, мальчик? Наверно, он скоро вернется. А жаль. К тому же если он где-то застрял, ты его не найдешь.

— Он может быть в переулке за магазином,— возразил Флинкс,— и я чувствую его, даже когда не вижу.

— Как хочешь.

— Не жди меня с завтраком.

— Думаешь, я буду из-за тебя умирать с голоду? А тем более из-за этого крылатого дьявола? — Она давно не пыталась с ним спорить. Когда он принял какое-нибудь решение — ну, это все равно, что пытаться сделать полными кольца планеты. Вообще-то он послушный сын, просто отказывается от ограничений свободы.

— Я буду здесь, когда ты вернешься,— негромко сказала она, проверяя содержимое кастрюль и немного уменьшая температуру.— Подогрею.

— Спасибо, мама.— Несмотря на то, что она пыталась увернуться, он торопливо поцеловал ее в сухую щеку. Она вытерла щеку, но не сердито, и посмотрела ему вслед.

Почти решилась рассказать, что узнала тогда в лесу. Об этих странных улучшателях и их намерениях относительно его. Потом отказалась от этой мысли. Нет, они

избавились от этих ужасных людей; она видела, что осталось от их лагеря: больше никогда они не станут тревожить ее мальчика и ее самую.

А то, что она узнала, лучше на несколько лет сохранить в тайне. Она знает его упрямую импульсивность. Такие сведения могут подтолкнуть его на действия в самых неожиданных направлениях. Лучше пока ничего не говорить. Вот когда он достигнет зрелого возраста, скажем, двадцати трех лет, она сможет рассказать ему, что узнала о его прошлом. Он тогда, наверно, примет на себя управление магазином, может быть, женится. Будет вести оседлую спокойную разумную жизнь.

Она попробовала еду, сморщилась. Не хватает сладости. И протянула руку к небольшому шейкеру.

* * *

— Пип! Ко мне, парень! — По-прежнему никакого блеска крыльев на фоне светлеющего неба, никакого гудения. Куда же идти? Флинкс задумался. Он знал, что минидрагу нравится переулочек за магазином. В конце концов там он впервые встретился с летающей змеей, и, с точки зрения змеи, там множество интересного и съедобного. Как ни проворна змея, ящик, скатившийся с груды мусора, какой-нибудь контейнер могут легко прижать ее к земле. Флинкс знал, что вряд ли кто-нибудь решится подойти ближе чем на десять метров к попавшей в неприятность змее.

Попробую сначала там, решил он. Скользнул в узкий проход между двумя магазинами и вскоре оказался в переулке. Тут влажно и темно, внешний вид обычный.

Он приложил руки ко рту и позвал:

— Пип?

— Сюда, мальчик, — ответил ему негромкий голос.

Флинкс напрягся, но не стал нагибаться за ножом. Слишком рано. Оглянувшись, увидел, что отступление не отрезано и переулочек за ним пуст. Человек, неподвижно стоявший перед ним, не казался опасным.

Флинкс помолчал, споря с самим собой, потом наконец спросил:

— Если вы знаете, где мое животное, скажите с того места, где стоите, а я отсюда вас услышу.

— Я знаю, где твое животное,— согласился человек. Флинкс заметил, что у него совершенно седые волосы.— Если хочешь, отведу тебя к нему.

Флинкс вздрогнул.

— Как он? Не попал в какую-нибудь неприятность? Человек покачал головой и приятно улыбнулся.

— Нет, ему не грозят неприятности, он в порядке. Вообще-то он спит.

— Тогда почему вы не можете его вынести? — спросил Флинкс. Он продолжал оставаться на месте, готовый броситься на человека или наоборот убежать — что подскажет ситуация.

— Не могу,— ответил человек.— Правда, не могу. Я только выполняю приказ.

— Чей приказ? — подозрительно спросил Флинкс. Неожиданно положение снова усложнилось. Он вдруг обратил внимание на возраст и манеры этого человека.— Эй, вы из тех, что похитили мою мать? Хотите отомстить ей за старые грехи, повредив мне? Не получится.

— Спокойней,— сказал человек. Из-за двери за говорящим послышался негромкий голос:

— Ради Бога, Андерс, не возбуждайте его!

— Стараюсь,— ответил тот сквозь сжатые зубы. Флинксу он громче сказал: — Никто не собирается вредить тебе или твоему любимцу, мальчик. Могу дать тебе слово, хотя ты мне можешь и не поверить. Мои друзья и я желаем тебе и твоему животному только добра.— Он никак не прореагировал на упоминание Флинкса о прошлом его матери.

— Если вы желаете добра,— ответил Флинкс,— то позвольте мне ненадолго вернуться и убедиться...

Говорящий сделал шаг вперед.

— Не надо беспокоить мать, мальчик. Она тут же раскроет дверь, и через минуту соберется толпа ее защищать, если это тебя интересует. К чему зря ее тревожить? Мы просто пройдемся с тобой. К тому же,— добавил он, идя на расчетливый риск,— у тебя нет

выбора. Если хочешь увидеть своего любимца живым.

Это всего лишь змея,— Флинкс заставил себя говорить равнодушно.— Что если я откажусь идти с вами? Есть много других животных.

Говорящий медленно покачал головой, голос его звучал понимающе.

— Не таких. Эта летающая змея — часть тебя самого, верно?

— Откуда вы это знаете? — спросил Флинкс.— Как вы знаете, что я к ней испытываю?

— Потому что, что бы ты обо мне сейчас ни думал,— несколько увереннее заговорил тот,— я многое знаю. И если ты позволишь, поделюсь с тобой своими знаниями.

Флинкс колебался, разрываясь между тревогой о Пипе и предчувствием обреченности, ничего общего не имевшим с его Даром. Этот человек прав: выбора у него нет. Он не может допустить вреда Пипу, даже если не может сам сказать почему.

— Хорошо.— Он направился к говорящему.— Я пойду с вами. И лучше для вас, если вы сказали мне правду.

— О том, что мы не хотим вреда тебе и твоему любимцу? — Улыбка стала шире.— Это правда.

Как он ни старался, Флинкс не мог ощутить никакой враждебности, исходящей от этого человека. Впрочем, учитывая загадочное непостоянство его Дара, это ничего не доказывает: что бы ни чувствовал Флинкс, этот человек, стоящий перед ним с улыбкой, вполне может замышлять убийство. Вблизи говоривший выглядел еще менее опасным. Ростом с Флинкса, не такой старый, как матушка Мاستифф, но вряд ли выдержит схватку.

— Это мой друг и спутница Станцель,— сказал мужчина. Из тени показалась пожилая женщина. Она казалась уставшей, но заставляла себя держаться прямо и выглядеть решительно.

— Я тоже не хочу тебе вреда, мальчик.— Она разглядывала его с откровенным любопытством.— Никто из нас этого не хочет.

— Значит, вас еще много,— в смятении проговорил

Флинкс.— Я ничего этого не понимаю. Почему вы продолжаете преследовать матушку Мастифф и меня? А теперь еще и Пипа? Почему?

— Тебе все объяснят,— заверила его женщина,— если ты пойдешь с нами.— Она указала на переулок.

Флинкс пошел между ними, заметив при этом, что те не вооружены. Хороший признак, хотя это и удивительно. Он чувствовал холодок своего стилета. С тоской оглянулся на магазин. Если бы только он мог сказать матушке Мастифф! Но, напомнил он, если только он вернется до сна, она не станет беспокоиться. Она привыкла к его неожиданным исчезновениям.

— Попомни мои слова,— часто повторяла она,— твое любопытство когда-нибудь приведет тебя к смерти!

Но если матушка Мастифф ни при чем, что нужно этим людям от него? Дело для них важное, очень важное. Иначе они не стали бы рисковать встречей с его смертельно опасной змеей. Несмотря на их возраст, он опасался их. Достаточно одного того, что они сумели справиться с Пипом, этот подвиг за пределами возможностей абсолютного большинства.

Но что-то отличает этих людей от обычных рыночных головорезов. Они вообще отличаются от всех других людей. Сочетание холодности и равнодушия со спокойным профессионализмом пугало его.

Переулок слился с боковой улицей, где ждало воздушное судно. Старик открыл дверцу и знаком пригласил садиться. Садясь, Флинкс испытал один из загадочных неожиданных приливов эмоционального восприятия. Краткое, настолько краткое, что он чуть не усомнился в нем. Забыл собственный страх, чувствуя себя еще более сбитым с толку.

Может быть, он боится за Пипа и слегка за себя, но по какой-то непонятной причине эти двое внешне спокойных, внешне абсолютно уверенных в себе человека ужасно, невероятно боятся его!

Глава шестнадцатая

Круачан внимательно изучал данные на экране. Часть большого склада, где они торопливо устроились, была, конечно, плохой заменой тщательно сооруженного на севере лагеря. Но он не думал об этой потере. Годы разочарований приучили его к таким неудачам. Машины, окружавшие его, собраны и соединены наспех. Повсюду обнаженные провода и другие свидетельства торопливости и отсутствия времени для более основательной подготовки. Но подойдет и это.

Он не был разочарован. Несмотря на все затруднения, они на краю достижения того, что намерены принести миру, хотя и не в том виде, в каком первоначально планировали. Похоже, присутствие аляспинианского иммигранта — их преимущество. Впервые с того времени, как они оказались на орбите над этой планетой, он почувствовал, что надежды его усиливаются. Эту уверенность он почерпнул в последнем сообщении Андерса и Станцель. Объект спокойно идет с ними, он готов трудничать и пока не проявил никаких опасных способностей.

Потенциально это было смертельно опасное решение — решение захватить любимца объекта. И оказалось, это лучше даже, чем захват приемной матери мальчика. Круачан теперь считал, что та попытка была ошибкой. Если бы их информатор раньше сообщил им о присутствии животного-каталиста! Он не винил, однако, информатора. Возможно, минидраг появился у объекта после последнего отчета.

Круачан чувствовал себя как старый зуб, изношенный от частого употребления и возраста. Но теперь под их контролем это полусимбиотическое животное, и объекту придется подчиниться их желаниям. Больше не должно быть попыток повлиять на мальчика через чье-то посредство. Импланты придется вживлять прямо ему в мозг. Конечно, прямой контроль представляет определенную опасность, но насколько понимает Круачан, у него и у его сотрудников нет другого выхода. Круачан был рад, что случай близок к завершению. Он очень устал.

Дождь шел как будто сильнее, чем обычно в это время года, когда небольшой воздушный экипаж приземлился у склада. Флинкс с неприязнью осмотрел это место. Этот район Драллара в непосредственном соседстве с шаттлпортом раздулся от темных памятников плохому ведению дел и сверхпотреблению; он населен в основном машинами, темными, недоброжелательными, чуждыми.

Флинкс подумал, не переменить ли решение и не попытаться ли скрыться за ближайшим поворотом или в какой-нибудь полуоткрытой двери. Кем бы ни были эти люди, они не дураки. Они правильно оценили степень его привязанности к Пипу и потому не стали его связывать и пришли невооруженными.

Он по-прежнему не понимал, что им от него нужно. Если они говорят правду и действительно не хотят ему вреда, то какая им от него польза? Единственное, чего он никогда не мог вынести, это вопросов без ответа. Объяснение ему нужно не меньше, чем Пип.

Они кажутся очень уверенными в себе. Конечно, то, что они не вооружены, вовсе не означает, что поблизости нет оружия. Он никак не мог совместить их страх перед ним с отсутствием оружия. Может, они боятся, что он расскажет о похищении местным властям? Может, именно этого они от него хотят: обещания хранить молчание?

Но и это почему-то не казалось ему разумным объяснением.

— Я бы хотел, чтобы вы сказали мне, что вам от меня нужно,— вслух произнес он,— и вообще что происходит.

— Не наша обязанность объяснять.— Мужчина взглянул на свою спутницу и потом спросил, словно не в силах сдержать собственное любопытство: — Ты когда-нибудь слышал об Обществе Улучшения?

Флинкс покачал головой.

— Нет.— Но я знаю, что значит это слово. Какое отношение это имеет ко мне?

— Самое прямое.— Он как будто готов был сказать больше, но женщина заставила его замолчать.

Здание, в которое они вошли, было окружено такими же не бросающимися в глаза строениями. Они находились в стороне от главного проезда к шаттлпорту. За все время в этом районе Флинкс видел всего несколько человек. В грязном фойе никого не было.

Они поднялись в лифте на третий этаж. Сопровождающие провели его по широким пустым коридорам, мимо кладовых с высокими потолками, заполненных пластиковыми контейнерами и барабанами. Наконец остановились перед небольшим микрофоном, вделанным в дверь без всякой надписи. Сопровождавшие Флинкса обменялись несколькими словами с тем, кто за дверью, и дверь открылась.

Флинкс оказался в небольшом помещении, загроможденном тюками и ящиками. Но от других таких же помещений это отличалось правой стеной. На ней было размещено внушительное количество электронного оборудования. Все ящики свидетельствовали о недавнем торопливом вскрытии и сборке. Консоли подключены к энергии, за ними сидят операторы. Все они с любопытством оглянулись на вновь прибывших, прежде чем вернуться к своей работе. Если не считать решительного и мрачного выражения, все они походили на пенсионеров на пикнике.

Из внутренней двери появилось еще двое. Потом к ним присоединился третий — высокий, среброволосый, поразительно красивый старик. Вед он себя как прирожденный лидер, и Флинкс немедленно сосредоточил на нем все внимание. Человек улыбнулся Флинксу. Хотя по возрасту он мало уступал матушке Мастифф, держался очень прямо. Если какие-то старческие недомогания у него и есть, он их прекрасно скрывает. Тщеславие или сила воли? подумал Флинкс. Он попытался прочесть эмоции человека и, как обычно, наткнулся на стену. Не ощущал он и присутствия Пипа в этой комнате или поблизости.

Высокий старик говорил приветливые слова, а Флинкс осматривался в поисках пути отступления. Похоже, выход только один — та дверь, через которую он вошел. Он понятия не имел, куда ведет вторая дверь из

компа́ты, но полагал, что на свободу через нее не вырвешься.

— Какое удовольствие наконец встретиться с тобой, мой мальчик,— говорил старик. Рукопожатие его было крепким.— Мы пошли на многое, чтобы организовать эту встречу. Я предпочел бы не действовать таким способом, но меня вынудили обстоятельства.

— Значит, это вы отвечаете за похищение моей матери?

Круачан слегка успокоился. В этом худом невинном мальчике нет никакой опасности. Способности его спят, ждут пробуждения и развития. А отношение у него не враждебное.

— Я спросил его,— сказал мужчина, который привел Флинкса с рынка,— слышал ли он об Обществе. Нет, не слышал.

— У него не было для этого причин,— заметил Круачан.— Жизнь его была ограничена, горизонты сужены.

Флинкс не обратил внимания на такую оценку.

— Где Пип?

— Твое животное? Да.— Высокий старик повернулся и крикнул в сторону задней двери. Часть стены, в которой находилась эта дверь, отодвинулась, зашкрипев, когда заработали невидимые лебедки. За ней находилась новая бесконечная череда складских помещений, занятых обычными ящиками, контейнерами и барабанами. Впереди на столе стояла прозрачная клетка, примерно в кубический метр размером, с несколькими металлическими баками сверху. От баков в клетку вели шланги.

Слева от клетки стоял старик, очень нервничающий. Он сжимал в руке небольшой плоский контрольный ящичек. Старик постоянно переводил глаза с клетки на Флинкса и обратно.

На дне куба лежал Пип, свернувшись в глубоком сне. Флинкс сделал шаг вперед. Круачан положил ему на плечо руку.

— Твоему животному удобно, оно отдыхает. К воздуху в клетке примешано слабое снотворное. Во время нашего разговора Вестхоф регулирует состав смеси. Если ты сделаешь какую-нибудь глупость, он увеличит

поступление газа из бака, прежде чем ты сможешь освободить своего любимца. Видишь, клетка изолирована. Никакого замка на ней нет.

— Нормальная атмосфера в клетке будет полностью заменена наркотическим газом, и твой любимец задохнется. Займет это немного времени. Вестхофу нужно лишь нажать на кнопку, на которой лежит сейчас его палец. Если потребуется, он бросится на нее всем телом. Так что, видишь, ты не сможешь помешать ему выполнить это назначение.

Флинкс спокойно слушал, одновременно оценивая расстояние между собой и кубом. Старик с контрольным устройством мрачно смотрел на него. Даже если одолеть его, все равно Флинкс не видел возможности быстро открыть клетку и освободить Пипа. Его стилет бесполезен против толстого слоя панкрилика.

— Вы выразились очень ясно,— сказал он наконец.— А что вам нужно от меня?

— Освобождения,— негромко ответил Круачан.

— Не понимаю.

— Надеюсь, со временем поймешь. А пока достаточно тебе знать, что нас интересуют твои неоспоримые способности, твой Дар.

Все предшествующие догадки Флинкса рухнули, как песчаные замки.

— Вы хотите сказать, что все это сделали, сначала похитили матушку Мاستифф, теперь Пипа, только из-за моих способностей? — Он недоверчиво покачал головой.— Я постарался бы помочь вам и без этих сложностей.

— Дело не так просто. Ты можешь говорить одно и даже верить в свои слова, но мозг твой будет действовать по-другому.

Да это безумие, ошеломленно подумал Флинкс.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Это даже к лучшему,— ответил Круачан.— Ты эмоциональный телепат, верно?

— Иногда я ощущаю чувства других людей, если вы это имеете в виду,— воинственно ответил Флинкс.

— Больше ничего? Никакой способности к предви-

дению? Телекинез? Истинная телепатия? Пирокинизм? Внепространственное перемещение?

Флинкс рассмеялся, и смех этот резко прозвучал в напряженной тишине комнаты.

— Я даже не знаю, что означают эти слова, кроме телепатии. Если вы имеете в виду чтение чужих мыслей, то нет. Только иногда чувства. Остальное — просто фантастика, верно?

— Не совсем,— негромко ответил Круачан,— не совсем. Это потенциал есть в мозгу у каждого человека, так верим мы в Обществе. Когда эти способности просыпаются, некоторые стимулы и соответствующая тренировка могут их развить. Это и было...— он замолчал и снова улыбнулся.

— Как я сказал, когда-нибудь ты поймешь все, я надеюсь. А сейчас достаточно, если ты позволишь нам проделать с тобой некоторые тесты. Мы хотим определить границы твоего Дара и проверить наличие других, скрытых пока возможностей.

— Что за тесты? — Флинкс настороженно смотрел на старика.

— Ничего сложного. Измерения, электроэнцефалотопография.

— Мне это кажется сложным.

— Уверяю тебя, никаких неудобств не будет. Если ты сейчас пройдешь со мной...— Он по-отцовски положил руку на плечо Флинксу. Флинкс сморщился. Тут должна быть змея, а не незнакомая рука.

Круачан подвел его к инструментам.

— Обещаю тебе. Дай нам двадцать четыре часа, и мы вернем тебе твоего любимца целым и невредимым, и тебе никогда больше не придется проходить через это.

— Не знаю,— ответил Флинкс.— Я по-прежнему не понимаю, что вам от меня нужно.— Ему казалось, что для нескольких простых тестов тут слишком много инструментов, и некоторые из них кажутся странно знакомыми. Где он видел раньше такой шар с щупальцами?

Над столом в комнате далеко на севере, неожиданно понял он.

Что мне делать? лихорадочно думал он. Он не может

лечь на стол, под эти ждущие щупальца. Но если он откажется, что они в нетерпении и гнев сделают с Пипом?

Неожиданно, когда он пытался решить, что делать, когда его мысли были связаны в тугой клубок, в его мозг ворвался неожиданный порыв эмоций. Ненависть, страх, праведный гнев, граничащий с паранойей. Он посмотрел на Круачана. Старик доброжелательно улыбнулся ему, потом нахмурился, увидев выражение лица объекта.

— Что-то случилось?

Флинкс не ответил, методично разглядывая лица людей в комнате. Казалось, ни один из них не является источником этих эмоций. А они тем временем становятся устойчивее, сильнее. Они идут... они идут от...

Флинкс повернулся в сторону главного входа.

— Никому не двигаться! — послышался резкий голос. Двое ворвавшиеся в комнату, вскрыв замок, совершенно незнакомы Флинксу. Средних лет пара, одетая как инопланетные туристы, и у каждого в обеих руках оружие — больше пистолета, чуть короче ружья. Они смотрели на ошеломленных обитателей помещения склада.

Флинкс не узнавал их оружие. Это необычно. Походы по рынку позволили ему познакомиться со всеми видами личного вооружения, даже новейшего. Но это все равно ново для него. Эти двое выглядят очень обычно. Но ничего обычного в том, как они двигаются, отдают приказы и держат это свое необыкновенное оружие. А улучшатели, кажется, с ними знакомы.

— ОМО, Миротворцы Сообщества! — рявкнул мужчина. — С этого момента вы все под правительственным арестом. — Он криво, почти свирепо улыбнулся. — Обвинения против вас, я уверен, вы с ними хорошо знакомы, многочисленны и разнообразны. Думаю, мне не стоит вдаваться в подробности.

Флинкс благодарно устремился к ним.

— Не знаю, как вы, ребята, меня нашли, но я вам ужасно рад.

— Оставайся на месте! — Женщина направила на него оружие. Выражение ее лица убедило Флинкса, что

она готова выстрелить, если он сделает хотя бы еще полшага. Он застыл, обиженный и смущенный.

Что-то новое для него — в ее глазах, но и в ее уме; не страх, а скорее какая-то извращенная ненависть, отвращение. Эмоция не направлена непосредственно на него. Ощущение такое новое, чуждое и болезненное, что он не знал, как реагировать. Он понял только, что его так называемые спасители относятся к нему не лучше, и может, имеют даже худшие намерения, чем это непонятное Общество Улучшения.

Замешательство постепенно сменилось гневом, яростью, рожденной раздражением и отчаянием вместе с ощущением беспомощности. Он ни в чем не виноват, он хочет только, чтобы его оставили в покое, и тем не менее он стал центром приложения сил, которые ему не подчиняются, сил, которые даже не принадлежат его миру. А он не знает, как с ними справиться, не может ничего придумать.

И во всем этом смятении одна мысль: он все-таки не такой взрослый, каким считал себя.

В дальнем конце человек по имени Вестхоф остался незамеченным миротворцами. Он не стал ждать. Отложив контрольный ящичек, он начал осторожно отступать, используя в качестве укрытия ящики и контейнеры. Кнопка, на которую больше не давили, поднялась.

— Всем отойти от консолей к пустым ящикам. Всем! — приказала женщина, угрожающе жестикулируя своим оружием. Встав со своих мест и показывая пустые руки, улучшатели поторопились выполнить ее приказ.

— Кто-нибудь коснется прибора, — предупредил другой миротворец, — и больше он никогда ничего не коснется.

Женщина жестко взглянула на Флинкса.

— Эй, ты тоже! Шевелись! — От нее исходило отвращение. Отвращение и жалость обрушивались на Флинкса волнами. Это она распространяет их. Флинкс старался выбросить из сознания эти унижающие эмоции.

— Я не с ними, — протестовал он. — Я не участвую в этом.

— Боюсь, что участвуешь, парень, хочешь ты того

или нет,— ответила она.— Ты причинил множество неприятностей. Но не беспокойся.— Она попыталась улыбнуться. Получилась пародия на улыбку.— Тебя исправят, и ты сможешь жить нормальной жизнью.

На одной из консолей загудел сигнал. Круачан тупо посмотрел на него, потом на Флинкса, потом на миротворца.

— Ради неба, не лечите его!

— Лечить меня? — Флинкс чуть не кричал, не обращая внимания на ужас Круачана, на гудение, ни на что. Он обратился к женщине: — Что он говорит? Зачем меня лечить? И что вы имели в виду под исправлением? Я здоров.

— Может, да, а может, и нет,— ответила она,— но эти улучшатели,— это слово она словно выплюнула,— кажется, думают по-другому. И для меня этого достаточно. Я не специалист. Другие будут решать, что с тобой делать.

— И чем скорее, чем лучше,— добавил ее товарищ.— Ты вызвала подкрепление?

— Как только мы удостоверились.— Она кивнула.— Прибудут через несколько минут. Это ведь не Бриззи.

Флинкс чувствовал себя неустойчиво на ногах и в сознании. Там, где он ожидал спасения, его встретили боль и равнодушие. Нет, хуже чем равнодушие. Эти люди видят в нем какое-то ненормальное больное существо. В этой комнате он ни у кого не встречает понимания: ни у прежних преследователей, ни у новых спасителей. Похоже, вся вселенная, представленная как незаконными организациями, так и законными, против него.

Исправят, сказала эта женщина. Его исправят. Но в нем нет ничего неправильного. Ничего! Зачем они собираются это со мной сделать? Гневно думал он.

Боль и смущение произвели результат, оставшийся незамеченными стоявшими друг против друга противниками. Ощувив сильные эмоции своего хозяина, наполовину проснувшись в атмосфере, куда перестало поступать снотворное, летающая змея начала приходить в себя. Ей не нужно было видеть Флинкса — взрыв боли ясно определял его местоположение.

Крылья змеи оставались свернутыми, змея осматривала свою тюрьму. Затем поднялась и плюнула. В шуме и смятении тихое шипение растворяющейся клетки осталось незамеченным.

— Пусть выходят, — мужчина-миротворец двинулся вправо, отделившись от своей спутницы, чтобы встать по одну сторону от выхода, она прошла за небольшую группу, образовавшуюся в комнате.

— Все в единую колонну, — приказала она, указывая пистолетом. — Все. Руки держите перед собой. Никаких драматических жестов в последнюю минуту. Я не люблю грязи.

Круачан взмолился.

— Пожалуйста, мы всего лишь безвредные старые ученые. Это наш последний шанс. Этот мальчик, — он указал на Флинкса, — наша последняя возможность доказать...

— Я изучала вашу историю, читала отчеты, — в голосе женщины звучал лед. — Ваши поступки несправедливы и непростительны. Вы получите заслуженное, и у вас не будет возможности дальше экспериментировать с этим бедным искалеченным ребенком.

— Послушайте! Кто-нибудь! — в отчаянии сказал Флинкс. — Я не знаю, о чем вы говорите. Кто-нибудь скажет мне?..

— Кто-нибудь скажет, — прервала его женщина. — Я не знаю подробностей, и вообще объяснения — не мое дело. — Она заметно вздрогнула. — К счастью.

— Роза, осторожно! — Услышав предупреждающий окрик товарища, женщина повернулась. Что-то появилось в воздухе, гудя, как огромный шмель, быстро перелетая с места на место: розово-синяя тень на фоне потолка.

— Какого дьявола? Что это? — крикнула она.

Флинкс попытался ответить, но Круачан опередил его, выйдя на шаг из линии к женщине.

— Это животное мальчика. Не знаю, как оно выбралось. Оно опасно.

— Неужели? — Ствол оружия поднялся.

— Нет! — устремился к ней Круачан. — Не нужно!

Женщина инстинктивно реагировала на этот неожиданный бросок. В предводителя улучшателей ударил короткий залп звука высокой частоты. Внутренности вырвались у него через спину. Удар вызвал только легкий хлюпающий звук.

Одна из пожилых женщин закричала. Женщина-миротворец выругалась и нацелилась в источник этой суматохи. И в тот момент, как она направила оружие на Пипа, волна ярости, боли и гнева взорвалась в голове Флинкса.

— Пип! Нет! — закричал он, бросаясь к женщине. Второй миротворец передвинулся, прикрывая свою спутницу. Пип устремился в тыл комнаты. Пистолет женщины пошел за ним следом, палец ее начал давить спуск.

Что-то произошло. Глаза Круачана еще были открыты. На его лице появилась довольная улыбка. Потом он умер.

Неожиданно опустилась ночь.

* * *

Флинкс плыл в огромном стеклянном барабане. Кто-то бил в барабан с обеих сторон. Ритм рваный, звуки оглушающие. Больно.

Что-то лежало у него на груди. Я лежу на спине, подумал он. Поднял голову и огляделся. На его плаще лежит Пип, побитый, но живой. Летающая змея кажется оглушенной. Но к ней постепенно возвращается сознание, тонкий раздвоенный язычок вылетает и касается носа и губ Флинкса. Удовлетворенный, минидраг прекратил свой осмотр и заполз под плащ на плечо. Флинкс с трудом сел.

Что-то у него случилось с равновесием. Простое действие — переход от лежащего положения в сидячее — превратилось в сложную операцию. Два обстоятельства он заметил сразу: холод и дождь, заливающий лицо. Потом зрение его прояснилось, и он увидел наклонившегося к себе какого-то старика.

На мгновение вернулся страх, но это не улучшатель. Лицо доброе и знакомое. Старик одет совсем не так,

как члены Общества. В их внешности не было ничего неаккуратного. Этот же незнакомец из обычной жизни.

— Ты в порядке, мальчик? — Он оглянулся через плечо. — Думаю, все нормально.

Флинкс поглядел мимо старика. За ним стояло несколько других незнакомцев. Флинксу пришло в голову, что именно он центр их любопытства. Сильная рука помогла ему встать на ноги. Послышалось несколько замечаний относительно змеи у него на плече.

Вперед вышел молодой человек.

— Как ты себя чувствуешь? — Он смотрел Флинксу в лицо. — У меня есть медицинская подготовка.

— Я не... я думаю... — Странно, рот действует не как всегда. Флинкс глотнул. — Что случилось?

— Я думал, ты мне расскажешь, — ответил неулыбающийся молодой человек. Одет он был аккуратно, лучше, чем старик, который первым разглядывал Флинкса. Под его желто-зеленым в полоску плащом Флинкс разглядел деловой костюм.

— Я фактотум из отдела Дома Гранье. Как раз шел проверить прибытие груза с Эвории. — Он повернулся и указал. — Вот там наш склад. Чуть не споткнулся о тебя.

— Я тоже, — сказал старик, — хотя я фактотум только в своем доме. — Он улыбнулся, демонстрируя отсутствующие зубы.

Флинкс отвел влажные волосы с глаз и со лба. Как он так промок? Он не помнит, как попал на улицу. Вообще не помнит, чтобы он лег.

Теперь собравшиеся вокруг него успокоились, но шум в ушах Флинкса стал оглушительным. Звучали сирены.

В нескольких кварталах над одним из складов к небу вздымался столб пламени вопреки непрерывному дождю. С одной стороны над этим складом повис пожарный скиммер, его экипаж поливал огонь глушащей химической пеной. Вместе с дождем пена сбивала огонь.

— Я только входил в наш офис вон там, — продолжал молодой человек рядом с Флинксом; они оба смотрели на пожар, — когда взорвалось это здание. — Он

кивнул на огонь. — Если я правильно помню, в нем было четыре или пять этажей. Верхние три, должно быть, разлетелись в первые же секунды. Обломки по всей улице. Меня тоже сбило с ног, как и тебя. — Флинкс увидел большую толпу зрителей. Крупные пожары в Дралларе редкость.

— У кого-то будет масса неприятностей, — сказал старик. — Держать взрывчатку в пределах города. Плохо дело. Плохо.

— Говорят, обломки разбросаны до самых пригородов, — сказал разговорчивый молодой человек. — Интересно, что могло вызвать такой взрыв. Мимо меня пролетел кусок здания. Ударил в нашу переднюю дверь. Можете сами посмотреть. Вставая, я увидел, что ты лежишь на улице. Либо тебя ударил маленький кусок, либо ты, падая, сам ударился головой о мостовую.

— Я не видел, как его ударило, — сказал старик.

— Это ничего не значит. Обломки летели быстро. — Клерк взглянул на Флинкса. — Ты, наверно, ничего и не почувствовал.

— Нет, — признался Флинкс, по-прежнему ошеломленный. — Не почувствовал. Но сейчас все в порядке.

— Ты уверен? — Молодой человек осмотрел его. — Странно. Должно быть, тебя не ударило, а пролетело мимо. Не вижу никаких синяков или порезов. Хотя твоя змея, кажется, немного получила.

— Бывает, — сказал старик. — Еще сантиметр, и у тебя в голове кусок металла. — Он захихикал.

Флинкс умудрился слабо улыбнуться.

— Я себя нормально чувствую.

Он слегка покачнулся и встал устойчиво.

Клерк все еще разглядывал свернувшегося мини-драга.

— Интересное животное.

— Все так думают. Спасибо за заботу вам обоим. — Он прошел вперед и присоединился к кольцу зрителей вокруг горящего здания. Медленно, неохотно мозг заполнял провалы в памяти. Третий этаж, он был там вверху, и улучшатели... Да, улучшатели — так их звали — готовы были провести над ним какие-то тесты.

Потом ворвались миротворцы, и Пип высвободился, и один из миротворцев готов был выстрелить в него, и главный улучшатель — Флинкс не мог вспомнить его имя, помнил только глаза — запаниковал и бросился к миротворцу, и Флинкс вспомнил, как он отчаянно крикнул женщине, чтобы она не стреляла, не вредила Пипу, не... не...

И пришел в себя, промокший и ошеломленный, на улице, и старик склонился над ним, и Пип лизал его губы.

Он потрогал рукой затылок — оттуда удары барабана из его видения. Никакой шишки, ни крови, но все равно такое ощущение, будто что-то здорово ударило по голове, как и предположил этот молодой чиновник. Но боль сосредоточилась внутри головы.

Из горящего здания начали выходить люди: медики в белых плащах. Они кого-то вели. Одежда женщины порвана, в разрывах кровь. Она шла сама, но двое медиков ее поддерживали.

И вдруг Флинкс почувствовал ее — всего на мгновение. Никакой эмоции, никакого чувства. Потом он увидел ее глаза. Пустой взгляд, без всякой мысли. Вероятно, взрыв оглушил ее, подумал он. Это та самая женщина миротворец, которая чуть не выстрелила в Пипа.

В больнице эта пустота пройдет, подумал он. Однако впечатление такое, словно у нее промыли мозги, и не избирательно, а полностью. Она похожа на ходячую человеческую оболочку. Флинкс отвернулся, смущенный сам не зная почему. Ее усадили в больничный скиммер. Машина поднялась над толпой и направилась под свист сирены в нижний город.

Флинкс по-прежнему пытался реконструировать последние секунды на складе. Что случилось? Несчастная женщина собиралась убить Пипа. Флинкс устремился к ней, яростно протестуя, ее товарищ начал нацеливать на него оружие. Само оружие бесшумно. Может, женщина выстрелила? Или мужчина?

Эти инструменты, что стояли вдоль стены, требовали массу энергии. Если миротворец промахнулся — может, он сознательно давал предупредительный выстрел,—

удар мог пройти во что-нибудь такое же чувствительное, но более взрывчатое, чем плоть человека. Как правило, на складах такая энергия не нужна. Возможно, в комнате были тщательно настроенные топливные ячейки. И выстрел попал в них.

А может, один из улучшателей — например, тот, что скрылся от клетки с Пипом, — привел в действие самоубийственное взрывное устройство, чтобы избавить своих товарищей от позора и официального суда? Обдумывая обе эти возможности, Флинкс почувствовал себя лучше. Они объясняли случившееся — очень правдоподобно.

Одно оставалось необъясненным — как он оказался в двух кварталах, невредимый, только с головной болью.

Что ж, он двигался в сторону двери, а взрывы способны на самое неожиданное. На улицах масса ям, полных дождевой водой. А он промок. Может, взрыв бросил его в такую яму, вода смягчила удар, а потом он скользнул, как камень по поверхности пруда? Очевидно, так и случилось. Другого возможного объяснения нет.

Голова болит.

Наконец появились местные жандармы. При их появлении Флинкс инстинктивно отвернулся, углубился в толпу, скрыв Пипа под плащом. Он был рад, что ему не пришлось пустить в ход нож, счастлив, что остался жив. Может быть, теперь наконец эти силы оставят его, матушку Мاستифф и Пипа в покое.

Он снова подумал о последнем мгновении на складе. Гнев и отчаяние поднимались в нем, пока он больше не мог этого выдерживать и слепо устремился на женщину, готовую убить Пипа. Он надеялся, что больше никогда в жизни не испытает такой гнев.

Толпа не обратила никакого внимания на уходящего юношу; он скрылся в тени в узком переулке, который вел назад, к центру города. Ничего необычного в мальчике не было, и ни один жандарм не стал его останавливать и расспрашивать. Старик и чиновник, нашедшие его лежащим на улице, уже, вероятно, забыли об этом, поглощенные необычным зрелищем большого пожара в постоянно промокшем Дралларе.

Флинкс прошел в более оживленные районы города, приблизился к спорам, крикам, запахам и зрелищам рынка, к теплому знакомому маленькому магазину матушки Мастифф. Ему было жаль. Жаль всех тех неприятностей, которые он причинил. Жаль забавных старых улучшателей, которых больше нет. Жаль слишком ревностных миротворцев.

Матушка Мастифф не стала бы жалеть, он знал. Она может быть такой же мстительной, как Эй Энн, особенно если угрожают кому-то близкому.

Но сам он сожалел о смерти такого количества людей. И все из-за чего? Из-за странной бесполезной способности ощущать эмоции, которой он обладает. Но это их вина. Все, что произошло, их вина, улучшателей и миротворцев в равной степени. Он пытался их предупредить. Никогда не становитесь между мальчиком и его змеей.

Мокрая дорога домой истощила его последние силы. Никогда раньше город не казался ему таким громадным, его улицы и переулки такими извилистыми и кривыми. Он страшно устал.

Матушка Мастифф была в магазине, ожидая его так же беспокойно, как ждет обычно покупателей. Своей худой, старческой, но сильной рукой она поддержала его и помогла сделать последние мучительные шаги в дом.

— Я очень беспокоилась о тебе, мальчик! Ты причиняешь старой женщине большую тревогу.— Она шупала его щеки, лоб, глаза в поисках серьезного ущерба.— Ты ведь порезан, в крови. Что с тобой было, Флинкс? Тебе надо научиться держаться в стороне от неприятностей.

Он сумел улыбнуться, радуясь дому.

— Они как будто сами меня ищут, мама.

— Гм! Объяснения. У мальчишки голова полна объяснениями. Что случилось?

Он пытался собраться с мыслями, вынимая Пипа из-под плаща. Матушка Мастифф попятилась. Минидраг повис, как обрывок веревки. Лежал, свернувшись, на коленях хозяина, и если не спал, то очень правдиво изображал сон.

— Кто-то похитил Пипа. Эти люди называют себя

улучшателями. Но на самом деле им нужен был я. Они... — Он с напряженным лицом пытался вспомнить. — Один из них сказал, что меня нужно исправить. Что исправить? Что им нужно было от меня?

Она долго молчала, глядя на мальчика. Похоже, он говорил правду. Узнал не больше, чем рассказал ей. Не обращая внимания на близость страшной змеи, она села и обняла его за плечи.

— Послушай меня, мальчик. Слушай внимательно, потому что для тебя это важно. Мне не нужно говорить тебе, что ты особый. Ты всегда был особенным. Тебе придется это скрывать, и нам вообще нужно скрыться. Драллар — большой город. Можем переместить магазин, если понадобится. Но тебе нужно научиться жить тихо, держать свои отличия при себе, иначе мы снова привлечем к себе это ненужное и опасное внимание.

— Но это глупо, мама. Только потому, что я иногда ощущаю чувства других людей?

— Да. А может, и еще что-то.

— Ничего больше нет. Я ничего больше не могу.

— Так ли это, мальчик? А как ты ушел от этих людей? — Она посмотрела мимо него на улицу, неожиданно встревожившись. — Они придут за тобой?

— Не думаю. Когда я уходил, большинство их было вроде бы мертво. Не знаю, как я от них ушел. Мне кажется, кто-то из них что-то взорвал. Произошел большой взрыв. Я попал из здания прямо на улицу.

— Тебе повезло, что ты уцелел. Но я все же удивляюсь. Ну, может, так оно и лучше. Может, хорошо, что ты не очень много знаешь о себе. Мозг у тебя всегда был развит лучше тела. Может, в нем еще что-то есть.

— Но я не хочу быть особенным, — настаивал он почти со слезами. — Я хочу быть таким, как все.

— Я знаю, мальчик, — мягко ответила она. — Но каждый должен играть теми картами, какие сдала судьба, а если тебе выпадает джокер, надо научиться играть и с ним, обратить его в свое преимущество.

— Не хочу никаких преимуществ! Особенно если они приносят такие неприятности.

— Довольно, мальчик! Отличие всегда можно пре-

вратить в преимущество. Тебе пора выбрать профессию. Я знаю, работать в таком магазине ты не хочешь. А что хочешь?

Он немного подумал, прежде чем ответить.

— Мне нравится делать других людей счастливыми.

Она печально покачала головой.

— Иногда мне кажется, что ты не заинтересован в том, чтобы зарабатывать на жизнь. Но если тебе это нравится, ты должен найти способ кормиться этим.

— Я врмснами мечтаю о том, чтобы стать врачом и лечить людей.

— Советую тебе нацелиться немного ниже, мальчик.

— Ну, хорошо. Тогда актером.

— Нет, это слишком низко. Будь разумен. Что-нибудь такое, чем ты можешь заняться сейчас, без многих лет учебы и подготовки.

— Я мог бы давать представления прямо на рынке,— сказал он задумчиво.— Я хорошо жонглирую. Ты ведь видела?

— Да, и кричала на тебя, когда ты играл моими товарами. Но это разумная мысль. Мы найдем тебе хорошее место на улице. Ведь не можешь ты попасть в неприятности, давая представление перед местными зрителями.

— Конечно! Пойду прямо сейчас потренируюсь.

— Спокойней, мальчик, спокойней. Ты чуть не засыпал стоя, а я не хочу, чтобы ты ломал мои вещи или себя самого. Иди ложись. Я приготовлю тебе что-нибудь поесть. Иди, мальчик, и не забудь прихватить с собой твое чудовище.

Неся утомленного Пипа в руках, Флинкс встал и прошел мимо витрин с товарами в глубь дома. Матушка Мастифф смотрела ему вслед.

Что стало с мальчиком? Каким-то образом он привлек внимание влиятельных и опасных людей. Ну, есть вероятность, что теперь какое-то время они не будут его тревожить. Особенно если они остались «вроде бы мертвы».

Но как он спасся? Иногда он по-прежнему пугает

ее. Нет, он никогда не причинит вреда ее старой голове. Наоборот, совсем наоборот, как доказало его упрямое преследование и освобождение ее в недавние дни. Но в этом юноше действуют силы, которые недоступны пониманию простой владелицы магазина, силы, которыми он, может быть, не сумеет управлять. И это не только чтение эмоций других людей. В этом она была убеждена. Можно только догадываться, что еще есть в нем: ясно, что мальчик еще сам не знает себя.

Ну, что ж, пусть немного поиграет в жонглера. Это безвредно. И не принесет ему неприятностей.

Она весь остаток дня повторяла себе это, а вечером смотрела, как он спит. Ложась наконец в свою постель, она подумала, что оставила воображаемые страхи за собой, но это оказалось не так.

Она чувствовала, что мальчик, мирно спящий в соседней комнате, способен на большее, чем представления на улицах. На гораздо большее. И она каким-то образом знала, что эта проклятая вселенная, которая постоянно сует свой космический нос в дела невинных граждан, ни за что не оставит ее Флинкса в покое.

ТАР-АЙИМСКИЙ КРАНГ

Глава первая

Флинкс был этичным вором, в том смысле, что он крал только у жуликов. И притом только тогда, когда это становилось абсолютно необходимо. Ну, возможно, не абсолютно. Но он старался. Его этика носила легко адаптирующийся к требованиям окружающей среды характер. А когда человек живет один и еще не достиг семнадцати лет, в таких вопросах требуется делать определенные скидки.

Можно было бы возразить — если бы Флинкс захотел слушать (событие крайне маловероятное) — что выносить окончательное решение, кто попадает под определение жулика, а кто — нет, есть проявление страшного тоталитаризма. Философ знающе кивнул бы, соглашаясь с этим. Флинкс не мог позволить себе такой роскоши. Его этика диктовалась борьбой за выживание, а не абстракциями. И к его большой чести, он сумел, насколько возможно, оставаться на позициях общепринятой мирской морали. Впрочем, этим он был обязан случаю.

Как правило, свой скромный доход он получал, по большей части, честно. Причина этого заключалась не только в его выборе, но и в обыкновенном здравом смысле. Чересчур преуспевающий вор всегда привлекает нежелательное внимание. В конечном итоге вступает в действие «закон уменьшения отдачи» в применении к преступной деятельности.

Да и дралларские тюрьмы славились своей негостеприимностью.

Хорошие места в городе для демонстрации своих галантов бродячими жонглерами, менестрелями и тому подобными личностями имелись в ограниченном количе-

стве. Некоторые были намного лучше других. То, что он в своем сравнительно малом возрасте сумел обеспечить себе одно из наилучших, являлось данью удаче и стойкости старой матушки Мастифф. Она с детства зарезервировала ему небольшой помост рядом со своей лавкой, отгоняя других предприимчивых циркачей криком или выстрелом, в зависимости от случая и силы покушавшегося на место конкурента. Матушка Мастифф было, конечно, не настоящее имя, но все называли ее именно так. Включая Флинкса. На рынках Драллара настоящие имена и фамилии употреблялись редко. Они плохо помогали поискам и слишком хорошо сборщикам налогов. Поэтому каждого нового обителя быстро награждали более подходящим именем. Матушка Мастифф, например, имела поразительное сходство с земной представительницей семейства собачьих того же названия. Имя это дали смеха ради; хотя и приняли с плохой миной, но тем не менее приняли. А ее язвительный характер вполне дополнял физическое сходство.

Флинкс был сиротой. Вероятно, невольным, как и большинство ему подобных. И все же, кто мог сказать что-либо точно, не проходила матушка Мастифф в то время мимо загонов для рабов и не взгляни случайно в определенном направлении, она бы никогда и не заметила его. По причинам, которых она так никогда до конца и сама не поняла, она купила его, вырастила, направила учиться ремеслу, как только он достаточно подрос. К счастью, его театральные наклонности обнаружались в очень раннем возрасте, наряду с его другими, довольно своеобразными, талантами. Поэтому проблема выбора ремесла разрешилась сама собой. Он обладал острой, хотя и несколько мрачной, наблюдательностью и поэтому сделался своим собственным наилучшим учеником. Оно к лучшему, потому что артисты постарше всегда становились в его присутствия нервней, чем надо бы, и, предпочитая не признаваться в этом, объявляли его неподдающимся обучению и предоставили самому себе.

Она также достаточно рано внушила ему, что в Дралларе независимость всегда была чем-то больше,

нежели неосязаемой мыслью. Независимость была имуществом, несмотря на то, что ее не положишь в карман или сумку, и поэтому должна цениться как таковое. И все же, когда Флинкс поймал матушку Мاستифф на слове и пересел жить отдельно, печаль долго не отставала от нее, как новый слой краски. Но она никогда не открывала ему этого из страха проявить слабость. Ни в словах, ни в лице. Его подгоняли любовно, но твердо. К тому же она знала, что для нее смерть может прийти в любое время, и хотела, чтобы это задело его жизнь как можно меньше.

Флинкс снова почувствовал в душе мягкую боль, как от подслащенного зондирования, из-за знания того, что матушка Мастифф доводилась ему приемной матерью, а не родной. Отцом его был случай, а наследием — удача. О своих истинных родителях он ничего не знал, равно как и аукционист. В его карточке имелось даже больше пробелов, чем обычно, она не сообщала ничего, даже самой элементарной родословной. Помесь. Это проявлялось в его длинных оранжево-рыжих волосах и оливковой коже. Причина его сиротства навеки останется столь же неясной, как и лица его родителей. Он дал потоку городской жизни войти к себе в мозг и затопить неприятные мысли.

Один турист, более проникательный, чем большинство его собратьев, заметил однажды, что идти через большой центральный рынок Драллара все равно, что стоя в низком прибое давать лизать себя геометрически терпеливым волнам. Моря Флинкс никогда не видел, так что сравнение это оставалось неясным. На Моте вообще было мало морей, и никаких океанов. Только бесчисленные озера ослепительной голубизны, по сравнению с которой лазурь казалась жалким подражанием.

Планета с необычайной быстротой выходила из своего последнего ледникового периода. Быстро уменьшающиеся ледники оставляли ее поверхность словно изрытой оспой сверкающей ляпис-лазурной глади озер, прудов и больших водоемов. Почти ежедневные дожди

поддерживали установленный отступающими ледниками уровень воды. Драллару случилось располагаться в исключительно сухой долине, хороший дренаж и отсутствие ливней и, более специфически, грязи являлись одной из главных причин роста города. Здесь кунцы могли торговать своими товарами, а ремесленники становиться мастерскими, не страшась, что их будет смывать несколько раз в год.

Круговорот воды на Моте также отличался от данного явления на многих других планетах хьюманкского типа, в остальном достаточно схожих с родиной Флинкса. Появление пустынь предотвращалось отсутствием настоящих горных хребтов, перегораживающих путь обремененному влагой воздуху. Соответствующее отсутствие океанских бассейнов и общая неровность местности так и не дали шанса возникнуть крупной системе стока воды. Рек на Моте было бесчисленное количество, как и озер, но они были по большей части небольшими по длине и объему воды. Поэтому вода на планете распространялась по ее поверхности довольно ровно, за исключением двух больших ледяных шапок на полюсах и остатков крупных ледниковых систем на материках. Мот представлял собой Величие Прерии Земли с хвойными деревьями вместо кукурузы.

Полиритмичный речитатив зазывал, торговавших вразнос товарами с тысячи миров, образовывал резкий контраст к сравнительно ровному гомону и ропоту толпы. Флинкс прошел мимо знакомой галантерейной лавки и мимоходом обменялся с ее владельцем короткой тайной улыбкой. Этот почтенный рослый блондин среднего возраста только что закончил продажу пары курток из шкуры дурфарка двум броско одетым инопланетянам... по цене в три раза больше, чем они стоили. В голове Флинкса лениво прожурчало еще одно изречение: «Те, кто прибывает в Драллар не готовыми купить шкуру, неизбежно ее покупают».

Подобные вещи не оскорбляли хорошо продуманных этических постулатов Флинкса. Это была не кража. *Caveat emptor*. Меха и древесное волокно, древесина и воды были Мотом. Разве можно украсть семечки

у помидора? Продавец был счастлив от своей продажи, покупатели довольны своей покупкой, а выручка все равно пойдет на поддержание города в виде мероприятий по улучшению быта и взяток. Кроме того, любой инопланетянин, могущий себе позволить поездку на Мот, вполне мог, черт возьми, позволить себе платить по местным ценам.

Планета эта была по большей части довольно открытой. Правительством служила монархия, атавизм более ранних времен планеты. Историки находили ее странной и изучали ее, туристы считали ее колоритной и снимали ее, и она лишь номинально нагоняла страх на своих граждан. Мот внезапно и без подготовки швырнуло в водоворот межзвездной жизни, и он выдержал этот трудный переход довольно неплохо, как быстро выяснили несостоявшиеся заезжие культуртрегеры. Но на планете, где основная масса туземного населения состояла из кочевых племен, следующих за такими же кочевыми стадами носящих мех животных, выказывавшими редкую драчливость при потере названных мехов, представительное правительство оказалось бы крайне неудобным. А Церковь, естественно, не вмешивалась. Советники даже себя не считали составляющими правительство и, следовательно, и подумать не могли навязывать таковое другим. С демократией на Моте придется подождать, пока кочевники не позволят себя сосчитать, снабдить индексами и ярлыками, занести в картотеки, а это казалось делом далеким-предалеким. Было хорошо известно, что Королевское Бюро Переписи ежегодно публиковало цифры скорее комплиментарные, чем точные.

Главными промыслами планеты являлись продукты леса, меха и туризм. И ремесла. В бескрайних лесах планеты изобиловали покрытые мехом существа всех мыслимых видов (и несколько немислимых). Даже насекомые носили мех, чтобы укрыться от вездесущей воды. В Лесных Землях произрастали главные разновидности твердой и мягкой древесины, включая множество уникальных и неклассифицированных видов, например, некая периодически отмирающая древесная губка. Когда на Моте поминали «зерно», оно не имело никакого

отношения к муке. В гигантских озерах водилась рыба, которую приходилось ловить с модифицированных барж, снаряженных оперируемыми киборгами лесками. Широко цитировалось, что из всех планет Галактики только на Моте настоящие неподдельные *pisces* <SFPisces (лат.) — рыбы. > имели равный шанс уйти домой с рыбаком, а не наоборот. А охотники только начинали открывать этот аспект потенциальных возможностей планеты... по большей части оттого, что уходившие в огромные леса неподготовленными уже не возвращались.

Драллар был столицей и самым большим городом планеты. Благодаря удачным галактическим координатам и просвещенной налоговой политике сменявших друг друга королей, он стал теперь межзвездной расчетной палатой для товарообмена и коммерческих сделок. Все крупные финансовые дома имели здесь по крайней мере филиал штаб-квартиры, зарезервировав свои более пышные представительства для более «цивилизованных» планет. Монарх и его чиновники были не более чем номинально коррумпированными, и король присматривал за тем, чтобы народ не задавливали репрессивными правилами и постановлениями. Делалось это, правда, вовсе не из любви к простому человеку. Просто это было хорошо для бизнеса. А не будь бизнеса, не было бы и налогов. Нет налогов — значит, нет и правительства. А нет правительства — значит, нет и короля, положение дел, которого текущий монарх, Его Найсушайшее Величество Король Деве Ног На XXIV, из всех сил старался избежать.

И к тому же Драллар обладал собственным запахом.

Вдобавок к местным жителям, в Дралларе занимались бизнесом представители полусотни других разумных рас. Для поддержания постоянного уровня жизни этого скопления коммерции требовалось фантастическое разнообразие органического горючего. Поэтому сам центральный рынок окружала кажущаяся бесконечной серия закусовых, автоповаров и ресторанов, образовавших в действительности одну огромную непрерывную кухню. Конечная комбинация ароматов, производи-

мых этими заведениями, сливалась в неповторимую атмосферу. На более рафинированных торговых перекрестках такие экзотические миазмы держали бы, как приличествует, под замком. В Дралларе же не имелось для разложения никакого озона. Хлеб насущный для одного являлся для другого ядом. А деликатес для одного мог вызвать у другого тошноту.

Но благодаря какой-то случайности химии, или химии случайностей, испарения так хорошо смешивались в естественно влажном воздухе, что любое потенциально вредное воздействие сводилось на нет. Оставался только вечно кружащийся густой запах, щекотавший горло и оставлявший не ожидавшие того рты в состоянии непрерывного слюноотделения. Всякий мог получить обманчиво полный и сытный обед, просто просидев часок в центре рынка и вдыхая его ароматы. Не так уж много других мест в рукаве приобрели то, что можно лучше всего описать как обонятельную репутацию. И это правда, что гурманы прилетали из такой дали как Земля и Прочион всего лишь для того, чтобы посидеть на окраинах рынка и поучаствовать в долгих и бурных состязаниях, в которых участники пытались опознать обрывки ароматов, выносимые наружу влажным ветром.

Причина кругового расположения данных заведений была простой. Любой бизнесмен мог подкрепиться на окраинах рынка, а затем погрузиться в водоворот коммерции без необходимости беспокоиться о том, что важную сделку прервет внезапный порыв, скажем, едкого дыма, прего, от горящих дров дерева бан. Большую часть дня огромный круг служил восхитительно хорошо, но в обеденные часы он заставлял рынок больше чем когда-либо походить на это пронизательное туристское сравнение с морскими отливами и приливами.

Флинкс отстоялся у лотка старого Кики, торговца сладостями, и купил пирожок-тиск. Эта стряпня готовилась на основе крепкого местного гибридного зерна. Внутри он начинался кусочками фруктов, ягодами и маленькими, недавно созревшими мясистыми орехами парма. Законченный продукт затем обмакивали в чан с теп-

ловатым золотистым медом и давали ему затвердеть. Он был жестким на зубах, но, ах, что творил с небом! У него имелся один недостаток: плотность. Кусать тиск было все равно, что жевать старую изоляцию скафандра. Но он обладал высокой калорийностью; орехи-парма являлись слабым наркотиком, а Флинкс испытывал нужду в небольшой стимуляции перед выступлением.

Но более всего Драллар был знаменит своей архитектурой.

Сооружения на рынке являлись довольно низкими, но за пределами продовольственных полумесяцев виднелись древние стены, остатки Старого Города. За ними и среди них были рассеяны здания, где шла коммерция поважней. Именно здесь-то и текла живая кровь Мота, а не в живописных ларьках ниже. Каждый день в темных задних комнатах и конторах этих старых и новых строений обменивались продукты экономики дюжины миров. Там находились рестораны для гурманов, обслуживающие богатых спортсменов, возвращавшихся с озер и воротивших нос и закрывавших окна от плебейских испарений, наступавших на них с продовольственных ларьков внизу. Там чучельники занимались своим шумным искусством, набивая шкуры пушистых якс'мов и прикрепляя к щитам кошмарные черные головы рогатых дьяволов Демичина.

За ними поднимались многоквартирные дома, где жили средние и низшие классы. Те, что победнее, характеризовались малым числом окон и потрескавшейся штукатуркой, а те, что побогаче,— чудесными многоэтажными фресками, нарисованными бродячими художниками, и блестящей лазурной черепицей, сохранявшей в домах тепло зимой и прохладу летом. Еще дальше поднимались изолированные скопления башен богатых инурбов с их висячими садами и террасами из армированного хрусталя. Они высоко воспаряли над шумом и гамом обыденности, искрясь при каждом утреннем тумане, словно усыпанные самоцветами жирафы.

А из центра города поднимался, господствуя над

всем, огромный дворец правителей Драллара. Короли поколениями добавляли к нему новые пристройки, сектор здесь, крыло там, каждый налагал на дворец отпечаток своей личности. Там проживали король Деве Ног На и его двор. Иногда король поднимался лифтом на самый высокий минарет и там, сидя с комфортом на медленно вращающейся платформе, наблюдал на досуге невозможный муравейник, составлявший его владения.

Но самым прекрасным у Мота был не Драллар с его сверкающими башнями и разноцветными гражданами, не бесчисленные озера и леса, не великолепные и разнообразные существа, обитавшие в них, а сама планета. Именно это-то и привлекало первоначально людей к этой звездной системе. Окольцованные планеты встречались достаточно редко.

А Мот был крылатой планетой.

«Крылья» и дали ей название и сделали ее уникальной в Рукаве. Они, несомненно, когда-то являлись идеальным широким кольцом типа колец Сатурна. Но когда-то в далеком прошлом кольцо сломалось в двух местах, возможно, в результате сильного гравитационного напряжения или смены магнитных полюсов. Наверняка никто сказать не мог. В результате получилось незавершенное кольцо, состоящее из двух огромных полумесяцев из камня и газа. Ближе к планете полумесяцы сужались, но, уходя в пространство, они, благодаря уменьшающейся гравитации, разворачивались в естественную форму веера, образуя таким образом прославленный эффект «крыла». Они были куда большей толщины, чем древние кольца Сатурна, и содержали более высокий процент флуоресцентных газов. В результате с обеих сторон планеты возникали две гигантские маслянисто-желтые светящиеся треугольные фигуры.

Неизбежно единственную луну Мота нарекли Пламенем. Некоторые считали это название банальным, но никто не мог отрицать его уместности. Она была примерно на треть меньше земной Луны и находилась почти вдвое дальше. У нее имелась одна специфическая ха-

рактеристика. Она не «горела», как, казалось бы, предполагало ее название, хотя и светила достаточно ярко. Фактически, некоторые считали, что ярлык «луна» совершенно непригоден, так как Пламя вовсе не вращалась вокруг своей родительской планеты, а шествовала вместо этого впереди нее вокруг солнца приблизительно по той же орбите. Поэтому прижились два названия: Морковка, манящая вперед усыпанного самоцветами осла, никогда не могущего достать ее, и Пламя. К счастью, открывшие эту планету устояли перед искушением назвать эти два тела в честь первого изречения. Подобно столь многим вывихам природы, они — планета и луна — отличались слишком необыкновенным великолепием, чтобы подвергнуться такой насмешке.

Крыло на стороне Драллара виделось Флинксу только как тонкая светящаяся линия, но он встречал его изображения, снятые из космоса. Сам он никогда не бывал в космосе, но посетил много приземлявшихся в порту кораблей. Там, путаясь под ногами старших членов экипажа, он внимательно слушал, как они рассказывали повести об огромных кораблях с КК-двигателями, курсировавших по темным и пустым местам небесного свода. Конечно, поскольку эти чудовищные небесные суда никогда не касались почвы планет, он лично их не видел. Такую посадку разрешили бы произвести только при крайне чрезвычайных обстоятельствах, да и в этом случае не на обитаемую планету. КК-корабль нес у себя на носу гравитационный колодец небольшого солнца, подобно пчеле, несущей пыльцу. Даже съездившись до крошечных размеров, необходимых для совершения простой посадки, это поле защитит огромный корпус корабля. Оно также выдолбит существенный кусок планетной коры и вызовет всевозможные разновидности нежелательных природных явлений, вроде цунами, ураганов и тому подобного. Поэтому челночные корабли поменьше и сновали туда-суда между судном и землей, перевоза людей и их товары, в то время как сами гигантские транспорты оставались в полифемовской ссылке среди бескрайней черноты и холода.

Он хотел бы отправиться в космос, но еще не нашел

для этого законной причины и не мог оставить матушку Мاستифф без всякой опоры. Несмотря на беспрестанные крики, утверждавшие ее доброе здоровье, ей было сто с лишним. Мысль оставить ее одну просто для путешествия ради удовольствия его не привлекала.

Он поплотней натянул на плечи плащ, почти похоронив Пипа в складках густого толстого меха. Поскольку речь идет о населенных людьми мирах, Мот не являлся исключительно холодной планетой, но и далеко не тропической. Флинкс не мог припомнить ни одного случая, когда его не приветствовал бы при пробуждении липкий и влажный туман. Он был надежным, но мокрым спутником. Здесь меха использовались больше для укрытия от воды, чем для защиты от лютого холода. Да, бывало и холодно, но без морозов. По крайней мере, снег выпадал только зимой.

Пип тихо зашипел, и Флинкс принялся рассеянно скармливать ему изюмины, выковыривая их из тиска. Змей жадно глотал их целиком. Он бы и губами чмокал, будь они у него. А так выскочил длинный язык и погладил щеку Флинкса деликатным прикосновением алмазного резака. Радужная чешуя минидрага, казалось, сияла даже сильнее обычного. По какой-то причине он особенно любил изюм. Может быть, ему пришлось по вкусу большое содержание в нем железа.

Флинкс бросил взгляд на плюсовое окошко своего персонального картометра. Они не на мели, но и не купались в роскоши. О да, определенно настало время пойти поработать!

Из-за прилавка своего киоска с разнообразными товарами, матушка Мастифф дружески торговалась с парой маленьких, усыпанных самоцветами туристов-транксов. Техника ее была восхитительной и компетентной. Как и следовало бы, размышлял он. У нее было много времени для совершенствования. Он лишь слегка удивился присутствию инсектоидов. «Куда проникли люди, там и транксы тоже будут, да и наоборот». Так гласил детский стишок. Но было видно, что они чувствуют себя немного неуютно. Транксы любили дождь и сырость, и в этом отношении Мот представлялся им иде-

альным, но они же предпочитали куда меньший холод и еще большую влажность. Как это ни парадоксально, воздух мог быть влажным и все-таки чересчур сухим для них. Каждый раз, когда обнаруживалась новая парниковая планета, они приходили в экстаз, несмотря на тот факт, что такие места неизменно обладали самой неприятной и воинственной окружающей средой. Флинкс видел бессчетные изображения транксовых планет. Хайвхоум — их эквивалент Земли, а также знаменитые колонии транксов в бассейнах Амазонки и Конго на самой Земле. С какой стати людям изнуряться в недружественном климате, когда там могли процветать транксы? Они нашли этим негостеприимным районам куда лучшее применение, чем когда-либо мог найти или находил человек. Точно так же, как люди на Средиземном плато Хайвхоума.

Слияние и впрямь отлично работало в обе стороны.

Судя по типу их ожерелий, эта пара прибыла, вероятно, с Эвориин. Во всяком случае, тигра и глянec яйцеклада самки четко показывали это. Вероятно, охотники, прилетевшие сюда ради чего-нибудь волнующего. Мало что могло привлечь транксов на Мот помимо отдыха, развлечений, политики, торговли легкими металлами. Мот был богат легкими металлами, но лишен более тяжелых. Мало золота, свинца и тому подобного. Но в изобилии серебро, магnezия и медь. По слухам, гигантский транкский концерн «Элексид» имел планы превратить Мот в ведущего производителя компонентов электрических и думающих машин, во многом похоже на то, как он сделал на Амрополусе. Но пока это оставалось только слухом. В любом случае, для создания стимула квалифицированным рабочим-транксам к миграции на Мот лучшим психологам фирмы понадобилось бы работать круглые сутки, плюс мегакредиты для оплаты разнообразных трудностей. Даже рабочие-люди с других планет сочли бы условия жизни в лучшем случае неприятными. А без местных атомных электростанций возникнет крупная проблема с энергией. Гидроэлектростанций было мало из-за отсутствия мощных рек. Возникла довольно трудная задача. Как выработать достаточно

электричества для работы завода, производящего электронную аппаратуру?

Все эти размышления не клали ни кредитов на его счет, ни хлеба ему в рот.

— Сударь, сударыня, что вы думаете о моих товарах? Лучше из этой разновидности никак не найти по эту сторону Низкого Леса и чертовски мало по ту,— матушка Мاستифф порылась с кажущейся бесцельностью среди своих образцов.— А вот предмет, который может привлечь вас. Как насчет этих одинаковых медных кувшинов для питья, а? Один для вас, а другой для нее.— Она протянула два полированных медных, высоких, тонких транкских питейных прибора. Их стенки покрывала сложная гравировка, а горлышки были сработаны в виде хитрых спиралей.

— Заметьте, как выполнено. Прекрасный орнамент в виде завитков, сударь,— уговаривала она, проводя морщинистым указательным пальцем по тонким кружевам узоров.— Ну-ка, попробуйте найти получше, да, где угодно!

Самец повернулся к своей подруге.

— Что скажешь, дорогая? — Они говорили на символической, этой специфической смеси террорейсика с транкскими щелчками-шипениями, ставшей господствующим коммерческим языком по всему Хьюманкскому Содружеству и, кроме того, на многих планетах остальной цивилизованной галактики.

Самка протянула руконогу и твердо охватила прибор за одну из его двойных ручек. Ее маленькая сердцевидная головка слегка склонилась под углом в странно человеческом жесте оценки, когда она прошла обенными истинными руками по глубоко гравированной поверхности. Она ничего не сказала, а вместо этого посмотрела прямо в глаза самцу.

Флинкс знающе кивнул при виде невинной улыбки на лице матушки Мастифф. Он видел раньше этот хищный оскал. Привкус ее мыслей снабдил его дальнейшей информацией о том, что неизбежно должно последовать. Несмотря на век близкого знакомства и общения с транксами, еще оставались некоторые люди, неспо-

собные истолковать даже самых обычных нюансов транкских жестов и взглядов. Но матушка Мастифф была специалистом и знала их все назубок. Глаза ее светились достаточно ярко, чтобы прочесть горящие там буквы: ПРОДАНО.

Муж начал торговые переговоры в восхитительной импровизированной манере.

— Ну... наверно, кое-что может быть вызвано... у нас уже много таких безделушек... непомерные цены... разумный уровень...

— Уровень! Вы говорите об уровне? — Возмущенное оханье матушки Мастифф было достаточно сильным, чтобы донести запах чеснока до места, где стоял Флинкс. Транксы, замечательное дело, проигнорировали его. — Милостивый государь, я живу сейчас на уровне голого существования! Правительство забирает все мои деньги, а мне остаются жалкие гроши, жалкие гроши, сударь, для трех моих сыновей и двух дочерей!

Флинкс покачал головой, восхищаясь несравненным стилем матушки Мастифф. Потомство транксов всегда бывало кратным двум, врожденное свойство, необходимое для выживания. С большинством земных и человеческих дел не возникало никаких конфликтов, но благодаря какому-то вывиху психологии, транксы считали нечетные рождения у людей делом как жалким, так и в немалой степени неприличным.

— Тридцать кредитов, — наконец вздохнула она.

— Кошунство! — воскликнул муж, сильно трясая антеннами. — Они стоят не больше десяти, да и то я немилосердно льщу ремесленнику.

— Десяты! — простонала матушка Мастифф, симулируя обморок. — Это существо говорит «десять», и еще похвалится этим! Наверняка... Сударь, вы ведь наверняка не ожидаете, что я буду всерьез обдумывать такое предложение? Оно неудачно даже для шутки!

— Тогда пятнадцать, и мне следовало бы сообщить о вас местному магистрату. Даже у простых воров хватает приличия работать инкогнито.

— Двадцать пять. Сударь, вы культурные и богатые существа, наверняка, можете найти лучшее занятие, чем

насмехаться и потешаться над старой самкой. Той, которая, несомненно, оплодотворила столько же яиц, сколько и вы...

У самки хватило достоинства опустить голову и покраснеть. Транксы относились к сексу вполне открыто... и к своему, и к чужому... но все же, подумал Флинкс, существовали границы, переступать которые не полагалось.

Может, это и не являлось проявлением хороших манер, но в данном случае это, похоже, являлось хорошим подспорьем бизнесу. Самец неловко хмыкнул, издав глухое вибрирующее гудение.

— Тогда двадцать.

— Двадцать три с половиной, и даже на десятую долю кредита меньше я не соглашусь! — продекламировала матушка Мاستифф и сложила руки на груди в признанном жесте окончательного решения.

— Двадцать один, — сделал встречное предложение самец.

Матушка Мастифф упрямо покачала головой, неподвижная, как дерево. Она выглядела готовой переждать энтропию.

— Двадцать три с половиной и ни десятой кредита меньше. Мое последнее и окончательное предложение, милостивый государь. Эта пара кувшинов сама найдет рынок сбыта. Я должна жить и боюсь, что и так уже позволила вам нанести ущерб своим интересам.

Самец бы еще поспорил, хотя бы из принципа, если бы не было еще какой-нибудь причины, но в этот момент самка положила истинную руку ему на грудную клетку-б, как раз ниже уха, и чуть погладила. Это закончило торг.

— Азах, Темные Центры! Двадцать пять... нет, двадцать три с половиной кредита! Воровство! Покушение на разум! Всем хорошо известно, что человек обманет и свою родительницу, лишь бы нажить полкредита!

— И всем также хорошо известно, — гладко ответила матушка Мастифф, принимая деньги, — что транксы — самые хитрые торгаши в галактике. Вы сами совершили кражу, сударь, так что вор-то вы, а не я!

Как только передача кредитов закончилась, Флинкс покинул свой наблюдательный пост и прошел к этой комбинации ларька с домом. Транксы счастливо отбыли, переплетя антенны. Может, у них брачный полет? Самец, по крайней мере, казался слишком пожилым для этого. Цвет его хитинового покрова переходил понемногу в синий, несмотря на явное применение косметики, в то время как у самки был куда более молодой аквамаринный цвет. Транксы тоже держали любовниц. Во влажном воздухе их тонкий аромат долго не пропадал.

— Ну, мать,— начал он. Флинкс не указывал на родство — на этом она настояла много лет назад,— а употребил титул, дарованный ей народом рынка. Ее все называли матерью.— Бизнес, кажется, идет неплохо.

Она явно не заметила его приближения и на мгновение смешалась.

— Что? Что? А, это ты, щенок! Пхе! — она сделала пренебрежительный жест в направлении отбывших транксов.— Ворье эти жуки, так меня обкрадывать! Но разве у меня есть выбор? — Она не дождалась ответа.— Я старая женщина и должна иногда продавать, чтобы обеспечить себя, даже по таким ценам, иначе кто в этом городе станет кормить меня?

— Вероятнее, мать, город станешь кормить ты. Я видел, как ты покупала эти же спиральные кувшины у Олина Медника не далее как шесть дней назад... за одиннадцать кредитов.

— Да? Хм,— кашлянула она.— Должно быть, ты ошибся, мальчик. Даже ты, знаешь ли, можешь иной раз ошибиться. Гм, ты уже ел сегодня?

— Только пирожок-тиск.

— Разве так я тебя воспитывала, жить на сладостях? — В своей благодарности за смену темы она избразила гнев.— И ручаюсь, ты в любом случае отдал половину этому своему проклятому змею!

При этих словах Пип поднял дремлющую голову и испустил тихое шипение. Матушка Мастифф не любила минидрага и всегда относилась к нему отрицательно. Да и мало кто другой положительно. Некоторые могли притязать на дружбу, и после уговоров немногих из них

можно было даже убедить погладить его. Но никто не мог забыть, что яд этого вида мог свести человека в могилу за шестьдесят секунд, а противоядие являлось редкостью. Флинкса никогда не обманывали ни в делах, ни в удовольствиях, когда вокруг его плеча лежал, свернувшись, змей.

— Полегче, мать. Он, знаешь ли, понимает, что ты говоришь. На самом-то деле не столько что, сколько почему.

— О, разумеется, разумеется! Утверждай теперь, что это чудовище обладает разумом! Он, наверное, околдован. В последнее я, по крайней мере, верю, так как, да, не могу отрицать, видела, как эта тварь странно ведет себя. Но он не работает, постоянно спит и чудовищно много ест. Ты, малыш, намного лучше жил бы без него.

Он рассеянно почесал минидрага за плоской чешуйчатой головкой.

— Твое предложение не смешно, мать. Кроме того, он-таки работает в выступлении...

— Дешевый трюк,— фыркнула она, но не громко.

— А что касается его манеры спать и есть, то он, конечно, отличается от нас, и обмен веществ у него происходит по совершенно другим законам. И самое главное — он мне нравится и... я нравлюсь ему.

Матушка Мастифф поспорила бы еще, если бы они не прошли за долгие годы бесчисленные вариации этого самого спора. Несомненно, собака или одна из местных одомашненных бегающих птиц была бы более полезным другом для мальчика, но когда матушка Мастифф взяла к себе вызвавшего у нее сочувствие малыша, у нее не было кредитов ни на собак, ни на птиц. Флинкс сам наткнулся на минидрага в переулке за их первой лачугой, роющегося в мусорной куче в поисках мяса и сахара. Не ведая, кто он такой, Флинкс приблизился к нему открыто и без страха. На следующее утро она обнаружила их обоих, свернувшихся вместе в постели мальчика. Она схватила метлу и попыталась шугануть змея, но вместо этого сама была напугана, когда тот открыл рот и угрожающе зашипел на нее. Это была ее первая и последняя попытка разлучить эту пару.

Отношения между ними были необычными и многократно обсуждались, особенно потому, что Аляспин находился во многих парсеках от Мота, и никто не мог вспомнить, чтобы слышал раньше о минидраге, жившем на свободе вне своего родного мира. Большинство подозревало, что он принадлежал какому-то космическому торговцу, освободился в челночном порту и сбежал. Поскольку ввоз ядовитых животных являлся уголовным преступлением на большинстве планет, в том числе и на Моте, никого не удивляло, что первоначальный владелец не предпринял никаких усилий предъявить права на свою собственность. В любом случае, он никому не причинял вреда (Флинкс, правда, знал кое-что другое, но об этом лучше помалкивать), и поэтому никто на рынке не заявил протеста властям по поводу его присутствия, хотя все страстно желали, чтобы он убрался куда-нибудь подальше.

Флинкс решил сменить тему.

— Как ты обеспечена кредитами, мать?

— Пхе! Как всегда плохо. Но,— с лукавой, чуть заметной усмешкой сказала она,— на этой последней сделке я должна бы суметь протянуть какое-то время.

— Держу пари,— засмеялся он. Он повернулся посмотреть на беспрестанно текущую вокруг и перед лавочкой разноцветную толпу, пытаясь определить процент богатых туристов среди повседневного населения. От этих усилий у него, как обычно, заболела голова.

— Обычный дневной косяк, мать, или нет?

— О, деньги там сейчас есть, что и говорить! Я их носом чую. Но они отказываются подходить к моей лавке. Наверно, тебе повезет больше, малыш.

— Наверно.— Он вышел из-под навеса, взобрался на помост, возвышавшийся слева от лавки, и принялся осторожно переставлять большие горшки и тазы, составляющие основную массу дешевых товаров матушки Мастифф, чтобы дать себе достаточно места для работы.

Зрителей он приманивал простым и устаревшим способом. Вытанув из кармана четыре шарика, брана, он начал жонглировать ими. Их отливали из сока дерева, росшего только в экваториальном поясе Мота. При рас-

сеянном ультрафиолетовом свете солнца они пульсировали слабым желтым светом. Они идеально подходили для его нужд, будучи твердыми и одинаковой плотности. Начала собираться небольшая толпа. Теперь он добавил пятый шарик и начал варьировать упражнения, кидая их за спиной, не нарушая ритма. Слух о нем распознал, словно невидимые щупальца, притягивая одного здесь, другого там, с краев перетасовывавшегося скопища народу. Вскоре он приобрел собственный немалый островок смотрящих на него существ. Он тихо прошептал минидрагу, почти погребенному в мягком меху:

— Пошел, приятель.

Пип поднялся на плече Флинкса, расправляя во всю ширь свои перепончатые кожаные крылья. Несмотря на его редкость, толпа узнала смертельный силуэт и отпрянула. Змей взвился в воздух и исполнил искусный спуск штопором, обвившись вокруг головы юнца, словно корона. Затем он принялся ловить каждый шарик и подбрасывать его высоко в воздух, меняя форму, но не ритм номера. Непрерывная флуоресцентная линия стала чертить более сложный узор. Это новшество приветствовала легкая рябь аплодисментов. Жонглеры в Дралларе являлись более чем обычным зрелищем, но такой молодой, столь умело работавший с ядовитой рептилией — нет. На помосте приземлились несколько монет, с металлическим звоном отскакивая иной раз от больших тазиков. Новые аплодисменты и новые монеты, когда змей запустил все пять шариков, один за другим, в корзинку позади помоста.

— Благодарю вас, благодарю вас, господа! — театрально поклонился Флинкс, думая теперь о настоящей части номера. — А теперь, вам на просвещение, удивление и уведомление... и за небольшой гонорар (легкий смех) я попытаюсь ответить на любой вопрос, любой вопрос, каким только кто-либо из зрителей, безотносительно к его расе или месту происхождения, захочет испытать меня.

Раздался обычный скептический ропот собравшихся и немало скупающих вздохов.

— Вся мелочь в моем кармане, — выпалил коммер-

сант в первом ряду, — если ты сможешь сказать, сколько ее там! — Он усмехнулся в ответ на нервные смешки из глубины толпы.

Флинкс притворился, что не слышит сарказм в его голосе и спокойно стоял, плотно закрыв глаза. Не то чтобы это требовалось. Он мог равно хорошо «работать» и с широко открытыми. Это было образчиком чисто театрального действия, которого, кажется, всегда ожидала толпа. Почему они ждали, что он будет смотреть внутрь себя, когда ему требовалось смотреть снаружи, оставалось для него вечной загадкой. Он не имел никакого настоящего представления о том, как приходили к нему ответы. Одну минуту у него в голове царили пустота и туман, а в следующую... иногда... появлялся ответ. Хотя «появлялся» тоже не совсем верное слово. Во многих случаях он даже не понимал вопросов, особенно когда их задавали не люди. Да и ответов не понимал. К счастью, для зрителей это не составляло никакой разницы. Он ведь не обещал истолковать их. Вот!

— Любезный сэр, у вас в кармане четыре десятых кредита и две сотых... и ключ, дающий вам доступ в некий клуб, где...

— Хватит, хватит! — неистово замахал узловатыми руками коммерсант и неловко поглядел на тех в толпе, кто стоял поближе к нему. — Это подойдет! Ты меня убедил... — Он порылся в кармане и извлек пригоршню мелочи, затолкав вызвавший хлопоты ключ обратно в карман, подальше от глаз любопытных, желавших поглядеть на него поближе. Он начал считать монеты, а затем растерянно остановился, с ошеломленным выражением лица.

— Клянусь бурлящим приливом Пали, этот щенок прав! Сорок две сотых. Он прав!

Он передал монеты и ушел, что-то бормоча про себя. Летящие монеты подчеркнули несколько нервные аплодисменты толпы. Флинкс опытно определил настроение собравшихся. Вера и насмешка качались на весах примерно вровень. Имелись, естественно, и такие, которые подозревали, что коммерсант служил подсадной уткой. Они допускали, что он сыграл свою роль очень убедительно.

— Полно, полно, господа! У нас здесь какая-то детская игра. Наверняка, среди вас найдутся существа с вопросами, какими действительно стоит испытать мое простое искусство?

Существо в задних рядах толпы, киллип в полном послебрачном оперении, вытянул вперед свою тонкую страусиную шею и спросил высоким, писклявым голосом:

— В каком лето-месяце появятся на свет мои птенцы?

— Искренне сожалею, сэр, но этот вопрос связан с будущим, а я не ясновидящий.— Существо удрученно вздохнуло и приготовилось покинуть сборище. У многих других тоже, кажется, появилась склонность уйти вместе с высоким орниторпом, и Флинкс поспешил добавить: — Но я горячо надеюсь, что все пять ваших птенцов успешно проклюнутся!

Удивленный киллип круто обернулся и выпучил глаза.

— Как вы узнали, какое число в моей кладке? — Разволновавшись, он заговорил на родном языке, и соседу пришлось напомнить ему перейти на симборечь.

— Я взял за правило не раскрывать профессиональных секретов.— Флинкс зевнул с рассчитано преувеличенной скукой.— Бросьте, господа, задавайте настоящий вопрос. Мне быстро становится скучно. Чудес я, однако, производить не могу, да и в любом случае, они быстро приедаются.

К сцене бесцеремонно проталкивались двое человек, рослых, мускулистых парней. Тот, что был слева от Флинкса, носил очки, не ради их древней терапевтической ценности, а потому что в каких-то модных сейчас кругах это считалось чем-то вроде шика. Он протянул кредитную карточку:

— Ты можешь принять этим, мальчик?

Флинкс едва удержался от язвительного ответа на «мальчик», но достал картометр.

— Безусловно, сэр. Задавайте свой вопрос.

Очкастый открыл было рот, но остановился.

— Откуда я узнаю, сколько тебе заплатить?

— Я не могу устанавливать цены на свои ответы, только на ваш вопрос. Стоимость ответа на ваше усмотрение, сэр. Если я не дам ответа, то переведу ваши кредиты обратно вам.— Он показал на плечо, где бдительно покоился минидраг.— Мой приятель, кажется, очень чувствителен к эмоциональному состоянию других даже больше, чем я сам. Жулик, например, излучает нечто такое, к чему он особенно чувствителен. Меня редко обжуживают.

Очкастый невесело улыбнулся.

— Интересно, почему? — Он набрал на карточке сумму и снова протянул ее.— Сто кредитов подойдет?

Флинкс быстро подавил свою реакцию. Сто кредитов! Это же больше, чем он иногда заколачивает за месяц! У него возникло на миг искушение снизить цифру, но удержала мысль о том, как будет смеяться матушка Мастифф, если прознает об этом. Особенно после его замечаний этим утром о ее ценах. Затем он напомнил себе, что очкарик сам установил эту цену и сам-то себя наверняка не обманывал. Он прозондировал его, но не смог заметить никаких следов юмора. Как и в его спутнике. Даже совсем наоборот. Но он еще не слышал вопроса. Что, если он не сумеет ответить на него?

— Э, ста кредитов будет вполне достаточно, сэр.

Очкастый кивнул и сунул карточку в маленький черный картометр. Компактная машина тихо загудела, и на крошечном диске со щелчком появилась сумма: единица, ноль, ноль. Возникла короткая пауза, а затем машинка опять зажужжала, и наверху у нее загорелся яркий красный огонек. Она отмечала, что такая-то сумма, номер карточки такой-то, соответствовала набранной сумме, и что сто (100) кредитов переведены на счет некоего Филипа Линкса (имя, под которым он фигурировал в городских ведомостях) в Королевский Банк суверенной республики Мот. Флинкс вернул картометр на место в сумку и снова посмотрел на двух ожидающих.

— Задавайте свой вопрос, сэры.

— Мы с моим спутником ищем одного человека... друга... мы знаем, что он находится где-то в этой части города, но пока нам не удалось встретиться с ним.

— Что в нем приметного? — спросил, не открывая глаз, Флинкс.

Теперь в первый раз заговорил другой. В голосе сквозило нетерпение, что подтвердили его мысли. Он отличался грубостью и низкой тональностью.

— Он невысокий... худощавый, у него рыжие волосы, как и у тебя, только потемнее и в мелких кудряшках. И кожа у него не такая темная, как у тебя. Она испещрена родинками, и у него влажные глаза.

Это помогло. Рыжие в Дралларе не изобиловали, а ссылка на «влажные глаза» указывала на человека с высокой сексуальной потенцией. Обнаружить такое сочетание будет легко. Флинкс начал чувствовать себя уверенней. И все же, Драллар велик. И требовалось также принять во внимание челночный порт.

— Недостаточно. Что еще?

Двое переглянулись. Затем более рослый заговорил вновь:

— На этом человеке обмундирование штурмана. У него есть... вероятно, при себе... маленькая карта... звездная карта. Она начертана от руки и выглядит очень непрофессионально. Он обычно держит ее за пазухой, и на блузе от этого небольшая выпуклость.

Флинкс сосредоточился посильнее. Так, мысленно абстрагируемся, определяем угол... Он открыл глаза и с удивлением поднял голову. Его взгляд устремился в задние ряды смолкшей толпы и остановился на стоявшем позади всех индивидууме. Рыжий, невысокий, с испещренной родинками кожей, влажными глазами и легкой выпуклостью над сердцем. Неудивительно, что Флинкс почувствовал и документ за пазухой. Как только их взгляды встретились, глаза рыжего расширились. Он сорвался с места и нырнул в рыночное столпотворение. Последовала суматоха, и рослый парень, обернувшись, напряг зрение, пытаясь разглядеть рыжего сквозь массу народа. Он стиснул руку на плече спутника и настойчиво показал в ту сторону. Они кинулись в направлении возникшего волнения, вынуждая других собравшихся уступать им дорогу скорей силой, чем по долгу вежливости.

Флинкс чуть было не окликнул их, но вместо этого пожал плечами. Если их удовлетворила такая форма ответа, то он, разумеется, не собирался спорить с ними. Сто кредитов! Даже не связывая себя ответом. И куча монет на помосте для матушки Мاستифф. Он импульсивно махнул рукой толпе:

— Премного благодарен за вниманис, господа. На сегодня представление окончено.

Собравшаяся толпа начала вливаться обратно в поток рыночного коловращения под аккомпанемент немалого числа разочарованных стонов несостоявшихся клиентов. С подаренной ему двумя незнакомцами неожиданной драматической кульминацией он мог бы, вероятно, немало выудить и у остальных, но его дар отличался капризностью и имел свойство быстро утомлять его. Лучше всего остановиться на неоспоримом успехе. Эта неожиданная удача давала ему право как следует отпраздновать ее, и ему не терпелось приступить к делу.

— Пип, если мы сможем получать то, что получили сегодня, каждый день, то король сделает меня своим казначеем, а тебя назначит официальным хранителем казны.

Пип уклончиво зашипел, глядя на него угольно-черными глазами. В этих крошечных омутах бурлили чернила. Его явно не очень-то привлекала работа на правительство.

— Ты, несомненно, опять проголодался.— Это вызвало более согласное шипение, и Флинкс, засмеявшись, почесал минидрага под мордой.— Так я и думал. Однако я чувствую, что лично мне требуется нечто более жидкое. Поэтому мы отправимся в заведение Малыша Симма, где я буду хлебать пряное пиво, а ты сможешь проглотить все соленые сухарики, какие только поместятся в твоём ядовитом тельце! — На это змей вильнул хвостом, что вызвало дрожь по всему его телу, поскольку он вообще состоял главным образом из хвоста.

Когда они шли своей дорогой по булыжной мостовой глухой улицы, он начал мысленно упрекать себя за то, что не поиграл с толпой подольше. Он по-прежнему

считал, что чрезмерно злоупотребляя своим талантом, он сожжет его. Но бывают времена, когда требуется проявлять не только осторожность, но и деловитость, как не раз наставляла его матушка Мастифф. И все же он сегодня долго спал и начал позже обычного. Толпу, вероятно, все равно оказалось бы трудно дальше удерживать. В Дралларе темнота обычно быстро рассеивала народ, вот и сейчас уже стало темным-темно. Кроме того, у него есть в кармане сто кредитов! По существу, а не в действительности, поскольку они находились на его счету в банке. Так зачем же беспокоиться? Разве солнце сражалось за приобретение больших количеств водорода?

Он почти добрался до тускло освещенного бара, когда ощутил звуки. Они просачивались из переулка слева от него, из темной, как глотка гигантской псевдостерляди с одного из Великих Северных Озер, дыры. Звуки очень сильно походили на шум драки. Поисковый зонд принес ему обертоны страха, гнева, ужаса, жадности, жажды крови. Драки для развлечения сопровождались многочисленными ругательствами и криками. Ничего подобного не издавали в бою насмерть, так как участвующие в нем слишком заняты и слишком сосредоточены на своей цели, чтобы терять зря дыхание. С таким предельным безмолвием дрались только люди, поэтому Флинкс сообразил, что дерущиеся не принадлежат к нечеловеческому населению города. К тому же присутствовала эта особая немота мыслей...

Флинкс не вмешивался в такие стычки. В городе вроде Драллара, где в изобилии сосуществовали толстые животы и пустые кошельки, имевший свои дела сохранял здоровье, покуда не совался в чужие. Он сделал шаг к мирному полумраку бара, но тут Пип размотался с его плеча и устремился в переулок.

Даже в своем сравнительно юном возрасте Флинкс умел бегло ругаться на четырнадцать языках. У него хватило времени только на пять, прежде чем он бросился в темень за своим приятелем. И лишь из предосторожности выхватил, не прерывая шага, из-за голенища сапога тонкий стилет.

Теперь он смог различить в смутном свете от задернутых облаками звезд и городских огней три фигуры. Две большие, стоявшие на ногах, а третья, легкого телосложения, лежала на земле с узнаваемой неподвижностью. Одна из других склонилась над распростертым телом. Прежде чем она смогла осуществить свои неизвестные намерения, она дернулась и громко проревела в тиши переулка:

— ПРОКЛЯТЬЕ!

Выругавшийся начал дико молотить по налетающей и пикирующей ему на голову кожаной ленте. Другой выхватил из наплечной кобуры опасный на вид нейтронный пистолет и попытался прицелиться в быстро движущийся объект. У Флинкса не осталось времени на раздумья. Смутно надеясь свалить противника наземь и нокаутировать его, он прыгнул ему на спину. Нашупанные им под блузой толстые канаты широких мускулов быстро уничтожили эту надежду. Противник накрепился. Еще секунда — и он раздавит Флинкса о стену ближайшего здания. Тонкое лезвие инстинктивно вонзилось в спину. Верзила ужасно выругался и рухнул наземь, словно большое дерево. Флинкс уже бросил мертвую тушу, прежде чем она коснулась мостовой. Когда верзила ткнулся лицом в булыжник, его спутник резко обернулся, чтобы встретить новую угрозу. Он выстрелил в направлении Флинкса. Прокатившись, как бешеный, юноша укрылся за сломанным металлическим ящиком. К счастью, стрелявший, кажется, видел ночью куда хуже, чем Флинкс. Но даже если и так, от прошедшего разряда у него пробежало по ноге болезненное покалывание. Попадание в любую часть тела из этого скверного оружия способно заставить человека буквально затрястись до смерти от неудержимых мускульных спазмов. Прямое попадание в сердце или мозг убивало мгновенно. Такое оружие считалось на Моте предположительно находящимся вне закона. Правда, закон можно было и обойти. Стрелявший обвел лучом участок слева от него. Это было ошибкой. Избавленный от затруднений Пип получил нужное ему время и плюнул разок.

Это был не просто некий жест, а смертельный удар.

Летающие змеи или «миниатюрные драконы» Аляспина сродни некоторым плотоядным существам. К ним относятся и Немасхасус или плюющаяся кобра с Земли. У последней имеются выступающие вперед зубы, и вместо внесения своего яда через укус она может плевать им на удивительное расстояние и с замечательной меткостью. У аляспинианских минидрагов подобных зубов, однако, не имелось, только маленькие резцы для откусывания. Эти летающие змеи были почти не изучены, так как проживали на редко посещаемой планете, но они явно выбрасывали свой яд через шедшую вдоль неба сужающуюся трубку из хрящевого материала. Тянувшиеся вдоль челюсти и шеи мускулы извергали яд даже дальше, чем получалось у земных видов, и с большей меткостью. К счастью, минидраги отличались относительно мирным нравом и нападали только тогда, когда им угрожали. Поэтому действия Пипа были необычными, но отнюдь не непостижимыми.

Стрелявший издал пронзительный, рвущий душу вопль и рухнул на колени, вцепившись в глаза. Яд не только убивал, но и разъедал. Он не был смертелен, если не попадал в кровеносную систему, и поэтому, натирая глаза, человек, в сущности, убивал сам себя. Через тридцать секунд он стал неспособен даже на это.

Еще через тридцать секунд он стал неспособен вообще на что бы то ни было.

Пип вернулся на свое обычное место пребывания. Когда он обвился вокруг плеча Флинкса, юноша почувствовал неестественное напряжение мускулов змея. У него возник слабый порыв хорошенько наорать на минидрага, но тот факт, что он едва уцелел, а змеей опять спас ему жизнь, заставил его отбросить эту мысль. Время поджимало. Все еще слегка дрожа от собственной мускульной реакции, он выполз из своего укрытия посмотреть на результаты их совместных действий.

В переулке раздавались только шелестящий шепот влажного воздуха, плывущего под шелково-прохладными камнями, и непрерывный звук капель крови, вытекающий из раны в спине приконченного стилетом. Оставалось еще и третье тело. Все равно он слишком поздно

пришел на помощь этому малорослому человеку. Ему аккуратно сломали шею. Неподвижные слепые глаза отражали свет безмолвных звезд.

Света ему вполне хватило, чтобы различить ярко-рыжие волосы убитого.

Застывшая в спазме рука стискивала скомканный кусок пластика. Флинкс выковырял его, разгибая безжизненные, но все еще неподатливые пальцы. Над его головой начали появляться огни, когда осторожные жители переулка решили, что будет безопасным доверить свою драгоценную жизнь тихой неопределенности ночи. Осмотрительность сослужила свою службу, и теперь верх взяло любопытство. Ему пришло время убираться. Теперь, когда местные жители зашевелились, а схватка закончилась, должна прибыть местная полиция. Хотя она и не будет торопиться с этим, но, тем не менее, доберется досюда. Ему определенно не улыбалось оказаться застигнутым около трех безжизненных тел, принадлежащих, инопланетянам. Особенно, когда один из них только этим днем зарегистрировал на его счет сто кредитов.

Ему не хотелось обкрадывать мертвеца, но все же такой маленький предмет, что мог вызвать в одну ночь смерть трех человек, являлся слишком важным, чтобы оставлять его на усмотрение полиции. Бросив на мятый лист всего лишь беглый взгляд, он сунул его в сумку.

Полиция прибыла вскоре после того, как он вышел из переулка. Внезапное усиление мыслей и голосов сообщило ему, что тела обнаружены. Для местных порядков последующих действий был давно определен и предантично выполнялся. Когда полиция обнаружит, что три трупа принадлежали инопланетянам, она без большой задержки приведет в действие систему поиска. Убийства не вели к увеличению туризма. Он заспешил к бару чуть быстрее.

Заведение Малыша Симма славилось не столько своей выпивкой и закуской, сколько репутацией одного из немногих мест в Дралларе, куда любое существо могло пойти ночью и выпить со всеми удобствами и при этом еще иметь гарантию, что сохранит то же самое

количество телесной жидкости, с каким начало вечер. Сам Малыш Симм отлично знал, какие доходы приносила его заведению эта репутация, и поэтому поддерживал ее, не жалея трудов и сил. Он этого не знал, но если бы его заведение было страной на Земле не один век назад, то ее бы назвали Швейцарией.

Так как Малыш Симм превышал ростом два метра и весил где-то около ста пятидесяти килограмм, мало кто испытывал желание оспаривать его нейтралитет. Жаждающим побуянить приходилось довольствоваться поглощением спиртного в других заведениях и замечаниями о необыкновенной чуткости слуха владельца бара.

Но Моте не существовало никаких сухих законов. Только мокрые, как гласила пословица. С точки зрения судей, всякий мог переходить с материнского молока прямо на самое лучшее пойло из всех спиртных напитков, к бутылке Старой Пенной Закваски. Конечным итогом этой часто порицаемой политики дегенерации являлись процветание местной промышленности и удивительно малое число алкоголиков.

Временами, однако, попадались некоторые, отмечавшие сравнительную юность Флинкса и таким образом ставившие под вопрос его право поглощать перебродившее спиртное. Один такой гражданин, путешествующий борец с грехом с планеты Пуритания, был особенно несносным в этом отношении. К нему подошел тяжелым шагом Малыш Симм и вежливо посоветовал не соваться не в свое дело. Стойко придерживавшийся догматов своей веры (и малость подвыпивший) приезжий совершенно недвусмысленно сказал Симму, куда тот мог идти со своим предложением. Не успел он и глазом моргнуть, как его правая рука оказалась аккуратно сломанной в двух местах. С предельно возможной мягкостью. Приезжий отправился напрямик в полицию, и полиция возражала... в конце концов, инопланетянин... да еще уважаемый... но не слишком энергично. Особенно после того, как Симм взял полицейский глайдер и надежно забил им канализационный люк. После этого Флинкс

и Симм обнаружили, что служители Бога и Фараона стали куда меньше докучать им.

Великан обрадовался, увидев его. У них было много общего, не в последнюю очередь тот факт, что оба они все-таки были сиротами.

— Сухого очага тебе, юный мастер! И как мир находит тебя сегодня ночью?

Флинкс уселся в конце стойки:

— Он находит меня достаточно благоденствующим, громадина. Достаточно благоденствующим, чтобы я получил от тебя бутылку твоего самого лучшего пива «Репейник» и котел соленых сухариков для моего друга.

Он погладил змея под челюстью, и Пип оценивающе сощурил глаза. Бывали времена, когда Флинкс мог поклясться, что слышит, как змей мурлыкает. Но поскольку никто больше не слышал, он никогда не обсуждал этот вопрос.

Симм слегка поднял брови. «Репейник» был напитком дорогим и крепким. Его, однако, намного больше волновала способность юноши управляться с первым, чем вторым. Красное пиво привозилось с далекой Кринки, транкской планеты, и могло легко свалить даже взрослого человека. Но он принес его вместе с сухариками для минидрага.

Когда он вернулся, змей, не дожидаясь приглашения, сразу нырнул в чашу и принялся барахтаться в соленых крендельках, стремительно выбрасывая язык и выхватывая со скоростью автомата крупные кристаллы каменной соли. Как и многое другое в Дралларе, даже соленые сухарики не обладали изысканностью. Флинкс снова стал размышлять, что для животного бесспорно плотоядного его приятель слишком явно любил хлебную выпечку. Именно кулинарная всеядность минидрага и являлась одной из причин, позволявших ему так хорошо процветать в городе. Бывали времена, когда мясо не часто появлялось у них на столе, да и грызуны куда-то пропадали, и они с матушкой Мастифф с удивлением смотрели, как змей с удовольствием уплетал большие порции соленого хлеба или *пиме*, дешевого растения вроде кукурузы, наводнявшего многие леса мягкого дерева на Моте.

Флинкс взял бутылку изысканной работы и налил вишнево-красное варево, наблюдая, как лезет через край кружки розовая пена. Пивоварение являлось одной из самых отшлифованных способностей транксов. Было уже слишком поздно для немногих законченных пьяниц и еще слишком рано для большинства ночных завсегдатаев. Малыш Симм удостоверился, что все прочие клиенты обслужены, и согнулся над стойкой, опираясь на сложенные руки, похожие на косматые деревья. Он молча смотрел, как юноша сделал большой глоток щипучего напитка, а затем принялся пить остальное небольшими смакующими глоточками. Время от времени справа от них, среди сухариков, раздавалось удовлетворенное шипение.

Владелец бара снова вскинул брови, когда Флинкс предпочел оплатить питание монетой.

— Дела, значит, идут очень хорошо?

— Да, неплохо. Хочешь верь, дружище, хочешь нет, я сегодня зашиб сотню кредитов. И к тому же честно! — Тут он вспомнил о появившихся недавно трех трупах в переулке. — Хотя теперь я, может, не так уж и рад этому.

— Странно слышать. — Великан налил себе немного иттрийского коньяку. — Я рад за тебя, но также и несколько разочарован, так как это значит, что тебе не понадобится работа, которую я тут тебе сосватал.

— Вот как? Не нужно так спешить, массивный. И не пытайся также давить мне на психику. Верно, в данный момент я платежеспособен, но деньги имеют свойство незаметно ускользать меж пальцев. К тому же я слишком много раздаю. И мне надо подумать о старушке, хотя она теперь могла бы приобрести городские фонтаны, несмотря на свои жалобы на нищету.

— Ах, да, конечно, матушка Мастифф. Ну тогда, возможно, тебя это заинтересует. По крайней мере, я могу обещать тебе интересное общество. — Он показал на бар за спиной у Флинкса. — В третьей кабине. Двое самых необыкновенных личностей.

Флинкс обернулся и посмотрел на небольшие, покрытые материей кабинки, шедшие в ряд вдоль противо-

положной стены заведения. В этих крытых анклавах часто занимались делами и предавались удовольствиям, иногда совмещая одно с другим.

Он посмотрел пристальнее на кабинку в сумеречном свете. Большинство людей ничего не смогли бы различить, даже на таком небольшом расстоянии, но Флинкс-то смотрел не только глазами. Да, в самом деле, в указанной кабинке сидели две фигуры, и, судя по тому, что он увидел, они образовывали странную пару.

Один был очень высоким человеком, с лицом, состоящим по большей части из острых углов, словно из-под кожи выпирали лезвия ножей. Волосы его седели на висках и на затылке, вполне естественная смена цвета, а со лба до затылка тянулась одна чисто белая прядь. С лица смотрели резко сужавшиеся, почти монголоидные глаза, такие же черные, как большая часть его волос. Сходившиеся над переносицей кустистые брови придавали ему слегка надменный вид. Маленький рот с тонкими губами и тело, хотя и не тощее, но обладающее стройностью, обязанной скорее заботливой диете, нежели энергичным упражнениям. Видимые части тела сильно загорели, а по такому загару Флинкс теперь узнавал людей, долго находившихся в космосе и подвергавшихся большому воздействию обнаженного ультрафиолетового света, чем большинство существ.

Если человек этот был необычен, то его спутник вдвое превосходил его по этой части. Хотя Флинкс видел не так уж и много транксов, поскольку в Дралларе они не скапливались, этого хватило, чтобы понять, что там, напротив человека, сидит самый старый транкс, на которого он когда-либо наткнулся. Его хитиновый покров поблек с нормального здорового голубого цвета до темно-пурпурного, казавшегося чуть ли не черным. Антенны обвисли по бокам и покрылись внизу чешуей. Даже на таком расстоянии Флинкс разглядел шелушившийся покров под футлярами для крыльев (присутствовали оба комплекта — значит, неженат). Только светящиеся алмазные фасетчатые глаза сверкали золотом, означавшим юность и энергию. Жалко, что он не мог воспринять его еще глубже.

Ткань делала их разговор практически неслышимым на таком расстоянии, но инсектоид время от времени жестикулировал истинной рукой, а человек степенно кивал в ответ. Флинкс обнаружил, что спиртное кружит ему голову, и, слегка рассердившись, вновь обернулся к своему другу.

— Ты прав, Симм. Странная здесь оказалась пара.

— Они заходят каждый вечер уже четыре дня подряд и непрерывно пьют, хотя спиртное, кажется, действует на них не сильнее, чем вода. Но к делу. Как ясно даже птице мотл, они здесь чужаки. Вчера они впервые начали спрашивать насчет гида. Сказали, что желают получше посмотреть город. Я не знал, чем им помочь, пока не вспомнил о тебе. Но теперь, раз ты стал богат, как король...

— Нет, нет. Подожди.— Флинкс почувствовал прилив щедрости. Наверно, из-за пива.— Они сгодятся для пары рассказов, даже если не обломится ничего другого. Я берусь за это дело.

Симм ухмыльнулся и грубовато взъерошил волосы юноши.

— Отлично! Я так и думал, что один взгляд убедит тебя, всем известно о твоем интересе к инопланетным делам. Одно Древо знает, с чего бы это! Подожди здесь, я пойду скажу им.

Он вышел из-за стойки и подошел к кабинке. Сквозь вызванный пивом легкий туман Флинкс увидел, как великан отодвинул занавеску и зашептался с сидящими в кабинке существами.

— Ну,— пробормотал он про себя,— во всяком случае, одно хорошо. По крайней мере, они не обычные туристы. Наверно, я буду избавлен от тяжелой муки: смотреть, как они ликуют, покупая кучу барахла втрое дороже честной цены.— Он издал звук, начавшийся долгим шипением и кончившийся хлопком, как от лопнувшего пузыря. Из чаши уничтожаемых сухариков, количество которых порядком уменьшилось, высунулась надменная чешуйчатая головка. Минидраг соскользнул на стол и прополз по протянутой руке, свернувшись на своем обычном месте на плече Флинкса. И разок сонно рыгнул.

Вернулся Симм с двумя инопланетянами на буксире: — Этого юношу, сэры, зовут Флинкс, и он предлагает взять его вашим гидом. В городе невозможно найти лучшего или более сведущего. Пусть вас не вводит в заблуждение его сравнительная молодость, так как он знает больше, чем полезно для его же блага.

Вблизи Флинкс мог лучше изучить своих подопечных. Что он и сделал, да притом внимательно. Высокий человек был на добрую шестую часть метра ниже громадного Симма, но транкс был воистину великаном для своего вида. Сейчас, когда он поднял верхнюю часть тела, его глаза находились почти на одном уровне с глазами Флинкса. Весь инсектоид достигал в длину полных два метра. Нормой для самца этого вида были полтора метра. Флинкса не волновало, что их глаза в свою очередь пристально рассматривают его. Циркач, он к этому более чем привык. Но вдруг обнаружил, что отводит взгляд от этих огромных золотых кругов. Встретиться с ним взглядом слишком походило на разглядывание океана разбитых призм. Флинкс гадал, на что это похоже, смотреть на жизнь таким вот образом, через тысячи крошечных глаз вместо всего лишь двух больших.

Когда человек заговорил, то голос у него оказался на удивление мелодичным.

— Здравствуйте, молодой человек. Наш добрый подалец спиртного уверяет нас, что вы практически незаменимы для любого, кто желает что-то посмотреть в вашем городе.

Он протянул руку, и Флинкс пожал ее, удивившись мозолям на ладони. По мере того, как слабело действие слегка галлюциногенного варева, он начинал все больше осознавать уникальность двух существ, с которыми ему предстояло общаться. Оба они излучали ауру чего-то такого, что он прежде не встречал, даже в своих странах среди обитателей челночного порта.

— Меня зовут Цзе-Мэллори... Бран. А это мой спутник, эйнт Трузензуекс.

Представленный инсектоид поклонился в «талии», совершив стремительное плавное движение озерного скиммера, бросающегося на плавающую у поверхности

рыбу. И еще один сюрприз: он говорил на терроанглике, а не на симборечи. И впрямь ученый и вежливый жук! Мало кто из транксов обладал способностью усвоить больше нескольких элементарных фраз терроанглика. Присущие ему логические несообразности вызывали у них головную боль. Однако у этого инсектоида произношение было не хуже, чем у Флинкса. Ну а скрежет становится неизбежным из-за разного устройства голо-
совых связок.

— Высшего видоизменения тебе, юноша. На самом деле нам уже несколько дней нужен гид в этом вашем путанном городе. Мы очень рады, что вы согласились помочь нам преодолеть наши затруднения.

Такая лестная оценка просто смущала.

— Я сделаю все, что в моих силах, господа.

— Мы предпочли бы начать завтра на рассвете,— сказал Цзе-Мэллори.— Видите ли, мы здесь по делу, и более близкое знакомство с городом — важная предпосылка дела, которое мы и так уже слишком долго откладывали. На самом-то деле мы ожидали, что гид встретит нас, но поскольку он явно передумал, эту миссию придется доверить вам.

— Мы остановились в небольшом трактире немного дальше по этой улице,— добавил Трузензузекс.— У него на вывеске три рыбы и...

— ...звездолет. Я знаю это заведение, сэр. Я встречу с вами завтра в первом тумане, в семь часов, в холле.

Двое опять обменялись с ним рукопожатием и, похоже, собрались уходить. Флинкс деликатно, но настойчиво кашлянул.

— Э, небольшая деталь, сэры.

— Да? — остановился Цзе-Мэллори.

— Как с оплатой?

Транкс произвел жвалами серию быстрых щелкающих звуков, сходявших среди его вида за смех. У этих инсектоидов имелось высоко развитое, а иногда и озорное чувство юмора.

— Вот как! Наш гид к тому же плутократ! Вы, несомненно, как все личинки, безнадежный любитель припа-

сать сладости. Как тогда насчет следующего? Завтра, по завершении нашего тура — надеюсь, одного дня хватит для наших целей — мы угостим вас обедом в самой лучшей обжорной лавке на продовольственном полумесяце.

«Отлично! Давай-ка посмотрим, двенадцать блюд у Порцио обойдутся им в... отлично!» У него даже слюнки потекли.

— Это будет великолепно... я хочу сказать, достаточно, сэры. Да уж, что ни говори, хватит!

Глава вторая

Флинкс, разумеется, не был гидом по профессии, но он знал раз в десять больше о настоящем Дралларе, чем скучные наймиты правительства, проводившие официальные туры по самым лучшим ночным клубам города для ошеломленных инопланетян. В прошлом он не раз оказывал эту услугу другим гостям Малыша Симма.

Эти клиенты оказались, однако, довольно эксцентричными туристами. Он показал им большой центральный рынок, где можно было найти товары с половины Рукава. Они ничего не покупали. Он сводил их к большим воротам Старого Драллара, Монументальной арке, высеченной местными ремесленниками из чистой как вода двуокиси кремния, и настолько древней, что ее создание было не зафиксировано в дворцовых хрониках. Они ничего не сказали. Он сводил их также к красным башням, где в парниках под заботливым присмотром преданных делу королевских ботаников пышно разрослась фантастическая флора Мота. А потом к крошечным необычным заведениям на отшибе, где можно купить необыкновенное, редкое и запрещенное. Посуду из драгоценных камней, произведения искусства, оружие, столовые принадлежности, самоцветы, редкие почвы и редкую одежду, билеты куда угодно. Научные приборы, ученых, самок или существ любого другого пола и любого вида. Наркотики: медицинские, галлюциногенные,

смертельные, предохранительные. Чтение мыслей и будущего по ладони. Лишь изредка один из них делал то или иное незначительное замечание об окружающей их обстановке. Можно было подумать, что им чуть ли не скучно.

Один раз это произошло в лавке продавца древних карт, да и то на незнакомом для многоязычного Флинкса наречии.

Да, для личностей, казалось бы, столь нуждавшихся в гиде, они проявляли замечательно мало интереса к своему окружению. Они, казалось, намного больше интересовались Флинксом и Пипом, чем городом, который он им показывал. Когда давно перевалило за полдень, он вдруг поразился, сообразив, как много они о нем узнали, по большей части через невинные и косвенные вопросы. Однажды, когда Трузензуекс нагнулся вперед посмотреть на минидрага поближе, тот осторожно отодвинулся и спрятал голову за шеей Флинкса. Это само по себе было странным. Обычно змей реагировал либо равнодушно, либо воинственно. Впервые на памяти Флинкса он проявил неуверенность. Трузензуекс вроде бы мало что понял в этом эпизоде, но никогда больше не пытался приблизиться к змею.

— Вы выдающийся гид и веселый спутник,— заметил транкс,— и лично я считаю, что мне повезло, что вы с нами.— Они все гуляли и гуляли, пока не оказались на немалом расстоянии от городского центра. Трузензуекс показал на вытянувшиеся впереди в великолепном ландшафте башенные дома очень богатых жителей планеты: — А теперь нам хотелось бы посмотреть подстриженные газоны и висячие сады дралларских инурбов, о которых мы оба так много слышали.

— Боюсь, что этого я не могу обеспечить, сэр. Территория инурба Браав закрыта для таких, как я, и там есть сторожа, при оружии, расставленные на стенах, чтобы не давать простонародью запакостить зелень.

— Но вы все-таки знаете ходы туда? — настаивал Цзе-Мэллори.

— Ну,— начал, колебавшись, Флинкс. В конце концов, что он на самом деле знал об этих двоих? —

Ночью я иногда находил необходимым... но сейчас не ночь, и нас наверняка увидят, когда мы будем перелезать через стены.

— Тогда мы пройдем через ворота. Ведите нас,— твердо сказал Цзе-Мэллори, обрывая зарождающиеся возражения Флинкса,— о проходе и охранниках побеспокоимся мы.

Флинкс пожал плечами, раздраженный их упрямством. Пусть себе тогда убедятся на собственном опыте. Но мысленно он добавил к вечернему обеду дорогой десерт. Он провел их к первым воротам и держался на заднем плане, когда к ним подошел, недовольно ворча, рослый властный человек, бездельничавший до этого в маленьком здании при воротах.

Именно теперь-то и произошло самое необыкновенное событие за весь день. Прежде чем явно не расположенный любезничать парень успел издать хоть звук, Трузензуекс сунул истинную руку в сумку и ткнул вынутой оттуда карточкой прямо в нос сторожу. Глаза сторожа расширились, он разве что не отдал честь, воинственность, присущая всей его осанке, растаяла, словно воск. Флинкс никогда не видывал, чтобы охранники, люди, широко известные своей взлелеянной грубостью, вели себя так беспомощно с кем бы то ни было, даже с самими жителями инурбов. Ему стало еще интереснее узнать, кто же такие эти его друзья. Но они оставались непроницаемыми. Черт бы побрал это проклятое пиво! Ему казалось, что он где-то слышал прежде фамилию Цзе-Мэллори, но не мог сказать наверняка. И он многое бы отдал за возможность хоть мельком взглянуть на карточку, которой Трузензуекс столь небрежно махнул перед охранником.

Теперь путь сделался совершенно беспрепятственным. По крайней мере, ему представится возможность в первый раз увидеть при дневном свете кой-какие знакомые вещи. И к тому же без спешки, без необходимости все время оглядываться через плечо.

Они молча шли меж изумрудных садиков вокруг домов, похожих на парки, и журчавших водопадов, встречая иногда какого-нибудь богато одетого обитателя

или потеющего служителя, вспугивая иной раз среди кустов оленя или филопу.

— Как я понимаю,— нарушил молчание Цзе-Мэллори,— каждая башня принадлежит одной семье и носит ее фамилию.

— В общем, все это достаточно верно,— ответил Флинкс.

— А вы знакомы с ними?

— С большинством, но не со всеми. Раз уж вам любопытно, я буду называть известные мне, когда мы будем проходить мимо них.

— Сделайте милость.

Это казалось глупым, но они ведь платили, так кто он такой, чтобы оспаривать практичность? К обеденному меню присоединилось отличное вино...

— ...а это,— сказал он, когда они оказались рядом с высокой башней из черного стекла,— Дом Малайки. Неудачное имя, сэр. Как я понимаю, на одном из мертвых языков оно означает «ангел».

— Ни один из земных языков не «мертвый»,— загадочно поправил Цзе-Мэллори. А потом, помолчав, спросил: — Это тот, кого зовут Максимом?

— Ну да. Я-то знаю, потому что в прошлом несколько раз выступал здесь на вечерах. Этот, следующий, желтый...

Но он увидел, что они не слушают. Оба остановились у черной башни и подняли головы вверх, туда, где верхние этажи окружали протоверанды из розового хрусталя, нависая над плотно переплетенной пышной зеленью висячих лоз и воздушных кустов.

— Очень удачно,— услышал он замечание Трузензуекса,— что вы знаете друг друга. Это может облегчить определенные дела, а может, и нет. Идем, мы нанесем визит вашему мистеру Малайке.

Флинкс был совершенно ошеломлен. Не потому ли они и наняли его, с целью подойти к самой грани невозможного? После короля и его министров, семьи дралларских торговцев-кочевников, отправившихся проявлять свои таланты вне планеты, являлись самыми богатыми и могущественными людьми на планете. А некоторые,

возможно, были побогаче, так как величина крупных состояний — это такое дело, куда даже монарх не мог соваться безнаказанно.

— Это всего лишь шапочное знакомство, сэры! Что заставляет вас верить, что он сделает что-нибудь иное, кроме как выпрет нас пинком под зад? Что заставляет вас верить, что он хотя бы встретится с нами?

— А что заставляет вас думать, что мы не можем войти в ах-такой-недоступный инурб? — уверенно ответил вопросом Трузензуекс. — Он встретится с нами.

И двое направились по мощеной дорожке к большой арке входа в башню, а крайне раздраженному и озадаченному Флинксу осталось только последовать за ними.

Двойные двери из простого резного хрусталя вели в коридор под куполом, уставленный статуями и увешанный картинами и мыслеграммами, в которых даже неопытный глаз Флинкса мог увидеть большую ценность. Там, в противоположном конце, находился единственный лифт.

Они остановились перед инкрустированным платиной деревом. Из решетки репродуктора на одной из стен их приветствовал механический женский голос:

— Добрый день, господа, и добро пожаловать в Дом Малайки. Будьте добры сообщить о своем деле.

Ну, теперь-то они покончат с этой дуростью! Требование предъявили в высшей степени любезно, окружение тут приятное. Он заметил уголком глаза искусно разрисованную ширму, чуть колеблемую слабым ветерком коридорных вентиляторов. За ней, несомненно, находилось уже наведенное на них дуло лазерной пушки или другого негостеприимного прибора. В коридоре стояла идеальная прохлада, но, тем не менее, он почувствовал, что начинает потеть.

— Бывший Младший Советник и социолог Бран Цзе-Мэллори и старший философ эйнт Трузензуекс выражают свое почтение Максиму из Дома Малайки и желали бы побеседовать с ним, если он дома и расположен к этому.

Разум Флинкса внезапно распахнулся от рванувшихся к выходу мыслей. Неудивительно, что они так легко

прошли мимо охранника у ворот! Церковник и чистый ученый. Да притом высокого ранга, хоть Цзе-Мэллори и сказал «бывший». Младший Советник — это, по меньшей мере, планетарный уровень. Он был менее уверен насчет важности Трузензуекса, но знал, что с уважением, испытываемым транксами к их философам или теоретикам, могло соперничать только почтение к самым почетным Матерям Улья и Старшим Советникам Церкви. Мозг его переполнился вопросами, окрашенными столь же неуверенностью, сколь и любопытством. С какой стати две такие знаменитости сидели в заведении у Малыша Сямма? Почему они выбрали в гиды его, юнца, ничто, когда королевский министр мог предоставить им царскую свиту? Ответ на это он прочел легко: инкогнито. Слово это многое говорило, а подразумевало еще больше. А в данную минуту что за дела могут быть у двух таких изошренных умов с солидным, твердо стоящим на земле коммерсантом, вроде Максима Малайки?

Покуда он ошеломленно задавал сам себе вопросы, не имевшие ответов, находившийся где-то наверху мозг принял решение. Из репродуктора послышалось:

— Максим из Дома Малайки приветствует гостей, хоть он и поражен, и обязательно побеседует с distinguished сэрами. Он желает, чтобы вы оба... — возникла пауза, покуда скрытый где-то глаз просканировал коридор, — ...вы трое поднялись наверх. Он сейчас находится на юго-западной веранде и примет вас там немедленно.

Голос из репродуктора, щелкнув, смолк, и сразу же раздвинулись искусно выкрашенные под дерево двери. Человек и транкс без дальнейших приглашений вошли в кабину. Флинкс секунду размышлял, последовать ему за ними или бежать, как от черта, но Цзе-Мэллори решил за него.

— Не стойте тут, разинув рот, юноша. Разве вы не слышали, как нам сказали, что он желает видеть нас троих?

Флинкс ни в чем не обнаружил подвоха. Он шагнул в лифт. Разместились они все в нем более чем удобно. Он и прежде бывал в этом доме, но если он в чем и был

уверен сейчас, так это в том, что теперь его вызвали не для выступления. И это не вход для слуг, которым он пользовался прежде. Тихий свист воздуха от закрывшихся дверей прозвучал в его ушах с громкостью взрыва.

Когда они поднялись, их стретил высокий человек-скелет, облаченный в черно-алые цвета семейства Малайки. Он ничего не сказал и провел их в помещение, которого Флинкс прежде не видел.

Противоположный конец помещения выглядел уходящим в открытое небо. На самом деле это была одна из больших хрустальных протOVERАНД. Именно они-то и придавали этому району Драллара вид усыпанного драгоценностями леса. Он на мгновение вздрогнул, когда ступил на то, что походило на гладкое ничто. Двух ученых это, казалось, ничуть не трогало. Он ходил прежде по такому полу, когда выступал, но тот был непрозрачным, а этот совершенно прозрачен, лишь с намеком на розовый цвет, до самой земли. Он поднял взгляд, и головокружение прошло.

Мебель тут стояла сплошь красно-черная, со случайным пятном яркого цвета здесь и там от какого-либо импортного предмета или произведения искусства. В воздухе витали густые пары фимиама. Вдали начало садиться солнце Мота, погружаясь в непрерывный редкий туман. На Моте темнело рано.

На одной из многочисленных больших пушистых кушеток сидели две фигуры. Одну он узнал сразу же: Малайка. Другая — поменьше, белокурая и с совершенно иными формами. Большую часть ее покрыва составляли длинные, до талии, волосы.

Голос, грохотавший из горла с толстыми мускулами, походил на оживающий спящий вулкан:

— Же! Вот и наши гости. Сиссиф, дорогая, беги и стань еще прекрасней, ндийо?

Он оглушительно чмокнул ее в щеку и направил вон из помещения звучным шлепком по самой выдающейся части ее тела. «А у него новая,— подумал Флинкс.— Блондинка и с немного более зрелой фигурой, чем последняя». Вкусы торговца явно росли вместе с живо-

том. Правда, последний пока еще только чуточку бросался в глаза.

— Ну и ну! — прогремел Малайка, сверкнув с эбенново-черного лица белыми зубами, заискрившимися среди ключьев кудрявой бороды. Он в два шага подошел к ним и пожал руки. — Бран Цзе-Мэллори и эйнт Трузензуекс. Узитави. Тот самый Трузензуекс?

Инсектоид исполнил еще один из своих медленных грациозных поклонов:

— Вынужден признать себя виновным в предъявленном обвинении.

Флинкс нашел время восхититься способностями инсектоида. Из-за природы их физиологии движения транксов бывали крайне скованными. Увидеть, чтобы транкс кланялся так, как Трузензуекс, доводилось исключительно редко.

Когда Хьюманкское Содружество еще только образовывалось, люди дивились искрящейся голубой и зеленоватой гамме тел транксов и обмирали от испускаемого ими естественного аромата. И сокрушенно гадали, какими транксы найдут их самих, тусклых, вонючих, мягких. А транксы увидели гибкость в паре с твердостью, с которыми ни один транкс никак не мог и надеяться соперничать. Вскоре гастролирующие танцевальные труппы с гуманоидных планет вошли в число самых популярных видов выступлений на сценах транкских колоний и метрополии.

Но, по меньшей мере, от грудной клетки и до макушки Трузензуекс производил впечатление сделанного из резины.

Малайка закончил обмениваться рукопожатиями с ними обоими, а затем преподнес Флинксу еще один небольшой сюрприз. Вытянув голову, коммерсант коснулся носом антенны инсектоида. Так человек мог ближе всего подойти к исполнению традиционного приветствия транксов путем переплетения антенн. Но, впрочем, напомнил он себе, человек, ведущий дела со столь многими расами, обязан знать все жесты ради обыкновенной вежливости... и коммерции.

— Садитесь! Садитесь! — проревел он тоном, кото-

рый, несомненно, считал мягким.— Какого вы мнения о моей маленькой мвензангу, а? Спутница,— добавил он, видя их озадаченность, и дернул головой в том направлении, куда удалилась девушка.

Цзе-Мэллори ничего не сказал,хватило и огонька, вспыхнувшего в его глазах. Трузензуекс пошел дальше:

— Если я правильно понимаю текущие человеческие ценности, то рискнул бы сказать, что такие пропорции мраморных тел по отношению к ширине тазовой области рассматриваются как необыкновенно эстетичные.

— О, звезды! — заржал Малайка.— Вы, сэр, бесспорно, ученый. Какая сила наблюдательности! Что я могу предложить вам выпить?

— Мне — имбирный лимонад, если у вас есть хорошего года.

— Пхе! Есть, положитесь на мое слово, сэр, вы найдете его приятным на вкус, если вы тот самый Цзе-Мэллори, о котором я слышал. А вам, сэр?

— У вас случайно не найдется немного абрикосового бренди?

— Ого! Не только ученый, но и гурман! Думаю, мы сможем вас обеспечить, дорогой философ. Но для этого понадобится вылазка в погреба. Я не часто принимаю таких знающих толк гостей.

Тень, провожавшая их от лифта, все еще маячила, словно призрак, в глубине помещения.

— Позаботься об этом, Вульф.— Страж незаметно поклонился и ушел, волоча ноги, прихватив с собой нечто, витавшее в воздухе. Флинкс, более чувствительный к этому, чем другие, почувствовал облегчение, избавившись от его присутствия.

Теперь этот сердечный голос в первый раз несколько утратил свой добродушно-шутливый тон.

— Же? Что привело вас сюда, в Драллар? И притом втихую.— Он переводил быстрый взгляд с одного невозмутимого лица на другое, медленно оглаживая свою густую ассирийскую бороду.— Как ни сильно льстит это моему самолюбию, я не могу поверить, что такой въезд украдкой в наш прекрасный город совершили только ради удовольствия составить мне компанию.— Он выжи-

дательно нагнулся вперед на манер, предполагавший, что он умел нюхом чуеть деньги, по меньшей мере, ничуть не хуже матушки Мастифф.

Малайка уступал ростом Цзе-Мэллори, но почти вдвое превосходил его по ширине и обладал телосложением отставного борца. На смуглом лице, носившем чекан королей древней Мономотапы и Зимбабве, сверкали потрясающе белые зубы. Из рукавов небрежно подпоясанного полушелкового халата без швов высывались массивные волосатые руки. И ноги под стать им, крепкие на вид, как железное дерево Мота, выпирали из плиссированных складок на коленях. Короткие узловатые пальцы на вывернутых наружу ступнях обладали большим сходством с кишевшими на таких растениях древесными паразитами. По крайней мере, на одной ноге. Другая, знал Флинкс, кончалась у колена. Залитые кредитами как топливом, хирурги-протезисты сделали ему все возможное и невозможное, чтобы левая стопа соответствовала своему естественному эквиваленту справа. Соответствие было не совсем идеальным.

Настоящую, как узнал Флинкс на одной из вечеринок Малайки от разговорчивой молодой женщины, коммерсант потерял еще в юности. Он занимался добычей мехов на планете мелкого солнца из созвездия Дракона, когда на его отряд напал ледовый ящер. Попавшись довольно глупо, вдалеке от своего оружия, они беспомощно смотрели, как хищник инстинктивно выбрал самого слабого члена их отряда, юную бухгалтершу. Вмешался только один Малайка. Не имея подходящего оружия, он заставил зверя задохнуться очень простым приемом: вогнал тому в глотку свою левую ногу. Никто не ожидал от прагматичного коммерсанта такого крайне смелого поступка. К несчастью, к тому времени, когда его смогли доставить в достаточно оснащенный госпиталь, конечность уже не поддавалась никакому лечению.

— Мы не намерены вас обманывать и не думаем, что это удалось бы, друг Малайка. Нам действительно случилось напасть на след того, что, у нас имеются веские причины так думать, вы сочтете ценным. Для нас, одна-

ко, это означает намного больше, чем жалкие несколько сотен миллионов кредитов.

Флинкс сглотнул.

— Но,— продолжил Цзе-Мэллори,— наши личные ресурсы ограничены, и поэтому мы вынуждены, хоть и с неохотой, искать сторонний источник помощи. С открытым кредитом и закрытым ртом.

— И поэтому вы направили стопы ко мне. Ну и ну! Кажется, я все-таки буду польщен. Я бы был нечестен, если бы сказал, что мне это не льстит. Тем не менее, вы, разумеется, должны доказать, что то, на что вам требуется моя финансовая поддержка, принесет мне прибыль... в твердых кредитах, а не в чем-то неосязаемо-философском. Прошу прощения, друзья. Расскажите мне побольше об этой штуке, что стоит намного больше, чем всего лишь несколько миллионов кредитов.

— Мы ожидали от вас именно такой реакции. Любая другая, честно говоря, вызвало бы у нас подозрения. Это — одна из причин, почему мы чувствуем, что можем быть откровенными с вами.

— Меня очень утешает сознание того, что вы заранее все предусмотрели в моем поведении,— сухо сказал Малайка.— Продолжайте же.

— Мы могли бы обратиться в правительственную организацию, но самые лучшие из них, несмотря на официальные заявления Церкви, чересчур часто коррумпированы. Мы могли бы обратиться и в крупную филантропическую организацию. А они чересчур подвержены шоку. В конечном итоге мы решили, что лучше всего обратиться туда, где обещание большой прибыли гарантирует эксклюзивность нашего предприятия.

— А если предположить, что я соглашусь вложить федха в это предприятие, какие у вас гарантии, что я тут же не убью вас, если оно окажется успешным, и не вернусь с предметом поиска и двумя аннулированными чеками?

— Очень простые. Во-первых, как бы странно это ни звучало, мы знаем, что вы в своих делах человек надежный и разумно честный. Это оказалось среди наилучших ваших товаров и окажется еще не раз, несмотря

на тот кроважидный образ, который ваши публицисты любят рисовать доверчивой публике. Во-вторых, мы не знаем, что мы ищем, но узнаем когда найдем. И есть великолепная возможность, что мы вообще ничего не найдем. Или, что еще хуже, что-то будет найдено, но останется для нас никчемным из-за своей непостижимости.

— Хорошо! Любые другие соображения и подозрения появились бы у меня! Мне становится все любопытней и любопытней. Снизойдите к уму бедного невежественного торговца, разъясните мне. Почему ко мне, пор фавор?

Трузензуекс проигнорировал каламбур и сделал транкский эквивалент пожатия плечами.

— Кто то же нужен. Как уже упоминалось, ваша репутация в бизнесе, известном своими законами джунглей, заставила моего брата по кораблю избрать вас.— «Еще одно откровение»,— подумал Флинкс.— А сам Мот близок к нашей цели... лишь в относительном смысле, так что вам было бы мало толку и много расходов пытаться найти ее самостоятельно. К тому же, еще одно покинувшее Мот судно ничего не будет значить при здешнем постоянном потоке межзвездных перелетов. Здесь наш курс не вызовет подозрений, тогда как в каком-либо ином месте он мог бы навести кого-то на нежелательные размышления. А торговцы часто летают, описывая странные кривые, чтобы сбить со следа конкурентов.

В этот момент принесли напитки. Разговор по взаимному согласию отложили, пока собеседники потягивали свое прохладительное. Флинкс попробовал имбирный лимонад из кувшина Цзе-Мэллори и нашел его приятным, хотя и слабоватым. Малайка одним глотком осушил по меньшей мере половину содержимого своей огромной кружки и вытер пену с губ рукавом безупречно чистого халата, оставив на нем несмываемое пятно. Зная стоимость этой ткани на рынке, Флинкс не мог не содрогнуться.

— Еще раз извините за мою тупость, сэры, но я хотел бы, чтобы мне разжевали, что же это за штука такая,

для чего требуется сбивать со следа конкурентов.— Он обернулся и посмотрел прямо в лицо Цзе-Мэллори.— И хотя вы явно больше не связаны с Церковью в своем официальном качестве, социолог, мне, признаться, любопытно узнать, почему вы не обратились в поисках помощи к ней.

— Мои отношения с Объединенной Церковью, Малайка, уже много лет не отличались особой теплотой. Расстался я с ней достаточно дружески, но в некоторых кругах из-за моего ухода возникла определенная степень неизбежной горечи, которая... осложнила бы, скажем так, дело, если бы я в это время открыл им то, что знаю. А для обеспечения их помощи это стало бы необходимым.

— Гм. Ну, это достаточно прямо. Не будем беречь раны. Может быть, нам следует перейти к...— Он вдруг смолк и посмотрел направо. Цзе-Мэллори и Трузензукс направили свои взоры туда же.

Флинкс, сразу же почувствовав себя неуютно, переменил позу. Он сумел услышать столь многое, оставаясь совершенно незаметным, хотя и на виду, искусство, которому он научился у некоего терпеливого и очень вороватого старика. С помощью его собственных странных талантов оно не раз оказывало ему важные услуги. Однако эти трое были куда наблюдательней попадавших на рынок. Он ясно видел, что ему придется выйти. Почему бы не сделать это добровольно?

— Э, сэры... мне не помешает немного... если вы, досточтимый хозяин, укажете мне, в каком направлении буфетная, я попытаюсь мгновенно и безболезненно сделаться отсутствующим.

Малайка оглушительно расхохотался:

— Похвальная догадливость, юноша. Поэтому вместо того, чтобы отсылать тебя домой... возможно, мне пришлось бы гадать, где же он может быть... ты пойдешь обратно по коридору, вторая дверь направо. Там ты найдешь достаточно продуктов, чтобы даже ты оказался на несколько минут занятым по горло!

Флинкс развернулся, поднимаясь с пола из своей позы лотоса, и отбыл в указанном направлении. Он

чувствовал на себе их взгляды и мысли, пока не скрылся из вида. Веселость Малайки его не одурачила. Возможно, он и так уже слышал больше, чем полезно для здоровья. Его сильно интересовали ответы на множество вопросов, которые Малайка сейчас, несомненно, задавал своим гостям, и он развлекался, пытаясь мысленно обнаружить хорошее место для подслушивания у тонкой части стены. Однако в коридоре вновь появилась мертвая голова и расположилась у входа на веранду. Голубые глаза скользнули по нему разок, как будто второго взгляда он и не заслужил. Флинкс было разозлился, а затем вздохнул. Ему все равно пришлось бы удовлетворяться тем, что он мог бы уловить без визуального контакта. Можно с таким же успехом насладиться иной возможностью, пока та у него есть. И он пошел дальше.

Буфетная была сплошной фантастикой. Он чуть было не забыл о приведшей его сюда необычной цепи происшествий, откуда они с минидрагом пожирали припасенную роскошь. Он не успел зайти дальше колебаний в выборе между земным шампанским и сосновой мятой с Баррабаса, когда в его открытый мозг забрела короткая серия крайне странных мыслей. Он повернулся и заметил, что дверь в комнату справа от него слегка приоткрыта. Из-за нее-то и выходили дразнящие субвокализации. Он ни на минуту не сомневался, что этой двери полагалось быть надежно запертой. Осторожно, бросив быстрый взгляд на вход в кухню, он подошел к двери и приоткрыл ее еще на дюйм.

Комната по соседству с кухней оказалась узкой, но длинной. Она, вероятно, вытянулась на всю длину этого радиуса башни. В назначении ее, во всяком случае, сомневаться не приходилось. Она служила баром. Он приготовился было войти с намерением отыскать еще более вкусные напитки и обострившимся любопытством, но быстро остановился.

Комната была уже занята.

У противоположной стены, крепко прижавшись ухом, согнулась фигура. По другую сторону головы он различил контуры вентиляционной решетки или чего-то похожего с ней. Лицо было отвернуто от него и поэтому

скрыто. Увиденные им там металл и дерево были тонкими и легкими. Голоса из соседней комнаты звучали для него четко и ясно даже с того места, где он стоял.

Он как можно медленней и осторожней отодвинул дверь. Фигура, явно совершенно поглощенная происходящим по другую сторону стены разговором, не заметила его тихого приближения. Теперь стало видно, что сама решетка намного больше, чем требовалось для целей вентиляции. Она выглядела незакрепленной и, вероятно, поворачивалась на петлях. Через нее могли удалять из другой комнаты мусор, а потом уносить его к ближайшим мусоропроводам. Он держал в одной руке большой кусокпряного байского сыра и ножку фазана в зубах. Его свободная рука рванулась было к спрятанному в сапоге стилету, но затем остановилась. Мысли фигуры не обладали холодностью и смертельно четкой логичностью профессионального шпиона или убийцы. Совсем наоборот. Глухие убийцы тоже редко встречались, а этот по-прежнему не замечал его присутствия.

Он быстро принял решение и, отведя ногу назад, нанес крепкий удар по выпирающей части согнувшейся фигуры. Та издала единственный пронзительный крик и пролетела за решетку в комнату за ней. Через какую-то долю секунды Флинкс с сожалением отбросил фазана и сыр и прокатился следом за ней, поднимаясь на ноги по другую сторону. Удивленные лица Малайки, Цзе-Мэллори и Трузензуекса пораженно глядели на эту смену. Фигура стояла напротив него, потирая пострадавшую часть тела и осыпая его непрерывным потоком брани. Уклоняясь от метнувшихся к его гортани пальцев, он мимоходом заметил, что фигура эта очень сильно походила на женскую. Это соответствовало уловленным им мыслям. Он неохотно принял защитную стойку, расставив ноги, слегка согнув колени и вытянув руки вперед. Пип нервно затрепетал у него на плече, расправляя перепончатые крылья и готовясь взлететь.

Женщина сделала было еще одно движение, словно опять собираясь напасть, но застыла, услышав рев, раздавшийся с направления Малайки:

— Ата! — она повернулась лицом к нему.

Рослый коммерсант подошел и встал между ними. Его взгляд переходил с одного на другого и наконец твердо остановился на Флинке.

— Ну, киджана! Я предлагаю кое-что растолковать, и побыстрее!

Флинкс постарался говорить по возможности ровным голосом, несмотря на разносимый по кровеносной системе адреналин:

— Я был в буфетной и случайно заметил, что дверь в соседнюю комнату открыта (неважно, почему он это заметил). Заглянув, я увидел фигуру... эту фигуру... пригнувшуюся рядом с решеткой. Комнате наверняка полагалось быть запертой. Я счел, что это не входит в ваши обычные способы вести приватные деловые переговоры, и поэтому решил принудительно вынести этот вопрос — и эту личность — на открытое обсуждение, где воздух почище. Сожалею, если я нарушил какой-то ваш фетиш или табу.

— Что?! — Затем Малайка уловил юмор и усмехнулся. — Думаешь, у меня бзик, а, киджана?

— Такая мысль возникала, сэр?

— Адабу! Нет, ты поступил правильно, Флинкс. — Он обратил свирепый взгляд на девушку. Она слегка съезжилась под этим испепеляющим взором, но с ее лица так и не сходило упрямое выражение. Она каким-то образом нашла способ выглядеть правой.

— Черт тебя побери, девчонка, двойное проклятье и сдохшие двигатели! Я уже говорил тебе об этом! — Он раздраженно покачал головой. — И опять, ква аджили я адабу, приличия ради, я прощаю эту выходку. Отправляйте в порт и проверь челнок.

— Его ведь проверяли только на прошлой неделе, и ничего с ним не...

— Р-р-р! — Он поднял ручищу размером с окорок. — Я действительно... предлагаю... тебе!.. — Она увернулась от опускающейся руки и стремглав бросилась к выходу. А по пути бросила на Флинкса выразительный взгляд, достаточно горячий, чтобы расплавить металл. Малайка перевел дух и, казалось, несколько успокоился.

— Много ли из того, что услышала она, услышал и ты?

Флинкс соврал. В данной ситуации он считал это более чем этичным.

— Достаточно.

— Так-так! — Коммерсант подумал. — Ну, наверно, это обернется к лучшему. Ты, вероятно, окажешься самым продувным малым на борту, паренек, но я бы на твоём месте временно держался подальше от Аты. Боюсь, что твой способ завязывать первое знакомство никогда не заменит рукопожатия! — и затрясся, смеясь над собственной остротой. Он протянул было руку, словно собираясь обнять Флинкса за плечи, и поспешно убрал ее при предупреждающем движении Пипа.

— Она работает на вас? — вопрос был риторическим. Но Флинкса разбирало любопытство, какое положение занимает эта девушка, раз она способна вызвать такое доверие со стороны Малайки, что тот мог так вот обращаться с ней, не опасаясь возмездия.

— Ата? О, да. — Он посмотрел в том направлении, куда удалилась девушка. — Ведь не подумаешь, что у такой неистойвой мванамке хватит в ее возрасте терпения выучиться на второго пилота звездолета, не так ли? Она уже шесть лет служит у меня в этом качестве.

Флинкс снова принял прежнюю позу на полу. В ответ на вопросительный взгляд Цзе-Мэллори, Малайка объяснил:

— Я решил, что наш юный друг будет сопровождать нас в этом путешествии. Я знаю, что делаю, господа. Если дорога окажется долгой и скучной, он обеспечит нам развлечение, и кроме того, он хитер, как бес. И к тому же обладает своеобразными способностями, которые могут оказаться полезными для нас, несмотря на их непостоянство. В прошлом я собирался уделить этому вопросу больше внимания, но так и не нашел времени. — Флинкс с интересом поднял взгляд, но не смог ничего заметить, помимо налета поверхностей веселости коммерсантов. — В любом случае, он слишком беден, чтобы представлять нам угрозу. И я считаю его до отвращения честным. Хотя у него в изобилии имелись возможности украсть что-нибудь в моем доме, он ни разу этого не сделал... насколько я знаю.

— Его честность никогда не подвергалась сомнению, — сказал Трузензуекс. — Я не возражаю против присутствия этого юноши.

— Равно как и я, — добавил Цзе-Мэллори.

— Тогда, социолог, не продолжите ли вы свой рассказ?

— На самом-то деле тут можно рассказать мало чего нового. Все обстоит как прежде. Как вам, возможно, известно, мы с моим спутником двенадцать с лишним лет назад бросили свою карьеру и постоянное занятие и принялись вместе исследовать историю и цивилизацию тар-айимов.

— Да, кое-какие слухи о вашей работе дошли и до меня. Продолжайте. Естественно, меня интересует все, имеющее отношение к тар-айимам... или к созданному ими.

— Простите, сэр, — перебил Флинкс. — Я, конечно, знаю о тар-айимах, но только по слухам и книгам. Не могли бы вы рассказать мне побольше? Пожалуйста. — Он принял надлежащий виноватый вид.

Поскольку Малайка не представил никаких возражений, наверное, и сам не считая такие сведения излишними, Цзе-Мэллори согласился.

— Ладно, малыш, идет. — Он сделал еще один долгий глоток имбирного лимонада. — Приблизительно, насколько мы смогли определить, пятьсот тысяч стандартных земных лет назад, этот район галактики, как и сейчас, занимало большое число различных высокоразумных рас. Самой сильной из них тогда были тар-айимы. Большую часть их времени и усилий явно поглощали войны с менее могущественными соседями, столько же ради удовольствия, сколько и ради приносимого ими богатства. Одно время империя тай-айимов покрывала этот сектор космоса на четыре квадранта в глубину и по меньшей мере на два в ширину. А может, и больше.

Любая выдвинутая нами причина, объясняющая полное исчезновение тар-айимов и большинства покоренных рас, может быть, в основном, только догадкой. Но работая не жалея сил с обрывками и осколками мифов

и слухов и очень немногими надежно документированными фактами, исследователи собрали одно объяснение, предлагающее, кажется, больше, чем другие.

В пике своей мощи тар-айимы наткнулись на более примитивную расу, проживавшую далеко в глубине галактического центра. Интеллектуально эта раса была не совсем равна тар-айимам и лишь недавно овладела межзвездными путешествиями. Но она обладала громадным упорством и размножалась с невероятной скоростью. Они успешно сопротивлялись всем усилиям подчинить их гегемонии тар-айимов. Фактически, под действием толчка, созданного давлением тайр-айимов, они начали делать гигантские шаги вперед и быстро распространяться на другие системы.

Тар-айимское руководство явно совершило самый нехарактерный для него шаг. Оно ударились в панику. Оно направило своих военных ученых изобретать новые, еще более радикальные виды вооружений для борьбы с этой предполагаемой новой угрозой из центра. Верные себе, их великие лаборатории скоро выдвинули несколько предложений. То, что в конечном итоге приняли и применили, было разновидностью бактерии-мутанта. Она развивалась с феноменальной скоростью, паразитируя на самой себе, если не было никакого другого доступного носителя. Она являлась совершенно и неизменно смертельной для любого существа с более сложной нервной системой, чем у высших беспозвоночных.

— Далее сюжет развивается прямо и просто,— продолжил Трузензуекс.— Эпидемия сработала именно так, как надеялось руководство, до такой степени, что совершенно уничтожила врагов. Она также полностью уничтожила самих тар-айимов и большую часть разумной и полуразумной жизни в том огромном секторе космоса, известном нам сегодня как Зараженная Зона. Ты знаешь о ней, Флинкс?

— Разумеется. Это большой сектор между нашим краем и центром. Сотни миров, где не живет ничего разумного. Когда-нибудь их снова заселят.

— Несомненно. Однако пока их населяют только низшие животные и обломки прежних цивилизаций.

К счастью, последние остатки умирающих тар-айимов уведомили уцелевшие, развитые до космических путешествий миры о природе этой эпидемии. Должно быть, ввели в действие строгий карантин, потому что, кажется, целые века ничто не проникало ни в Зараженную Зону, ни из нее. Иначе никто из нас не сидел бы сейчас здесь. Только в недавние времена начали вновь открывать и с некоторыми колебаниями исследовать звездные системы в Зараженной Зоне.

— Табу остается, даже если исчезла породившая его причина,— спокойно рассудил Малайка.

— Да. Ну, некоторые из подвергнутых карантину рас на обочине эпидемии вымерли довольно медленно. Посредством межпространственной ретрансляции или какого-то схожего устройства, они сумели передать несколько нитей из фактов, описывающих Армагеддон. Невинные и виноватые одинаково умирали, покуда чума не выжгла сама себя. Слава Улью, что все следы этих бактерий давным-давно вывелись из природного кругооборота!

— Аминь,— пробормотал к удивлению всех Малайка. А затем, громче: — Но, пожалуйста, господа, к сути. А суть — это кредиты.

Цзе-Мэллори снова взял рассказ на себя:

— Малайка, вы когда-нибудь слышали о Кранге?

— Нини? Нет, я... нет, минуточку.— Торговец задумчиво свел густые брови.— Да. Да, по-моему, слышал. Он образует часть мифологии, э, браннеров, не так ли?

Цзе-Мэллори одобрительно кивнул:

— Совершенно верно. Браннеры, как вы может помните, а может и нет, занимают три звездные системы на периферии Зараженной Зоны, напротив Мота. Согласно их преданию, дошедшему со времен катаклизма, несмотря на то, что тар-айимы отдавали много сил на поиски способа борьбы с угрозой из центра, они все-таки не забросили все виды невоенных изобретений и экспериментов. Как нам теперь достоверно известно, тар-айимы необыкновенно любили музыку.

— Марши, несомненно,— пробормотал вполголоса Трузензузекс.

— Наверно. Так или иначе, одной из самых великих работ в области искусства, предположительно созданных их культурой, был огромный музыкальный инструмент под названием Кранг. Теоретически его завершили в закатные дни их цивилизации, как раз тогда, когда чума стала известна и на планетах Империи.

— Или? — сказал Малайка. — И что?

— На краю Зараженной Зоны почти в ста пятидесяти парсеках от браннеров находится родная планета примитивной расы гоминидов, мало посещаемая остальной галактикой. Она расположена вдалеке от главных торговых путей и может предложить мало что ценного, как в смысле продукции, так и культуры. Они приятный, пасторальный и неагрессивный народ. Некогда они, кажется, путешествовали между звезд, но соскользнули обратно в доатомную цивилизацию и только теперь начинают показывать признаки научного возрождения. И, что интересно, у них тоже есть легенда о чем-то под названием Кранг. Только по их версии он не инструмент искусства, а оружие войны. То, которое тар-аймские ученые изобрели параллельно с чумой, до того, как последняя получила широкое применение. Согласно легенде, ему предназначалось быть в первую очередь оборонительным, а не наступательным оружием. Если так, то это первый известный в литературе случай, что тар-аймы дошли до постройки аппарата для оборонительных целей. Это противоречит всему, что мы знаем о психологии тар-аймов, и показывает, как жестоко по их мнению нажимал на них тот новый враг.

— Интересное раздвоение, — заметил Малайка. — И у вас есть какие-то указания относительно того, где может находиться это оружие, или лютия, или что бы там оно ни было? Будь оно хоть тем, хоть другим, оно будет очень ценным на рынках Содружества.

— Верно, хотя нас интересуют только его культурные или научные свойства.

— Конечно, конечно! Покуда мои бухгалтеры оценивают его общую стоимость, вы можете извлекать из его недр теоретические и практические знания сколько вашей душе угодно... при условии, что вы запомните,

как опять собрать его. А теперь, где же этот загадочный маленький клад, а? — он нетерпеливо нагнулся вперед.

— Ну, это мы знаем точно, вернее, почти точно, — сказал Цзе-Мэллори.

— Точно? Почти? Опять мой слабый ум не в состоянии понять такого, господа. Простите меня, но я, признаться, в полном недоумении.

Трузензуекс издал очень человеческий вздох:

— Планета, на которой предположительно расположен Кранг, была открыта случайно почти год назад одним старателем, работавшим независимо в Зараженной Зоне. Он искал тяжелые металлы и нашел их. Да только они располагались в земле не так, как он ожидал.

— У этого парня, должно быть, имелись заказчики, — сказал Малайка. — Почему он не передал эти сведения им?

— Этот человек очень многим обязан моему брату по кораблю. Он знал о его интересе к реликтам тарайимов. Снабжение Брана этими сведениями было его способом отплатить долг. Это носит личный характер, и входить в причины здесь незачем. Это было бы более чем справедливым возмещением.

— Было бы? — веселье Малайки заметно превращалось в раздражение. — Бросьте, господа, все эти тонкие уклонения от темы усыпляют мой ум и укорачивают мое терпение.

— Отклонение совершенно непреднамеренное, коммерсант. Этот человек должен был встретиться с нами в наших номерах рыночного сектора города, имея с собой звездную карту с полными координатами планеты. Так как мы заранее сошлись на вас как на вероятном финансисте предприятия, то потом наша троица должна была проследовать к этому дому. Когда он не прибыл в назначенное время, мы после некоторых колебаний решили, тем не менее, отыскать вас, надеясь, что вы с вашими средствами сможете найти какой-то намек относительно его местонахождения. В любом случае, нам трудно было бы и дальше долго сохранять свою независимость. Несмотря на все наши усилия, мы не выглядим похожими на туристов. Некоторые предпри-

имчивые личности уже начали задавать неудобные вопросы.

— Я не... — начал было Малайка, но его перебил Флинкс.

— Ваш друг случайно не рыжий?

Цзе-Мэллори круто обернулся. На секунду Флинкс увидел отблеск чего-то ужасающего и кровавого, того, что социолог до сих пор держал глубоко погребенным под спокойным фасадом. Оно растаяло очень быстро, как и появилось, но нарек сохранился в жесткой военной интонации голоса социолога.

— Откуда вы узнали?

Флинкс вытащил из кармана скомканный кусок пластика и вручил его пораженному Трузензуексу. Цзе-Мэллори оправился и быстро взглянул на развернутый лист. Флинкс невозмутимо продолжал рассказ.

— У меня есть предчувствие, что это — ваша звездная карта. Я шел в заведение Малыша Симма, когда мое внимание привлек шум в переулке. Обыкновенно я бы не обратил на него внимания. Именно так и живут в Дралларе, если желают жить долго. Но по неизвестным и трижды проклятым причинам, мой приятель, — он показал на Пипа, — сделался любопытным и вбил себе в голову, что ему надо все выяснить. Находившихся в переулке оскорбило его присутствие. Там шел вовсю нешуточный бой, и в сложившейся ситуации моим единственным аргументом оказался нож. На вашего друга напало двое человек. Судя по их виду и действиям, профессионалы. Но не очень толковые. Я убил одного, а Пип прикончил другого. Ваш друг был уже мертв. Мне очень жаль. — Он не упомянул о более ранней встрече с этой троицей.

Цзе-Мэллори перевел взгляд с карты на Флинкса:

— Ну, уже говорилось, что наше внимание к вам привлекло счастливое обстоятельство. Теперь похоже, что оно было вдвойне счастливым.

Его прервал целеустремленный Малайка, выхвативший карту и перешедший туда, где светилась лампа. Направляя мощный луч, он принялся очень тщательно изучать линии и символы на пластике. Пылилки отпля-

сывали танец, кружась пьяными спиралями в приглушенном свете.

— Крайне необычный и разносторонний у вас приятель,— праздно заметил Трузензуекс.— Я слышал о них. Процент смертности от их яда знаменательно высок и создает им репутацию, совершенно не соответствующую ни их численности, ни их склонностям. К счастью, как я понял, они, кажется, не нападают без причины.

— Совершенно верно, сэр,— подтвердил Флинкс, почесывая предмет обсуждения по краю узкой головы.— Один корабельный врач как-то рассказывал мне в челночном порту, что он встречал ученого, действительно бывавшего на Аляспине. Минидраг, как вы знаете, происходит оттуда. Тот ученый в свободное время немного изучал их.

Он говорил, что они кажутся неприветливыми, что показалось мне очень странным способом описывать ядовитых рептилий. Но безвредные, если их, как вы сказали, не спровоцируют. Пип был уже вполне ручным, когда я нашел его. По крайней мере, у меня никогда не возникло с ним никаких затруднений. Жители моего района научились терпеть его, по большей части потому, что у них не было иного выбора.

— Позиция вполне понятная,— пробормотал философ.

— Друг этого врача участвовал в экспедиции на Аляспин, изучавшей там развалины древней цивилизации. Он выдвинул гипотезу... Гипотезу, что предки минидрага, возможно, разводились как домашние животные теми, кто бы там ни создал ту культуру. Селективное размножение может объяснить некоторые их особые характеристики. Например, то, что у них нет на планете никаких естественных врагов. К счастью, уровень рождаемости у них очень низкий. И они не только плотоядны, но и всеядны. Я рано выяснил, что это значит, так как Пип начал есть хлеб, когда не мог найти мясо. Ах, да, он также говорил, что подозревает, будто они эмпатические телепаты. Ну, знаете, способные к телепатии на эмоциональном, но не мысленном уровне. Вот почему меня никогда не обманывают на рынке ни в делах, ни

в играх. Пип чувствителен к таким вещам.

— Могу только опять сказать: завораживающее существо,— повторил Трузензуекс.— Вопрос, которым мне хотелось бы заняться поглубже. Однако, так как я не экзогерпетолог, мне думается, что пока это не нужно. Меня занимает слишком много других вещей.— Признание это не казалось до конца правдивым, насколько мог прочесть его Флинкс. Не до конца.

Малайка вытянул шею над картой и водил пальцами по линиям на пластике, иногда кивая про себя.

— Ндийо, ндийо... да.— Наконец он поднял голову.

— Планета, о которой идет речь, вращается вокруг звезды солнечного типа. Четыре пятых пути к Центру галактики, прямо через Зараженную Зону. Пусть неблизкий, господа. Он не прилагает много сведений о самой планете, во всяком случае, о ндеге-залежах, но возможно, этого хватит. Планета земного типа, чуть меньше Мота, атмосфера более разреженная, но в пределах допустимого, более высокий процент определенных газов... например, гелия. Восемьдесят один и две десятых процента поверхности покрыто водой, так что мы должны найти эту штуку без большого труда.

— Если она не расположена под водой,— заметил Трузензуекс.

— Это так. Я предпочитаю не рассматривать возможностей, расстраивающих печень. Кроме того, если бы дело обстояло именно так, ваш друг-старатель не нашел бы его. В любом случае, у нас будут те же самые приборы для обнаружения тяжелых металлов, но я готов побиться об заклад, что он находился выше уровня воды. Если я правильно помню, имеющиеся у нас сведения о тар-айямах предполагают, что они были какими угодно по своему строению, только не жителями вод.

— Это верно,— признал философ.

— Большую часть пути мы будем лететь через пустые районы, но, впрочем, один сектор пустоты мало чем отличается от другого, квели? Я не предвижу никаких проблем. Это, вероятно, означает, что их будет целая мавуно. По крайней мере, путешествовать мы будем с комфортом. От всех нас на «Славной дырке» тесноты не возникнет.

Флинкс улыбнулся, но позаботился спрятать улыбку от коммерсанта. Происхождение названия личной гоночно-грузовой яхты было хорошо известным анекдотом среди знающих людей. Большинство же думало, что это древнее земное выражение, означавшее богатую минералами шахту...

— Если, конечно, эта пушка, или гигантская арфа, или что бы там ни было не вызовет этой тесноты. Насколько, вы сказали, он велик?

— Я не говорил,— уточнил Цзе-Мэллори.— Мы представляем это ничуть не лучше вас. Знаем только, что он... большой.

— Хм! Ну, если он слишком велик, чтобы влезть в челнок, то нам просто придется послать за настоящим транспортным судном. Я предпочел бы сидеть на нем, коль скоро мы его найдем, но в том районе нет никаких ретрансляционных станций. Если он пробыл там нетронутым несколько тысячелетий, то может подождать несколько дней.— Он скатал карту в трубку.— Значит решено, сэры. Если нет никаких возражений, то я не вижу причин, почему бы мы не могли отправиться кешо, завтра.

Возражений не было.

— Эма! Тогда тост. За успех и прибыль, не обязательно в таком порядке! Наздравия! — и поднял кружку.

— За Церковь и Сообщество,— тихо провозгласили хором человек и транкс. И допили то, что еще оставалось в их кружках.

Малайка рыгнул разок и посмотрел сквозь хрустальную стену, туда, где солнце Мота быстро тонуло за туманами.

— Уже поздно. Значит, завтра в порту. Портовые служащие направят вас к моей пусковой шахте. Челнок свезет нас всех за один раз, и мне понадобится немного времени для приведения в порядок своих дел.

Цзе-Мэллори встал и потянулся:

— Могу ли я спросить, кого это «нас всех»?

— Тех четверых, что находятся сейчас здесь, Вульфа и Атү для управления кораблем и, конечно же, Сиссиф.

— Кого? — переспросил Цзе-Мэллори.

— Да Рысь, Рысь,— прошептал Трузензуекс,— усмехаясь и тыкая в ребра своего брата по кораблю.— Неужели у тебя глаза состарились так же сильно, как и мозг? Девушка! — И они направились к выходу в коридор.

— Ах, да.— Они остановились у тенеподобного Вульфа, открывшего им дверь. Он улыбнулся, явно предполагая, что это будет дружеским жестом. Вышло же совсем иначе.

— Да, очень, э, интересная и забавная особа.

— Ндийо,— дружески согласился Малайка.— И па-ра у нее тоже ничего себе, не правда ли?

Когда другие попрощались с призрачным швейцаром, на плечо Флинкса опустилась тяжелая рука.

— А ты погоди, киджана,— прошептал коммерсант.— У меня есть к тебе еще один вопрос. Задержись на минутку.

Он пожал руку Цзе-Мэллори и соприкоснулся органами обоняния с Трузензуексом, направив их взмахом руки к лифту.

— Приятного отдыха, сэры, и завтра в первом тумане!

Вульф закрыл дверь, скрыв ученых от взгляда Флинкса, и Малайка немедленно склонил к нему внимательное лицо.

— А теперь, малыш, когда наши этичные друзья удалились, уладим один, гм, деловой вопрос. Те два наемных трупа, которые ты столь правильно оставил гнить в том переулке. На них самих или их одежде были какие-нибудь особые знаки различия или метки? Подумай, юноша!

Флинкс попытался вспомнить:

— Было страшно темно... я не уверен.

— А с каких таких пор тебя это стало беспокоить? Не вилай мне, киджана. Это слишком важно. Подумай... или что ты там делаешь.

— Ладно. Да. Когда я пытался выковырять эту карту у покойника, то заметил подошвы убитого Пипом громилы. Он упал поблизости. На металле набоек вытравлен

определенный узор. Он выглядел похожим на своего рода птицу... по-моему, абстрактное изображение.

— С зубами? — подсказал Малайка.

— Да... нет... не знаю наверняка. Ну и вопросы вы задаете, коммерсант! Возможно, и так. И по какой то причине во время схватки у меня возникло этакое видение женщины, моложавой женщины.

Малайка выпрямился и похлопал юношу по спине. Лицо его выражало веселье, но мысли были мрачными. Обыкновенно Флинкс вознегодовал бы на этот покровительственный жест, но в данное время, да еще со стороны коммерсанта, он казался только лестным.

— Слава Мти из Мити, что ты обладаешь такой силой наблюдательности, малыш. И такой хорошей памятью.— Флинкс увидел другое слово: учави, колдовство, но удержался от уточнения.— Значит, увидимся кешо на корабле?

— Да уж, я не упущу такого. Можно мне узнать, сэр, почему вы об этом спрашивали?

— Нельзя. Значит, завтра на корабле. Приятного отдыха.— И проводил озадаченного Флинкса к лифту.

Некоторое время коммерсант стоял, молча размышляя, ругательства срывались с его уст, словно пузыри пены с кипящего котла. Они составляли единственные звуки в пустынной теперь комнате. Наконец он повернулся и подошел к внешне ничем не выделяющейся секции стены. Нажав скрытую кнопку, он заставил зернистую панель уйти в потолок и открыть сложный письменный стол. Над всей прочей аппаратурой господствовал тонкий корпус межзвездного передатчика. Он нажал кнопки, повернул диски, настроил параметры. Внезапно экран вспыхнул огненным шаром разноцветных помех. Он удовлетворенно хмыкнул и взял небольшой микрофон:

— Дайте, пожалуйста, шестой канал. Срочно. Я желаю говорить по прямой связи лично с мадам Рашаллейлой Нуаман, на Ниневии, в системе Сириуса.

Из крошечного репродуктора, установленного сбоку от рябившего на экране радужного потока, дошел тихий голос:

— Вызов произведен, сэр. Минуточку, пожалуйста.

Несмотря на невероятные расстояния, легкая задержка вызывалась всего лишь необходимостью передавать вызов через полсотни ретрансляционных станций. Время же передачи, благодаря применению концепций «меньше-чем-пространство», было почти мгновенным.

Изображение начало приобретать четкость, и вскоре он оказался лицом к лицу с одной из десяти самых богатых гуманоидных самок во вселенной.

Она лежала на своего рода кушетке. С одной стороны он легко различал мускулистую голую ногу того, кто там держал ей микрофон портативного передатчика. На заднем плане виднелась пышная зелень, разросшаяся до фантастических размеров и форм из-за отсутствия ограничений тяжелой гравитации. За ней, как он знал, находился купол, ограждавший все это от безвоздушной пустоты, являвшейся нормальной атмосферой Ниневии.

Природа вступила в бой с хирургией, когда женщина растянула губы в зубастой коварной улыбке. На этот раз хирургия победила. Улыбке предназначалось быть соблазнительной, но для знающего она выходила только злобной.

— Ах, это ты, дорогой Макси! Какой приятный сюрприз! Мне всегда так радостно видеть тебя! Надеюсь, с твоим прекрасным телом все благополучно, равно как и с делами?

— Со мной все благополучно, только когда дела хороши. В данную минуту они обстоят сносно, Раша, только сносно. Однако я надеюсь, что они очень скоро сделают внезапный скачок к лучшему. Видишь ли, у меня только что вышел очень интересный разговор с двумя господами или с тремя, если считать и рыжего...

Нуаман попыталась излучать ауру безразличия, но хирургия не могла скрыть того, как напряглись мускулы ее шеи.

— Я уверена, что разговор вышел очень интересным, и надеюсь, что он окажется прибыльным для тебя. Но твой тон, кажется, подразумевает, что, по твоему мнению, это как-то касается меня.

— Да? Не припомню, чтобы я говорил что-то, спо-

собное привести тебя к такому выводу... дорогая. О, это не тот рыжий, о котором ты думаешь. Того твои громилы убрали... несомненно, в полном соответствии с инструкциями.

— Ах, Макси, о чем таком ты думаешь? С какой стати кому-то из моих помощников находиться на Моте? Как тебе хорошо известно, мои дела на этой планете невелики. Именно ты-то и блокируешь все мои попытки расширить там свои интересы. В любом случае, я вообще знаю мало рыжих... и, разумеется, не припомню ни одного, кого хотела бы убить. Наверное, немного намять бока, но не убить. Нет, дорогой, ты ошибаешься. Что за странный разговор! На этой вашей жалкой влажной кучке грязи нет ничего, рыжего или иной масти, из-за чего я рискнула бы пойти на убийство.

— Угу-м. Даже ради этого, хаса? — Он поднял карту, сложенную так, чтобы не было видно, что внутри.

Это не имело значения. Она узнала ее, что и говорить! Она резко уселась и нагнулась вперед так, что ее лицо, похожее на маску ведьмы, заполнило весь экран.

— Где ты ее достал? Она принадлежит мне!

— А вот в этом, Раша, биби, я сильно сомневаюсь. И сядь чуть подальше. Крупные планы, знаешь ли, не твой конек.— Он сделал вид, что изучает карту.— Боюсь, что никакого имени тут нет. И кроме того, я получил ее от живого рыжего. Юнца, на самом-то деле. Ему довелось случайно проходить мимо как раз тогда, когда твоим «помощникам» случилось совершать против первоначального владельца действия сомнительной законности. Или этот юноша необыкновенный молодец... во что я склонен верить... или же двое помощников, которыми ты поручила это задание, были болванами очень низкого класса... во что я, по зрелым размышлениям, тоже склонен верить. Я вижу, что они были твоими ребятами. Это дело носит типично твой наглый почерк. Я всего лишь хотел удостовериться. Теперь я это сделал. Спасибо тебе, дорогая Раша. А теперь, сикузури.

Он оборвал ее, не дав закончить ругательства, и отправился искать Сиссиф.

В общем и целом, день вышел довольно неплохим.

Глава третья

На Ниневии Рашаллейла Нуаман, матриарх и глава одного из самых больших частных концернов в Содружестве, и одна из десяти самых богатых гуманоидных самок в известном космосе, выла от бешенства. Она пнула стоявшего поблизости голого слугу, державшего в неudelикатном месте портативный приемник. Несчастная машина упала в бассейн с мутантными золотыми рыбками. Те испуганно метнулись в укрытие среди пастельных водяных кувшинок. Множество очень редких и дорогих бокалов из опалина было разбито о каменную дорожку.

Утолив на какое-то время свой гнев, она уселась в шезлонг и потратила пять минут на укладку растрепанных волос. На этой неделе они были оливковыми. После того, как Раша привела себя в порядок, она почувствовала себя достаточно спокойной, чтобы встать и пойти к главному зданию.

Как этот гнусный ублюдок Малайка прознал о карте? И как она попала к нему в руки? Или может быть... может быть, все случилось совсем наоборот? Двое упомянутых им с такой фальшивой небрежностью господ — это, несомненно, тот субъект Цзе-Мэллори и его приятель-жук. Но кто этот новый «рыжий»? Кто сумел так потрясаяще быстро поломать то, что всего несколько минут назад было сравнительно гладкой, заурядной операцией? И это сейчас, когда Никососу всего два дня пути до Мота! Это просто невыносимо! Она сгребла мимоходом букет бесценных йирбиттианских цветов-труб, разрывая в клочья карминные листья. Изящные, похожие на трубы лепестки посыпались на землю. Кому-то, определенно, да, определенно, следует спустить шкуру!

Она протопала в гостиную, служившую ей по совместительству кабинетом, и безутешно рухнула в белое облегающее меховое кресло. Голова ее упала на правую ладонь, в то время как левая рука нервно пощелкивала по столу из чистого корунда. Яркое мерцание ртути было единственным движением в изолированном от всех видов волн помещении.

Это определенно невыносимо! Ему это так не пройдет. Сам будет виноват, да, сам, если операция с одним убийством развернется в дело со множеством смертей. Она может даже распространиться на его собственное прелестное тело, а это ли не печально. Из него выйдет прекрасный труп.

Так не сиди тут, сложа руки и брызжа слюной, сука. Кроши их! Она нагнулась над столом и нажала кнопку. На экране перед ней появилось худое усталое лицо.

— Драйден, свяжитесь с Никососом и скажите ему, чтобы он не приземлялся в Дралларе. Пусть вместо этого следит за всеми звездолетами на парковочной орбите вокруг планеты и держится наготове. За любым, улетевшим в направлении Зараженной Зоны, он должен следовать, держась как можно ближе к нему, но в то же время всегда за пределами непосредственного диапазона детектора. Если будет жаловаться, скажите ему, что я понимаю, что это трудная задача, и пусть он просто делает все, что в его силах.— «После я всегда могу уволить его»,— мрачно подумала она.— Если он будет нажимать, требуя объяснений, скажите ему, что из-за непредвиденных и непредотвратимых обстоятельств планы изменились. Он должен следовать за тем кораблем! Я гарантирую, что такой будет, и, вероятно, скоро. Он направится к планете, куда Никосос первоначально должен был найти путь по карте. Теперь же ему придется лететь, не имея собственных координат. Все ясно?

— Да, мадам.

Она оборвала его, прежде чем он успел добраться до второго «м».

Ну, она сделала все, что могла, но это казалось чертовски малым! Ощущение своего сравнительного бессилия умножало ее ярость и соответствующее желание сорвать на ком-то злость. Давай-ка посмотрим. Кто там под рукой? И заслуживает? Гм. Идиот, напортачивший с этими двумя убийствами? Прекрасный выбор! Ее племянница? Эта пустоголовая дуреха. И подумать только, ведь в один прекрасный день ей, может быть, придется взять на себя руководство фирмой. Когда она

не способна проконтролировать даже простого изъятия. Она нажала другую кнопку.

— Пусть Телин ауз Руденуаман явится ко мне в кабинет в... пять часов завтра утром.

— Да, мадам,— ответил репродуктор.

Вот если бы теперь еще кого-нибудь. Возможно, уничтожить одним махом чью-то удачную карьеру? Но, если по справедливости, то нет никого, заслуживающего от нее хорошей взбучки. Не то, чтобы она стала принимать это во внимание, если бы ее особенно допекло, но верность сотрудников можно гарантировать только равной смесью страха и наград. Нет смысла перебирать с первым. Нет, надо смотреть фактам в лицо, в чем она действительно нуждалась, так это в развлечении и отдыхе. Будем надеяться, что этот хлыщ ван Клееф окажется сегодня ночью в приличной форме. Лицо ее внезапно расплылось в улыбке. Несчастную кнопку снова нажали.

— Отмените последнее распоряжение. Пусть моя племянница явится завтра в пять часов... но ко мне в спальню, а не в кабинет.

— Отмечено,— коротко сказал репродуктор.

Рашаллейла откинулась на спинку кресла и роскошно потянулась. Она определенно почувствовала себя лучше. Она знала, что племянница безнадежно влюблена в ее текущего гиголо. Почему, она хоть убей не могла понять, но это факт. Интересно будет посмотреть, сумеет ли завтра эта девчонка сохранить бесстрастное выражение лица, когда на нее накричат перед ним. В то время, как он сонно шевелится в постели ее тетки. Это укрепит ее характер, безусловно укрепит. При этой мысли она хихикнула, и даже в пустой комнате звук этот был не из приятных.

Глава четвертая

Бран Цзе-Мэллори и Трузензуекс не спеша прогуливались в направлении к своим номерам по извилистым маршрутам рынка. Ночью он делался вдвое более

шумным и путаным, нежели днем. Сверкающие огни моторизованных ручных тележек и флюоресцирующие лоточники немало усиливали атмосферу неуправляемой анархии. И все же они не нуждались в услугах Флинкса. Каким бы ни был маршрут извилистым и запутанным, один раз пройдя его, транкс всегда может возвратиться тем же путем.

— Ну, брат,— обратился Трузензуекс, уворачиваясь от тележки продавца игрушек,— что ты думаешь о нашем друге-коммерсанте?

— Я бы чувствовал себя намного лучше, если бы наш другой друг, необычный юноша, был лет на двадцать постарше и на его месте. Он наверняка частичный телепат. Я чувствую это. Но такие желания бесполезны. Хаос. На Вселенную! — добавил он вполголоса.

— На Вселенную! — отозвался Трузензуекс. Оба улыбнулись только им понятной шутке, имевшей более глубокое значение, чем предполагал поверхностный юмор.— Этот человек кажется настолько заслуживающим доверия представителем своей профессии, какого мы вообще можем найти, и у него есть нужный нам корабль. Я, конечно, еще не могу сказать наверняка, но при данных обстоятельствах мы, по-моему, очень хорошо отделались. А присутствие юноши на судне послужит сдерживающим фактором. Он, кажется, тоже доверяет этому торговцу.

— Согласен. Присутствие этого паренька внесет элемент неопределенности, если и ничего другого.

— Определенный фактор неопределенности. Очень подходит к этому предприятию, во всяком случае, пока! — Инсектоид покачал головой, намеренно копируя человеческий жест.— Но пока оно стало причиной трех смертей. Надеюсь, что других не будет.

— Так же как и я, брат, так же, как и я. Мы с тобой повидали уже слишком много смертей.— Трузензуекс не ответил, так как сосредоточился на трудной развилке у них на пути.

Цзе-Мэллори механически последовал за ним. Шум и огни имели тенденцию гипнотизировать, и он позволил своим мыслям унести далеко-далеко...

Глава пятая

Картина, которую они видели на обзорном экране стингера, ничем не отличалась от светившейся на экранах всех членов оперативной тактической группы. Она показывала высокого, худого орниторпа с преимущественно черно-желтым оперением. Существо это обладало от природы высоким достоинством, которое ему в настоящее время с трудом удавалось сохранять. Нелегко быть достойным, когда умоляешь.

Мичман Бран Цзе-Мэллори, двадцати шести лет от роду, Четвертая Боевая Группа Шестого Корпуса Укрепляющей Руки Объединенной Церкви, смотрел, как унижается военный губернатор голубой планеты внизу, моля о помощи их собственного командующего. Гнев и стыд смешались в его безотчетно пересохшем горле, когда он следил за ходом разговора.

— Майор Гонсалес, — снова завел свою песню орниторп. — Я прошу Вас в последний раз, а потом буду вынужден пойти и сделать все, что могу, для своего народа, даже если это всего лишь гибель вместе с ним. Вы используете имеющиеся в вашем распоряжении силы, чтобы вмешаться и предотвратить резню?

Голос Командующего Оперативной Тактической Группой майора Хулио Гонсалеса просочился сквозь решетку маленького репродуктора, предназначенного для внутрифлотских частот. Он был хладнокровным и сдержанным. Брану хотелось разнести вдребезги репродуктор и вещавшее через него отвратительно-надменное лицо.

— А я вынужден еще раз напомнить вам, губернатор Боло, что как бы сильно я не сочувствовал вашему бедственному положению, я ничего не могу поделать. В конце концов, моя группа вообще оказалась здесь по чистой случайности. Мы занимались патрулированием, охраняя мир, и остановились у вашей планеты только для того, чтобы нанести обычный визит вежливости. Прилети мы неделей раньше или позже, мы даже не стали бы свидетелями этой несчастной ситуации.

— Но вы ведь оказались здесь и вы стали свидетеля-

ми, майор,— начал в семнадцатый раз губернатор,— и...

— Пожалуйста, сэр, я и так уж чересчур долго слушал. Церковь и Содружество уже давно заключили мир с ЭйЭннской Империей...

— Ничего себе мир! — буркнул где-то по связи несдержанный голос. Если Гонсалес и услышал его, то не подал вида.

— ...и я отказываюсь подвергать опасности этот мир, вмешиваясь в дело, которое меня не касается. Вступление в бой на любой стороне было бы равнозначно акту войны. К тому же, я действовал бы в прямом противоречии с моими приказами и задачами этого патруля. И вынужден отказаться это сделать, сэр. Надеюсь, вы войдете в мое положение.

— Ваше положение! — возмущенно охнул губернатор. Голос его заметно ломался под напряжением последних нескольких дней, ему пришлось бороться с собой, чтобы и дальше излагать свои мысли на симборечи.— А что насчет этих *гиджиллов* эйэннов там, в космосе? Открытое нападение на беспомощную колонию. Вы говорите: «Акт войны»? А разве это не прямое нарушение вашего драгоценного Договора? Того, который «ваш» патруль предположительно охраняет?

— Если ваши претензии справедливы, я уверен, что арбитры Договора вынесут решение в вашу пользу.

— В чью пользу?! — взревел губернатор.— Вы ведь наверняка знаете, что делают эйэнны с покоренными планетами! Особенно с имевшими дерзость сопротивляться. Если не останется в живых никого из нас, способных принять благоприятное решение арбитражной комиссии, то что толку в вашем проклятом Договоре?! Или память о нас получит возмещение?

— Я искренне сожалею, губернатор. Я желал бы иметь возможность помочь вам, но...

— Пошлите всего один из ваших кораблей, символическую демонстрацию поддержки,— воскликнул губернатор.— Они могут заколебаться...

— Я же сказал, что сожалею, губернатор. Мне крайне тяжело. Всего хорошего, сэр.— И Гонсалес прервал связь.

Бран услышал сверху и сзади голос своего юного брата по кораблю. Сине-зеленый хитиновый покров инсектоида делала еще более великолепным охватывающая его цилиндрическое тело серебряная боевая сбруя.

— Это,— произнес холодным ровным голосом Трузензузекс,— вполне возможно, был самый тошнотворный образчик риторической бессмыслицы, какой я когда-либо имел несчастье слышать.

Бран согласился. Он обнаружил, что ему все труднее и труднее сдерживаться. Даже без повышающих восприятие наркотиков, стремление убивать начало потихоньку горячить ему кровь. На это его толкал мощный импульс справедливого негодования.

— Ведь невероятно, чтобы у местных?..

— ...не найдется и одного шанса,— закончил Трузензузекс.— Их превосходят в численности и в вооружении, и у них вообще нет регулярных вооруженных сил. Что эйэнны, несомненно, хорошо знали заранее. Я даже сомневаюсь, что у них есть корабли с КК-двигателями. У них всего лишь колония, и много кораблей им не нужно.

— Типично эйэннский маневр. Черт бы побрал этих антропоморфных ублюдков! Всегда норовят куснуть с краю. Желал бы я, чтобы они выступили в открытую и прямо сказали, что намерены оспаривать у нас эту часть галактики. Пусть встанут и дерутся как мужчины!

— Чего не может случиться, брат, потому что они явно не мужчины. И я имею в виду не только их физиологию. По эйэннским стандартам, установленным их философией «вечной войны как естественного положения вещей», любое преимущество, какое ты сумеешь получить над противником, является, по определению успеха, этичным. Они не безнравственны, у них просто нет нравственности. Нападение из-за угла — их кусок сахара, извиняюсь, хлеба.

— Если бы майор согласился помочь, я уверен, что штаб задним числом одобрил бы его действия,— сказал Бран.— Разумеется, публично ему бы выразили порицание, но ручаюсь, в частном порядке Маршал Н'Гара одобрил бы.

— Может, и одобрил бы. А может, и нет. Когда солдаты становятся старше и могущественней, их характер склонен делаться все более и более переменчивым. Я не могу себе представить, чтобы душка Гонсалес рискнул помочь кучке нелюдей, особенно не из Содружества. Он чересчур любит свое шотландское виски и импортные земные сигары. Кроме того, чтобы предпринять такие действия, требуется хоть малость воображения, качества, которого нашему командиру, к сожалению, не хватает. Смотри. Уже начинается.

Бран поднял взгляд на огромный боевой экран над средствами связи. Там, в пустоте космоса, множество кораблей, изображаемых только призрачными точками, разворачивались на тысячи километров в построение для боя, который окажется примечательным только своей краткостью.

Местные где-то наскребли шесть годных для выхода в космос кораблей. Он готов был поставить на кон годовое жалование, что ни один из них не был настоящим военным кораблем... Скорее всего, полицейские катера. Напротив, хорошо вымуштрованные, в высшей степени дисциплинированные силы эйэннов выстраивались в один из своих характерных четырехгранников. Около пятнадцати ударных кораблей, пара эсминцев, два раздутых зерна, которые он в обычной боевой ситуации считал бы дредноутами. Более тонкие приборы на большом пульте сообщали точнее: та же самая масса, малые гравитационные колодцы. Десантные суда, содержавшие в себе дюжины маленьких, сильно экранированных десантных челноков.

Он видывал и прежде эйэннские оккупационные силы в действии. Несомненно, члены первой атакующей волны сейчас с комфортом отдыхали в своих трюмах, тихо напевая про себя и ожидая, когда начнется «битва», удостоверяться, что их доспехи надраены до блеска, а нейрохлысты полностью заряжены...

Он бухнул кулаком по пульту из дюраллоя, содрав кожу на мягкой стороне запястья. В хьюманксском отряде имелось десять стингеров и крейсер, более чем достойные соперники для эйэннов, даже без сомнительной

«помощи» местных. Но еще до того жалкого спора несколько минут назад он знал, что майор Гонсалес пальцем не шевельнет в своей обшитой деревянными панелями каюте на «Альтаире» для вмешательства в любой конфликт, где не подвергались прямой угрозе интересы хьюманксов. Он вдруг застыл от неожиданно пришедшей в голову мысли. Конечно, если бы можно было навязать такое столкновение, что возникнет подобная угроза... все равно никакой верной гарантии... определенно, военный трибунал... увольнение из рядов Корпуса... 300 000 разумных существ... лагеря уничтожения... Он вдруг перестал быть таким уверенным, что ему хочется в конце концов стать капитаном. И все-таки ему нужно согласие...

— Бран, у нас, похоже, разладился двигатель.

— Что? Я не...

— Да, никаких сомнений в этом. Похоже, нас неудержимо несет в район предстоящего боя. И на полной скорости, никак не меньше. Крайне необычное и неудобное происшествие, ты согласен, не так ли?

— О! О, да.— Лицо его прорезала острая, как ятаган, псевдоулыбка.— Я вижу, что мы не в состоянии это предотвратить. Чертовски злополучное положение. Нам, естественно, придется срочно приготовиться к защите. Не думаю, что эйэннские компьютеры будут слишком тщательно разбираться, что за корабли залетают в район их прицела.

— Правильно. Я как раз собирался подвергнуться своим инъекциям.

— И я тоже.— Он откинулся в амортизированном кресле и почувствовал, как поле, дававшее им возможность маневрировать на высокой скорости, мягко сжало его.— Лучше поспешить с этим.

Он выполнил принятую в таких случаях процедуру и сделал все, что в его силах, чтобы не обращать внимания на едва воспринимаемое давление игл, когда те эффективно вошли в вены у него на ногах. Сразу же начали действовать специальные наркотики, повышавшие его восприятие и освобождавшие рассудок от искусственных ограничений, возвращенных для обуздания ин-

стинкта убийцы. В его мысли закралось прекрасное, окаймленное розовым, чувство жара свободы. Именно так и должно быть. Именно так правильно! Именно для этого-то он и создан. Он знал, что наверху позади от него Трузензуекс подвергается схожей терапии иными наркотиками. Они стимулируют его природную способность принимать мгновенные решения и решать логические уравнения безотносительно к таким отвлекающим моментам, как установки Улья и сложные моральные соображения.

Вскоре после Слияния, когда человеческие и транкские ученые открывали друг в друге одну удивительную вещь за другой, транкские психологи откопали то, что давно подозревали некоторые люди. Разум Хомо Сапиенса находился в вечном состоянии неустойчивого равновесия между полным эмоцилизмом и компьютероподобным контролем. Когда удалялись все следы последнего, как естественные, так и искусственные, человек возвращался к своего рода управляемой дикости. Он становился самой хитрой и эффективной убивающей машиной во вселенной. Если же производился прямо противоположный процесс, он превращался в растение. Для этого состояния не нашли никакого применения, но для первого...

Об этом в общем-то помалкивали. После множества ужасных, но честных демонстраций, проведенных транксами на своих человеческих ассистентах, человечество признало истинность этого открытия, с немалым вздохом облегчения, но ему не нравилось, чтобы о нем напоминали. Конечно, определенный контингент человечества все время знал это, и данная новость на него не повлияла. Другие же начали читать иными глазами произведения древних, вроде Донатьена Франсуа де Сада. Со своей стороны человеческие психологи пролили более ясный свет на чудесную способность транксов принимать быстрые и правильные решения с полнейшим отсутствием эмоциональных отвлекающих моментов и высоким уровнем практичности. Вот только транксы не считали ее такой уж чудесной. Установки их Ульев и сложные этические системы давно держали эту самую

способность на привязи, точно так же, как человечество — свои убийственные желания.

Конечный результат всех этих исследований и экспериментов был таков: в соединении с баллистическим компьютером для отбора и расчета целей триумвират транкс-человек-машина оказался непобедимой комбинацией в космической войне. Транкс служил уздой для человека, а человек — стрелом для транкса. Триумвират этот был эффективным и безжалостным. Всякие человеческие понятия о «джентльменской» войне исчезли навек. Только эйэнны осмеливались бросать вызов этой системе, и у них хватало сил и ума, чтобы делать это только спорадически и только тогда, когда они считали, что соотношение сил складывалось с большим перевесом в их пользу.

К счастью, транксы и люди оказались даже более психологически совместимыми, чем смели надеяться проектировавшие эту систему, потому что природа связки наркотик-транкс-человек-машина приводила к слиянию двух разумов на сознательном уровне. Положение складывалось такое, словно два полушария мозга должны были бороться за решение между собой, а достигнутый компромисс затем передавался на спинной мозг и остальное тело для проведения решения в жизнь. Некоторые пилоты стингеров сравнивали это с двумя близнецами в утробе. Близость отношений была именно такой. Только в таком виде итоговая боевая машина действовала со стопроцентной эффективностью. Партнер человека был его братом по кораблю. Мало кто из летающих на стингерах долго оставался женатым, за исключением тех, кто сумел найти понятливых жен.

Глаза Брана заволокло пощипывающим туманом, затемнявшим, но и все же усиливающим его зрение. Самые крошечные вещи становились для его восприятия очевидными. Пылинки в атмосфере каюты стали четкими, как валуны. Глаза его приклеились к белым ромбам на боевом экране со всей сосредоточенностью голодной кобры. Все пилоты стингеров подвергались, находясь под влиянием боевых наркотиков, легкому утешающему ощущению эйфории. Именно его-то Бран сейчас и испы-

тывал. Ради рекламных целей вербовочные плакаты принудителей утверждали, что оно — благотворный побочный продукт ГИП-наркотиков. Пилоты-то знали, чем именно оно было: естественным возбуждением, охватывающим наиболее полно освободившихся от ограничений людей, когда они предвкушали острое ощущение убийства. Чувства в нем кружились в вихре, но мысли оставались сфокусированными.

— На Вселенную, о мармеладный жук! — пьяно заорал он. А из тридевятого царства тридесятого государства до него долетел голос Трузензуекса:

— На Вселенную, о вонючий примат!

Корабль рванулся к углу эйэннского четырехгранника.

Вражеские силы терпели это, сколько могли. А затем три корабля отделились перехватить их безрассудную атаку. Остальное построение продолжало образовываться, ничуть не испугавшись. Несомненно, никто из командующих еще не заметил, что эта самоубийственная атака исходит не из района круживших внизу жалких оборонительных сил планеты. А так как они слышали весь разговор между флотами, то знали, что это никак не может быть судно Содружества. Бран навел один их средний СККАМ на ближайшего из трех перехватчиков, коренника. Он смутно сквозь теперь уже сплошной ароматический туман различал разъяренный голос майора Гонсалеса на межкорабельной частоте. Он раздражающе вторгался в его целиком занятое сознание. Командование явно не попалося на их кодовое сообщение о неполадках с двигателем.

— Эй, вы, там! Вы что делаете! Вернитесь в строй! Корабль номер... корабль номер двадцать пять, вернитесь в строй! Отвечайте, э... черт поберит! Брауншвейгер, чей это корабль? Даст мне кто-нибудь какие-нибудь сведения, черт возьми, или нет!

В стручке решительно стало слишком шумно. Он отключил репродуктор, и они помчались дальше в сравнительном безмолвии. Он ясно представил себе эйэннского адмирала. Сидит себе с комфортом в каюте одного из десантных судов, лениво пожевывая нарко-палочку и

поглядывая одним глазом на плававшие поблизости силы Содружества. Он, несомненно, тоже прослушивал разговор между губернатором планеты и майором Гонсалесом. И, без сомнения, здорово посмеялся. Ожидает приятной, рутинной резни. Мысли его теперь, должно быть, немного смешались, особенно если он заметил единственный стингер, безумно рванувшийся к центру его построения. Бран надеялся, что он разорвет ушные мешочки, прислушиваясь к сигналам детекторов.

Его рука плавно легла на гашетку. В мозг прокрался, доводя до бешенства, спокойный голос Трузензуекса. Нет, он был уже у него в мозгу.

— Погоди. Еще рано.— Пауза.— Вероятность.

Он сердито попытался выдавить эту мысль из головы. Это было слишком похоже на попытку отрезать часть своего «я». Рука его оставалась на гашетке, покуда точка кремового цвета становилась на экране безумно большой.

Снова раздался спокойный бесящий голос:

— Изменение курса на десять градусов минус Y, плюс X на два градуса приведет к оптимальной касательной для перехвата.

Бран знал, что им предстоит умереть, но в его отвлеченном помраченном сознании это казалось вопросом лишь косвенной важности. Непосредственной задачей и единственной причиной существования было убить как можно больше их. В том, что их самих уничтожат, сомневаться не приходилось, учитывая противостоящую им численность, но они могли, по крайней мере, притупить воздействие эйэннского вторжения. Крошечная часть его «я» отдала дань благодарности за спокойное присутствие Трузензуекса. Он однажды видел запись отряда стингеров в действии, где пилотами служили только люди. Она очень сильно напоминала виденную им на Земле трехмерную картину, показывавшую неистовствующих при кормежке акул.

Нужный мир сам уведомил его. «Огоны!» Не появилось никаких других предложений от инсектоидной половины его разума. Он почувствовал легкий крен поля своего тела, когда корабль выполнил сложный маневр,

который сведет на нет любой ответный огонь и в то же время позволит им разделаться с двумя оставшимися вражескими судами. Без поля его бы превратило в желе.

Исчезновение точки с экрана гравитационного колодца сказало ему, что снаряд СККАМ попал в эйэнсский корабль, пронзив его защиту. В космосе безмолвно вспыхнул сильный взрыв. СККАМ был неспособен «почти попасть».

Сама по себе система СККАМ была модификацией КК-двигателя, тянувшего корабли большинства вышедших в космос рас. Когда встретились люди и транксы, то обнаружилось, что человеческая версия двигателя мощнее и эффективнее транкского позигравитационного. Она также обладала более высокой пропорцией сохранения энергии, что делало применение ее более разумным. Работая вскоре после Слияния со своими человеческими коллегами, транкские ученые изобрели множество улучшений в и так уже замечательной системе. Этот модифицированный двигатель сразу же установили на всех хьюманкских кораблях, и другие расы начали заказывать компоненты, которые дадут им возможность сделать собственные модификации.

Однако превращение гравитационного двигателя в оружие неотразимой силы было целиком транкской новацией. Снаряды СККАМ являлись на самом деле термоядерными устройствами, насаженными на маленькие корабельные двигатели, за исключением того, что все их части, помимо тех, что требовали точки плавления выше 2400 градусов, делались из сплава осмия. Используя собственный гравитационный колодец запускающего судна в качестве первоначальной движущей силы, снаряд отправлялся к цели. На заранее определенном безопасном расстоянии от корабля включался собственный двигатель снаряда. Двигатель этот сразу же достигал преднамеренной перегрузки. Перегруженное силовое поле, уклониться от которого было невозможно, притягивалось к ближайшему гравитационному колодцу, в данном случае, к двигательной системе вражеского корабля. В паре с неуправляемой реакцией термоядерного синтеза два пересекающихся силовых

поля двигателей неизменно ликвидировали всякие следы цели. И вражескому судну было бесполезно пытаться спастись, отключив свое собственное силовое поле, потому что если оно и могло пережить столкновение с небольшим полем снаряда, то еще не сконструировали корабля, способного выдержать без экрана силу термоядерного взрыва. А так как защитные экраны действовали от энергии позигравитационных двигателей...

Он почувствовал, как корабль снова накренился, на этот раз не так сильно. В диапазон эффективного удара влетела новая цель. Он опять выстрелил. Трузензукс предложил возражение четвертого уровня, а Бран парировал возражающим вето второго уровня. Компьютер согласился с Браном и выпустил снаряд. Обе половины корабельного мозга были частично правы. В результате — новое попадание... но только едва-едва.

Эйэннское построение, казалось, заколыхалось. Затем левая половина четырехгранника развалилась, когда корабли с этой стороны попытались противодействовать этой опасной атаке на их фланг. Скорее всего, приказ рассеяться отдал эйэннский командующий. Запертый в медленном неуклюжем десантном судне, он теперь уже, вероятно, начинал тревожиться за собственную драгоценную шкуру. Подбодренные этим нестратегическим шагом своих противников, туземные оборонительные силы набросились на сломанное построение с фронта, умножая если и не число уничтоженных, то сумятицу, и пытаясь отвлечь внимание эйэннских боевых кораблей от своего неожиданного союзника.

Бран только что сделал третий выстрел — промах — когда стингер качнуло сильное сотрясение. Даже в защитном поле его с силой дернуло вперед. Свет мигнул, потускнел и погас, замененный миг спустя жутким синим светом аварийной системы. Он проверил приборы и передал обыденный доклад наверх.

— Тру, на этот раз двигатель сдох по-настоящему. Нам предстоит переходить на всего лишь свободный дрейф... — Он смолк. Типичный иронический ответ что-то запаздывал.

— Тру? Как дела на твоей половине? — Репродук-

тор выдал в ответ только приглушенное шипение. Он несколько раз щелкнул ручкой переключателя. Тот, кажется, действовал.— Тру? Да скажи ты что-нибудь, слизень! Старая улитка, термит, пьянчуга... черт подери, скажи хоть что-нибудь!

С утратой кораблем способности вести бой в кровеносную систему Брана автоматически впрыснули ГИП-противоядие. Слава Лимбу, автофельдшер все еще цел! Он чувствовал, как тяжело вытекает из него стремление убивать, заменяемое остающимся после него неясным привкусом и неизбежно следующей за боевыми действиями временной летаргией.

Одновременно ругаясь и плача, он начал бороться со своими ремнями. Он отключил силовое поле, не беспокоясь, что корабль может вдруг прыгнуть в боевом рывке и размазать его по всей переборке. Побагровев от усилий, он принялся перелезать через переломанные трубы и искрящиеся короткие замыкания наверх, где лежал на своей боевой кушетке Трузензузекс. Его собственные мускулы отказывались повиноваться, и он проклинал свои руки, которые упорно соскальзывали с поручней, словно с влажной пеньки. Он и не представлял, находясь в приносящем утешение гипнозе, как сильно пострадало от повреждений маленькое судно. Повсюду плавали колеблющиеся волокна и разорванная обшивка, указывая на потерю бортовой гравитации. Но стручок остался цел, и Бран мог дышать без кислородной маски.

Пост транкса был длинней и ниже, чем у него, поскольку рабочая поза инсектоида — лежать распластавшись лицом вверх. Поэтому первой встреченной Браном частью тела его напарника-мичмана оказалась сердцевидная голова с блестящими многофасеточными составными глазами. Знакомое свечение в них померкло, но не исчезло. Он принялся бешено массировать грудную клетку-б над шейным сочленением, совершая операцию, призванную стимулировать открытую систему кровообращения транкса. Он продолжал заниматься этим, несмотря на сильную влажность, застилавшую его глаза. Откинув голову назад, он, по крайней мере, заставил кровь из пореза на лбу временно поплыть назад.

— Тру! Брось, приятель! Двигайся, черт тебя подери! Встряхнись, сделай что-нибудь, черт возьми!

Его движения не прерывала даже ирония того, что он пытается привести в чувство своего товарища, дабы тот мог находиться в полном сознании, когда эйэннские разрушительные лучи разметаюи их составные части по всему космосу.

Трузензузекс начал слабо шевелиться под руками Брана, раздалось рваное, неровное шипение из дыхательных спикул.

— МММФФФ! ОООО! Друг мой. Сим я уведомляю всех без исключения, что удар по черепу решительно не способствует ученым размышлениям! Пожалуйста, немного ниже и правей, зудит именно там. Увы, боюсь, что у меня небольшой приступ головной боли.

Он медленно поднял истинную руку к голове, и Бран увидел, что там, где сильно ударил высвободившийся откуда-то штырь после спада силового поля, по лазурному экзоскелету инсектоида протянулась уродливая темная полоса. Организм транксов отличался исключительной крепостью, но и большой уязвимостью к глубоким порезам и проколам из-за их открытой системы кровообращения. Когда их доспехи целы, транксы практически неуязвимы. Намного больше, чем их человеческие коллеги. Тот же самый удар, вероятно, разбил бы Брану череп, как яичную скорлупу. Огромные глаза обратили взгляд к нему.

— Брат-по-кораблю, я замечаю в углах твоих окуляров легкое выпадение осадков, отличающихся по составу от жидкости, что даже сейчас сочтется из твоей головы. Я понимаю значение такой продукции и заверяю тебя, что в этом нет необходимости. Помимо ущерба моей безукоризненной и неотразимой красоте, со мной совершенно все в порядке... как мне кажется. Мне, между прочим, приходит в голову, что мы оба чересчур долго остаемся в живых. Так как я, похоже, временно ни на что не способен, то я бы оценил, если бы ты прекратил свой дождь-на-лице, вернулся на свой пост и выяснил, что именно там, черт возьми, происходит!

Бран вытер слезы с уголков глаз. То, что сказал Тру,

было совершенно верно. Оживление инсектоида настолько поглотило его, что он как-то не заметил, что по всем разумным стандартам военных действий им обоим уже несколько минут полагалось быть покойниками. Эйэнцы — бойцы, может, и лишенные воображения, но тем не менее действенные. Он залез обратно в кресло и перебросил аварийную энергию на боевой экран. То, что он там увидел, оглушило его рассудок, если не слух.

— Ооо — ваууу! Ффиббикс! Бей их! Врежь им, Шестой, хэй-хо!

— Да прекратишь ты наконец издавать непонятные звуки и скажешь мне, что там творится? Мои глаза еще не полностью сфокусировались, но я вижу, что ты подпрыгиваешь в своем кресле на манер, никоим образом не связанный с действиями корабля.

Бран зашел слишком далеко, чтобы слышать что-либо. Сцена на экране изображалась довольно слабо, но была вполне видна. Она напоминала игру в теннис, ведущуюся при нулевой гравитации двумя высокоскоростными компьютерами. Эйэнские силы полностью обратились в бегство, или, скорее, бежали их остатки. Яркие стрелы стингеров Сообщества петляли с характерной непредсказуемостью как *среди отступающих боевых порядков*, так и вне их. Иногда короткая, локальная вспышка отмечала место, где еще один корабль покидал плоскость материального существования. И сквозь рычание и вопли по связи каким-то образом прорывался голос, который не мог принадлежать никому иному, кроме майора Гонсалеса. Он снова и снова, раз за разом, повторял разными словами один и тот же в сущности вопрос:

— Что случилось, что случилось, что случилось, что?..

И тут Бран пострадал от второго ранения. Он растянул бока от смеха.

Все стало совершенно ясным позже, в военном трибунале. Другие члены Оперативной Тактической Группы увидели, что один из их числа сорвался с занимаемой позиции и понесся на эйэнское построение. Их пилоты-напарники терпели завязывавшуюся из-за этого схват-

ку, сколько могли. Затем они принялись срываться и следовать за ними. Только крейсер «Альтаир» не принял никакого участия в битве. Его экипаж тяжело переживал это, хотя его вины тут не было.

А на планете не спалили даже деревца.

Председательствовал в суде пожилой транкссский генерал с самого Хайвхоума. Его несгибаемая жесткость в соединении с полинялым экзоскелетом и язвительным голосом делали его и впрямь грозной фигурой. Что касается большинства членов Оперативной Тактической Группы, то с них сняли всякое обвинение в каких-либо проступках. Трибунал постановил, что они действовали в пределах предписаний Содружества о действиях «при оправдывающих обстоятельствах, где акту насилия против собственности или лиц, принадлежащих к Содружеству или Церкви надлежит противодействовать всеми силами, необходимыми для предотвращения последствий такого насилия». Это положение, постановил трибунал и вступило в силу, когда эйэннские корабли вступили в бой со стингером номер двадцать пять. А что касается того, что корабль номер двадцать пять сам спровоцировал данное столкновение, то этот вопрос трибунал «подвергнет тщательному изучению... в скором времени».

По приказу трибунала мичманов Брана Цзе-Мэллори и Трузензу из семьи Зекс лишили всех званий и уволили с воинской службы. Однако предварительно они должны были получить орден Церкви «За боевые заслуги», одно звездное скопление. Что и сделали. А также каждому неофициально презентовали свиток, на котором граждане планеты-колонии, известной как «Счастливая Охота», записали свои имена и благодарности... все двести девяносто пять тысяч.

Майора Хулио Гонсалеса произвели в командиры и сразу же перевели на тихий кабинетный пост в безвестной звездной системе, населенной полуразумными амфибиями.

После того, как его официально приняли в семью брата по кораблю, в Зекс, Бран вступил в Церковь и с головой окунулся в дела Канцелярии Нечеловече-

ской Социологии, получая там дипломы и почетные звания. Трузензузекс же оставался на своей родной планете Ивовый Закат и возобновил занятия психологией и теоретической историей, которыми он увлекался еще до воинской службы. Вскоре после этого ему присвоили звание эйнт. Их интересы сходились независимо друг от друга, пока оба не погрузились в изучение древней тарайимской цивилизации-империи. Прошло десять лет, прежде чем они встретились вновь, и с тех пор они всегда оставались вместе, положение, о котором ни у одного не имелось причин сожалеть.

— Не купите ли зимний костюм, сэр? Сезон быстро приближается, и астрологи предсказывают холод и слякоть. Самые прекрасные шкуры пирримов, уважаемый сэр?

— Что? Нет. Спасибо, торговец, не нужно.— Как раз впереди обрисовывался поворот к их постоялому двору, около продавца молитвенных колокольчиков.

Бран ощущал необыкновенно сильную потребность в сне.

Глава шестая

Флинкс вернулся в свою квартиру, чтобы привести в порядок дела перед путешествием. По пути домой он остановился у хорошо знакомой лавки и купил маленькую сумку. Именно такие он часто видел у матросов в порту, и ему она подойдет ничуть не хуже. Она была легкой, со встроенными сенсорными замками на обтюраторе и очень прочной. Флинкс проформы ради поторговался о цене, остановившись, наконец, на сумме девяносто шесть и двадцать сотых кредита. Он, вероятно, мог сократить цену еще на кредит, но его слишком занимали мысли о путешествии, причем до такой степени, что торговец осведомился о его здоровье.

Дома он совсем не удивился, обнаружив, что все его ценное или полезное имущество умещается в одну сумку. Он почувствовал лишь легкий укол сожаления. Он огляделся, нища, что бы еще взять, но постель не влезла

бы, равно как и его портативная кухня, к тому же, он сомневался, что будет испытывать на корабле недостаток в том и в другом. Воспоминания же удобно хранились где-то в другом месте. Он повесил сумку на плечо и покинул пустую комнату.

Консьержка осторожно поглядела на него, когда он приготовился оставить ей ключи. Она была в общем-то хорошей женщиной, но отличалась необыкновенной подозрительностью. В ответ на ее настойчивые расспросы он сказал только, что отправляется в довольно продолжительное путешествие и понятия не имеет, когда вернется. Нет, он не «скрывается от закона». Он знал, что женщина страдает болезнью, известной, как пристрастие к триди, и ее воображение соответственно отравлено. Не сохранит ли она комнату за ним до его возвращения? Сохранит... за четырехмесячную квартплату, авансом, если позволите. Он предпочел не спорить и заплатить. Это отрезало большой кус от столь недавно заработанных им ста кредитов, но он обнаружил, что спешит как можно быстрее потратить эти деньги.

Он вышел в ночь. Его рассудок подумывал о сне, но тело, напряженное от скорости, с которой мчались вокруг него события, категорически не соглашалось. Сон стал невозможен. И на улице было приятно. Он двинулся на огни и шум, погружаясь в знакомую горячку рынка. Он смаковал ночные запахи продуктового полумесяца, хриплое уханье пекарей, продавцов и лоточников, здоровался со знакомыми и грустно улыбался иногда изящному личику, выглядывавшему из освещенных окон менее респектабельных салунов.

Бывало, он замечал хорошо знакомое лицо. Тогда он лениво подходил, и они некоторое время дружески болтали, обмениваясь рассказами и сплетнями, которых у Флинкса всегда имелся большой запас. Потом богатый торговец или нищий трепал ему на счастье рыжие вихры, и они расставались.

Если бы джунгли можно было организовать и обложить налогами, их назвали бы Дралларом.

Он прошел почти милю, когда заметил легкое просветление западного небосклона, означавшее приближе-

ние первого тумана (настоящей зари на Моте не бывало). Время летело быстрее, чем думалось. Вскоре ему надо быть в порту, но еще оставалось сделать одно последнее дело.

Он круто повернул направо и заспешил по хорошо известным ему переулкам и проходным дворам. Поблизже к центру рынка, где ночью было тише, чем на окраинах, он вышел к крепкому небольшому щитовому зданию. На своих стенах оно рекламировало все виды металлических изделий, какие только продавались. На внутренней стороне двери имелся цифровой замок, но Флинкс знал как обойти это препятствие. И осторожно закрыл за собой дверь.

В маленьком здании стояла темень, но свет просачивался в открытые края крыши, служившие для вентиляции воздуха. Он тихо прокрался в заднюю комнату, не нуждаясь даже в этом сумеречном свете. Старуха спала там, тихо храпя на простой, но с роскошным одеялом постели. Дышала она неглубоко, но ровно, и на древнем лице играло то, что могло быть знающей улыбкой. Это была, конечно, чушь. Он постоял несколько долгих мгновений, молча глядя на морщинистое пергаментное лицо. Затем нагнулся. Мягко откинув в сторону хорошо причесанные седые волосы, он один-единственный раз поцеловал ее в впалую щеку. Женщина пошевелилась, но не проснулась. Он покинул комнату так же тихо, как и вошел, не забыв запереть за собой замок на входной двери.

Затем он повернулся и двинулся проворной трусцой в направлении челночного порта. Пип невозмутимо дремал у него на плече.

Глава седьмая

Огромный порт располагался на приличном расстоянии от города, чтобы его шум, дым и погрузочная суэта не мешали делам народа и сну короля. Идти туда пешком было слишком далеко. Он остановил запряженного мипахом рикшу, и возница направил быстроногого зверя

бегом в порт. Мипахи бегали проворно и могли огибать пробки, созданные более современным транспортом. Это был спортивный способ путешествовать, и свистевший ему в лицо влажный ветер стирал последние остатки начавшей одолевать сонливости. Так как животные эти являлись чистыми спринтерами и годились только для одной долгой пробежки на час, они были очень дороги. Они пролетали мимо более медленных машин и больших грузовиков на воздушной подушке, везших тонны товаров в порт и из порта. Бедняки Мота шли по обочине шоссе, как ходили веками и, несомненно, будут ходить еще века. На Моте не имелось общественных движущихся тротуаров, какие можно в изобилии встретить в столицах более цивилизованных планет. Помимо их дороговизны, кочевое население имело склонность разрезать тротуары на металл.

Когда он добрался до района коммерческих пусковых шахт, находившегося, по его мнению, поблизости от частных причалов, он расплатился с возницей, выгрузился и поспешил к большим трубообразным зданиям. Он неплохо знал расположение порта из-за своих многочисленных экспедиций сюда в детстве. Он не мог понять, откуда у него взялся интерес к этому месту. Ну уж, конечно же, не от матушки Мастифф! Но порт с раннего возраста всегда завораживал его своей связью с другими мирами и расами. Когда ему удавалось ускользнуть от бдительного родительского ока, он добирался сюда, часто проходя весь долгий путь на коротких нетвердых ногах. Он часами сидел у ног поседевших старых матросов, посмеивавшихся над его интересом и рассказывавших свои даже более старые, чем они сами, повести о пустоте космоса и искрах жизни и сознания, рассеянных по нему. А он почтительно внимал, жадно впитывая услышанное. Бывали случаи, когда он оставался до темноты. А потом очень осторожно крался домой, всегда в поджидавшие и дающие нагоняй объятия матушки Мастифф. Но в порту он делался разве что не загипнотизированным. Больше всего он любил рассказы о межзвездных грузовозах, этих огромных, похожих на дирижабли судах, преодолевавших громадные расстояния

между обитаемыми мирами и перевозивших странные грузы и еще более странных пассажиров. «Ты, пойми, сынок, — говорили ему матросы, — кабы не было грузовозов, вся чертова вселенная развалилась бы к чертям собачьим, и сам Хаос вернулся бы править!»

Теперь, возможно, у него будет шанс лично увидеть одно из этих легендарных судов.

Позади него послышалось приглушенное рычание, и, обернувшись, он увидел, как прыгнул в космос объемистый силуэт грузового челнока, оставляя знакомый кремово-алый след. Звукопоглощающее свойство его шахты еще больше усиливало многослойное стекло самого здания, призванного приглушить рев ракет и реактивных двигателей. Он уже много раз видел подобное зрелище, но казалось, что какая-то частичка его по-прежнему отправляется в космос с каждым новым взлетом. Он поспешил дальше, разыскивая портового служащего.

Приблизительно каждые пятнадцать минут в Дралларском порту приземлялся или взлетал очередной челнок. А этот порт был не единственным на планете. Некоторые частные порты, принадлежащие лесозаготовительным компаниям, почти не уступали ему по величине. Челноки вывозили древесину, меха, легкие металлы, продукты; привозили машины, предметы роскоши, торговцев и туристов. Вот! Кипу пластиковых панелей проверяла фигура в черно-белой клетчатой форме док-стюарда. Он поспешил туда.

Док-стюард оценил взглядом одежду, возраст и сумку Флинкса и взвесил эти факторы против явно опасной рептилии, бдительно свернувшейся теперь вокруг плеча юноши. Он обдумывал, отвечать ли ему на поставленный Флинксом краткий вопрос. Мимо проезжал на скутере старший стюард. Он притормозил около них:

— Затруднения, Прин?

Док-стюард благодарно посмотрел на своего начальника:

— Эта... личность... желает узнать, где частные причалы Дома Малайки.

— Гм.— Старший окинул взглядом терпеливо ждущего Флинкса. Тот ожидал чего-то в этом роде, но

прочел со стороны старшего только добрые намерения.— Так скажи ему. От того, что он поглазеет на корабли, вреда не будет, а может, у него и в самом деле есть там дела. Я видел на борту у Малайки и более странных типов.— Он прибавил обороты у скутера и умчался по сводчатому коридору.

— Пятая шахта, вторая поперечная труба налево,— неохотно объяснил стюард.— И помни — больше никуда!

Но Флинкс уже тронулся в указанном направлении.

Найти его было нетрудно, но выдвижной трап казался бесконечным. Он испытал облегчение, увидев высокую фигуру поджидавшего его коммерсанта.

— Рад видеть, что ты появился, киджана! — проревел он, хлопая Флинкса по спине. К счастью, тот сумел уклониться от основной массы удара.— Ты прибыл последним. Все остальные уже на борту и надежно пристегнуты. Отдай свою сумку стюарду и пристегнись сам. Мы как раз готовимся к взлету.

Малайка исчез впереди, и Флинкс отдал сумку услужливому на вид молодому парню, носившему герб Дома Малайки (скрещенные звездолет и пачка кредитов) на фуражке и куртке. Тот нырнул в низкую дверь в задней части челнока, оставив Флинкса одного в маленьком шлюзе. Чем стоять так, подпирая стену, пока стюард не вернется, он предпочел двинуться в пассажирский салон и найти себе пустое место.

Поскольку челнок был частный, а не коммерческий, он уступал последнему по размерам. В низком узком салоне имелось только десять сидений. Судно спроектировали явно не для продолжительных путешествий. Украшения по стилю тяготели к барокко. Он окинул взглядом сиденья в узком проходе.

Первые два кресла занимали Малайки и его Рысь, Сиссиф. Она для разнообразия облачилась в мешковатый комбинезон, но он только подчеркивал красоту ее лица. Во втором ряду сидели Бран Цзе-Мэллори и Трузензуекс, оживленно, по-дружески спорившие о каком-то предмете, оставшемся непостижимым для Флинкса на всех уровнях восприятия. Затем шли два пилота звездо-

лета, Ата Мун и человек-тень, Вульф. Оба внимательно смотрели, но на разные вещи. Ата глядела в иллюминатор, наблюдая обычные приготовления к взлету. Глаза же мужчины непоколебимо сфокусировались в невидимой точке в шести дюймах от его носа. Лицо его, как обычно, совершенно ничего не выражало. Он оставался непроницаем.

Внимание Аты постоянно переключалось с того, что происходило за бортом их крошечного судна, на происходящее в передней части салона. Она то и дело высывала голову в проход. Особенно когда оттуда доносились необычно громкое хихиканье или смешок. Вероятно, она считала, что, не привлекает к себе внимания. Наверное, и не заметила, что Флинкс поднялся на борт и уселся позади нее. Во всяком случае присутствие Вульфа ее, кажется, не заботило. Даже отсюда он видел, как напрягаются мускулы ее шеи и щек, как меняется ее кровяное давление и учащается дыхание, откликаясь на сцену впереди. Реакция была не сильной, но все же... Флинкс покачал головой. Они еще даже не добрались до корабля, а уже складывалась взрывоопасная ситуация. Он не мог сказать, как долго она образовывалась, но знал одно: он лично не желал быть поблизости, когда этот нарыв, наконец, лопнет.

Он гадал, а имеет ли Малайка хоть малейшее представление о том, что его личный пилот, верно служившая ему шесть лет, безнадежно влюблена в него.

Оставалось немало пустых кресел, и поэтому он выбрал находившееся позади Аты. Не то, чтобы он так уж сильно предпочитал его любому другому, но он старался держаться как можно дальше от загадочного Вульфа. Он не мог прочесть мыслей этого человека и поэтому все еще не был уверен в нем. Как и во многих других случаях, он желал бы, чтобы его своеобразные таланты действовали не столь капризно. Когда он направил свое внимание на Вульфа, то обнаружил только странно рассеянную пустоту. Занятие это походило на поиски в густом тумане. Роса плохо сохраняла символы.

Громкоговоритель в салоне дал краткое предостережение, и Флинкс почувствовал, как корабль под ним

накренился. Это происходило от гидравлического подъема челнока. Вскоре он занял устойчивое положение под углом взлета в семьдесят градусов.

Когда Флинкс пристегивался, то осознал еще одну проблему. Пип по-прежнему удобно обвивался вокруг его левого плеча. Это определенно не годится! Как же им управиться с минидрагом? Он подозвал стюарда. Тот влез наверх по проходу, держась за ручки, приделанные с краю кресел. Он осторожно посмотрел на змея и стал немного вежливей.

— Ну, сэр, он кажется способен весьма хорошо держаться хвостом. Ему, однако, нельзя оставаться на том же месте, потому что он будет раздавлен при взлете между вашим плечом и креслом.— Тон, каким он это произнес, ясно давал понять, что он был бы не прочь увидеть такой исход. И стюард спустился обратно по проходу.

Флинкс огляделся кругом и наконец сумел побудить змея перебраться на толстый подлокотник кресла напротив него. Поскольку Пип был существом, жившим на деревьях, Флинкса намного больше волновало то, как он прореагирует на давление при взлете, чем на условия невесомости. Не упоминая уже о том, как сумеет справиться с этим сам.

Он беспокоился напрасно. Роскошное суденышко взлетело так плавно, что давление практически не возникло, даже когда на смену реактивным двигателям включились ракеты. Оно было не хуже тяжелого одеяла у него на груди и мягко прижимало его к глубокому креслу. Приглушенное гудение ракет едва проникало в хорошо изолированный салон. В целом он испытывал лишь слабое ощущение дезориентации. Напротив, Пип, похоже, пребывал чуть ли не в экстазе. Тут он вспомнил, что Пип ведь прибыл на Мот в космическом корабле, и, следовательно, как минимум дважды подвергался подобному испытанию. Его опасения оказались беспочвенными. Но они сослужили свою службу, отвлекли его мысли от полета. Еще раз посмотрев на минидрага, Флинкс увидел, что узкая голова Пипа раскачивается из стороны в сторону, в то время как нераздвоенный язык

быстро снует туда-сюда, касаясь всего в пределах досягаемости. Перепончатые крылья разворачивались и хлопали от избытка удовольствия.

После отключения ракет маленький корабль поплыл в невесомости, и Флинкс почувствовал себя достаточно акклиматизировавшимся, чтобы протянуть руку и взять змея. Он опять поместил его на привычное место на плече. Знакомое давление на руку и спину действовало, как всегда, успокаивающе. Кроме того, эта проклятая тварь чересчур уж забавлялась. А уж чего им определено не нужно в начале экспедиции, так это ядовитой рептилии, безумно летающей в невесомости в небольшом пространстве салона.

Они миновали несколько судов на парковочной орбите вокруг планеты, включая одну из огромных заправочных станций для челноков. Некоторые из гигантских судов находились в процессе погрузки или разгрузки, и вокруг них плавали, искрясь, словно алмазная пыль, люди в скафандрах. Глаза юноши впитывали все и жаждали еще. Один раз, когда челнок повернул на девяносто градусов вбок и двинулся по прямой на стыковку с звездолетом, в поле зрения величественно всплыла находившаяся под ними планета.

С этого угла зрения были ясно видны знаменитые кольца-крылья. Лучистые масляно-золотые слои камня и газа в соединении с блестящими сквозь разрывы в облачном покрове, как сапфиры, озерами, заставляли планету более чем когда-либо походить на земное насекомое, в честь которого ее называли.

Он смог лишь мельком увидеть их корабль, «Славную Дырку». Этого оказалось достаточно. Зажатая между раздутыми грузовозами и пузатенькими транспортными судами, она выглядела словно породистый скакун на скотном дворе. Хотя она и имела неизбежную форму корабля с КК-двигателем, дирижабля, воткнутого в конец разводного ключа, контуры ее отличались от большинства судов. Один конец дирижабля отводился для размещения пассажиров и груза, а поршень на другом служил нагнетающим веером для позигравитационного поля. Вместо того, чтобы быть широким и неглубоким,

как тарелка, нагнетающий весер «Славной Дырки» был больше похож на кубок. А пассажиро-грузовой отсек хоть и походил на дирижабль, но был более вытянутым, заостренным. Даже по одному внешнему виду всякий мог определить, что «Славная Дырка» летала быстрее любого грузовоза или космического лайнера. Она была одним из самых прекрасных среди всех когда-либо виденных Флинксом предметов.

Он ощутил легкое подергивание ремней, когда челнок состыковался с переходным шлюзом большого корабля. Следуя инструкциям стюарда, он освободился от сдерживающих ремней и поплыл всед за другими в трубу-пуповину, перебирая руками по выдвижной лестнице. Роскошь «Славной Дырки» по сравнению с описанными ему грузовозами вскоре сделалась очевидной. Шлюз звездолета был отделан мехом.

Стюард и Малайка обменялись короткими фразами, и молодой человек в форме поплыл обратно в трубу, волоча за собой фал. Спустя немного времени дверь закрылась, и они оказались практически отделенными от челнока.

— Же? Если вы все последуете за мной — держитесь за скобы — мы перейдем в салон.— Малайка поплыл к выходу из шлюза.— Ата, ступай с Вульфом в рубку и заводите двигатель. Давайте-ка устроим здесь какую-нибудь приличную гравитацию. Я вам не буибуи, чтобы ткать собственную паутину! Вы знаете, где ваши каюты.— Ата и Вульф уплыли в боковой проход. Малайка повернулся лицом к пассажирам: — Остальных я провожу сам.

Салон представлял собой сказочную страну из стекла, дерева и пластика. По всему большому помещению висели на тонкой, но неразрывной сети из пластиковой паутины пузыри из хрустала, содержащие разные виды водной жизни ярких цветов. Сквозь зеленый мех пола прорастали настоящие деревья, все как одно являвшиеся образчиками различных произрастающих на Моте видов. С потолка, являвшегося объемным солоидным изображением открытого неба в комплекте с облаками и солнцем, свисали, подобно тучам, металлические скульп-

птуры, покрытые слоем пыли из самоцветов. «Небо» это начинало темнеть, эффективно симулируя закат, происходящий на какой-то стороне планеты внизу. Станные сравнения приходили тут на ум, но Флинкс по какой-то причине уподобил вызываемое ощущение с прохождением света сквозь особенно светлое пиво.

Корабль почти незаметно содрогнулся раз-другой, и он почувствовал, как к его телу начинает возвращаться вес. Он поплыл к боковой двери, а потом начал неистово молотить руками воздух, чтобы приземлиться на ноги, а не на голову. Один быстрый взгляд показал, что никто из других пассажиров подобных трудностей не испытывал. Сиссиф поддерживал Малайку, а Цзе-Мэллори и Трузензуекс даже не потрудились прервать свой спор. Он сердито заставил свои сбившиеся с пути ноги оказаться внизу. Никто не сделал никаких замечаний о его явных затруднениях, за что он был благодарен. После очень короткого промежутка вернулась полная гравитация.

Малайка прошел к тому, что походило на кактус, но оказалось на самом деле баром.

— На протяжении всего путешествия мы будем сохранять гравитацию в девяносто пять процентов от нормы. Возможно, большинство из вас не привыкло поддерживать в космосе мускульный тонус,— Флинкс быстро проверил содержание голов двух ученых и усомнился в точности замечания Малайки.— И поэтому я боюсь устанавливать гравитацию ниже этого уровня. Небольшой разницы будет вполне достаточно для хорошего настроения, к тому же, она приблизительно та же, что мы встретим при посадке у нашей цели. Этот салон будет служить постоянным местом сбора. Обеды будут подаваться сюда автошеф-поваром, если вы не предпочтете есть в своей каюте. Нджоо, я покажу вам ваши...

Флинкс провел три дня, просто изучая «свою». Она была набита фантастическими устройствами, выпрыгивающими на тебя из пола, потолка и стен. Приходилось следить за каждым своим шагом. Нажмешь не ту кнопку и тебя окатит теплой водой... безотносительно к твоему наряду в данный момент. Опыт этот приводил в уныние,

особенно когда он пытался постричься. К счастью, никто не мог засвидетельствовать это, кроме Пипа.

Он озабоченно следил, как его приятель отнесется к ограничениям жизни на борту корабля. Все прочие, за исключением Сиссиф, приспособились к присутствию рептилии. С этой стороны у него не возникало причин для беспокойства. Как оказалось, не возникало и никаких других. Минидраг стремительно летал туда-сюда среди пилонов и пластиковых гобеленов салона, словно они принадлежали ему, до одури пугая обитателей стеклянных шаров. Иногда он повисал, как летучая мышь, на особенно привлекательной искусственной или настоящей ветке. Когда обнаружилось, что селектор пищи в их каюте мог доставлять свежие кусочки сырого мяса виодора, комфорт змея был гарантирован.

Они уже несколько дней удалялись из звездной системы Мота с медленной, но постоянно нарастающей скоростью. Малайка находился в щедром настроении, и поэтому, когда Флинкс попросил разрешения поработать на подхвате в рубке во время перехода, коммерсант благосклонно согласился. Коль скоро они совершат первоначальный прыжок за пределы скорости света, при переходе степень их ускорения станет громадной.

Внешне никто другой не разделял его любопытства. Малайка оставался, уединившись в каюте со своей Рысью. Цзе-Мэллори и Трузензузекс проводили большую часть времени в салоне, играя в психологические шахматы и беседуя на языках и о предметах, из которых Флинксу лишь изредка хоть что-то удавалось уразуметь. Он опять возвращался к размышлениям об их полнейшей непринужденности в космосе и хорошем знакомстве с путешествиями на звездолетах.

Малайка пообещал зайти в рубку во время перехода и объяснить Флинксу, что и как. Но когда пришло время, Сиссиф стала дуться из-за какого-то непостижимого никому пренебрежения, и коммерсанту пришлось остаться с ней в каюте. Он поручил Ате ответить вместо себя на любые вопросы Флинкса относительно работы корабля и двигателя. Она подтвердила получение приказа с нескрываемым отвращением.

Флинкс пришел к выводу, что именно ему-то и придется прервать молчание, вызванное их бесцеремонной первой встречей. Иначе они могут не обменяться ни словом за все путешествие, а даже такой большой космический корабль слишком мал по площади для сохранения враждебности.

Он вошел в рубку и подошел сзади к ее креслу. Вульф находился на противоположной стороне помещения. Ата ничего не сказала, но он знал, что она заметила его приход.

Он прочел в ней прямоту и решил ответить тем же.

— Послушайте, я не собирался тогда пинать вас там, в башне.

Она повернулась и вопросительно взглянула на него.

— То есть, я не собирался пинать вас, я собирался пнуть... о, черт! — Объяснение не казалось таким сложным, когда он мысленно репетировал его. Конечно, тогда ему не приходилось бороться с густым красно-карим цветом этих глаз. — Я думал, что вы шпион... или убийца, или что-то в этом духе. Вы, разумеется, не выглядели так, словно вам место там, где вы находились, и поэтому я выбрал наименее кровавый путь, какой только мог придумать, чтобы заставить вас выйти на открытое пространство. Это сработало, вы оказались не тем, чего я ожидал, и я извиняюсь. Вот! Мир?

Она поколебалась, а потом лицо ее смягчилось в смущенной улыбке. Она протянула руку:

— Мир!

Он поцеловал ее руку, вместо того, чтобы пожать, и Ата вернулась, довольная, обратно к своим приборам.

— Знаете, на самом-то деле вы были правы. Мне было совершенно нечего делать там, где я находилась. Равно как и заниматься тем, чем я занималась. Неужели я со спины выгляжу такой похожей на убийцу?

— Напротив, напротив. — Затем внезапно спросил: — Ваш босс очень привлекает вас, не правда ли?

Ее брови поползли вверх от удивления. Иной подумал бы, что он только что раскрыл одну из величайших тайн вселенной. О, Дерево, неужели она настолько наивна?

— Право... право, что за предположение! Какая совершенно нелепая мысль! Максим Малайка — мой работодатель. И не более того. Что заставляет?... Э, у вас есть какие-нибудь вопросы о корабле? Если нет, то я за...

Он поспешно спросил:

— Почему, хотя этот корабль бесконечно сложнее челнока, обоим требуется одинаковый экипаж из двух человек? — Он знал ответ, но хотел поддержать разговор.

— Причина вот, прямо тут... — она показала на ряд огоньков и приборов вокруг них. — Из-за того, что они столь сложны, требуется еще много автоматики просто для управления. На самом деле «Славная Дырка» большую часть времени прекрасно управляет сама собой. Если не считать отдачи команд и принятия решений, мы находимся здесь просто на случай непредвиденной ситуации. Например, межзвездная навигация чересчур сложна для ума человека или транкса, чтобы управиться с ней на любом действительно практическом уровне. Звездолеты должны управляться машинами, иначе они вообще были бы невозможны.

— Понимаю. Под всякими мелочами и непредвиденными ситуациями вы подразумеваете вещи вроде перехода?

— О, от перехода нет никакой настоящей опасности. Компании любят превращать это в большое дело, чтобы вызвать у пассажиров легкую дрожь возбуждения. Разумеется, время от времени услышишь о каком-нибудь происшествии. Нарушит метеор границу гравитационного колодца в момент смещения, а шансов на это — один к миллиону, и корабль вывернется наизнанку или совершит что-то равно странное. Это исключение из правил. Триды и факсоиды раздувают эти происшествия до масштабов, совершенно не соответствующих их размерам. Обычно от этого не больше неприятностей, чем если перешагнуть с суши на плывущую лодку.

— Рад это слышать. Не думаю, что мне доставило бы удовольствие оказаться вывернутым наизнанку. Это случилось со старым «Куррионом», не так ли?

— Ну да. Это было в две тысячи четыреста тридцать

третьем году, по старому календарю. На самом же деле, нам приходится беспокоиться только о том, чтобы поддерживать постоянное положение центра поля по отношению к вееру и генератору. Об этом, по большей части, заботятся компьютеры. Коль скоро он упадет слишком далеко вперед или слишком близко, то придется остановить корабль, а потом начинать все заново. Это отнимает массу времени на ускорение и торможение, и дело это не только дорогое, но и хитрое. Если поле начнет выбрировать, то корабль может рассыпаться на куски. Но, как я сказала, со всеми этими беспокойствами за нас справляются компьютеры. Исключая, конечно, непредвиденные обстоятельства.

— Я никогда не бывал раньше на корабле с КК-двигателем. Хотя я и не физик, не могли бы вы дать мне краткое объяснение, как действует эта штука? Так, чтобы смог понять даже мой простой ум?

— Ладно,— вздохнула она.— Генератор Каплиса — а именно его мы и держим на «веере» впереди — делает вот что: он по существу производит мощное сконцентрированное гравитационное поле впереди по курсу корабля, корабль движется к нему, естественно притягиваемый «телом» с большей «массой», *нежели у него самого*. Являясь частью корабля, КК-двигатель, естественно, перемещается вместе с ним. Но двигатель, перемещаясь вперед, настроен поддерживать поле на постоянном расстоянии от корпуса судна. Поэтому поле тоже передвигается вперед. Корабль опять пытается догнать его, и так далее до бесконечности. Поле по существу тянет корабль, вместо того, чтобы толкать его, как это делают ракеты челнока. КК-суда на самом деле передвигаются серией непрерывных рывков, настолько стремительных и частых, что они кажутся одной непрерывной плавной тягой. Увеличение или уменьшение размеров поля определяет скорость корабля. Так как гравитация является волновым, а не корпускулярным видом энергии, то на нее приближение к скорости света влияет не так, как на массу. КК-поле создает позади себя конусовидную зону напряжения, в которой масса ведет себя иначе, чем при нормальных обстоятельствах. Вот почему, когда мы пре-

вышаем скорость света, я не вижу сквозь вас и что-нибудь в этом роде. В результате нашего первоначального прорыва, или «перехода», скорость нашего путешествия страшно возрастает. Это что-то вроде скачек верхом на очень хорошо управляемом снаряде СККАМ.

Наша первоначальная мощь берется от небольшой водородной «запальной свечи», — иногда я гадаю, откуда взялось это выражение — установленной неподалеку от генератора, расположенного в трубчатой части корабля. Коль скоро поле возникло, его можно в определенной степени «канализовать». Именно отсюда-то мы и получаем гравитацию для корабля и энергию для освещения, автобара и всего прочего.

На случай отказа двигателя имеются заготовки для превращения веера в старый двигатель ионного типа, получающий энергию от водородной свечи. Потребовалось бы двенадцать лет при наивысшей его скорости, чтобы добраться от Мота до Кабеля, ближайшей населенной планеты. А дальше в пространстве, там, где звезды более рассеяны, дело обстоит еще хуже. Но лучше через двенадцать с чем-нибудь лет, чем никогда. Оказавшись на мели, корабли спасались-таки этим способом... те, что сумели преодолеть трудности, вроде отсутствия продовольствия или безумия. Но процент отказа у КК-двигателей мизерный. Только изредка человеку удается раздолбать его.

— Спасибо, — поблагодарил ее Флинкс. — Это помогает... в некотором роде. — Он бросил взгляд на Вульфа и увидел, что тот совершенно погрузился в работу. И, понизив голос, сказал: — Между прочим, я думаю, что вы неправильно представляете себе, что такое Рысь.

— Проститутка, — автоматически ответила она.

— Угу, Рыси — это группа прекрасных и честолубивых женщин, не рассматривающих пожизненный брак как конечный итог развития цивилизации. Они предпочитают переходить от одного интересного мужчины к другому.

— Именно так я и слышала. И видела. Все равно это вопрос личной точки зрения. — Она подчеркнуто фыркнула.

Он направился к выходу:

— Поэтому я думаю, вам незачем беспокоиться, что Сиссиф или любая другая остановится на вашем коммерсante навсегда.

— Слушайте! — закричала она. — В последний раз вам говорю, я... — она резко снизила тон, когда Вульф с любопытством посмотрел в ее сторону. — Я не влюблена в Максима Малайку!

— Разумеется, разумеется, — отозвался из дверей Флинкс. — Это сразу видно.

И лишь некоторое время спустя, просматривая видеозапись в своей каюте, он вдруг сообразил, что пропустил переход.

Глава восьмая

Телин ауз Руденуаман непринужденно отдыхала в своих комнатах большого комплекса в поместье тетки. Одета она была скудно, то есть по меньшей мере столь же мало, как и огромный мужчина, стоявший перед настенным зеркалом, восхищаясь игрой своих мускулов.

— Рори, — обратилась она к потолку. — Ты ведь любишь меня, не правда ли?

— Гммм, угум, — отозвался мужчина, сгибая колено и разминая мускулы предплечья.

— И ты сделаешь для меня все что угодно, не правда ли?

— Угум, гммм.

— Тогда почему же, — внезапно закричала она, сев на постели, — ты, черт возьми, ничего не сделал этим утром, когда старая ведьма набросилась на меня?

Мужчина вздохнул и с сожалением повернулся от зеркала лицом к ней. Тело его было твердым, но лицо удивительно мягким, почти детским. Прекрасным и мягким. Выражало оно дружелюбие и описывалось лучше всего как до крайности бессмысленное.

— Телин, милая, я мог бы кое-что сказать, но чего бы я этим добился? Только вызвал бы у нее больше подозрений по отношению к нам. Она уже все равно

твердо решила задать тебе жару, и все сказанное мной вряд ли смогло бы отвлечь ее от этого. Кроме того, она, знаешь ли, была права. Ты-таки напортила с этим...

— Заткнись. Этого я наслушалась утром от нее. Наверняка ведь, она не могла ожидать, что я буду отвечать за неумелость людей, нанятых-то в первую очередь ее ребятами?

Рори Маллап ван Клееф опять вздохнул и начал натягивать золоченый халат.

— Полагаю, что так, милая. Но, впрочем, когда она вообще бывала в чем-нибудь разумна? Я в общем-то не понимаю тонкостей таких дел. Она сделалась страшной сукой, не правда ли?

Телин выскользнула из постели, и подойдя к нему, села рядом. Она собственнически обняла его за массивные плечи.

— Слушай, Рори, я уже говорила тебе. Мы можем добиться хоть какого-то счастья только одним способом: ликвидировав эту старую шлюху раз и навсегда.

Рори усмехнулся. Природа не обделила его чувством юмора, хоть и крайне примитивным.

— Ай-яй-яй, разве можно так говорить о любимой тетушке?

— Да. Только так и можно говорить о ней! И я при том ей льщу. Каждый раз, когда мы обсуждаем ее ликвидацию, во мне берут верх инстинкты милосердия. Но если конкретней...

— Пожалуйста, милая, я сейчас не в настроении.

— Рори, — она снова выпрямилась. — Ты любишь меня... или ее?

— Не надо непристойностей, милая! Ты понятия не имеешь, ни малейшего понятия, какая это трудная задача — необходимость постоянно изображать интерес к этому мешку хирургических чудес. Особенно, — он посадил ее к себе на колени и поцеловал, — после тебя.

— Ммм. Вот такие твои речи мне нравятся слушать! — Он снова заставил ее замурлыкать. — Значит, ты поспособствуешь мне?

— Как я уже говорил, если ты выдвинешь разумный

и приличный план. Любовь любовью, а я не намерен провести остаток своей жизни на каком-нибудь тюремном спутнике из-за какого-то лишь наполовину разработанного замысла. Я не гений, но достаточно умен, чтобы понять это. Поэтому пошевели мозгами за нас обоих. А я обеспечу любые потребные мускулы, которых,— добавил он, любовно разминая трицепс,— у меня более чем достаточно.

Она выскользнула из его объятий и сердито топнула по покрытому глубоким мехом полу.

— Перестань хоть на минуту восхищаться самим собой и попытайся быть серьезным. Убийство — это не забава.

— Отнюдь, когда оно связано с твоей теткой.

— О, ты невозможен! Ладно, слушай, ты знаешь, как она любит купаться в том маленьком бассейне, там, где все эти красивые рыбки, улитки и прочие? — Глаза ее сузились в щелки.— И что она старается плавать там каждый день?

— Да, я знаю это место. Ну и что?

— Будет ведь очень просто заминировать этот бассейн, как тебе кажется?

Он с сомнением покачал головой:

— Ее люди такое заметят. Ты же знаешь, как она осторожна.

— Не заметят, если мы замаскируем мину под одну из тех проверенных лягушек или что-нибудь еще! — Она так и сияла.— Да, под лягушку. Я уверена, что такое устройство можно изготовить. Да, водонепроницаемое, небольшое, но тем не менее способное вместить смертельный заряд. А ты сможешь, пока я подбрасываю эту штуку в воду, gm, «усыпить» на минуту охранника, больше нам не понадобится.

— План кажется неплохим, милая. Да, Телин, я тоже так думаю! — Он взял ее на руки и нежно поцеловал.— Мне, однако, интересно узнать одну вещь. Почему ты раньше не придумала что-нибудь в этом роде?

Губы ее скривились в хищной улыбке, которая, как она знала, была почти точной копией улыбки тетки.

— О, я придумывала, придумывала. Но до этого

утра я не испытывала на самом деле достаточного побуждения! Сегодня я наконец убедилась, что она совершенно обезумела. Будет всего лишь добрым делом подарить ей вечный сон.

Рашаллейла Нуаман отключила экран слезки и по-кошачьи улыбнулась самой себе. Щедрость и заботливость ее племянницы... ну, просто потрясали. Так значит, она набралась наконец достаточно смелости, чтобы действительно спланировать это дело! Да, самое время. Но доверить такое этому болвану ван Клеефу! Це-це-це. Плохая мысль, плохая. Как вообще мог кто-то влюбиться в автомат, полнейшее ничтожество, вроде этого! О, разумеется, в постели он был великолепен. Но за ее пределами, он был ничто, пустое место, нуль. Само собой, с добрыми намерениями и любящий. Как большой щенок. А, ладно. Пусть себе наслаждается своими играми. Это будет хорошей практикой для Телин. Поднимет ее уверенность в себе и все такое. В конечном итоге, однако, бедняжку придется резко привести в чувство. Она захихикала. Такие безделицы прекрасны, но не в рабочее время. А это кое о чем напоминает. Надо поручить смотрителю убрать всех этих миленьких лягушечек. По крайней мере, временно. Нет смысла зря терять их. Наверное, завтра на ужин.

Она немного поспешила выключить экран, разыгравшийся стимулированный ум ее племянницы осенила новая мысль.

— Нам также следует держать старую суку в состоянии неуравновешенности, Рори. Пока пытаемся побить это дело. Она, знаешь ли, не полная идиотка.

— Я полагаю, это неплохая мысль,— отозвался ван Клееф, разминая квадрицепсы.— Ты что-нибудь придумашь.

Лицо ее осветилось.

— Я придумала, о, я придумала!

Она потянулась и подошла к фарфоровому столу. Потайная кнопка открыла экран связи, который, как она знала, не прослушивался автоматическими мониторами слезки ее дорогой тетюшки. Это была единственная машина в поместье, чью схему она проверила сама.

Она быстро отстучала короткую серию цифр, помчавшую ее вызов по особой и очень секретной системе ретрансляции к тому сектору пространства, с которым мало кто имел контакты.

В конечном итоге экран прояснился, и лицо начало обретать четкость.

— Ну, доброго света вам, Амувен ДЕ, и да будет в вашем доме всегда полно праха.

Лицо эйэннского бизнесмена сморщилось в зубастой улыбке.

— Как всегда, как всегда. Очень рад снова видеть вас, госпожа Руд!

Глава девятая

Флинкс уже несколько минут молча глядел в иллюминатор салона, отлично сознавая, что позади него кто-то есть. Но повернись он сразу, это породило бы ненужную неловкость. Он повернулся только сейчас, увидел двух ученых и понял, что заботиться ему было не о чем, оба не обращали на него никакого внимания. Они растянулись на шезлонгах и созерцали великолепный хаос искаженных двигателями небес. Не обращая внимания на их пристальные взгляды, призматическое великолепие текло дальше без изменений.

— Не беспокойся на счет нас, Флинкс. Мы пришли сюда ради того же, насладиться зрелищем.— Философ вновь перенес свое внимание к большому иллюминатору и искаженным эффектом Допплера солнцам, пылавшим наного резче, чем когда-либо могли светить в своем естественном состоянии.

Но сосредоточенность и настроение Флинкса были уже нарушены. Он продолжал стоять лицом к двум ученым.

— Сэры, вам не кажется странным, что когда столь многим бывает так трудно договориться друг с другом, вы, принадлежащие к двум предельно различным расам, сумели так хорошо поладить?

— Твои вопросы, юноша, боюсь, никогда не будут отличаться излишней деликатностью.— Цзе-Мэллори повернулся к транксу: — В былые времена мы с моим другом существовали довольно в тесной, можно даже сказать, интимной связи. Этого требовала наша работа. И не так уж мы сильно различаемся, как ты, возможно, думаешь.

— Я помню, вы несколько раз называли друг друга братьями по кораблю.

— Да? Полагаю, называли. Мы так и не привыкли к мысли, что другие могут счесть это необычным. Настолько это естественно для нас.

— Вы были артиллерийским расчетом?

— Нет,— ответил Трузензуекс,— мы летали на стингере. Маленьком, быстроходном, с одним средним проектором СККАМ.

— Что же касается наших отношений, не связанных с корабельной жизнью, Флинкс, то я не уверен, что мы с Тру можем дать тебе объективный ответ. Наши личности, кажется, просто-напросто дополняют друг друга. Всегда дополняли. Взаимопритяжение между людьми и транксами — это нечто такое, над чем не один год бились психологи обеих рас, да так и не дали удовлетворительного объяснения. Есть даже пары и группировки, которым становится физически плохо, если они надолго разлучаются со своей инородной половиной. И это, кажется, действует на обе стороны. Своего рода психологический симбиоз. Субъективно же, мы просто чувствуем себя друг с другом крайне комфортно. Ты знаешь о событиях, приведших к Слиянию, питаро-хьюманксской войне и тому подобном?

— Боюсь, только разрозненные отрывки. Регулярное посещение школы — это нечто такое, что рано стало избегать меня.

— Гмм. Или, как я подозреваю, наоборот. Тру?

— Расскажи пареньку сам. Я уверен, что он найдет человеческую версию повести более приятной.

— Ладно. Люди и транксы знают друг друга сравнительно небольшой период времени. Сегодня в такое трудно поверить, но это правда. Разведкорабли обеих

цивилизаций впервые встретились друг с другом немногим больше двух з-веков назад. К тому времени человечество пребывало в космосе уже несколько з-веков. За это время оно в ходе изысканий и колонизации планет столкнулось со многими чуждыми формами жизни. Разумными и нет. То же самое относилось и к транксам, пребывавшим в космосе даже несколько дольше, чем человечество.

С самого начала между двумя расами возникло некоторое взаимопротивление. Благоприятные реакции с обеих сторон намного перевешивали ожидавшиеся предубеждения и антипатии.

— Подобные чувства существовали также и на транкских планетах,— вставил Трузензуекс.

— Я думал, что рассказывать буду я.

— Извини, о всемогущий!

Цзе-Мэллори усмехнулся и продолжал:

— Транксы были столь же чуждой расой, как и все уже встреченные человеком. Стопроцентные инсектоиды, с твердым покровом, открытой системой кровообращения, фасетчатыми глазами, жесткими негибкими сочленениями... и восемью конечностями. И они были яйцекладущими. Как выразился один тогдашний комментатор трилевидения: «Они были совершенно и великолепно странными».

— Если я правильно помню, ваш народ в то время тоже наделал немало глупостей,— пропищал философ. Цзе-Мэллори раздраженным взглядом заставил его заткнуться.

— По прошлому опыту можно было бы ожидать, что человеческая реакция на открытие расы гигантских насекомых будет враждебной или, по крайней мере, умеренно параноидной. Это оказалось стандартной формой взаимоотношений при всех предыдущих контактах. Человек на своей родной планете тысячи лет сражался с меньшими и более примитивными родственниками транксов. Фактически, хотите верьте, хотите нет, но первоначально слово «жук» имело доподлинный уничижительный смысл.

Но к тому времени человечество уже усвоило, что

ему придется жить в мире и гармонии с существами, чья внешность может быть отталкивающей. Делу не помогало и знание, что многие из тех существ считали человека, как минимум, столь же отталкивающим на вид, какими человек считал их. — Он выжидающе поглядел на Трузензуекса, но почтенный ученый — по крайней мере, временно — притих. — Поэтому действительная реакция между людьми и транксами оказалась вдвойне неожиданной. Две расы отнеслись друг к другу словно пара давно разлученных близнецов. Людей крайне восхищали такие черты транксов как спокойствие, способность к хладнокровному принятию решений, вежливость и парадоксальный юмор, так как они искали такие качества в себе. По тому же принципу транксов привлекало в людях безрассудство в соединении с расчетом, эгоистичная уверенность в себе и чувствительность к окружению.

Как только обе расы проголосовали по вопросу о Слиянии и одобрили его подавляющим большинством, несмотря на ожидаемое противодействие со стороны финансовых шовинистов, оно оказалось гораздо менее сложным, нежели думали даже оптимисты. Щелкающая речь транксов с сопутствующими посвистываниями имела на самом деле разумный фонетический эквивалент среди тысяч земных языков и диалектов.

— Африканские разновидности, — произнес словно про себя Трузензуекс. — Коса < §FKоса — южноафриканское племя банту.>.

— Да. Транксы со своей стороны могли, правда, с трудом овладеть главной человеческой языковой системой — земшарским. Конечным итогом огромных усилий фонетиков, семантиков и лингвистов с обеих сторон явился язык, который, будем надеяться, соединяет лучшие аспекты обоих. Щелчки, свист и некоторые из грубых скрежетаний ульречи сохранились в нетронутom виде, наряду с большинством более плавных гласных звуков земшарского. Получилось то, что, вероятно, ближе всего к универсальному языку, за исключением телепатии, из всего, что у нас когда-нибудь появится: симбо-речь. К счастью для деловых отношений, большинство

других рас с голосовым аппаратом тоже могут сносно овладеть ей, по крайней мере, настолько, чтобы с ними можно было договориться. Даже эйэнны, которые, как оказалось, освоили ее лучше многих.

Мигом возникло и распространилось общество взаимного восхищения. Весьма скоро оно перекинулось и на другие аспекты нового хьюманкского образа жизни. Наши политики, судьи и законодатели не могли не восхититься красотой и простотой, с которой соединились у транксов правительство и право. Это практически произведение искусства, построенное, как оказалось, из самой старой структуры Улья. Не то чтобы она так уж отличалась от древнейших человеческих муниципалитетов и народов-государств. Просто несколько разумней. Транкские юристы и магистраты вскоре расчистили массу завалов, забивших человеческие суды. Помимо присущего им высочайшего природного чувства справедливости, их никто никоим образом не мог обвинить в каком-либо пристрастии.

С другой стороны, спорт земного происхождения совершенно революционизировал самую большую проблему транксов, проблему досуга. Они просто не представляли, что существует столько организованных способов развлечься. Когда они открыли для себя шахматы и дзюдо, с запуском «блингов» и тому подобным сразу покончили.

— Черный пояс третьей степени,— гордо заметил Трузензузекс.— Хотя я и малость поскрипываю от такой деятельности.

— Я заметил. Я мог бы продолжать и продолжать, юноша. Человеческие планеты завалили изысканными образцами тонкого мастерства транксов. Механизмами, ремесленными изделиями, домашней автоматикой, сложной электроникой и так далее. Даже цвет тел обеих рас был взаимоприятным, хотя запах транксов имел решительное преимущество над человеческим.

— Тут спорить нечего,— пропыхтел философ. И заслужил за это еще один острый взгляд.

— Когда транксы заполучили земную литературу, живопись, скульптуру и такие, кажется, никак не взаи-

мосвязанные вещи, как мороженое и детские игрушки... короче, две расы слились просто изумительно хорошо. А о величайших хьюманкских достижениях, модифицированном КК-двигателе ты должен знать.

Но величайшим толчком к Слиянию, наряду с питаро-хьюманкской войной, было образование Объединенной Церкви. Среди обеих рас существовали мощные, относительно новые группы со схожими верованиями. Когда они узнали о существовании друг друга, об инородной организации с практически идентичной теологией и целями, то вскоре образовали союз, быстро одолевший всех, кроме самых консервативных членов старых утвердившихся церквей. В немалой степени сила Объединенной Церкви заключалась в том, что она настойчиво называла себя нерелигиозной организацией. Впервые народ мог получить духовное руководство высшего уровня без обязательного исповедания веры в Бога. В те времена это было настоящей революцией.

— Насколько мы можем судить,— вставил Трузензукс,— она все еще уникальна в том плане, что является единственным многорасовым духовным учреждением в Галактике. В ней есть члены и других рас, помимо людей и транксов.

— Боюсь, что я к ней не принадлежу,— сказал Флинкс.

— Меня это не тревожит. Церковь, это действительно меньше всего волнует. Прозелитизм ей, знаете ли, чужд. Она чересчур занята важными делами. Разумеется, она будет рада иметь вас или любого другого в качестве нового члена, но вы должны прийти сами. Гора должна идти к Магомету, потому что Магомет достаточно занят в своей епархии!

— Что? — не понял Флинкс.

— Забудь об этом. Архаическое выражение. Даже наш материалист-капитан — член Церкви.

— Я об этом догадался. Верит ли он также в Бога?

— Трудно сказать,— задумчиво проговорил Цземэллори.— Меня больше волнует, верит ли Бог в него, потому что у меня есть предчувствие, что прежде чем закончится это путешествие, нам понадобится любая

внешняя помощь, какую мы только сможем заполучить.

— Да, а как насчет питаро-хьюманксской войны? — вспомнил Флинкс.

— Ах, это. Гмм. Завтра, а? Сейчас мне не помешает выпить рюмочку. Не читал так много лекций с... очень давних времен.

Верный данному слову, на следующее утро он продолжил свою повесть за чаем с пирожными. Да, кроме всего прочего, в космосе быстро начинаешь скучать. Число его слушателей, однако, возросло, поскольку в салоне сидели теперь все, кроме Вульфа. Пришла его очередь нести вахту.

— Я знаком с подробностями, — вставил Малайка, по-хозяйски обхватив рукой талию Сиссиф. — Но думаю, что с удовольствием послушаю, как расскажете вы. Я знаю, что мои версии неверны! — и оглушительно расхохотался.

— Итак, — начал Цзе-Мэллори, бессознательно подражая капитану. — Спустя примерно пять десятилетий после первоначального контакта землян с транксами, отношения между двумя цивилизациями росли в геометрической прогрессии. Однако обе стороны все еще осторожничали друг с другом. Контакт между двумя религиозными группами находился еще в стадии образования, а слияние было мечтой в умах немногих выдающихся провидцев обеих рас. Их еще сильно превосходили в численности «патриоты» с обеих сторон.

Потом произошел первый контакт землян с питарами. Эта раса занимала две густонаселенные планеты в секторе Ориона. Они были совершенно неожиданным фактором. Чужая раса, схожая с людьми на девяносто шесть и три десятых процента. Действительно достопримечательное и пока до сих пор несравненное совпадение по форме. Внешне они практически не отличались от людей. С виду они весьма близко подошли к земному идеалу. Мужчины: высокие, красивые, мускулистые и исключительно хорошо сложенные. Женщины: на сто процентов женственные и, по меньшей мере, столь же привлекательные, как и мужчины. Человечество прошло короткую историческую фазу, когда все даже отда-

ленно питарское становилось объектом подражания. Сами питары казались достаточно сердечными, если и чуточку нервозными и эгоцентричными. Обе расы обменялись безграничными обещаниями о взаимной помощи и вечной дружбе.

У питаров было высоконучное общество, и в некоторых областях их исследования удивительно близко совпадали с земными. В вооружении, например. Причины этого очевидного раздвоения в их кажущейся миролюбивой цивилизации стали ясны позже. Чересчур поздно. Оно также явно имело диспропорциональное влияние на их общественную организацию.

Человеко-питарская дружба прогрессировала со скоростью, сравнимой с человеко-транкской. Спустя несколько лет после первого контакта каботажный грузовой случайно забрел к большой, но расположенной в стороне от главных торговых путей человеческой колонии. К Дереву, или как она больше известна теперь, Аргус V. Вся колония, примерно шестьсот тысяч душ, была полностью и безжалостно стерта с лица земли неизвестной формой жизни. На всей планете не осталось в живых ни одного мужчины, женщины или ребенка. Особенно бросалось в глаза отсутствие трупов женщин. Причину этого тоже открыли позже. Ну, посыпались выражения сочувствия со стороны других разумных рас, включая питаров. Они казались возмущенными до предела, как и все прочие. Большинство рас выслало тогда разведчиков попытаться обнаружить эту новую и опасную чужеродную расу, прежде чем сами станут жертвами подобной жестокости.

Два месяца спустя на орбите вокруг одной из двух лун опустошенной планеты нашли человека в древней спасательной шлюпке. Крейсер унопата — вы знаете эту расу? — патрулировал там в то время просто из любезности и случайно залетел в диапазон действия слабого передатчика шлюпки. Они никогда раньше не встречались с сумасшедшими людьми и сильно недоумевали, что с ним делать, пока не смогли наконец передать ближайшим человеческим властям. Ими, по случаю, оказалась большая исследовательская группа, прочесы-

вавшая Дерево в поисках ключа к происшедшему. После месяца интенсивной терапии психику парня удалось восстановить до степени почти вразумительной речи.

Им потребовалось некоторое время для уяснения смысла его рассказа. Рассудок его сильно сошел с резьбы от месяцев беспомощного дрейфа в космосе, страхов встретить вражеский корабль и от того, что он увидел на самой планете. Просто счастье, что у него не хватило смелости совершить самоубийство. Рассказанная им страшная повесть с тех пор не раз публиковалась, и я лично нахожу ее отвратительной и поэтому опушу кровавые подробности.

Враг нанес удар без предупреждения, обрушив смерть на неподготовленное население. Не имевшая регулярных военных сил — ни нужды в них — планета оказалась совершенно беспомощной. Попробовали было пустить в ход полицейские катера, но они, как и следовало ожидать, оказались бесполезными. Все призывы к милосердию, переговорам и принятию капитуляции встречали тот же ответ, что и яростное сопротивление.

Когда всякое сопротивление было подавлено и полностью уничтожена или забита межзвездная связь, захватчики высадились на кораблях смутно знакомых очертаний проверить, что осталось от разгромленной колонии.

Наш единственный уцелевший был столь же удивлен, как и все прочие, когда скрытые трехмерные экраны сфокусировались на шлюзах десантных челноков, и из них хлынули войска питаров. Они безжалостно уничтожали человеческое население, обращаясь с людьми так, словно те были самыми низшими, самыми мерзкими организмами во вселенной. Они прихватывали с собой немногие ценности и тому подобное, но, по большей части, казалось, наслаждались убийством просто из любви к нему. Как ласки на Земле. На этом этапе рассудок пациента снова начал шарахаться прочь от реальности. Лечившие его психиатры считали, что если бы он остался нормальным, то никогда не смог бы справиться с стрессами, навалившимися на его мозг из-за побега. Вроде четырех дней без еды и тому подобного.

Питары работали основательно. Они имели детекторы жизни и отыскивали уцелевших, как бы хорошо те ни спрятались.

Наш информатор жил в небольшом городке неподалеку от экватора планеты. Когда-то он служил механиком на корабле и купил маленькую устаревшую спасательную шлюпку, с которой любил возиться в свободное время. Опять же, требовалось быть сумасшедшим, чтобы предположить, что эта развалюха сможет когда-нибудь добраться до ближайшей луны. Прежде чем вражеские войска добрались до его района, он сумел перенести на крошечную шлюпку провиант и осуществить успешный взлет. Боевые корабли на орбите явно больше не ожидали никаких судов с поверхности планеты. Все космопорты уже были уничтожены, а все коммерческие КК-корабли на парковочной орбите распылили на атомы, когда они пытались бежать, или же захватили питарские призовые команды. Никто не думал о попытке бежать просто в космос. Луны непригодны для обитания, и в той системе нет никаких других планет, способных поддерживать человеческую жизнь. Или, возможно, у них не было аппаратуры, способной засечь столь крошечную и устаревшую систему двигателя, как у него. Так или иначе, он безопасно проскочил через их повернутые наружу экраны на замкнутую орбиту вокруг первой луны. Он вообще не ожидал, что его подберут. Все, о чем мог думать его помешанный мозг, это о том, как бы убраться подальше от мерзости внизу. Спасли его по чистой случайности.

Такова была суть его повести. Среди тошнотворных деталей, выуженных у него зондами, было и то, что питары сделали с телами убитых женщин. Это было настолько отвратительно, что власти попытались скрыть факты от широкой общественности, но, как это обычно происходит в подобных случаях, слух просочился. Последовавший взрыв был сильным и широко распространенным. Войну даже и не объявили формально. Потому что большинство членов Земного Конгресса были офицерами запаса и бросились к своим кораблям.

Собралась гигантская армада и рванулась в питар-

скую звездную систему. К большому удивлению всех, питары сумели удержать свои позиции со спутниковых и планетных баз. В космосе их корабли не могли тягаться с человеческим флотом, вдобавок к тому, они сильно уступали ему в численности, но питары учитывали возможность такого развития событий и их ученые установили оборонительно-наступательную сеть, которую не могло пробить вооружение звездолетов. Все свелось к войне на истощение сил, которую питары надеялись выиграть, сделав ее слишком дорогой для того, чтобы хоть кто-то мог выдержать. В результате их фактически блокировали от остальной вселенной или, как имели обыкновение выражаться наиболее вежливые, поместили в состояние «принудительного карантина».

Похоже было на то, что такое положение могло сохраняться бесконечно долго. То есть до тех пор, пока к делу не подключились транксы. Подобно большинству разумных рас, транксы прослышали о деталях резни на Аргусе V. Однако в отличие от большинства других, они твердо решили сделать что-то более эффективное, чем установление блокады. Последней каплей, с точки зрения транксов, послужило то, что питары сделали с человеческими самками. На транкских мирах самка считается объектом преклонения и символом беспомощности даже больше, чем на самых галантных из гуманоидных. Это наследие их древних предков, когда надо было защищать и кормить одну яйцекладущую царицу-матку. Поскольку эта позиция стала образом жизни, то понятно, почему именно земные самки и самки других гуманоидных рас, общавшихся с транксами, оказались среди первых проповедниц идеи Слияния.

Поэтому транксы добавили свои флоты к человеческим. Сперва это не произвело никакого эффекта, помимо усиления и так уже почти совершенной блокады. Затем человеко-транкские группы ученых сделали свои первые крупные открытия по системам КК-двигателей, комплексу оружия СККАМ и другим. И, наконец, изобрели устройство, способное успешно проникать сквозь боевую сеть питаров. Его применили. В это время среди хьюманкских ученых было желание попытаться сохра-

нить для изучения хоть один осколок питарской цивилизации. Они надеялись найти объяснение их расовой паранойе. Однако при тех чувствах, что царили на человеческих планетах, это оказалось невозможным. Есть также некоторые причины считать, что и сами питары не допустили бы этого. Так сильно они упали духом. В любом случае, они дрались до последнего города.

Остались три планеты, выжженные и пустые. Одна человеческая, две питарские. Их нечасто посещают, разве что любопытные да испытывающие тягу к острым ощущениям.

Научные экспедиции, работавшие на развалинах питарской цивилизации, пришли к выводу, что эта раса была совершенно неспособна принять или усвоить такие понятия как милосердие, сочувствие, открытость, равенство и схожие с ними абстрактные концепции. Они считали себя единственной расой во вселенной, заслуживающей права на существование. Коль скоро они сумели украсть все знания, какие могли позаимствовать у варваров-людей, они решили уничтожить их. Следующими в их программе ликвидации стали бы другие разумные расы галактики, включая транксов. По сравнению с ними наши недавние современные конкуренты, эйэнны, положительно пацифисты.

К счастью, в большинстве аспектов питары и не приближались по остроте ума к эйэннам. Развитие их вооружений намного превзошло расовую зрелость, а самомнение — ум. Я часто гадал, была ли питарско-хьюманксская война единственным толчком к Слиянию. Ведь были и общая ненависть к питарам, и испытываемая человечеством благодарность за помощь транксов, и страх, что где-то среди звезд может существовать другая компания убийц-психопатов, вроде питаров.

Когда Цзе-Мэллори закончил, в салоне стало очень тихо.

— Ну, — прервала наконец мрачно-задумчивое молчание Ата, — настала моя очередь нести вахту. Мне лучше пойти сменить Вульфа. — Она поднялась с шезлонга и направилась к выходу.

— Ндийе, Ндийе,— коммерсант нагнулся вперед и посмотрел на Сиссиф.— Пошли, моя пакадоге, кошечка. Мы только наполовину одолели эту твою великолепную книгу, и я жду не дожусь увидеть, чем там обернется дело. Даже если она по большей части из картинок. Вы извините нас, господа?

Девушка, хихикая, вывела его из салона.

Цзе-Мэллори принялся устанавливать уровни для доски психологических шахмат, в то время как Трузензуекс начал тасовать карты и расставлять синие, красные и черные фигуры.

Флинкс поднял взгляд на социолога:

— Сэр, вы ведь не участвовали в питаро-хьюманксской войне, не правда ли?

— Чистое Движение, юноша, конечно, нет! Признаю, я пожилой человек и даже старый, но не настолько же! Мой дед, однако, участвовал. Как я полагаю, и все наши предки того времени, тем или иным образом. Разве твои — нет?

Флинкс поднялся и слегка отряхнул штаны. мех ковра имел привычку приставать.

— Извините меня, пожалуйста, сэры. Я вспомнил, что не накормил сегодня Пипа ужином, а мне бы не хотелось, чтобы он стал раздраженным и начал покусывать меня за руку.

Он повернулся и направился к коридору. Цзе-Мэллори с любопытством посмотрел ему вслед, а затем пожал плечами и вернулся к игре. Ходить выпало ему.

Глава десятая

Пока не возникало никаких неприятностей. Первый признак их появился спустя три корабельных дня.

Малайка находился в рубке, проверяя с Вульфом координаты. Трузензуекс застыл в своей каюте в трансе медитации. Он применял эту технику всякий раз, когда желал обдумать проблему, требующую крайней сосредоточенности. А иногда и просто для того, чтобы

расслабиться. В таком состоянии ему требовалось меньше телесной энергии. В салоне Цзе-Мэллори пытался объяснить Флинксу особенности семантической загадки. Поблизости сидела Ата, пытаясь от скуки обставить саму себя в древней игре под названием Моно-Полия. Она перемещала непонятные маленькие фигурки и символы, совершая ходы, всегда казавшиеся Флинксу до скуки повторяющимися. Все шло нормально, пока в салон не вошла, раздраженно топая, скучающая Сиссиф, выставленная из Рубки занятым Малайкой. За ней развевался шлейф прозрачных псевдокружев.

— Это место тоскливое! Тоскливое, тоскливое, тоскливое! Тут все равно что... все равно что жить в гробу! — несколько минут она тихо кипела. Когда никто не удосужился обратить на нее свое внимание, она переместилась поближе к центру салона. — Что за коллекция! Два пилота, два яйцеголовых и мальчишка с ядовитым червяком в качестве приятеля!

Пип внезапно поднял голову и сделал недружелюбное движение в сторону девушки. Флинкс погладил его по затылку, чтобы тот расслабился и напряжение частично покинуло длинные мускулы. Его собственная реакция была слабее, так как он учел неуверенность в себе и смущение в уме девушки.

— Это рептилия и не имеет никакого отношения к...

— Рептилия! Червяк! Какая с того разница? — она надула губы. — И Макси не позволяет мне даже смотреть, как он играет со всеми этими миленькими координатами, стандартами и прочим! Он говорит, что я «отвлекаю» его. Можете себе представить? Отвлекаю его?

— Я тоже не могу представить, с чего бы это, моя милая, — пробормотала Ата, не отрываясь от игры.

Обыкновенно Сиссиф пропустила бы ее слова мимо ушей. За время пребывания в Дралларе у нее было более чем достаточно времени, чтобы привыкнуть к язвительности Аты. Но скука долгого полета в соединении с накопившимся раздражением заставили ее вспыхнуть.

— Предполагается, что это какое-то фигуральное выражение?

Ата все еще не отрывалась от игры. Она, несомненно,

ожидала, что Сиссиф, как обычно, отмахнется от ее замечания и бросится вон из салона в притворном гневе.

— Примерно так.

— А твой язык,— подхватила, пародируя ее речь, Сиссиф,— немного слишком «скверный»! — И быстро ткнула коленом столик с игрой. Будучи складным и не привинченным к корпусу корабля, тот легко опрокинулся. Маленькие металлические предметы и пластиковые карточки полетели во всех направлениях.

Ата, не двигаясь, плотно зажмурила глаза, а потом медленно снова открыла их. Она непринужденно повернулась лицом к Рыси, глаза ее находились на уровне коленей девушки.

— Мне думается, милая, что если мы собираемся продолжить этот разговор, то лучше заняться этим имея равные возможности.

Рука ее метнулась вперед и схватила удивленную Сиссиф за колени. Та испустила пораженный визг и со стуком села. С этого момента их тела, казалось, настолько слились, что Флинкс с трудом мог различить, где кто. Мысли их не поддавались расшифровке. Начался, так сказать, ненаучный бой, бой без правил. Цзе-Мэллори оставил свою головоломку и сделал похвальную, хотя и опрометчивую, попытку прекратить схватку. Все, что он получил за свои старания — это длинная царапина на щеке. В этот миг в передних дверях появился Малайка, спешно вызванный мягким мысленным побуждением Флинкса.

Он с полувзгляда понял всю сцену:

— Что здесь, во имя непристойности семи адов, происходит?

Даже знакомый рев не произвел ни малейшего впечатления на сражавшихся, слишком углубившихся теперь в свою работу, чтобы замечать мольбы всего лишь смертных. Коммерсант двинулся вперед и сделал попытку разделить пару. Фактически несколько попыток. Это было все равно что совать руки в смерч. Потерпев неудачу, он отступил.

Чем дольше живешь на нижних уровнях Драллара, тем больше приобретаешь знаний об элементарной че-

ловеческой психологии. Флинкс произнес громко, но ровно, вкладывая в свой голос как можно больше отвращения:

— Вот это да, если бы вы только знали, как смешно выглядите!

Он также рискнул дать краткую мысленную проекцию двух сражающихся, соответственно приукрасив ее.

В салоне мигом воцарился мир. Вихрь волос, зубов, ногтей и порванной в клочья одежды внезапно остановил свое вращение и распался на два отчетливо различимых тела. Обе тупо уставились на Флинкса, а затем неуверенно — друг на друга.

— Спасибо, киджана. Я знал, что ты кое на что годишься, но твоим талантам явно нет предела.— Малайка протянул руки вниз и схватил обеих девушек за остатки воротников, подняв их за шиворот, словно пару упрямых котят. Девушки молча прожигали друг друга взглядами и казались вполне готовыми начать все заново. Почувствовав это, он так сильно встряхнул их, что у них лязгнули зубы и свалились туфельки.

— Мы ведем миллиардную охоту в редко посещаемой территории за чем-то таким, из-за чего любая фирма в Галактике, стоит ей только пронюхать, с радостью перережет мне глотку, а вы мванамкевиву, кретинки, идиотки, не можете и месяца прожить мирно! — он снова встряхнул их, хотя и не так яростно. Теперь обе, судя по их виду, были не в настроении драться.— Если это случится снова, я выброшу вас обеих, кусающихся и царапающихся, если вы этого хотите, из ближайшего шлюза! Понятно?

Две женщины молча уперлись взглядами в пол.

— Ау идию ау ла! Отвечайте сейчас же! — голос громом прокатился по салону.

Наконец Сиссиф почти неслышно пробормотала:

— Да, Макси.

Он обратил смертоносный взор к Ате.

— Да, сэр,— тихо произнесла она.

Малайка продолжил бы внушение, но Вульф выбрал именно этот момент, чтобы заглянуть в помещение:

— Капитан, я думаю, вам лучше пойти посмотреть на это. На экранах появился предмет или предметы, про которые я сказал бы, что это корабль или корабли. Я хотел бы услышать ваше мнение.

— Нини? — взревел, резко поворачиваясь, Малайка.— Что? — Он выпустил обеих женщин. Обе стояли тихо, пытаясь хоть мало-мальски привести в порядок свою одежду. Периодически каждая бросала взгляд исподлобья на другую, но в данную минуту обе были основательно сконфужены.

— Похоже, он приближается к нам, сэр. Я желал бы, чтобы вы пошли посмотреть... сейчас же.

Малайка повернулся лицом к недавним драчуням:

— Ата, приведи себя в порядок и дуй в Рубку... упеси! Сиссиф, возвращаясь в свою каюту и оставайся там.— Обе спокойно кивнули и отбыли в разных направлениях.

— Социолог, пойдите и вытащите своего друга из этого полусна, или как там он его называет. Я хочу, чтобы вы оба были в полном сознании на случай, если произойдет что-то неблагоприятное. У меня такое предчувствие, что вы оба обладаете, по крайней мере, некоторым опытом по части корабельных маневров в глубоком космосе?

Цзе-Мэллори быстро шел к каюте Трузензуекса. Теперь он остановился и улыбнулся в ответ рослому торговцу.

— В некотором роде,— спокойно согласился он.

— Прекрасно. О, киджана? — Флинкс поднял голову.— Не спускай глаз с этого своего приятеля. Все здесь может немного запрыгать. Я не знаю, насколько возбудим этот чертенок, но я не хотел бы, чтобы он путался под ногами и нервировал занятых людей.

— Да, сэр. У вас есть какие-нибудь догадки, что это такое?

— И да, и нет. И боюсь, что по всей вероятности окажется первое. А это плохо.— Он задумчиво помолчал.— Ты можешь пройти в Рубку, если хочешь, покуда следишь за своим змеем. Скажи нашим ученым пассажирам, что они тоже могут, если пожелают. Места там

хватит. Я не хочу видеть в Рубке только Сиссиф. У этой милой пакадого есть склонность впадать в истерику, когда положение кажется ей неуправляемым, а она не может пустить в ход пальчик... и другие великолепные штучки для устранения этого безобразия. Но я думаю, что другие захотят быть рядом, когда мы выясним, что есть что. И они могут помочь своими предчувствиями. Я высоко ценю предчувствия. Кстати, не можешь ли ты ответить на свой вопрос за меня?

Флинкс сосредоточился. «Оно» было далеко, но кругом на много световых лет не имелось ничего другого, и поэтому дошло очень даже сильно. «Оно» было злобной странной картиной сухого воздуха, солнца, крови (вкуса соли) облегчения, целиком окутанной холодными, ясными, словно растаявший снег, мыслями, подходящими только к одному виду...

Он поднял взгляд, моргая глазами. Коммерсант внимательно следил за ним с довольно-таки озабоченным видом. Флинкс почувствовал бисеринки пота у себя на лбу. И произнес одно слово, потому что его было достаточно:

— ЭйЭнн.

Коммерсант задумчиво кивнул и повернулся к двери.

Глава одиннадцатая

Точка, указывающая на действие поля позигравитационного двигателя, стала теперь четкой и находилась далеко «справа» от них, примерно под девяносто градусов к госкости их курса. Двигалась она, определенно, курсом на сближение. Они все еще не могли быть уверены, что это такое, но, по меньшей мере, один мозг занимал схожую площадь в пространстве.

Флинксу вспомнился процитированный кем-то однажды древний афоризм. Если он не ошибался, там речь шла о двух людях, старом и молодом. Младший сказал: «Никаких новостей,— хорошая новость», а другой, земной святой мудро ответил: «Это не всегда верно, мой

юный друг. Рыбак не считает, что ему повезло, если у него не клюет». Флинкс не был уверен, что эта притча была подходящей аналогией для данного момента, так как обнаружил, что не согласен со святым.

— Их двое, капитан,— сказал Вульф.— Смотрите...

И верно. Даже Флинкс увидел, что когда большая точка приблизилась, она разделилась на две отчетливые крапинки. Одновременно он почувствовал множество разумов, схожих с первым замеченным им, хотя и намного слабее.

— Два корабля,— произнес Малайка.— Значит, моя единственная догадка ошибочна. Раньше тени. А теперь все во мраке. Усику. И все же, это может быть...

— А какой была ваша догадка, Максим? — спросил Трузензузекс.

— Я подумал, что один мой конкурент — определенный конкурент — пронюхал о вашем открытии больше, чем мне думалось первоначально. Или что произошла утечка определенных сведений. Если верно последнее, то я бы заподозрил, что кто-то на этом корабле шпион.— Присутствующие обменялись быстрыми беспокойными взглядами.— Такая возможность все еще остается, но теперь я менее склонен подозревать это. Я не знаю ни одного концерна в Рукаве, ни того, о котором я думаю, ни даже «Дженерал Индастриз», который мог бы себе позволить бросить два корабля на то, что имеет очень приличный шанс оказаться бесприбыльным предприятием, основываясь на всего лишь подложной информации из вторых рук. Даже эйэннская копорация-гнездо на это не пойдет.

— В таком случае,— сказал Цзе-Мэллори,— кто же наши гости?

— Не знаю, социолог, хата кидога. Совершенно не представляю. Но мы, несомненно, вскоре выясним. Они того и гляди окажутся в диапазоне приема, если уже не оказались. Будь в этом районе ретрансляционная станция, мы могли бы выяснить это раньше, допуская, конечно, что они пожелали бы дать нам знать о своем присутствии и достаточно точно знали бы, где мы находимся. Мне думается, что это сомнительно...

Ата умело манипулировала с датчиками и переключателями.

— Я все открыла нараспашку, сэр, и если они пошлют нам луч, мы его безусловно уловим!

И они уловили.

Появившееся на экране лицо, благодаря заблаговременному предупреждению Флинкса, никого не потрясло, а вот носимое им одеяние — да, так как оно оказалось совершенно неожиданным.

— Доброе утро вам, «Славная Дырка», — произнес желтолицый эйэннский офицер-аристократ, смотревший на них с экрана. — Или какой там период дня вы переживаете в данный момент. Капитаном, я полагаю, является знаменитый и прославленный Максим Малайка?

— Озадаченный и любопытствующий Максим Малайка вас слушает, если вы именно это имели в виду, — он двинулся в центр диапазона камеры передатчика. — Вы на одно очко впереди меня.

— Извиняюсь, — сказала фигура. — Меня зовут Рииди ВВ, Второй Барон Тиртона Шесть, офицер Четвертого Флота Всекосмических Оборонительных Сил Императора МЭЙЭнна. Мой корабль называется «Арр», и нас сопровождает в путешествии его корабль-собрат «Унн».

Малайка произнес в направлении микрофона общей связи:

— Это же надо. Ваша мать, должно быть, отличалась могучими легкими. Вы, ребята, оказались немного в стороне от своих обычных трасс, не так ли?

Лицо барона отразило легкое удивление. Как подозревал Флинкс, это была насмешка.

— Право, капитан! Зараженная Зона — пространство незанятое и открытое для всех. Здесь есть много прекрасных, пригодных для колонизации свободных планет, доступных для любой вышедшей в космос расы. Хоть и верно, что в прошлом правительство Его Величества больше занималось внешней экспансией, при случае поиск исключительно многообещающих планет проникает иногда и в такую даль.

— Очень четкое и на вид правдоподобное объясне-

ние,— прошептал Малайке Трузензуекс за пределами диапазона аудиовизуального приема.

— Да,— прошептал в ответ коммерсант.— Я тоже не верю ни единому его слову. Вульф, измени курс на сорок пять градусов X-плюс.

— Готово, капитан.

— Всегда приятно услышать от кого-то передачу посреди пустоты, и я уверен, что двух эсминцев Его Величества окажется более чем достаточно для любой «исключительно многообещающей» планеты, какую вам может случиться найти. Желаю вам удачи в ваших старательских поисках.

— Ваше пожелание успеха принято в том же духе, в каком оно дано, капитан Малайка. В ответ я хотел бы предложить гостеприимство моего корабля и экипажа, а в особенности нашего камбуза. Мне достаточно повезло иметь на борту шеф-повара, способного творить чудеса с национальной кухней тридцати двух различных систем. Этот парень — настоящий кудесник и будет рад иметь возможность продемонстрировать свои таланты перед такими знающими гурманами, как вы.

Рубку прорезал тихий шепот Вульфа:

— Они сменили курс в соответствии с нашим, сэр. А также прибавили скорость.

— Сохраняй прежний курс. И прибавь-ка скорость... до их уровня. Но сделай это тонко, мванамуне, тонко! — и снова повернулся к экрану:

— Истинно любезное предложение, барон, и обыкновенно я счел бы его большой честью и с удовольствием принял. Однако, боюсь, что обстоятельства побуждают меня отклонить данное предложение. Видите ли, прошлым вечером нам подали на ужин рыбу, и я уверен, что она была приготовлена гораздо хуже, чем это сделал бы ваш шеф-повар, и поэтому сегодня мы страдаем от жестоких болей в нижней части пищеварительного тракта. Если можно, я отложу ваше доброе приглашение до более удобного случая.

А дальше от микрофона прошептал:

— Все остальные расходитесь по каютам и пристегнитесь. Я постараюсь держать вас в курсе происходяще-

го по вашим внутренним корабельным экранам. Но если вам придется немного поболтаться, я не хочу, чтобы вы портили мою деревянную обивку и пачкали мои ковры!

Флинкс, Цзе-Мэллори и Трузензуекс дружно рванулись к выходу, заботливо оставаясь за пределами диапазона трехмерной видеокамеры. Но Трузензуекс не мог устоять перед желанием поиздеваться над давним врагом. Транксы имели дело с эйэннами задолго до человечества.

Он сунул голову в диапазон приема и крикнул:

— Знай, о пескоед, что я уже отведал эйэннской кухни, и мое горло сочло ее наждаком для неба. Обедаящие камнями быстро приобретают их же психические способности!

ЭйЭнн ошетинился, чешуя вдоль шейного гребня встала дыбом.

— Слушай, ты, выползший из грязи, предупреждаю, что!..— он оборвал фразу посреди ругательства и усилием воли вновь владел собой.— Я сохраняю вежливость, хотя ваш корабль она явно покинула, капитан. Будь по-вашему. Вы, знаете ли, не можете убежать от нас. Теперь, когда мы в пределах легкой досягаемости, мои операторы приложат все усилия, чтобы не потерять вас. Наше приближение к вам на минимальное расстояние будет лишь вопросом времени. В данный момент я буду надеяться, что вы еще раз обдумаете мое действительно исключительно вежливое и щедрое приглашение и снизите свое поле. Иначе,— мрачно заключил он,— я очень сильно опасаюсь, что мы вынуждены будем вскрыть вас, словно банку с зит-пастой.

Экран внезапно опустел.

Флинкс в своей каюте лег на койку и начал пристегиваться аварийными ремнями, постоянно прикрепленными к ее краям. Он велел Пипу устроиться рядом с его левой рукой, обвившись вокруг ограждения на этой стороне постели. И посоветовал ему вести себя тихо. Змей, чувствуя, что происходят важные события, сделал, что ему велели, с минимумом беспокойства и суеты.

Закончив экипировку и устроившись в достаточно удобной позе, насколько это вообще возможно при стя-

гивающих жестких ремнях, он включил небольшой экран, свисавший с потолка каюты. Тот мгновенно обрел четкость, открыв работающих в Рубке Малайку, Ату и Вульфа. И невольно начал вспоминать более знакомые виды и запахи. Это смутило его, но в тот миг он больше всего желал бы снова очутиться дома в Дралларе, жонглировать перед восхищенной толпой и заставлять мальчишек смеяться, сообщая им, в кого они тайком влюблены. То, что он смог уразуметь из мнений (мыслей) эйэннского командующего, не сулило ничего приятного. Чувство это внезапно исчезло, словно по его мозгу прошлись мокрой тряпкой, и он мрачно приготовился ждать.

В огромной, экзотически меблированной каюте, служащей ее покоем, Сиссиф лежала одна на большой постели, свернувшись в ремнях калачиком. Она чувствовала себя очень одиноко. Приказ пристегнуться ремнями был отдан жестким, не терпящим никаких возражений тоном, которого Макси никогда раньше с ней не позволял себе, и она испугалась. Роскошное личное снаряжение, витиеватая резная мебель, разбросанная по каюте дорогая одежда показались вдруг столь же легкомысленными и ветреными, как детские игрушки. Она знала, она просто знала, когда решила попытаться заменить ту другую маленькую ведьму — как там ее звали? — в качестве постоянной Рыси Малайки, что обязательно случится что-то ужасное, вроде этого. Она знала это!

Коммерсанты так чертовски непредсказуемы!

Она не станет включать экран связи с Рубкой и остальным кораблем. Пусть поживет немного без нее! Вместо этого она погрузилась как можно глубже в подушки из желтого шелка и пообещала себе, что если переживет это ужасное жуткое путешествие в никуда, то обязательно найдет себе какого-нибудь милого стапятидесятилетнего старика... на пороге смерти. Престарелого, богатого, с которым она может ожидать тихой, удобной, короткой брачной жизни... и долгого богатого вдовства.

Бран Цзе-Мэллори спокойно лежал на своей койке, повторяя сто пять аксиом Безразличного Созерцания.

Первоначальнс их избрел один блестящий аспирант с целью помочь нервничающим студентам расслабляться на экзаменах. Они должны сгодиться и в других ситуациях. Например, при нынешней. Но как бы упорно он ни старался, ему не удавалось продвинуться дальше двадцать первой. Она продолжала вновь и вновь повторяться у него в голове каждый раз, когда он пытался сосредоточиться на двадцать второй.

«Человечество, должно быть, самая самодовольная раса во вселенной, ибо кто еще станет верить, будто у Бога нет лучшего занятия, чем сидеть круглые сутки и помогать ему выпутываться из затруднительных положений?»

Мысль эта была недостойна того, кто должен был смягчиться за последние годы, но как, ах, как он желал ощутить в руках гашетку пушки, любой пушки. Они рефлекторно сжимались и расслаблялись, оставляя глубокие борозды на мягком одеяле.

Эйнт Трузензузекс спокойно лежал на своем модифицированном шезлонге, полностью вытянув ноги и скрестив на груди руконоги и истинные руки в надлежащей позе «У». Он пытался держать половину своего ума сфокусированной на корабельном экране, в то время как другая монотонно зачитывала ритуальные слова.

— Я, Тру из семейства Зен, клана Зю, улья Зекс, сим молю, чтобы я не навлек бесчестия на своих предков. Я, Тру из семейства Зен, клана Зю, улья Зекс, сим молю, чтобы в грядущее время Бедствий я мог оказать честь своей первой матери, матери клана и матери улья. Я, Тру из семейства Зен, клана...

Ата Мун и человек по имени Вульф думали совсем об ином. Они были чересчур заняты для всего прочего. А Максим Малайка, отвечавший за них за всех, тоже был занят по горло. К тому же, он был слишком напуган, чтобы иметь время для таких вещей как беспокойство. В его мысли ворвался Вульф:

— Они приблизились до расстояния в пять тысяч, сэр. При такой скорости они через пять-десять минут будут в пределах действия корпускулярного луча.

— Чуви! И прочие невыразимые! Черт побери!

Ата обеспокоенно поглядела на него:

— Неужели мы не можем попробовать увернуться от них, Максим? Я хочу сказать, капитан?

— Да, хаша, Ата. Никоим образом. Это эйэннские эсминцы. Они построены так, чтобы догонять и щелкать корабли побыстрее нашего. «Славная Дырка» — каприз богача, а не военный корабль. Но она довольно-таки скоростная, шарти. По необходимости. При любомличном расстоянии между нами во время первоначального контакта мы могли бы ускользнуть за пределы диапазона их детекторов и оторваться от них, но они сели нам на хвост прежде, чем мы узнали, кто они такие. В любом случае, их двое. От одного мы еще могли бы ускользнуть, но от двух — никогда. Не при таком расстоянии.

Ата подумала вслух:

— Разве мы не можем просто, ну, рискнуть и сдать-ся? Я хочу сказать, что, принимая во внимание все, этот барон казался совсем не таким уж и ужасным. Просто нетерпеливым. И мы не воюем с его народом, и вообще...

— Ндото. Мечтай. Эйэнны, Ата, действуют совсем не так,—он твердо сжал губы.—В лучшем случае они... нетерпимы... к тем, кто сотрудничает с ними. А с теми, кто отказывается... Если тебе любопытно узнать подробности, спроси у Вульфа. Он пять лет пробыл в эйэннском концлагере во время последнего настоящего хьюманкско-эйэннского конфликта. Может, есть и другие, протянувшие так же долго в одной из этих преисподних и дожившие до того, чтобы рассказать об этом. Если так, то я их не встречал.

— Капитан прав, мисс Мун. Я бы предпочел скорее выброситься в космос и лопнуть, словно глубоководная рыба, чем снова оказаться в плену у этих...—он кивнул на экран, где продолжали свое неотвратимое движение белые точки.—Наряду с прочими пристрастиями, они большие мастера утонченных видов пыток. Очень большие. У них это, понимаете ли, своего рода вид искусства. Большинство моих шрамов не видны. Они, понимаете ли, здесь.—Он постучал себя по виску.—Если желаете услышать какие-то подробные описания...

Ата содрогнулась:

— Не надо.

— Этот Ринди кажется довольно порядочным... для эйэнна, но рисковать... Если бы я мог освободить Вульфа от расчетов или себя от компьютера... тандуноно! Нет, погодите! — он склонился над микрофоном. — Ниний ниоте! Цзе-Мэллори, социолог. И вы, жук! Кто-нибудь из вас прежде применял когда-нибудь космическое оружие? Хотя бы на тренировке?

Цзе-Мэллори в своей каюте чуть палец не сломал, спеша избавиться от ремней. А Трузензуекс прервал свой ритуал в таком месте и в такой манере, что заслужил бы осуждение всех членов своего клана, узнай они про это.

— Вы хотите сказать, что на этой лоханке есть пушка? — закричал Цзе-Мэллори. — Какого типа? Где? Говори, меркантилист! Взрывное оружие, корпускулярные пушки, торпедные аппараты, разрывные снаряды, камни... мы с Тру управимся со всем!

— Же? Надеюсь, что так. Слушайте. За вашими каютами находится наам, хранилище. Там есть ход, он ведет в грузовой отсек. Потом по выдвижному трапу. Дойдите до конца, заблудиться там невозможно. Будьте осторожны, в той части корабля гравитации нет. Наверху вы найдете средний дискретный лазер, установленный на окружающем корабль универсальном поясе. Я сейчас подаю к нему энергию. — Он на миг замолк, пока его руки совершали манипуляции за пределами диапазона камеры.

— Он рассчитан на одного. Сожалею, философ. Но вы можете помочь ему с компьютером. Если ему не придется следить за целями и боевым экраном одновременно...

Двое «мирных» людей уже отправились в путь. Малайка мысленно прочел молитву, надеясь, что ученые не разрежут корабль, и вернулся к своим таблицам.

— Как у вас дела, Вульф?

— Они по-прежнему приближаются, сэр. Теперь не так быстро, так как мы сами набрали скорость, но все еще приближаются. Вы хотите перейти на максимум?

— Нет, нет, пока не нужно. Это наш последний вздох, если он нам понадобится. Путь пока продолжают думать, что «Славная Дырка» — всего лишь еще один обычный грузовоз. Я сперва хочу посмотреть, что могут сделать наши яйцеголовые с таким пугачом.

Яйцеголовые, о которых шла речь, с головокружительной скоростью неслись по выдвижному трапу. К счастью, им не мешал продвигаться никакой плавающий в воздухе груз. Огромная металлизированная полость была почти полностью пустой. Лениво плавали в паутине ограждений несколько ящиков, придавая бледно-зеленой пещере и ее призрачной атмосфере некоторую перспективу. Ощущение это усиливалось освещением или, точнее, отсутствием оно. Поскольку этот корабельный отсек посещали редко, за исключением прибытий и отбытий с грузовых станций, освещение было сведено к минимуму.

Они без труда отыскали развилку на конечном звене основного пути. Цзе-Мэллори подпрыгнул вверх и начал плыть к тросу. Дотянувшись до него, он начал быстро подтягиваться, перебирая руками. Трузензузекс, знал он, от него не отстанет. Инсектоид со своими четырьмя руками мог подниматься быстрее, но у него не было причин обгонять Брана, поскольку он никак не мог соперничать с ним в управлении спроектированной с расчетом на человека пушкой.

Они добрались до оружейной башни, сферы из толстого металла, похожей на волдырь на коже корабля. В ней имелась собственная аварийная энергетическая установка и запас воздуха. Двигаясь вдоль пояса корабля, пушка могла встретить приближавшуюся угрозу с любой стороны. Цзе-Мэллори лишь на секунду задумался, что же она делала на частной яхте, а затем оказался внутри башни и пристегнулся к сиденью стрелка. Трузензузекс задраил за ними люк и переместился к компьютеру прицеливания слева от Брана. В более современном оружии они объединялись бы в единственном шлеме, облегающем голову стрелка. Инсектоид принялся извлекать из аварийных отделений брасы, замки

и ремни, пока не соорудил себе достаточно прочные крепежные ремни около компьютера.

Бран сжал в правой руке гашетку со всей нежностью гордого отца, ласкающего своего новорожденного. А левую положил на сенсорный датчик боевого экрана. Он на мгновение неохотно отпустил гашетку и затянул нервные сенсоры вокруг растопыренной левой руки. Он разок сжал ее, чтобы убедиться, что датчики не жмут, а затем вернул правую к рукояти гашетки. А вслед за тем принялся внимательно изучать экран и диск прицела. Определенно ранняя модель, но, впрочем, лазерное оружие мало изменилось в своей основной конструкции за несколько веков и, вероятно, не изменится еще несколько столетий. Слишком уж простой и эффективной была эта основная конструкция. Он не сомневался, что сможет с первой же попытки действительно управлять им. И если уж о том речь, то он, черт возьми, обязан это сделать! Вряд ли преследователи дадут им пальнуть для пристрелки.

Под действием импульсов от его левой руки зажегся боевой экран. Он с радостью увидел, что его боевые рефлексy все еще действуют. На экране светились две точки размером с ноготь его большого пальца. На миг он чуть не ударился в панику, ему показалось, что он вновь очутился на борту «Двадцать Пятого». Если бы вражеский корабль сумел настолько приблизиться в боевой ситуации, то их уже давно распылили бы на атомы. Но, впрочем, это же не боевая ситуация. По крайней мере, пока. Он выбросил из головы эту неприятную цепочку мыслей. Тут нечто такое, из-за чего точат языки дипломаты. Явно ни один из приближающихся кораблей не ожидал встретить даже символическое сопротивление. Для них это просто игра в пятнашки. Они догоняли открыто и без предосторожностей. Возможно, они, дай-то Бог, отключат защитные экраны и, по крайней мере, сократят их энергию.

Слева от него Трузензуекс начал сыпать дробью цифр и координат. Один из эсминцев держался немного ближе другого. Такое небрежное построение было неизбежным результатом излишней уверенности со сторо-

ны противника. Бран начал мысленно прочерчивать траекторию выстрела в центр. Палец его заколебался над гашеткой, и он обратился в микрофон внутрикорабельной связи:

— Слушайте, Малайка. Они там охотятся за чем-то, а поскольку у нас есть только одна вещь, из-за которой стоит идти на риск межзвездного инцидента, они захотят получить нас живыми. Они приближаются к нам так, словно ожидают, что им придется всего-навсего поймать нас в сеть, как ощипанную птицу, гич. Я уже встречался ранее с эйэннами. Они не страдают избытком воображения, но соображают чертовски быстро. Это означает: один хороший выстрел, и только один, а потом нам лучше бежать во все лопатки. Насколько близко можете вы их подпустить, чтобы у нас оставался хоть какой-то шанс оторваться от их детекторов? Допуская, что они придут в такое замешательство, что позволят нам это.

Малайка быстро подсчитал в уме:

— Гм... гм... мара ква мара... Этому Рииди придется решать: разнести нас на атомы или сделать еще одну попытку... решит, несомненно, в пользу последнего... обязан взять нас живыми, или вообще ничего не добьется... я могу дать вам еще две тысячи миль дистанции. Нет, теперь уже полторы.

— Вполне годится,— сказал, сосредоточившись на экране, Цзе-Мэллори. «Должно сгодиться»,— подумал он.— Мы здесь узнаем, что расстояние достигнуто, когда на это укажет компьютер? — Малайка не ответил.

— Это приведет нас почти до... трех,— заметил Трузензукс.

— Полагаю. Дай мне знать, когда достигнем расстояния три и одна десятая.

— А времени хватит?

— Старый жук, мой добрый друг,— усмехнулся Цзе-Мэллори.— Мои рефлексy за минувшие годы может и замедлились, но еще не умерли! Хватит. На Вселенную!

— На Вселенную! — донесся ровный ответ.

В рубке Малайка с задумчивым лицом повернулся к Вульфy:

— Ты слышал?

Человек-тень кивнул.

— Тогда отлично. Начинай притормаживать. Да, притормаживать! Если он говорит, что ему удастся сделать только один выстрел, я хочу, чтобы он не промакнул. Поэтому давай как можно аккуратней сделаем вид, что прекращаем убегать.

Вульф начал послушно снижать скорость. Не сразу, но эйзенские компьютеры это заметят.

— Три и семь... три и шесть... — отсчитывал цифры с машинной точностью и четкостью голос Трузензукса.

Тело Брана оставалось неподвижным, но внутри он все-таки слегка дрожал. Он-таки постарел.

— Тру, э, ты не заметил в том аварийном шкафчике никаких ГИП-наркотиков?

— Гиперболнзующих ИП? Три и пять... ты же знаешь, что это снадобье стерегут столь же бдительно, как и схему СККАМ. О, разумеется, ублюдочные-то снадобья существуют и доступны на любом черном рынке. Все, что требуется сделать, друг мой, это, заимствуя выражение, «раздраконить себя»... три и четыре... не говоря уж о рефлекссах... вероятно, скорее задраконить их. Расслабься.

— Знаю, знаю! — глаза его не отрывались от экрана. — Но, позвонки побери, желал бы я сейчас принять что-нибудь!

— Лучше выругаться покрепче... три и три... представь себе, что ты опять в университете работаешь над диссертацией старика Нови. Это должно породить в тебе достаточно злости, чтобы ты разорвал эти корабли голыми руками...

Бран улыбнулся, и напряжение покинуло его. Тогда, в университете, Нови был их любимым объектом ненависти.

— ...три и два...

Теперь он так и видел перед собой уродливое лицо старого ублюдка Нови. Он гадал, что же в конце концов случилось со стариком после... Палец его сжался на гашетке.

— ...три и од...

Кнопка гашетки была уже нажата.

Через миг из «Славной Дырки» выскочило в ничто лезвие изумрудно-зеленого света, ярче солнца. Миллисекунду спустя оно вонзилось в веер двигателя ближайшего корабля эйэннов, которым по воле случая оказался «Унн». Возникла беззвучная вспышка ослепительно сверкающего золотого пламени. За ней последовал взрыв испарившихся твердых тел и расширяющееся, быстро рассеивающееся облако ионизированного газа.

Боевой экран показывал одну белую точку и одну крошечную туманность.

В оружейной башне Бран лихорадочно пытался навести лазер для выстрела по второму кораблю, но так и не получил настоящего шанса.

После секундного молчаливого созерцания распада Малайка разрешил себе издать один оглушающий вопль:

— Озиии-еее! — а затем: — Вульф, Ата, даешь ходу! — Ата хлопнула по кнопке, и «Славная Дырка» прыгнула вперед с максимальным ускорением.

На все еще существующем эйэннском корабле «Арр» паника царила только в тех отсеках, где власть барона Рииди ВВ была периферийной. Вокруг него же экипаж выражал только фатальную покорность судьбе.

Единственной приятной мыслью на уме у всех было, что они сделают с людьми на этой яхте, когда командир и техники выжмут из них все, что хотят знать. Никто не смотрел в лицо барону из страха встретиться с ним взглядом.

Полированные когти барона в бессильном гневе скребли по чешуе левой руки. В правой находился микрофон.

— Главный механик, — спокойно обратился он по связи, — будьте любезны, полную мощь. Все, что вы можете выделить, помимо экранов. — Он не потрудился спросить, включены ли они теперь.

Он снова повернулся к господствовавшему на мостике огромному боевому экрану. На нем белая точка быстро уменьшалась, но не сумела исчезнуть совсем.

Теперь и не сможет. Не спуская глаз с экрана, он обратился к экипажу по корабельной связи:

— В потере «Унна» нет ничьей вины. Не ожидая межпространственного вооружения на частной яхте данного типа, мы включили только противометеоритные экраны. Теперь эта ошибка исправлена. Противник быстrophоднее, чем оценивалось первоначально. Он явно надеялся уйти за пределы детекторов в суматохе, порожденной потерей братского корабля. Этого не произошло. И не произойдет. Мы кончили играть по правилам. Накрутите себе хвосты, господа, наша задача — догнать корабль! И когда мы догоним, я могу пообещать вам кое-какие интересные развлечения!

Вдохновленный этим экипаж «Арра» взялся за дело с энтузиазмом.

Бран разок коротко выругался, когда уцелевший эйэннский корабль съехал за пределами дальнотойности.

Трузензуекс деловито выпутывался из самодельных крепезных ремней.

— Расслабься, брат. Ты действовал именно так, как мы хотели. Даже лучше. Они отключили экраны, спору нет, иначе не рвануло бы так здорово. Мы, должно быть, попали им прямо в генератор. Какое зрелище!

Цзе-Мэллори последовал совету и насколько смог расслабился.

— Да. Да, ты совершенно прав, Тру. Во второй раз нам бы так не повезло. Если бы у нас вообще был второй раз.

— Именно так. Я предлагаю вернуться теперь в каюты. Эта игрушка стала теперь бесполезной. Вот будь у нас настоящая пушка... а, ладно. После тебя, Бран.

Трузензуекс вновь открыл люк, и они нырнули в него. Направляясь обратно через сумрачные зеленые полости отсека, они упустили поздравления Малайки, когда те полились из репродуктора уже пустой орудийной башни.

— *Клянись хвостом туманности Черный Конь!* Они

сумели-таки! Эти слабые, простые, миролюбивые идугу-зури сумели-таки врезать им! Разнести с одного выстрела боевой корабль из этого старья! — он покачал головой. — Может, мы еще и не выкрутились, но, клянусь пророками, теперь эти ящеры поймут, что побывали в бою.

Вульф вернул коммерсанта к действительности:

— Они снова начинают настигать нас, сэр. Медленнее, чем раньше. Намного медленнее. Но мы гоним, путив в ход все, что у нас есть, а они все равно сокращают расстояние.

Ата кивнула, соглашаясь с ним:

— Экран, может, еще и не показывает этого, но приборы подтверждают. При таком темпе у нас есть еще около трех, нет, четырех часов, прежде чем они окажутся на расстоянии действия парализующего луча.

— Же! Значит, все. Пепонга пи? Сколько злых духов?

Он откинулся в кресле. Коль скоро они приблизятся, то сделают мумии из всех, кто был на борту, а потом на досуге размотают им мозги. Методы могут варьироваться, но будут, несомненно, уникальными по своей неприятности. Этого нельзя допустить. Как только эйэнны подойдут достаточно близко, *он позаботится, чтобы все получили смертельную дозу чего-нибудь из аптечки для гарантии невозможности допроса.* Или, возможно, лучше лазер? Сожженных в пепел эйэннские техники, как ни хороши они, восстановить не смогут. Да, это наилучший выбор. После того как он покончит со всеми остальными, ему надо будет удостовериться, что он не попадет мимо мозга. У него будет только один выстрел. Тебе лучше начать искать зеркало, Максим!

Если бы только был какой-то способ набрать достаточно скорости, чтобы выскочить за диапазон детекторов! Хотя бы на несколько микросекунд — этого может хватить. Космос огромен. Дай ей этот драгоценный интервал — и «Славная Дырка» оторвется от преследователей. Он бессознательно положил ладонь на руку Аты:

— Должен быть какой-то способ набрать еще полкратного!

Он не заметил, как задрожала ее рука, когда он накрыл ее, ни того, как она смотрела на нее. Он внезапно убрал руку, так и не осознав, какое воздействие произвел на своего второго пилота.

Флинкс тоже обдумывал эту проблему, на свой собственный лад. Он мало разбирался в звездной навигации и еще меньше — в КК-двигателях... но ведь Малайка забыл больше, чем он мог узнать за всю жизнь. Связи в мозгу торговца разветвлялись на миллион цепочек. Он терпеливо пробегал то по одной, то по другой, выводя на поверхность полузабытые усвоенные знания и их применение, туда, где собственная система Малайки могла выудить их, осмотреть и отбросить. В некотором смысле это походило на пользование системой поиска в Королевской Библиотеке. Он продолжал это с терпением, которого и не подозревал в себе, пока...

— Но акили! Здравый смысл!..— Малайка замолк, и его глаза открылись так широко, что Ата действительно встревожилась.— Ата! — Она невольно подскочила при этом крике.

Он нашел его. Каким-то образом мысль поднялась из тайников в глубине его мозга, где годами лежала нетронутой.

— Слушай, когда впервые добрались до Зараженной Зоны, изыскательские корабли прошли сквозь нее — какую-то часть ее — с целью нанести на карту, верно? В конечном счете эта идея была отброшена как непрактичная, — в смысле дорогая — но все первоначально собранные сведения остались. Именно так и положено делать. Сверься с памятью машины и выясни, нет ли поблизости от нас каких-нибудь нейтронных звезд.

— Что?

— Великолепная мысль, капитан, — сказал Вульф. — Я думаю... да, есть возможность, — разумеется, минимальная и трудная, — что мы сумеем утащить их за собой. Куда приятней, чем простое самоубийство.

— Именно так, Вульф, за исключением одного. Я думаю даже не о сложном самоубийстве. Мвализури, поговори со своей машиной и узнай, что она скажет!

Ата быстро отстучала запрос. Машине потребовалось

только мгновение, чтобы выдать на экран длинный список ответов.

— Ну да, есть одна, капитан. При нашем теперешнем темпе хода, примерно в семидесяти двух корабельных минутах от нашей текущей позиции. Координаты имеются и, в данном случае, записаны с точностью до девяти... девяти и семи десятых.

— Тогда начинай отстукивать их! — он повернулся вместе с креслом и нагнулся над микрофоном радиосвязи. — Всем внимание! Теперь, когда вы, служители мира и спокойствия, действительно умиротворили половину наших преследователей, я получил достаточный стимул, чтобы выдать равно безумную идею. То, что я... то, что нам предстоит попробовать, теоретически возможно. Я не знаю, делалось это раньше или нет. Никаких данных о неудачной попытке нет. Я считаю, что мы должны рискнуть. Любая альтернатива предпочтительней верной смерти. Иначе плен неизбежен.

Трузензуекс нагнулся, насколько позволяли ремни, и произнес в свой микрофон:

— Могу я спросить, что вы... мы попытаемся сделать?

— Да, — поддержал Вульф. — Мне, признаться, и самому любопытно, капитан.

— Же! Мы направляемся к ближайшей нейтронной звезде этого сектора, координаты которой у нас имеются. При нашей нынешней скорости мы вонзимся в гравитационный колодец на нужной касательной через семьдесят... теперь уже шестьдесят девять минут. Следующие несколько минут Ате, Вульфу, компьютеру и мне самому предстоит дьявольская работа: прокладка курса. Если мы сможем попасть по этому полю в определенную точку при нашей скорости... я надеюсь, что громадное притяжение звезды отшвырнет нас с достаточной скоростью, чтобы убежать за пределы диапазона эйэннских детекторов. Они едва ли могут этого ожидать, и даже если они вычислят, что мы затеяли, то не думаю, что наш друг барон сочтет, что стоит трудиться делать то же самое. Ему есть что терять. Все. А нам, в данный момент, почти нечего. В любом случае, только мы — люди —

достаточно безумны, чтобы попробовать подобный фокус, квели?

— Да. Поддерживаю предложение. Согласен, — ответил Трузензузекс. — Будь я способен запретить этот идиотский план, то заверяю вас, я бы это сделал. Однако, так как это не в моей власти... давайте приступим, капитан.

— Обречены на слабые похвалы, а, философ? Есть и другие возможности, вату. Либо мы пролетим мимо точки касания и понесемся дальше, в каковом случае вся попытка становится никчемной и мы будем взяты в плен, либо мы нырнем слишком глубоко и будем захвачены звездным колодцем, затянуты и разбиты на мелкие кусочки. Как капитан я наделен властью принять такое решение, но это не совсем обычное плавание, и поэтому я ставлю на голосование. Кто против?

По связи дошло только слабое фырканье, относящееся, несомненно, к Сиссиф (она поддалась любопытству и включила связь). Его нельзя было истолковать как возражение.

— Же! Значит, попробуем. Настоятельно рекомендую вам потратить некоторое время на проверку ремней и улечься как можно удобней. Если мы заденем поле звезды точно по касательной, то я почти убежден, что «Славная Дырка» сможет выдержать действие затронутых сил. Если не сможет, то это не будет иметь значения, потому что наши тела пропадут задолго до корабля. Хайдкуру. Не имеет значения. Я понятия не имею, чего следует ожидать в физиологическом плане. Поэтому приготовьтесь как можно лучше духом и телом, потому что через шестьдесят... — он оборвал фразу и взглянул на хронометр, — ...шесть минут все так или иначе определится.

Он прервал связь и начал бешено выбивать на пульте компьютера команды и запросы.

Если у них есть какое-то утешение, подумал Флинкс, так это то, что не будет никакого медленного наращивания силы тяжести на корабле. Они либо успеют, либо нет, на такой крайне высокой скорости все кончится в один миг... как сказал Малайка, все так или иначе

определится. Он не хотел думать о том, что случится, если они промахнутся мимо точки контакта и нырнут слишком близко к звезде. Народец в колодец. Не смешно. Он увидел себя и Пипа раздавленными всмятку, плоскими как бумага, и это тоже оказалось не очень забавным.

Хронометр, не ведающий жалости к человеческим заботам, продолжал отсчитывать время. Осталось шестьдесят минут... сорок... двадцать... десять... пять... три... две...

А затем, невероятно, до страшного суда осталось только шестьдесят секунд. Прежде чем он нашел время поразмыслить над этим изумительным фактом, произошел легкий толчок. По кораблю растекся, словно желе, безмолвный вопль из самой глубокой бездны времени. Он висел на краю каньона ничто, покуда тот отчаянно пытался проглотить его. А он отказывался быть проглоченным. ОТКАЗЫВАЛСЯ. Булавка среди других булавок в чашке молока, в то время как где-то миллион ногтей скреб по тысяче истерически воющих школьных досок — РРРРИИИППИИИПП...

Глава двенадцатая

На борту эсминца «Арр» главный навигатор мигнул, глядя на детекторный экран, а затем повернулся и уставился туда, где сидел на командном кресле барон.

— Командир, хьюманкское судно исчезло с моих экранов. Мы также стремительно приближаемся к нейтронной звезде немалого гравитационного потенциала. Ваш приказ?

Барон Рииди ВВ славился своей настойчивостью. Мысль, что уже почти пойманная добыча сбежала от него, была крайне непривлекательной. Однако он не был и дураком. Глаза его устало закрылись.

— Смените курс на тридцать градусов вправо к нашей нынешней плоскости. Снизьте скорость до крейсерской, нормальной.

Затем он снова поднял взгляд, открыв глаза на боевой экран. Где-то там находилась белая точка. И там, тоже невидимая, бездонная шахта невообразимой энергии закрывала завесой возможное бегство. Или быстрое самоубийство. В его мозг просочилось легкое подозрение о намерениях людей. Он не испытывал ни малейшей склонности пытаться повторить их действия. Жив этот идиот или мертв, он об этом не узнает много месяцев... и именно это-то больше всего и бесило.

Он размял длинные пальцы, уставясь на ярко отполированные когти, которые были подстрижены до размеров, подобающих высокопоставленному аристократу. На двух из них сверкали коллоидные самоцветы. Он сцепил их перед грудью и толкнул вперед. Те из экипажа, кто был знаком с обрядами знати, узнали этот жест. Он указывал на Концепцию Непрактичной Мощи. При данных обстоятельствах это представляло собой отдачу чести скрывшемуся врагу.

— Установите курс возвращения на базу «Преглин» и передайте нашему другу промышленнику следующее сообщение... нет, я не желаю межзвездной огласки. Просто передайте: «Перехватил предсказанное судно и произвел положительное аудиовизуальное отождествление. Повторяю, положительное. Преследовал до...— дайте наши текущие координаты, шкипер,— ...где контакт с последним был непоправимо потерян из-за,— он слегка улыбнулся,— неожиданного спурта скорости преследуемого судна. В боевых действиях с последним потерял эсминец «Унн» со всем экипажем». Связист, добавьте следующее примечание и зашифруйте его моим личным кодом: «Сударь. Ваша просьба оказалась до крайности дорогостоящей. Вопреки вашим указаниям мы столкнулись не с перепуганным грузом устранных менял, как вы заставили меня поверить. В результате вашей халтурной работы я теперь оказался в неудобном положении вынужденного отчитываться за проведенное вне базы время перед моим добрым другом, князем Каатом Ц. Вопрос насколько он добрый друг подвергнется тяжелому испытанию. Как и ваша способность давать крупные взятки кому надо. Надеюсь, ради нас обоих, что

последняя окажется достаточной. Объяснить потерю «Унна» будет куда труднее. Если произойдет утечка сведений об истинных обстоятельствах этого идиотского предприятия, то этого будет более чем достаточно, чтобы приговорить нас к смерти от пыток энной степени в руках Мастеров. Будьте добры не забывать об этом». Подпишите это: «Искренне ваш Рииди ВВ, барон, и т. д., и т. п.». И принесите мне выпить.

Глава тринадцатая

Стояла осень. Матушка Мастифф закрыла лавку, завернула обед и взяла их обоих в Королевские парки. День выдался безоблачный, потому-то они и выбрались из дома. Буквально безоблачный. На Моте это не просто приятное исключение, а целое событие. Он отлично помнил, как бесконечно глазел на странного цвета небо. Оно стало голубым, столь отличающимся от нормального светло-серого. От него болели глаза. Мысли животных, птиц сделались странными и путанными. А мелкие торговцы апатично сидели себе в ларьках и тихо кляли солнце. Оно украло у них всех клиентов. Небо стало мягче, а в Дралларе любая мягкость была редкостью. Поэтому все взяли выходной, включая короля.

Королевские парки занимали обширную территорию. Вначале их создали строители первых ботанических садов для заполнения пространства, оставшегося после постройки этих огромных сооружений. Из-за какой-то чудовищной бюрократической ошибки их открыли для простой публики, и с тех пор так и осталось. Огромные сверкающие стволы знаменитых железных деревьев устремлялись, прямые и гордые, на невозможные высоты над его мальчишеской головой. Они казались куда более вечными, чем сам город.

Железные деревья сбрасывали листву. Каждую вторую неделю приходили королевские садовники и собирали все опавшие листья и ветки. Железные деревья попадались редко, даже на Моте, и эти огрызки были

чересчур ценными, чтобы выметать их. По территории парка фланировали стражники в лимонно-зеленых мундирах, больше для защиты деревьев, нежели людей.

На чудесных гимнастических снарядах и гигантских шарах играли дети. Король считал, что раз уж народ допустили в парк, то и он может с таким же успехом в полной мере насладиться пребыванием в нем. Дралларские короли отличались жадностью, да, но не исключительной.

Флинкс был слишком робок, чтобы присоединиться к хихикающим бегающим фигуркам на игровой площадке. И они все боялись Пипа, глупые! Хотя была там одна девочка... сплошные кудряшки, голубые глаза и румянец. Она нерешительно топталась на месте, упорно стараясь показать, что ей все это не интересно, но без успеха. Мысли у нее были приятными. Минидраг скорее завораживал ее, чем отталкивал. Они находились на грани знакомства на простой, но очень правильный лад, который так быстро утрачивают взрослые, когда сверху спланировал большой невидимый лист и ударил его прямо между глаз. Листья у железного дерева тяжелые, но не настолько, чтобы нанести рану, даже маленькому мальчику. Только смущение. Она начала неудержимо хихикать. Рассвирепев, он ушел, с горящими от ее смеха ушами, с мозгом, парализованным мыслью, что она увидела его в таком виде. С минуту он подумывал науськать на нее Пипа. Но это был один из тех импульсов, которые он научился обуздывать очень рано, когда способности змея были предельно ясно и страшно продемонстрированы на их настойчивой мучительнице, бродячей собаке-дворянге.

Несмотря на то, что он уходил все дальше и дальше, ее смех преследовал его, словно призрак. Уходя, он наносил злобные и бесполезные удары по беззаботно плававшим вокруг него листьям ржавого цвета. А иногда он даже не прикасался к ним, когда они, сломавшись, падали наземь.

Глава четырнадцатая

Затем небо перестало быть голубым. Не было оно больше и светло-серым. Оно стало пастельно-зеленым.

Флинкс перестал молотить руками и огляделся кругом. Пип прекратил бить хозяина перепончатыми крыльями по лицу и, улетев, удобно свернулся вокруг ближайшего ограждения койки, удовлетворенный вызванной им реакцией. Крепкая конструкция минидрага явно мало пострадала от болезненного воздействия. Флинкс еще не знал, обругать ли его или поцеловать.

Он попробовал сесть, но повалился на спину, истощенный этим коротким усилием. Самое интересное — кости его вообще не беспокоили. Но мускулы! А также связки и сухожилия, вся связующая паутина, соединяющая части скелета. Ощущение такое, словно их связали конец к концу, растянули, скатали в шар и сбили в одну из наименее аппетитных фрикаделек матушки Мастифф.

Это стало настоящим испытанием, но он, наконец, сумел сесть. События последних... — сколько он пробыл без сознания? — вернулись к нему, когда он растирал онемевшие ноги, восстанавливая кровообращение. Как только он вновь почувствовал себя достаточно хорошо, то поспешил нагнуться и включить микрофон корабельной связи. На случай, если другие находились в менее удовлетворительном состоянии, он объявил медленно и четко, так, чтобы его наверняка поняли.

— Капитан? Капитан! Рубка! Есть там кто-нибудь? — он почувствовал все прочие разумы, но не их состояние, так как его собственный был еще слишком взбаламучен, чтобы сфокусироваться.

— Рахиси, киджана! Не волнуйся. Рад слышать, что ты тоже очнулся, — в голосе торговца слышался знакомый здоровый грохот, но Флинкс прочел в его мозгу напряжение. Еще через минуту на маленьком видеоэкране вспыхнуло его изображение. На грубом лице прибавилась морщина-другая, а в бороде — несколько седых волос, но в остальном каменная физиономия осталась прежней. И хотя его тело и душа выглядели измо-

танными, лицо отражало прежний энтузиазм.

— Мы с Вульфом оставались в сознании, хотя и не на ногах, мойо. Узито! Какое испытание! Кажется, наш друг, твердолобый философ, носящий свой внутренний скелет снаружи, вынес это лучше, чем все остальные. Он пришел сюда и привел нас в чувство.

Голос инсектоида донесся по репродуктору откуда-то извне пределов действия камеры, но Флинкс мог определить транкса по силе его мыслей, бывших и впрямь лучше организованными, чем у его спутников.

— Будь остальное ваше тело, капитан, таким же твердым, как лоб, вы, по крайней мере, не нуждались бы в моей помощи.

— Же! Ну, киджана, Цзе-Мэллори был на ногах дольше всех нас, и, по-моему, Гер Жук как раз сейчас приводит в сознание Ату... Мы собирались потом отправить его осмотреть тебя, Флинкс, но я вижу, в этом нет нужды.

— Мы су... — Но Малайка, казалось, не расслышал, а Флинкс слишком устал, чтобы зондировать его мозг.

— Мвана муне и мтото, что за сучья скачка! Извиняюсь, бвана Трузензузекс. Не хотел обидеть. Это старое земное выражение, означающее приблизительно «неистово мчаться в пекло». Я знаю только, что оно подходит к нашей нынешней ситуации. Наверно, его сочинили для дружеского Мунгу. Преображение! Флинкс, мой мальчик, мой киджана, мой мтото, мы пронесли мимо той звезды так быстро после того, как задела поле, что наш управляющий компьютер не смог управиться с этим! Эта автоматика не создана для программирования такой скорости, и мне очень неприятно говорить тебе, какова сейчас наша скорость! Если бы только существовал какой-то способ проделывать эту штуку в обычных условиях... Ой! — он вздрогнул и осторожно коснулся рукой шеи. — Однако, должен признаться, в настоящее время кажется, что эта система имеет определенные недостатки. Учави! Многое я бы отдал за то, чтобы увидеть лицо нашего друга барона, когда мы пропали с его экранов, же! Так вот, без предупреждения. Хотел бы я знать, станет ли он... выпутывайся из этой паутины,

киджана, и ступай сюда. У меня есть для тебя маленький сюрприз, и отсюда он выглядит гораздо лучше.

Флинкс почувствовал, что к его мускулам начал возвращаться тонус. Он освободился от остальных ремней и медленно соскользнул с койки. Возник неловкий момент, когда ему пришлось схватиться для опоры за стенку, балансируя на трясущихся ногах. Но теперь все начало быстро нормализовываться. Он несколько раз, на пробу, обошел каюту, а затем повернулся и направился к Рубке, а Пип удобно обвился вокруг его левого плеча.

Малайка слегка повернулся вместе с креслом, когда на мостике появился Флинкс.

— Ну? Что за сюрприз? — он заметил, что Трузензуекс исчез, но почувствовал присутствие инсектоида в другой части корабля.

Малайка явно заметил его ищущий взгляд. Или, возможно, он становился чувствительным. Надо ему быть поосторожнее рядом с рослым торговцем.

— Трузензуекс пошел помочь Сиссиф. Похоже, она очнется последней, рудиша.

Это было несомненно верно. Он ясно видел Ату и Вульфа, занятых у приборов.

— Киджана, этот здоровенный пинок в... полученный нами форсаж толкнул нас так, что мы намного опередили предусмотренный график... по заранее рассчитанному пути! Именно так я и спланировал дело, когда мы устанавливали координаты соприкосновения. Зачем зря пролетать на волосок от смерти, если это можно вдобавок обернуть к своей выгоде... но, честно говоря, я не думал, что поле «Славной» сможет так точно держать нас в курсе. Однако оно удержало — и вот мы здесь.

— И где же это? — спросил Флинкс.

Малайка так и светился самодовольством.

— Не больше чем в девяноста минутах корабельного времени от намеченной цели! — он снова повернулся к пульту, бормоча про себя: — Эх, если бы только существовал какой-то способ сделать это коммерчески воз...

Флинкс сравнил расстояние, пройденное ими до встречи с эйэннским кораблем, с тем, что им еще пред-

стояло бы пройти в нормальной обстановке — в результате он получил такое ускорение, о котором ему даже мысль в голову не приходила.

— Это, конечно, великолепно, сэр. И все же было бы неплохо, если бы...

— Гм? Если бы что?

— Если бы, оказавшись там, мы нашли что-нибудь, ради чего стоило там оказаться.

Глава пятнадцатая

Сама планета была красавицей. Она идеально подошла бы для колонизации, если бы не злополучная нехватка суши. Но даже тот факт, что девяносто процентов суши сосредоточилось в одном небольшом континенте, не мог воспрепятствовать такой эксплуатации. В океанах тоже можно устраивать фермы и добычу полезных ископаемых, как на колониальных мирах вроде Диса и Реплера. А океаны Форсажа, как они называли планету, были достаточно зелеными для предположения, что в них достаточно живности для поддержания морской культуры хьюманксского типа. К счастью, на большинстве найденных на данный момент планетах реакция хлорофилла оказалась нормальной.

По контрасту, единственный континент казался странно сухим. Это особенно обескуражило Трузензекса, так как транкс предпочел бы влажный тропический климат.

Насколько они могли определить с орбиты, все обстояло точь-в-точь так, как описывала звездная карта. Состав атмосферы, с его необычной пропорцией свободного гелия и других редких газов, интенсивность ультрафиолетового излучения, средние и крайние температуры и так далее. Их предшественник-наблюдатель упустил из виду только один факт.

Насколько могли определить их зонды, на поверхности Форсажа ветер никогда не стихал до скорости менее чем 70 километров в час. В определенных точках над

океаном, особенно поблизости от экватора, он отличался замечательной устойчивостью. Юго-восточная часть планеты в настоящее время представляла из себя плацдарм одного такого гигантского шторма. Метеорологический компьютер полагал, что неподалеку от его центра ветры двигались со скоростью свыше 780 километров в час.

— Невероятно! — воскликнул Малайка, увидев на экране оценку результатов первых исследований. — Мчавимчванганико!

— Вполне, — согласился Трузензуэкс. — Определенно. Поди запусти тут зонд! — И ученый разразился свистящим смехом транксов.

Малайка пришел в замешательство и от смеха, и от намека.

— Будьте любезны, переведите.

— Это значит, — вставил, перекрывая смех инсектоида, Цзе-Мэллори, — что это более чем возможно. — Он был полностью поглощен вращающейся сферой внизу. Необычный серебристо-золотой оттенок атмосферы возбуждал в нем интерес. — И там могут быть места, на континенте, где каньоны и тому подобное создают еще более высокие скорости.

Коммерсант сделал глубокий вдох, со свистом выпустил воздух и схватился за всегда висевший у него на шее маленький деревянный образ.

— Намна гани махаили? Что это за место? Неудивительно, что там нет ничего, кроме одного маленького континента и нескольких висивабову. Такие ветры скосят возвышенности как солому! — Он покачал головой. — Почему тар-айимы выбрали подобное место для создания своего чего-то этакого, мне ни за что не угадать.

— Мы много чего не знаем о тар-айимах и их мотивах, — заметил Цзе-Мэллори. — Намного больше, чем знаем. С их точки зрения оно могло быть идеальным. Может быть, они считали, что самая непривлекательность его отвадит разведку их врагов. И у нас нет никаких окончательных выводов относительно того, что они считали гостеприимным климатом. Вспомните, мы даже

не знаем наверняка, как именно они выглядели. О, мы получили смутное представление. Голова здесь, главные конечности там, и так далее. Но при всем том, что мы действительно знаем, они могут быть даже полугубчатыми. Милый ураган со скоростью триста километров в час мог быть для них освежающей ванной. В каком случае я бы ожидал, что Кранг окажется модным курортом.

— Пожалуйста! — попросил Малайка. — Без непристойностей. Если это правда, то почему мы не обнаружили таких ветров на каких-нибудь других планетах, где, как нам известно, обитали тар-айимы?

Цзе-Мэллори пожал плечами, такой поворот разговора его не интересовал.

— Возможно, с тех пор погода изменилась. Возможно, ее изменили они. Возможно, я не прав. Возможно, я сошел с ума. Фактически, бывают времена, когда мое последнее предположение переходит в уверенность.

...— Я заметил, — не удержался от шпильки Трузензукс.

— О! Если бы я знал все ответы, — сказал социолог, — то был бы Богом. При каких обстоятельствах я бы наверняка находился вне этого корабля, и не сидел в тесноте с остальными психопатами!

Он снова обратил взгляд к экрану, но Флинкс ощутил привкус веселья у него в мозгу.

— Капитан? — вмешался спокойный голос Вульфа. — Предположительные данные геологоразведывательных зондов указывают, что континент имеет базальтовую основу, но на поверхности состоит главным образом из осадочных камней, сильно кальцинированных и с высоким содержанием известняков.

— Угум. Символично. Это также объясняет, как ветер мог так быстро снести все горы. Еще через миллион лет, если исключить любой подъем океанского дна, вероятно, не останется ни клочка суши, торчащего над водами этой планеты. К счастью, об этом мне незачем беспокоиться, — он отвернулся от экрана. — Ата, иди приготовь челнок. И действуй с расчетом, что повезешь вниз нас всех. Слава Мунгу, похоже, что скафандры нам не понадобятся, но обязательно удостоверься, что крау-

лер в хорошем рабочем состоянии. И посмотри, нельзя ли соорудить что-нибудь для защиты глаз от этого адского ветра. Так, чтобы нам не пришлось использовать шлемы от скафандров. Же?

Она направилась к выходу, но он остановил ее у двери.

— И удостоверься, что у нас большой запас веревок. Я бывал на планетах, где дождь разъедал скафандры прямо до кожи, если фауна не добиралась до тебя первой, и если флора не обгоняла фауну. Но эта первая, на какой я когда-либо бывал, где главной заботой будет, как бы нас не сдуло.

— Да, капитан,— Ата удалилась, пройдя по пути к выходу мимо прибывшей Сиссиф. Обе достаточно оправились, чтобы обменяться мгновенными многозначительными взглядами, но сознавая, что Малайка смотрит на них, ничего не сказали.

— Думаю, что у нас не будет больших затруднений с обнаружением этой вашей штуки, господа, при условии, что она и впрямь существует. Похоже, тут нет никаких каньонов или других пересеченных местностей, где можно ее спрятать, а поскольку ваш друг, кажется, нашел ее без труда, я не вижу никакой причины, почему бы мы, с гораздо более хитрыми приборами, не смогли сделать того же. Да, мы должны найти ее быстро. Афиану, господа. Ваше здоровье!

Он хлопнул в огромные ладоши, и вызванный этим грохот был в замкнутом пространстве рубки просто оглушающим.

— Он выглядит, словно ребенок, ожидающий получения новой игрушки,— прошептал Цзе-Мэллори Трузензуексу.

— Да. Будем надеяться, что она и впрямь носит скорее эстетический, нежели военный характер.

У челнока имелся собственный шаровый ангар на дне огромного грузового отсека. Сиссиф, признавшейся в отсутствии опыта передвижения по выдвижным трапам, пришлось помогать спуститься. Но то, как она прильнула к оказавшему такую любезность Малайке, намекало на иные мотивы, чем неведение. Мощный

кораблик был настоящим космическим судном, хотя и куда более обычным и менее просторным, чем «Славная Дырка». Его приводили в движение ракеты самой современной модели, а для атмосферного полета имелся реактивный двигатель. Будучи предназначенным для простых полетов земля — космос — земля, он имел ограниченный крейсерский диапазон. К счастью, им требовалось обследовать только небольшой район суши. Со «Славной Дырки» это можно было бы произвести более спокойно и неспешно, но Малайка не собиравшись задерживаться здесь дольше необходимого, ввиду сопутствующих неудобств. Он хотел вниз.

То, что не понадобятся хоть и гибкие, но все же неуклюжие скафандры, должно очень помочь. Ата снабдила всех очками. чьей первоначальной целью было защитить носящего их от сильного ультрафиолетового излучения, но они хорошо послужат и для ограждения глаз от пыли и носимых ветром частиц. Для Трузензукса она сумела соорудить их из пары пустых контейнеров из-под полимеров.

В углу Сиссиф обиженно спорила с Малайкой:

— Но я не хочу туда, Макси. Действительно не хочу.

— Но захочешь, моя мвана кондувину, обязательно захочешь. Нджу, идем, мы все будем вместе. Я не думаю, что наши друзья эйэнны найдут нас, просто не представляю, как они это смогут, но все-таки опасаюсь такой возможности. На случай такого неприятного происшествия я хочу, чтобы все находились в одном месте. И я также не знаю, на что мы наткнемся внизу. Мы спускаемся на развалины умершей полмиллиона лет назад цивилизации, более развитой, чем наша, и предельно безжалостной. Может, они оставили какое-то нехорошее приветствие для запоздавших гостей? Поэтому, на всякий случай, все должны быть вместе и иметь возможность приложить руку к нашему делу. Даже твою, изящную и маленькую.— Он чмокнул звучным поцелуем упомянутый набор пальцев.

Она выдернула руку и топнула ногой (ее любимый способ протеста, но при нулевой гравитации — неэффективный).

— Но, Макси!..

— Старехе! Не «максий» мне. Определенно нет, милая,— он положил руку ей на плечо и мягко, но решительно развернул ее кругом, подтолкнув в направлении к пассажирскому входу в челнок.

— Кроме того, если бы я предоставил тебя самой себе на борту, ты вполне могла бы стереть навигационные кассеты, пытаясь заказать обед у автоповара. Нет, ты отправляешься с нами, идегедого, моя птичка. К тому же твои волосы будут так красиво выглядеть, развеваясь на нежном ветерке.

Ее язвительный голос слабо донесся из шлюза:

— Ветерок! Я слышала, как ты говорил об урага...

«Или,— подумал Флинкс, застегивая пояс с пистолетом, выданным ему Атой,— возможно, что наш капитан не забыл, как ловко нашли нас эйэнны. Может быть, он думает, что дорогой, милой, беспомощной Сиссиф нельзя полностью доверять». Он шел тихо, ища в уме упомянутой особы какой-либо намек, могущий подкрепить возможное подозрение коммерсанта. Если там что-нибудь и имелось, то оно было либо похоронено слишком глубоко, либо слишком хорошо спрятано, чтобы он отыскал. А по краям его зонда просочились иные вещи, смутившие даже его, шестнадцатилетнего паренька из Драллара. Он неуклюже поспешил убраться. Пусть Малайка сам несет на душе этот груз.

Его больше восхищал пистолет. Рукоятка — сплошная филигрань и инкрустация, куда более красивая, чем практичные дезинтеграторы, виденные им в зарешеченных и затемненных оружейных лавках Драллара. И, безусловно, такой же смертельный. Он знал, что может натворить эта модель и как с ней обращаться. В тех же лавках он стрелял из этого и схожего оружия с холостыми магазинами, в то время как хозяева снисходительно взирали на это и обменивались покровительственными замечаниями с постоянными клиентами.

Он был прекрасен. Компактный и эффективный лазерный пистолет мог сварить человека на расстоянии в пятьсот метров или зажарить на дистанции в метр. Он мог сваривать большинство металлов или прожигать

насквозь любую разновидность обычного пластикового препятствия. В общем и целом он являлся полезным и многоцелевым инструментом, а не только оружием. Хоть Флинкс и надеялся, что на поверхности планеты он ему не понадобится, да к тому же с ним был Пип, но приятная тяжесть пистолета на поясе вызвала у него ощущение уверенности.

По желанию Малайки им всем также выдали полный пояс выживания. Даже Сиссиф, пожаловавшейся, что его вес портит ей фигуру. Это вызвало нелестное замечание со стороны Аты, которого Рысь, к счастью, не слышала, иначе в крошечном шлюзе судна мог возникнуть еще один небольшой катаклизм.

Пояс оборудовали и спроектировали для применения на планетах, варьировавшихся не более чем на десять процентов от хьюманкской нормы. Кроме обязательно-го пистолета, пояс содержал среди прочего концентрированные пайки и взбадривающие пилюли, сахарный и соляной раствор, портативную рацию, палатку для двоих, которая была водонепроницаемой, сохраняла тепло тела и складывалась в пакет меньше кулака, батареи для радиации и пистолета, инструменты для ориентации, изготовления гвоздей или посева зерна. Там также имелся чудесный компактный ридер минимикрофильмов с примерно пятьюдесятью книгами на катушке. Среди подборок выделялись два основных произведения: «Универсальный Словарь Изустного Общения» (в семи томах, сокращенное издание) и Библия Объединенной Церкви «Священная Книга Универсальных Истин и других Забавных Анекдотов».

Если бы Флинкс прихватил с собой всю квартиру на Дралларе, то все равно жил бы хуже, чем с этим единственным сказочным устройством вокруг талии.

Беспреданно дующие вокруг планеты страшные ветры и вихревые потоки наверняка затруднят им спуск. Однако под умелым управлением Аты он прошел почти столь же гладко, как мог бы пройти на «Славной Дырке». Единственные неприятные моменты были, когда они проходили сквозь ионизированные слои атмосферы. Естественные слои несущихся в воздухе металлических

частиц (их встретилось два) показались двум ученым необычно густыми, но покуда они шли ракетах, это не представляло для них никакой опасности.

отличие от роскошного челнока, поднявшего их поверхности Мота, этот челнок был оборудован больше для перевозки грузов, нежели пассажиров. Однако, несмотря на малую величину и редкие иллюминаторы из плексисплава, Флинкс все-таки немного видел землю внизу. Единственный континент протянулся от северного полюса до точки чуть ниже экватора. На этой высоте он выглядел основным красно-желтым, с большими кляксами тускло-зеленого здесь и там. Маленькие реки, жалкие незначительные по сравнению с медно-голубым цветом всепланетного океана, лениво извивались среди низких холмов. Никаких речных каньонов, естественно, не было. Любой такой исчез бы тысячекратно назад под изнурительным бешеным натиском неустанных ветров.

Он на миг встревожился за Пипа, который наотрез отказался надеть крошечные самодельные очки. Внимательное изучение его головы открыло, что рептилия обладает прозрачными мигательными мембранами, опускавшимися для защиты глаз. Раньше он их никогда не замечал, вероятно, потому что просто не смотрел. Он мысленно выругал себя за недогадливость — животное, живущее на деревьях, обязано иметь какую-то естественную защиту от несомых ветром предметов. Но, впрочем, ни один из двух ученых этого тоже не заметил. На самом-то деле Пип больше планировал, чем летал. Если он сможет там, внизу, справиться с ветрами, то, несомненно, будет чувствовать себя на поверхности Форсажа куда лучше, чем любой из них.

Небольшой межкаютный интерком донес до них из Рубки голос Малайки. крошечной пилотской рубке едва хватило места для двух пилотов, и рослый торговец создал там немилосердную тесноту. Но он настаивал на желании оставаться «на макушке». Сказано было буквально.

Они пролетели на реактивных двигателях лишь не-

сколько десятков километров, когда молчание в челноке нарушил взволнованный крик:

— Майша! Вот он! Посмотрите в иллюминаторы справа.

Все дружно устремились на ту сторону корабля. К движению присоединилась даже Сиссиф.

Они все еще летели высоко, но когда сделали вираж, то в поле зрения появились развалины города приличных даже по тар-айимским стандартам размеров. Строили они как всегда хорошо, но на этой планете очень немного могло долго оставаться в своем первоначальном виде. И все же он казался столь же хорошо сохранившимся, как и любой из тар-айимских городов, виденных Флинксом на видеокассетах. Когда они снизились, чужая схема города, в виде расходящихся от фиксированной точки концентрических полумесяцев, стала видна так же четко, как рябь с берега пруда.

Но их взгляды приковал к себе не город, а здание, стоящее на обрыве в самом центре метрополиса. Единственное безликое сооружение в виде прямоугольной пирамиды, срезанной ровно на вершине. И здание, и круглое основание, с которого оно поднималось, отличались однообразным желто-белым цветом. Самая макушка строения, похоже, была покрыта каким-то стекло-видным материалом. В отличие от остального города, оно выглядело идеально сохранившимся. А также самым высоким из когда-либо виденных ими отдельных строений.

— Ваба Гиза! — донесся по интеркому притихший голос Малайки. Он явно осознал, что связь включена. — Всем занять места и пристегнуть ремни. Нам предстоит приземлиться у подножия того утеса. Рафики Цзе-Мэллори и рафики Трузензуекс, если вы пожелаете, мы исследуем весь город, балку за балкой, но я ставлю свой маджичо, что ваш Кранг находится в некоем здании на вершине некоего холма!

Они приземлились на широком отрезке открытой песчаной местности слева от города и обрыва. Ата, не уверенная относительно состава почвы, на которую им

предстояло приземлиться, мудро решила воспользоваться посадочными полозьями вместо колес.

Под ними быстро промелькнули развалины чудовищного космопорта за последним полумесяцем города. Приземляться там Малайка запретил, так как желал сесть как можно ближе к самому зиккурату. Он считал, что чем меньшее расстояние им придется преодолевать по земле и чем ближе они смогут оставаться к самому кораблю, тем безопаснее он будет чувствовать себя, бродя по разрушенному городу. Вдобавок, огромный космопорт несомненно служил также военной базой,

если остались еще какие-то функционирующие автоматические устройства для встречи незваных гостей, то они, вероятно, сосредоточены именно там. Поэтому посадка прошла немного жестче, чем могла бы. Но теперь они приземлились, целые и невредимые, и получили еще одно преимущество, о котором никто не подумал. Поразмысли кто-нибудь об этом, оно стало бы очевидным.

Ветер нескончаемо пылил из-за здания и холма, под которым они приземлились. Хоть обрыв ни в коем случае не был перпендикулярным, он оказался достаточно крутым, чтобы отрезать добрую часть вечного шторма. Это означало что, вдобавок к ликвидации возможной проблемы вынужденной посадки корабля, работать у самого челнока будет легче. Корабельный метеорологический компьютер зарегистрировал силу ветра в пределах места их приземления всего-то в сорок пять километров час. Положительно, рай.

— Ата, Вульф, помогите мне вывести краулер. Остальные проверьте свое снаряжение и удостоверьтесь, что все получили запасные очки,— он повернулся к Цзе-Мэллори: — Же! Они построили свой город за самым большим ветроломом, какой смогли найти. Вроде как опровергает вашу теорию «ласковой ветряной ванны»?

— Не поносите моих догадок, капитан, а то больше не буду их высказывать,— его глаза и мысли явно были заняты чем-то иным.

— Вульф?

— Здесь, капитан,— скелет вышел из передней каюты. Он выглядел даже более эксцентрично, чем обычно.

венно, в очках и с серебряным поясом. Выражение его лица было странным.

— Капитан, где-то под этим городом находится активный источник тепловой энергии.

— Не атомный? — переспросил Малайка. Гравитационная энергостанция была, конечно, невозможна на любом небесном теле с приличным собственным гравитационным полем. И все же в тар-айимской науке имелись аспекты, которые хьюманкские исследователи да же не могли представить.

— Нет, сэр. Определенно термальный. И к тому же большой, согласно сенсорам, хотя проверка производилась очень быстро.

Брови Малайки исполнили сальто-мортале.

— Интересно. Это вызывает у вас, господа, какие-нибудь «догадки»?

Цзе-Мэллори и Трузензуекс оторвались от увлеченного созерцания монолита на вершине и обдумали вопрос.

— Да, несколько,— начал философ.— Среди которых подтверждение того, в чем мы были почти уверены: что это молодая планета в довольно молодой системе. Качать энергию ядра планеты достаточно трудно и на самом юном мире, которым эта планета все же не является. Но качать может не всякий. Проблема в том, чтобы сохранять над этим процессом достаточный контроль и суметь канализировать его энергию, не вызывая всепланетных землетрясений или пробуждения вулканов под крупными центрами-ульями. Мы сами в этом все еще не такие уж большие специалисты.

— И,— продолжил Цзе-Мэллори,— это предполагает, что им требовалось для чего-то чертовски много энергии, не так ли? И хотя это довольно большой тар-айимский город, но, кажется, единственный на планете,— он обратил взгляд к Малайке за подтверждением, и торговец медленно кивнул.— Так что мне лично непонятно, для чего им понадобилось идти на все эти хлопоты, когда их квазиатомные электростанции обеспечили бы более чем достаточно энергии для этого единственного города. Особенно со всей доступной тут водой.

— Капитан,— нетерпеливо сказал Трузензуекс,— мы будем счастливы выдвинуть для вас любые простран-ные гипотезы, но позже. Сейчас я желал бы, чтобы вы позаботились об извлечении нас из трюма этого назем-ного транспорта.— Его голова повернулась к иллюмина-тору, и огромные золотые глаза уставились на панораму снаружи.— Я почти не сомневаюсь, что когда мы попа-дем в тот Туарвех на вершине этого утеса, там найдутся ответы на ваши незаданные вопросы и, будем надеяться, на большинство наших.

— Если мы попадем в него,— добавил Цзе-Мэлло-ри.— Вполне возможно, что, уезжая, хозяева заперли дом и не оставили никакого ключа.

Глава шестнадцатая

Краулер оказался низкой приземистой машиной, ползающей на двух гусеницах из дюралесплава. У него также имелось универсальное сферическое «колесо» в центре тяжести для облегчения поворота. Ата предвари-тельно проделала некоторые расчеты по безопасности и получила, что он будет относительно устойчивым при ветрах вплоть до двухсот пятидесяти километров в час, с каковой точки управление им начнет становиться делом достаточно хитрым. Флинкс лично не имел ни малейшего желания подвергнуть ее расчеты практиче-скому испытанию. Малайка, очевидно, тоже. Он настоял на заполнении всех пустых мест в машине тяжелыми предметами. Если ветры станут настолько скверными, то не поможет и все добро, что они смогут набить в него. Но оно, по крайней мере, окажет им что-то вроде психоло-гической поддержки.

Не самым малым из этих «тяжелых предметов» была мощная лазерная пушка на треноге.

— Просто на случай,— пояснил коммерсант,— если открыть дверь будет несколько труднее обычного.

— Для путешествующего на своей личной яхте мир-ного торговца вы, похоже, запасли целый арсенал,— пробормотал Трузензуекс.

— Философ, я мог бы представить вам аргументы, изобилующие привлекательными семантическими оборотами, но я изложу это в нескольких словах, и весь разговор. В моем бизнесе очень сильная конкуренция, — и вскинул вызывающий взгляд на транкса.

— Как скажете, — слегка поклонился Трузензуекс.

Они сели в краулер, маневрировавший поблизости от входа в грузовой отсек, чтобы свести к минимуму первоначальную силу ветра. В большом наземном краулере они все разместились с комфортом. Его спроектировали для перевозки тяжелых грузов, и даже с рассеянными по нему «тяжелыми предметами» Малайки там с избытком хватало места для пассажиров. Заскучав, желающий мог забраться по лесенке в кабину водителя с ее двумя койками и куполом из плексисплава. Места там хватало на четверых, но ее сразу же оккупировали Малайка, Вульф и двое ученых, и они не проявляли склонности освободить место. Поэтому Флинксу пришлось довольствоваться для обзора местности крошечными иллюминаторами в главном отсеке. Он оказался наедине с двумя женщинами, сидевшими в крайних противоположных концах каюты и обменивавшихся между собой смертоносными мыслями. Менее благоприятную атмосферу трудно и вообразить. Как ни старался, они начали вызывать у него головную боль. Многое бы он отдал за то, чтобы находиться наверху.

Они ползли теперь вверх по склону утеса, двигаясь зигзагами, когда наклон становился слишком крутым даже для мощных шипастых гусениц краулера. Продвигались они медленно, но ровно, в конце концов, машину спроектировали с целью добраться целыми до пункта Б из пункта А, а не для гонок под хронометраж. Свою задачу она выполняла эффективно.

Как и можно было предсказать, почва оказалась крошащейся и мягкой. И все же она была больше камнем, чем песком. Гусеницы глубоко зарывались в нее, мотор стонал. Это несколько тормозило их продвижение, но гарантировало превосходную силу сцепления с почвой. И все же, Флинкс не хотел бы оказаться лицом к лицу с настоящим порывом ветра в этой медлительной машине.

Наконец они одолели последний подъем. Оглядываясь назад, Цзе-Мэллори мог различить вдали обшарпанные шпили и башни города, затемняемые вечной пылью и ветром. Смотреть вверх было труднее. По передку купола начали барабанить гравий, грязь и сломанные ветки от крепко обнимающих землю растений. В первый раз стал слышен сквозь толстую защиту вой ветра, похожий на звук рвущейся ткани, усиленный эхом.

Вульф взглянул на анемометр:

— Сто пятнадцать и пятьдесят две сотых километра в час, сэр.

— Же! Я надеялся на лучшее, но могло быть и хуже. Намного хуже. Никто не собирается отправляться на долгую прогулку. С вихрем мы, может, и справимся, но ураган создал бы некоторые неудобства!

Когда они двинулись дальше от края утеса, воздух начал становиться достаточно прозрачным, чтобы они увидели свою цель. Они ехали, и ветер постепенно замирал, по мере того как они въезжали под защиту здания. Шесть пар глаз уставились вверх... все задирая и задирая головы, пока не показалось, что намного проще лечь и смотреть прямо вверх. Только Вульф, сфокусировавший взгляд на приборной доске, не поддался приманке монолита.

Он возвышался над ними, исчезая наверху в вихрях пыли и облаках, не нарушаемый ни карнизом, ни окном.

— Как хуюкубва? — сумел наконец прошептать Малайка.

— Насколько он велик по моему мнению? Я не очень-то могу сказать, — ответил Цзе-Мэллори. — Тру? У тебя самая лучшая среди нас дальноточность.

Долгий миг философ хранил молчание.

— В человеческих категориях?

Он опустил взгляд, посмотрев на них. Если бы он мог моргать, то моргнул бы, но глазные щитки транксов реагировали только на присутствие воды или сильного солнечного света. Импровизированные очки придавали его лицу несколько комический вид.

— Немного больше километра у основания... со всех сторон. Сверху он, знаете ли, выглядит идеальным квад-

ратом. Наверно... — он бросил еще один короткий взгляд вверх, — километра три высотой.

Испытываемое ими легкое подрагивание внезапно исчезло. Теперь они ехали по гладкому желто-белому кругу, в центре которого располагалось строение.

Малайка пригляделся к материалу, по которому они ползли, а затем снова посмотрел на здание. Тяжелый краулер не оставлял никаких следов на прочной поверхности.

— Как по-вашему, что это за материал?

Цзе-Мэллори тоже разглядывал ровную поверхность:

— Не знаю. Когда увидел его сверху, то, естественно, был склонен считать, что это камень. Как раз перед тем как мы приземлились, я подумал, что он выглядел довольно «мокрым», как определенные тяжелые пластики. Теперь же, когда мы едем по нему, я ни в чем не уверен. Может, керамика?

— Наверняка, упроченная металлом, — добавил Трузензуекс. — Но что касается поверхности, то полимерная керамика будет, разумеется, неплохой догадкой. Она совершенно отличается от всего, что я когда-либо видел ранее на других тар-айимских планетах. Или, если уж на то пошло, от всего, что я видел в городе, когда мы подлетели.

— Гм. Ну, поскольку они построили свой город под защитой этого утеса, как ветролома, то я не сомневаюсь, что любой мланго будет на этой стороне строения. Же?

Как выяснилось достаточно скоро, Малайка был совершенно прав.

В отличие от всего таинственного сооружения, материал, использованный для постройки двери, оказался легко узнаваем. Это был металл. Дверь возвышалась на добрых тридцать метров над кабиной краулера и вытянулась по меньшей мере наполовину того же расстояния в обе стороны. Сам металл был незнакомым, тускло-серого цвета и обладал странным стеклянным глянцем. Очень похожим на утренние туманы родины Флинкса. Дверь располагалась в нише стены здания глубиной в несколько метров.

— Ну, вот и ваша дверь, капитан,— промолвил Цзе-Мэллори.— Как мы проникнем за нее? Лично я признаюсь в полном отсутствии вдохновения.

Изучая вход, Малайка качал головой в благоговении и подавленности. Нигде не было видно ни одного сочленения, стыка или шва.

— Гони прямо к ней, Вульф. Ветер здесь практически стих. Придется нам вылезти и поискать звонок или что-нибудь в этом роде. Если мы не найдем что-нибудь похожее на ручку или замочную скважину, то развернем пушку и попробуем войти менее вежливым способом.— Он с сомнением посмотрел на массивный квадрат.— Хотя я надеюсь, что без этого можно будет обойтись. Я знаю, как упрямы тар-аймские металлы.

Как оказалось, эту проблему разрешили за них.

Где-то в недрах колоссального строения, долго пребывавшие в спячке, но не умершие механизмы почувствовали приближение искусственной машины, содержащей в себе биологические существа. Они сонно заворочались, пробуждая отдыхавшие цепи памяти. Схема и состав приближающейся машины не были знакомыми, но они не были и враждебными. Существа в машине были равно неизвестными. И среди них был мозг 1-го класса. Незнакомый, но и не враждебный. А прошло так много времени!

Здание поспорило само с собой несколько секунд.

— Притормози, Вульф! — Коммерсант заметил движение перед краулером.

С плавностью и бесшумностью, порожденными постоянной смазкой, огромная дверь разделилась. Медленно, с тяжеловесностью большого груза две половинки разошлись ровно настолько, чтобы краулер мог проехать со всеми удобствами. А затем остановились.

— Наверно, нас ждут?

— Автоматика,— прошептал загипнотизированный Трузензуекс.

— Я тоже так думаю, философ. Заезжай, Вульф.

Молчаливый пилот послушно включил двигатель, и мощная машина, гроыхая, покатила вперед. Малайка осторожно осматривал стороны узкого отверстия. Ме-

талл не был разумно тонким листом. И даже умеренно тонким.

— Добрых девятнадцать-двадцать метров толщины,— прозаически заметил Цзе-Мэллори.— Интересно, кому ей предназначалось преграждать вход.

— Очевидно, не нам,— ответил Трузензуекс.— Вы бы могли баловаться со своей игрушкой много дней, капитан, и сожгли бы ее прежде, чем оставили на двери хоть царапину. Хотел бы я попробовать на ней снаряд СККАМ, просто чтобы посмотреть: кто выйдет победителем. Я никогда не слышал ни о каком искусственном сооружении, способном устоять перед снарядом СККАМ, но, впрочем, я также никогда не видел и улье-блок двадцатиметровой толщины из тар-айимского металла. Этот вопрос, несомненно, навек останется академическим.

Они проехали несколько метров внутрь, когда дверь начала медленно скользить, закрываясь за ними. Бесшумность этого процесса производила жуткое впечатление. Вульф, держа руку на рычаге, вопросительно взглянул на Малайку. Однако коммерсант, по крайней мере внешне, не был озабочен этим.

— Она открылась, впуская нас, Вульф. Думаю, что она сделает то же самое, выпуская нас.— Двери закрылись.— В любом случае, кванини беспокоиться? Теперь это не имеет значения.

Их ждал еще один сюрприз. Если стены из псевдокерамического материала не были полыми, что было едва ли вероятным при такой двери, то достигали толщину добрых ста пятидесяти метров. Намного больше, чем требовалось всего лишь для поддержки веса здания, как бы оно ни было велико. Это выдавало стремление неприступности. Подобное и раньше находили в развалинах тар-айимских крепостей, но никогда ничего приближающегося по масштабам к этому.

Флинкс не знал, что их ждет внутри. С тех пор как открылись огромные двери, он последовательно просканировал все, но не смог засечь ничего думающего. И он сетовал на свой чисто боковой обзор из краулера.

Сверху до него донесся голос Малайки. Он был странно приглушенным.

— Катика, все там. Ата, открой шлюз. Здесь есть воздух, и он пригоден для дыхания, также есть свет и нет ветра, и сам не знаю, верить этому или нет, хотя мой моджичо говорит мне... но чем раньше вы это увидите...

Дальнейших приказов им не требовалось. Даже Сиссиф пришла в волнение. Ата пробралась к небольшому пассажирскому шлюзу, и они смотрели, как она отключает тройную систему блокировки. Тяжелая дверца сама распахнулась наружу. Металлический трап выдвинулся до соприкосновения с полом, пожужжал, когда установил твердый контакт, и отключился.

Флинкс вышел первым, следом за ним Ата, двое ученых, Малайка, Сиссиф и, наконец, Вульф. Все стояли совершенно молча, обозревая раскинувшуюся перед ними панораму.

Интерьер здания был полым. Описать его можно было только так. Где-то наверху, знал Флинкс, эти стены соединялись с потолком, но как он не напрягал зрение, все равно не мог разглядеть его. Здание было таким огромным, что, несмотря на превосходную циркуляцию, внутри образовались облака. Четыре гигантских плиты стен подавляли его, но в открытом пространстве такой величины клаустрофобия невозможна. По сравнению с вечным воем ветра и шуршанием пыли снаружи, полная тишина внутри здания наводила на мысли о соболе.

Свет, будучи предназначенным не для хьюманкских глаз, являлся целиком искусственным. Он был слегка голубовато-зеленым. Он был также более тусклым, чем они предпочли бы. Синий от природы хитин философа выглядел в нем хорошо, но остальных он делал на вид слегка рыбообразными. Тусклое освещение не столько препятствовало обзору, сколько заставляло вещи казаться расплывчатыми, словно их рассматривали сквозь не совсем прозрачное стекло. Температура тут стояла умеренная, даже несколько жарковатая.

Краулер остановился, потому что дальше ехать он не

мог. Оттуда, где они стояли, тянулись ряды за рядами какие-то сидения или кресла. Здание представляло собой колоссальный амфитеатр. Ряды тянулись без перерывов вплоть до противоположной стены строения. Там они кончались у подножия... чего-то.

Он бросил вдаль всего один взгляд и рискнул быстро прозондировать других. Малайка оценивающе оглядывал амфитеатр, Вульф с обычным для него безразличным выражением лица брал пробу воздуха прибором на поясе. Сиссиф крепко прижалась к Малайке, с тревогой оглядываясь в беспокойном безмолвии. Лицо Аты носило то же выражение осторожного наблюдения, что и у рослого торговца.

Двое ученых находились в состоянии, настолько близком к нирване, насколько это вообще возможно для ученых. Мысли их двигались так быстро, что Флинксу оказалось трудно даже ощутить их. Они устали на сооружение в противоположном конце огромного помещения. Для них поиск оправдал себя, даже если они не знали, что именно нашли. Цзе-Мэллори выбрал этот миг, чтобы шагнуть вперед, а за ним Трузензуекс. Остальные тронулись гуськом за учеными по центральному проходу между сиденьями.

Прогулка оказалась не очень утомительной, но Флинкс был благодарен за возможность отдохнуть конце ее. Он сел на край возвышенного помоста. Он мог бы занять одно из сидений внизу, но они никак не подходили по очертаниям человеческой физиологии и были несомненно такими же неудобными, как и выглядели.

На помост, где он сидел, вела большая лестница. На противоположном конце его безупречный купол из стекла или пластика накрывал единственную безыскусную кушетку. Со стороны зрительного зала купол вел большой овальный дверной проем. Он возвышался на добрый метр над самым рослым членом экспедиции и был намного шире, чем потребовалось бы даже дородному Малайке. Само ложе имело легкий наклон в сторону амфитеатра. Его возвышенный конец частично накрывал купол поменьше, исходивший по виду на стакан

для бренди. От него и из-под кушетки шли к машине толстые кабели и провода.

Сама «машина» возвышалась над ними на сотню метров и шла вдоль всей стены зрительного зала. Много в машине оставалось скрытым, но Флинкс видел циферблаты и кнопки, отражавшие свет, сочившийся из-за полуоткрытых пластин. Те, что он смог различить, были спроектированы явно без мысли о человеческих и транскских конечностях.

С верха тусклого металлического покрытия машины к невидимому отсюда потолку тянулось бесчисленное множество разноцветных труб. Лазурные, персиковые, голубые, розовые, бело-желтые, как слоновая кость, пурпурные, желто-зеленые, оранжевые, светло-черные, дымчатые, бело-золотые, ярко-зеленые... — всех вообразимых оттенков и тонов. Некоторые не превышали в диаметре нескольких сантиметров, другие выглядели достаточно большими, чтобы с легкостью поглотить челнок. На углах они вливались в ткань строения. Флинкс медленно повернулся кругом и увидел выпуклости в стенах, протянувшиеся даже над входом, указывавшие на присутствие других колоссальных труб. Он напомнил себе, что никак не может быть уверенным в том, что они полые, но почему-то создавалось впечатление, что это трубы. Иногда его таланты действовали независимо от мыслей.

— Ну, — произнес Малайка. И снова повторил: — Ну, ну!

Он казался неуверенным в себе, редкое для него состояние. Флинкс улыбнулся мыслям коммерсанта. Великан не был уверен, радоваться ему или нет. Что и говорить, он определенно что-то нашел. Но он не знал, что это такое, не говоря уж о том, как его сбыть. Он стоял, в то время как все остальные сидели.

— Я предлагаю доставить все, что понадобится для наших исследований. — Трузензуекс и Цзе-Мэллори подробно изучали все вокруг и едва ли расслышали его. — Это дело мне не по зубам, и поэтому я слагаю его со своих плеч. Надеюсь, вы, господа, сможете выяснить, что делает эта штука? — Он взмахнул широкой ладо-

нью, охватывая все, что они могли видеть.

— Не знаю,— сказал Трузензуекс.— Так, экспромтом, я бы сказал, что наши знакомые браннеры были правы, когда говорили, что эта штука — музыкальный инструмент. С виду она, разумеется, похожа на него, а обстановка здесь,— он показал на амфитеатр,— склонна поддерживать это предположение. Однако, я, хоть крылья оторви, не могу пока понять, как он действует.

— С виду похож на конечный продукт самых худших кошмаров безумного мастера-изготовителя органов,— добавил Цзе-Мэллори.— Наверняка не скажу, если мы не вычислим, как управлять этой штуковиной.

— А вы вычислите? — спросил Малайка.

— Ну, она, кажется, все еще хотя бы частично под током, и что-то двигает двери — Вульф записал источник энергии,— что-то включает свет... и, надеюсь, поддерживает циркуляцию воздуха. Спроектировали ее не в соответствии с нашими концепциями, но эта штука,— он показал на купол, накрывающий ложе,— выглядит очень похожей на сиденье оператора. Конечно, она также может быть местом упокоения для их почитаемых покойников. Мы этого не узнаем, пока не копнем немного глубже. Я предлагаю перевезти сюда из челнока все, что нам может понадобиться.

— Мапатано! Согласен. Вульф, мы с тобой начнем перевозить вещи из челнока. Это дело пойдет достаточно быстро, коль скоро мы выгрузим кое-что из того барахла, что я навалил в краулер. Похоже, мы немного задержимся здесь, хата кидогобайя!

Глава семнадцатая

Постоянное пребывание внутри здания вызывало странное чувство. Не заточения, так как дверь идеально срабатывала даже для одного лица, при условии, что оно несло с собой хотя бы один предмет металлической искусственной конструкции. Особенное удовольствие

доставляло приближаться к огромным порталам, вытянув перед собой рацию или пистолет, и заставлять миллионы тонн непробиваемого металла бесшумно раздвигаться, открывая персональный проход в метр шириной и тридцать метров высотой.

Ночью снаружи было лучше, но не намного. Несмотря на очки, назойливая пыль в конечном итоге добиралась-таки до глаз. Да и продрогнешь там.

Цзе-Мэллори и Трузензуекс возились с громадной аппаратурой, заглядывая за те панели в серо-голубой стене, что открывались, и игнорируя те, что не желали открываться. Не было смысла проникать силой, рискуя поломать сложное устройство. Зачем, когда они могли провести долгие годы, исследуя легко доступные части. Поэтому они продолжали копать в открытых внутренностях Кранга, не сдвигая с положенного места ни единого провода, действуя с предельной осторожностью, чтобы не сломать ненароком какую-либо важную схему. Покуда ученые и Малайка бились над загадкой машины, Ата и Флинкс иногда отправлялись на краулере в огромный город. Вульф оставался помогать Малайке, а Сиссиф просто сидел рядом с ним. Поэтому Флинкс заполучил наблюдательный купол краулера практически в свое личное распоряжение.

Ему с трудом верилось, что строения, сумевшие сохранить красоту даже в руинах и под многовековым слоем пыли, были воздвигнуты в качестве домов самой воинственной расой, какую знала галактика. Эта мысль набрасывала на безмолвные развалины какой-то таинственный покров. Никаких украшений на изъеденных песком фасадах зданий не имелось, но это, в принципе, ничего не значило. Все несущественное для действительной опоры строений давным-давно искрошилось. Они заезжали далеко в глубину города, воспользовавшись тем, что некогда служило главным бульваром.

Сама улица находилась где-то далеко внизу, погребенная под тысячелетними наслоениями песка и почвы. Они признали в ней улицу только из-за отсутствия зданий. Вероятно, этот город заносило по меньшей мере сотню раз, и каждый новый цикл стесывал какую-то

часть его первоначального вида. Они вскоре открыли, что каждый вечер возникало какое-то слабое электростатическое поле и удаляло дневные наносы пыли и мусора у подножия Кранга на всю ширину желто-белого круга. Но в городе никакой подобной заботы на глаза не попадалось. По вечерам, когда заходило солнце, пески превращались в кроваво-красные, а руины пустых зданий искрились, словно топазы и рубины в оправе из сердолика. Лишь постоянный непрекращающийся ветер нарушал спокойную красоту пейзажа, его никогда не затихающие стенания казались эхом проклятий всех исчезнувших рас, когда-либо покоренных тар-аймами.

Глава восемнадцатая

Неделю спустя они все собрались на небольшое совещание на помосте. Поблизости стояла маленькая портативная печка, получавшая энергию от термоэлемента и придававшая месту неуместно домашний вид. Скоро, подумал Флинкс, они станут развешивать в рядах выстиранное белье. Ученые нашли, что удобнее спать и есть там, где они работали, вместо того чтобы проделывать каждый день прогулки до краулера. Они могли бы подогнать краулер прямо к подножию помоста, но при всем, что они знали, сами сиденья могли играть какую-то важную роль в работе Кранга. Кроме того, превращать часть обстановки этого места в мусор казалось едва ли самым лучшим способом подойти к раскрытию его тайн. И очень хорошо, что они этого не сделали, так как спящая машина могла отметить этот жест как враждебный и немедленно предприняла бы надлежащие действия.

Домашнюю атмосферу усугубляли запахи жарящегося бекона с яйцами и джуквила для Трузензуекса. В данный момент Ата и Сиссиф готовили ученым обед. Такая необходимость возникла после того, как все мужчины продемонстрировали крайнюю несообразительность в работе с прибором, который 90 процентов работы

выполнял сам. Отлично зная, что он мог бы управиться с печкой лучше, чем любой другой на них, Флинкс, когда ему предложили попробовать, сослался на неведение и отказался. Он не испытывал ни малейшего желания быть связанным работой повара, особенно тогда, когда мог проводить время, наблюдая, как двое ученых анализируют изумительные внутренности машины.

— Эта штука становится с каждым днем все невероятней,— говорил теперь Цзе-Мэллори.— Вы знаете, мы нашли ходы во всех углах здания, где машина исчезает в стенах.

— А я-то гадал, куда это вы исчезали,— сказал Малайка.

— Они тянутся даже не представляю насколько далеко под нами. При всем, что могу определить — к центру планеты, хотя я думал, что жар сделает подобное расширение невозможным даже для тар-айимов. И мы не имеем ни малейшего представления, насколько далеко она простирается на горизонтальном уровне. До океана? Под него? Нам там, знаете ли, пришлось нелегко. Там сплошные лестницы, проходы, спуски и ничего, спроектированного для рук человека или транкса. Но, помогая друг другу, мы все-таки кое-как справились. Там, должно быть, есть где-то механические лифты, но мы не смогли их найти. Впервые мы спустились вниз три дня назад... извиняемся, что встревожили вас своим долгим отсутствием. Полагаю, нам следовало сообщить, куда мы отправляемся, но мы сами не знали и, разумеется, не ожидали, что будем бродить так долго. Исследования так захватили нас, что мы потеряли всякое чувство времени. Мы шли более-менее прямо вниз, остановившись только дважды, на небольшой отдых и сон. Эти трубы, или что бы там это ни было,— он показал на ряды выстроившихся над ними гигантов,— продолжают под полом и спускаются на уровни, до которых мы не добрались.

Большинство механизмов оказались совершенно незнакомыми для нас, а мы, осмелюсь заявить, знакомы с образцами тар-айимской инженерии не хуже любого в Рукаве. Но большая часть этого добра нам явно не по зубам.

С приближением к поверхности автоматика становится практически сплошной. Далее вниз она достаточно разделяется, чтобы в ней можно было распознать отдельные компоненты. Вся она выглядит с иголочки новенькой. Металл во многих местах был теплым, подтверждая то, что мы все время подозревали: машина постоянно подпитывается энергией. И там, должно быть, миллионы километров проводов. И все же мы понятия не имеем, что она делает, капитан. Я сожалею об этом больше, чем когда-либо сможете печалиться вы, но можете утешиться сознанием, что чем бы она ни была, она, несомненно, самая большая и самая лучшая из всех своего типа.

На этом заметно уставший Трузензукс и закончил рассказ. Последнюю неделю философ работал в невероятном темпе, и возраст начал сказываться. На корабле он хорошо маскировал его своей энергией и юношеским духом.

— Неужели вы не смогли открыть хоть что-нибудь относительно ее функций? — взмолился Малайка.

Цзе-Мэллори вздохнул. В последнее время он делал это часто.

— По-настоящему — нет. Мы оба все еще склоняемся к теории музыкального инструмента. Однако против нее есть много беспокоящих нас аргументов. — Он посмотрел на Трузензукса, и тот подтверждающе кивнул.

— Же? — подтолкнул их Малайка.

— Хотя бы такой: мы не можем заставить себя поверить, что во время самого большого военного кризиса столь воинственная раса, как тар-айимы, посвятит столько усилий и материалов чему-либо гражданского характера. Например, металл для таких дверей, вероятно, требовался для строительства боевых кораблей. И все же его привезли и использовали здесь. С другой стороны, мы знаем, что они испытывали огромную тягу к искусству. Вкусы их сильно склонялись в военную сторону. Возможно, они почувствовали необходимость в проекте для стимуляции патриотического чувства, и это был их способ добиться его. Возможно также, что

в этом имелись психологические выгоды, которые мы не можем и отдаленно представить себе. Если это кажется маловероятным, то подумайте об имеющемся у нас отсутствии фактов для построения гипотез. Я и сам готов не поверить ни одному из своих предположений. И еще одно. Вы случайно не заметили необычного серебристо-золотого оттенка в атмосфере, когда мы приземлялись?

— Нет... да! — вспомнил Малайка.— Я видел его раньше на других планетах и поэтому не считал слишком неординарным. Эти... слои мбили, если я правильно помню, казались гуще и упорядоченней большинства. Но я не видел причин удивляться. Я видел также и учетверенные слои. А причиной их необычайной густоты вполне могло быть эрозийное воздействие этих вачави упепо, колдовских ветров.

— Верно, — согласился Цзе-Мэллори.— По-моему, это называется Ветроблеск. Как вы сказали, могло быть естественное объяснение странной густоты тех слоев. Я вообще привлёк к ним ваше внимание только потому, что на одном из достигнутых нами уровней мы нашли то, что, похоже, является частью огромной станции управления погодой. Среди прочего, некоторые приборы оказались занятыми только хранением информации по этим двум уровням в атмосфере. У нас хватило времени только быстро осмотреть ее, так как нашей главной заботой являлось быстрое обследование. Но единственная причина, почему мы ее вообще заметили, заключалась в том, что металл там оказался очень теплым, выдававшим массу жара, и казался работающим на полную мощность. Это нечто такое, что мы наблюдали только очень немногих местах. Мы теперь думаем, что эти слои имеют какое-то отношение к действительной функции Кранга. Какой именно, не могу себе представить.

— Если говорить конкретней, — в разговор вступил Трузензуекс, — эта штука, — он указал прозрачный купол и лежанку под ним, — все больше и больше походит на центральный пульт управления всей автоматикой. Я знаю, кажется трудным вообразить, что это чудовище управляется единственным существом, лежащим на той скамейке, но факты, кажется, поддерживают

эту гипотезу. Я лично отношусь к ней скептически. Нигде поблизости от этой штуки нет никакой кнопки, рубильника или схожего устройства. И все же, одно ее расположение и изоляция вроде бы подтверждают ее важность.

Пристальное изучение того шлема, или головного убора, или чего бы то ни было, показывает, что он связан с тем, что может быть какой-то разновидностью сенсорного приемника. Если машина и в самом деле еще способна больше чем на частичную активацию, тогда теоретически всего лишь приближение к этому передатчику должно произвести нужное воздействие. В действительном физическом контакте с оператором, кажется, нет необходимости. Так что тот факт, что размер и форма наших голов ни в коей мере не соответствуют черепам тар-аймов, по всей вероятности, не должен послужить нам препятствием.

— Значит, вы думаете попробовать включить ее, — сделал вывод Малайка.

— Мы обязаны это сделать.

— Но что если она настроена откликаться только на электромагнитные конфигурации, генерируемые мозгом тар-айма?

— У нас нет никаких указаний, что для активации машины необходимы «электромагнитные конфигурации» вообще какого-либо типа, — возразил Цзе-Мэллори. — Но если окажется, что дело в этом, и вы не сможете раздобыть живого и сотрудничающего с нами тар-айма, я очень сильно опасаюсь, что мы можем спокойно упаковаться и отправиться домой. — Он пожал плечами. — Я и Тру чувствуем, что путь прослеживания схемы завел в тупик. Мы можем продолжать ковыряться в этой куче механизмов тысячу лет — настолько она велика — и нисколько не приблизиться к пониманию того, как она действует.

— А попробовать включить ее... разве это не может быть очень опасным? — спросила Ата.

— Это вполне может стать смертельным, моя милая. Мы решили это давным-давно. Например, там может быть обратная связь, способная... по этой самой причине

и по нескольким другим, я попробую включить ее первым. Если мы, тем не менее, не сумеем активировать ее и не возникнет никаких явных вредных последствий, то я не вижу никакой причины, почему бы и всем остальным не попробовать то же.

— Только не мне! — громко заявила Сиссиф.

— Эй, минуточку,— начал было, не обращая на нее внимания, Малайка.

— Извините, капитан,— сказал Трузензуекс.— Стархе! Как вы сказали бы, не беспокойтесь. Бран прав. Возможно, наше образование не совсем подходит для оператора этой штуки, но знакомство с работами тар-айимов и то малое, что мы знаем об их психологии, могут помочь нам справиться с любыми способными возникнуть непредвиденными затруднениями. Сожалею, но тут вовлечено слишком многое, чтобы позволить вам сделать первую попытку. Мы не на борту корабля. На данную минуту ваша кандидатура отклонена, капитан.

— Же! — прогромыхал Малайка.

Цзе-Мэллори шагнул ко входу в купол:

— Тогда давайте приступим.

— Вы хотите сказать, сасаа кууме? — переспросил Малайка.

Цзе-Мэллори остановился.

— Не вижу, почему бы и нет.— Он снова заколебался у входа и оглянулся.— Я не ожидаю, что случится многое, не говоря уж об опасности. А если случится, то я не жду, что это будет большой защитой, но ради моего личного психологического комфорта, сойдите, пожалуйста, все с помоста. Безусловно на сиденьях, или в креслах, или что это там такое, должно быть достаточно безопасно. Тар-айимы явно пользовались ими, когда действовала эта штука, поэтому им полагается быть безопасными также и для нас. Теоретически.

— Социолог, против теоретической раны я не возражаю.— Малайка улыбнулся с явным намерением успокоить и присоединился к другим, уходившим с возвышения к рядам «сидений» вниз.

Кроме Брана на помосте остался только Трузензуекс. Официально он находился там для наблюдений, но

и он, и Цзе-Мэллори знали, что если что-то случится, то от помощи инсектоида, вероятно, будет мало толку. Он сделал ритуальный глубокий вдох и вошел в купол.

Керамико-пластиковая плита стала теперь знакомой после многих дней продолжительного и подробного изучения. Он взобрался на гладкую холодную поверхность и повернулся лицом к зрительному залу, слегка подняв голову. Из купола потолок монолита казался почти видимым. Возможно, прозрачный материал действительно производил легкое увеличение.

Плита была намного длиннее, чем требовалось для размещения его долговязого и худого тела. Она, однако, не подогревалась. Он обнаружил, что неуютно ерзает на твердой холодной поверхности и желает, чтобы она превратилась в теплую постель. Это слишком походило на капсулы в лаборатории криогенного анабиоза. «Сделай это по-быстрому!» — скомандовал мозг телу. Вонзая каблучки в неподатливую поверхность, он толкнул себя повыше. Одним движением его голова очутилась полностью внутри шлема.

Шлем принял бледно-красный оттенок, переходящий в желтый, а затем в светло-зеленый. А также стал слышен легкий гудящий звук. Он явно исходил из самой плиты. Вот и все. Ни фейерверков, ни даже нескольких простых вспышек молнии.

Лицо Цзе-Мэллори в куполе кривилось, но явно от сосредоточенности, а не от боли. Странное дело, мозг его стал для Флинкса непроницаемым. Если купол и не производил ничего другого, то экранировал мысли всякого, кто лежал под ним.

Двадцать минут спустя он вышел из купола, мотая головой, в то время как другие столпились вокруг него.

— Же? — спросил Малайка.

— Же? — переспросил выглядевший раздраженным социолог. — Ну, мы доказали одно. Если эта машина все еще способна функционировать так, как ей предназначалось, то этот шлем определенно является исходным пунктом.

— Я не могу поверить, что все это безумие построили для того, чтобы на пластиковом головном уборе

заиграли красивенькие разноцветные огни!

— Нет, конечно же, не для того.— Цзе-Мэллори тоскливо оглянулся на плиту и на опять ставший прозрачным шлем.— Похоже, что я способен активировать ее, но лишь в очень малой степени. В моем мозгу явно чего-то не хватает. Или, возможно, для этого требуется всего лишь определенного рода тренировка, о которой мы ничего не знаем. Не знаю. Я со своим мозгом попробовал все, что мог. Самогипноз. Йогу. Упражнения Банды. Совершенное объективное сосредоточение. Открытое подсознание. Результаты вы видели. Или, скорее, отсутствие их.

— Вы что-нибудь почувствовали, вообще, все что угодно? — спросил Флинкс.

— Гмм. Да, странное ощущение. Не болезненное и не угрожающее. Просто странное. Словно что-то пыталось проникнуть ко мне в голову. Щекотку снаружи мозга, едва заметную. А когда я попытался сосредоточиться на этом ощущении, оно ушло и спряталось. Должен сказать, что я разочарован.

— Же? Вы, может, думаете, что у вас монополия на это? — Коммерсант выглядел расстроенным, имея на это все основания.— И что же теперь?

— Теперь я предлагаю попробовать остальным людям. По-моему, я с избытком продемонстрировал ее безвредность, если и ничего другого. Поддержание ее настроенности на мозг одного типа может вызвать благоприятный кумулятивный эффект.

Один за другим остальные по очереди забирались под прозрачный шлем. За исключением, конечно же, Сиссиф, отказавшейся даже приближаться к нему. Малайка сумел вызвать сильное желтое свечение прозрачного материала. Флинкс действовал так же хорошо (или так же плохо, сказать не мог никто), как Цзе-Мэллори, только его цвет обладал еще и неровным пульсированием. Словно для опровержения утверждений Цзе-Мэллори, он вышел из купола с определенной головной болью. Ата и Вульф сумели вызвать светло-красный, почти розовый цвет. Им больше повезло, когда наконец сделал попытку Трузензузекс.

В ту же секунду, когда его стареющая радужная голова вступила в зону эффективности, мягкие цвета сразу же пробежали спектр от бледно-розового до темно-синего. Цзе-Мэллори пришлось отметить это, чтобы привлечь внимание всех. Повторяющиеся неудачи вызвали скуку. Но теперь никто не скучал. Гудение из основания плиты сделалось четко слышимым даже за пределами купола. На одной из открытых панелей огромной серой массы машины начали слабо светиться огоньки. Шлем к тому времени принял темно-лавандовый цвет.

— Посмотрите на купол! — указал Флинкс.

На несколько дюймов в высоту купол светился сплошным немигающим малиновым цветом. Время от времени мягкий свет полз на несколько миллиметров вверх, а потом опускался обратно и исчезал в полу.

Час спустя Трузензуекс, шатаясь, выбрался из купола. Цзе-Мэллори пришлось поддерживать философа за грудную клетку-б, так как ноги не держали старого инсектоида. Они вместе, пошатываясь, спустились к первому ряду сидений. Лицо Трузензуекса оставалось беспристрастным, но обычное здоровое свечение у него в глазах заметно потускнело.

— Ты, брат, безусловно правильно определил это, — выдохнул он, — когда сказал, будто нечто пыталось проникнуть тебе в голову! Я опять почувствовал себя, словно юноша, пытающийся вылупиться из своей куколки. Уфф! Могу сказать, однако, что из этого ничего не вышло.

— Неверно, — возразил Флинкс, а Малайка подтверждающе кивнул. — Вы заставили сам купол светиться красным, во всяком случае, вокруг основания.

— Да? — последовал свистящий транкский смех. — Полагаю, что это своего рода достижение. Изнутри я не мог этого заметить. Я сосредоточился довольно глубоко и со своими оптическими нервами не работал. Возможно, это значит, что мы на правильном пути? — Он повернулся лицом к Малайке. К его мускулам постепенно возвращались прежние силы. — Капитан, я переиначу свое предыдущее утверждение. Дайте мне на это еще

три-четыре недели, и я так или иначе выясню, сможет ли когда-нибудь человек или транкс управлять этой штукой. И окажется ли ваш вклад потерей или нет.

Малайка выглядел скорее смирившимся, чем подавленным. Его собственная безуспешная борьба с Крангом прибавила немного терпения, если и не дала других результатов.

— Бадю Джузи. «Еще не вечер». Старая поговорка в моей семье, господа. Вы уже сделали намного больше, чем я имел право надеяться. Работайте не спеша, господа, работайте не спеша.

Далеко внизу в тайных местах планеты лениво заворачивалось сознание Кранга... Оно более полно рассмотрело импульсы, пробудившие Первичное Звено слабыми детскими зондированиями и давлениями. Даже в своем полуспящем состоянии он был разумно уверен (плюс-вероятность — 90.97, минус-вероятность — 8.03, случайные факторы — 1.00), что наверху присутствовал мозг первого класса. Единственный, вполне способный пробудить Кранг к состоянию Ниазмы, или полной эффективности. Он явно предпочел пока не раскрываться. Машина подумала и позволила своим секциям, управляющим разумом, снова впасть в спячку в состоянии готовности.

Когда мозг будет готов, будет готов и Кранг.

В конце концов, именно для этого его и создали.

Глава девятнадцатая

Как оказалось, Трузензузекс не получил своего месяца. Ни даже трех недель. Они возились с доступными частями внутренностей машины, когда рация Малайки сообщила о пришедшем заатмосферном вызове. В порядке безопасности его портативная рация находилась в постоянном контакте с большим передатчиком краулера. Флинкс присутствовал при этом, помогая ученым в физическом аспекте их работы. Сиссиф, Ата, Вульф вернулись в краулер, сортируя припасы в его просторном трюме.

Для облегчения работы ученых рядом с их портативной печкой поместили две койки. Другие все еще находили более удобным спать в знакомой тесноте краулера, несмотря на необходимые для этого ежедневные прогулки.

Оба ученых на мгновение прервали свою работу, заметив странное выражение, появившееся на лице Малайки. Флинкс уловил его из внезапного замешательства мыслей коммерсанта. Он все утро наблюдал, как ученые трудятся над неизвестными обозначениями и непонятными переключателями. Девять десятых того, что они пытались сделать по части механики, ускользало от его понимания. Он был способен помочь им в более тонких частях операций, обладая, как они выражались, определенным «чувством» того, что где располагалось. И как всегда, их разговор как на устном, так и на мысленном уровне просто завораживал.

— Капитан...— начал было Цзе-Мэллори.

— Нас вызывают,— ответил коммерсант.— С Орбиты.

Мысли его отражали равные доли подозрения и недоверия. Он включил кнопку вещания на крошечнойрации.

— Вульф, ты слушаешь это?

— Да, капитан,— прошел лишенный модуляций ответ из отдаленного краулера.

— Отлично. Передай «слышим» и переключай его. Кто-то знает, где мы. Мало толку отрицать это.— Он повернулся к другим.— Может быть, нас сейчас прослушивают, хотя я сомневаюсь, что такое возможно сквозь эти стены. Но, впрочем, я также сомневаюсь, что нас вызывает другой звездолет, а дело обстоит именно так. Хайдхуру. Ничто не имеет смысла. Оставьте своирации и слушайте, если желаете, по моей. Нет резона извещать возможного противника о том, сколько у нас действует передатчиков. Если, конечно, он этого уже не знает.

Флинкс в первый раз увидел коммерсанта столь подавленным. Очевидно, напряжение было сильнее, чем он хотел показать. В любом случае, порации он сказал лишь: — «Да?»

Ответивший голос был от природы высоким. Но если тон и казался чуть женственным, то слова — нет.

— Капитан Максим Малайка, Глава Дома и Плутократ? Я привез вам привет сэр, от мадам Рашалейлы Нуаман и «Нуаман Интерпрайзиз». — Губы Малайки скривились в беззвучном ругательстве, заставившем Флинкса покраснеть. — Поздравляю!

Этого надменного презрения оказалось достаточно, чтобы подстегнуть язык коммерсанта.

— Чертовски достойно с вашей стороны. А кто ниний ниоте?

— Простите? А, я. Я фигура маловажная. Но в целях облегчения дальнейшего разговора — который, заверяю вас, нам обязательно предстоит — вы, возможно, знаете меня как Эйбла Никососа.

— Же, мистер Никосос. Я целиком согласен, что персона вы маловажная. Мне любопытно, как вы сюда попали. Эта планета, кажется, приобретает всеобщую известность.

— Как так? Гмм. Что же касается вашего вопроса, капитан, то, — в голосе сквозило притворное удивление, — мы последовали за вами. Большую часть пути от Мота. На почтительном расстоянии, конечно. И если уж об этом зашла речь, то вы безусловно немало меняли свой курс в начале путешествия. Да, попетляли вы. Но после первой недели мы без труда вычислили ваш примерный курс. Знаете, это четвертая посещаемая нами в этом секторе звездная система с планетами. Мы более-менее знали, где находится нужная нам, но не имели точных координат. Это затруднило нам дело, да затруднило, когда вы совершенно пропали с экранов. Эти координаты находились на клочке материала, который... но это неважно. Теперь все это — далекое прошлое, не так ли?

— Вы случайно не получили кое-какой помощи от некоего эйэннского барона?

— ЭйЭннского барона? — писклявый голос отразил удивление. Малайка взглянула на Флинкса.

— Он говорит правду, сэр. И они, определенно, на постоянной орбите.

Двое ученых с удивлением посмотрели на Флинкса. Они ничего не сказали, но он почувствовал в их мыслях легкое негодование на его скрытность. Ему отчаянно хотелось рассказать им, насколько необходимо было сохранить эту скрытность. Даже сегодня пси-чувствительные личности не пользовались всеобщей популярностью, факт, узанный им рано и болезненно еще детстве. Теперь, однако, было не время пускаться объяснения.

Голос по рации продолжал:

— С чего бы нам иметь какое-то отношение эйэн-нам? Скверный они народ, скверный! Нет, самом деле, сэр. Мы нашли вас целиком сами, несмотря на трудности, причиненные вашим исчезновением. Но мы ведь нашли вас, не так ли? Так что ничего не стряслось.— Замечание прервал короткий смехок.— Мой корабль находится на орбите в паре диаметров поля от вашей «Славной Дырки». Мы сперва послали луч к ней. Когда мы не получили ответа, а шлюз отказался впустить нас — как умно с вашей стороны, капитан,— мы предположили, что вы уже сделали посадку на поверхность. Один взгляд на ваш челночный причал подтвердил это.

— Телатини нгуруве! Тридцать свиней. Это предельное число, которое можно набить в стандартную капитанскую каюту, случае, если вы этого не знаете.

оскорблениям этот голос, кажется был совершенно невосприимчив.

— Це-це-це, капитан. Вы смущаете мою скромную натуру.

— На это мало шансов.

— Так или иначе, излучения ваших компонентов открыли бы нам ваше местоположение, даже если бы вы отказались отвечать на вызов. Что, уверен, вы хорошо сознавали.

— Капитан,— обратился Флинкс.— Я думал, вы говорили...

— Вспомни о ретрансляции на рацию челнока. Именно ее-то они и засекли. любом случае, они едва ли могли упустить нас.— Мысленно он уже готовился к обороне в последнем окопе.

— Где вы сейчас, друг Никосос, помимо того, что на орбите?

— Хорошая догадка, капитан. Мы летим над этим бедным влагой континентом. Не сомневаюсь, довольно близок к вам. Вскоре мы должны приземлиться, в какое время я надеюсь поприветствовать вас лично.

Голос замолк, а потом снова заговорил:

— В чем бы там вы ни прятались, оно действительно должно быть кое-чем. У нас масса трудностей с приемом вашей передачи.

— Вы проделали долгий путь ради кучи ничего, Никосос. Мы уже не одну неделю работаем над этим, как вы столь точно выразились, «чем бы то ни было». Мы не сумели вычислить, что оно делает, не говоря уж о том, как оно это делает.

— Разумеется, капитан, разумеется! — В голосе теперь звучали юмористические нотки. — Лично я, когда меня слишком глубоко пробирает космический холод, люблю пролететь сквозь ближайший сверхгигант М и согреть свои замерзшие косточки. Как я сказал, мы с вами скоро увидимся.

— Он не верит нам, — сказал Флинкс.

Малайка кивнул:

— А потом?

— Ну, это представляет проблему, а? Я, разумеется, не могу помахать вам ручкой, желая счастливого пути домой, потому что тогда вся моя упорная работа будет напрасной, не так ли? Впрочем, убийство тоже, в общем-то, не мой профиль. Наверное, можно будет что-нибудь придумать... — Малайка отключил рацию и повернулся к остальным.

— Же, вы слышали. Там, где речь идет о новых планетах, владение — девять десятых древнего права, но я сомневаюсь, что Раша позволит мне вызвать церковные силы Оценки. — Он переключил рацию на межличностную частоту.

— Вульф, ты все слышал?

— Да, капитан, — донесся ровный ответ человека-тени. Флинкс гадал, а был ли пилот вообще способен на никогда не проявляемое им волнение. — Боюсь, однако,

что ваша подруга восприняла это довольно тяжело. Она упала в обморок. Мисс Мун сейчас заботится о ней.

— Же! Тогда она, во всяком случае, на время утихомирится. Мы вскоре присоединимся к вам. Нам всем лучше оставаться памоджа.— И снова отключил рацию.

— Что вы предлагаете? — спросил Цзе-Мэллори.

— Я мало что могу, социолог. Даже если бы этот Никосос оказался настолько мджинга, что приземлился бы без защитного экрана, было бы тяжело пытаться пробиться с боем. Хотя у нас имеются,— тут он посмотрел прямо на Флинкса,— свои собственные сюрпризы. Однако я уверен, что люди, оставленные им на корабле, будут прослушивать все, что происходит. В челноке мы окажемся в их власти. Если этот Никосос не прихватил с собой экран, и если мы сможем застать его врасплох и нанести им непоправимый урон несколькими выстрелами, прежде чем они успеют предупредить свой звездолет, и если мы сможем проскочить к «Славной Дырке» под их детекторами, и если мы сможем попасть внутрь и запустить генератор, прежде чем они заметят,— вот тогда у нас будет неплохой шанс смыться или отбиться от них.

— Слишком много «если»,— непринужденно заметил Трузензузекс.

— Кабиса, именно. И все же, у нас есть и другое оружие. Можете не сомневаться, я его испробую. Взятки, например, часто оказывались на войне действенной, чем ядерная энергия. Но боюсь, что Раша не отправит на такое важное задание уязвимую в этом отношении тварь. Во всяком случае, не того, кто поддается искушению полного подкупа. А вот частичного... Я могу придумать еще только одно. У этого здания только один мланго. Выставить пушку и палить по первому, кто войдет в него. Покуда у них нет определенного представления о том, насколько мы запаслись продовольствием и оружием, он может стать достаточно нетерпеливым для мелкого торга с нами. К несчастью, у нас мало что имеется, даже с тем, что мы могли бы перевезти сюда из челнока. Мибу, ему нужно всего-навсего сжечь челнок

и отправиться на досуге поразвлечься сафари на Ниневии, с координатами для Регистрации!

— А почему бы ему не сделать это в любом случае? — спросил Флинкс.

— У него иное задание, киджана, иначе он даже не потрудился бы вызвать нас. Просто вывел бы из строя «Славную» и отправился своей дорогой. Ему явно требуется выяснить о Кранге все, что можно. — Он сделал жест в сторону двух ученых. — Раша знает о вас. Я сам ей сказал, чурка я этакий. Она могла бы нанять и своих экспертов, но знает вашу репутацию. Поэтому за вашу жизнь я не беспокоюсь. Только за вашу репутацию. Я считаю также, что смогу устроить кое-что для себя. Слишком много народу будет задавать неудобные вопросы, если я внезапно исчезну... даже в исследовательском путешествии в незаселенные районы. И он не может заколачивать столько феда! О, он все равно не может позволить себе отпустить на свободу кого-нибудь из нас. Вероятно, ему приказано держать нас где-то со всеми удобствами, пока Раша не сможет подтвердить свои права на эту планету всеми возможными методами. Тот завуалированный намек на «убийство» был, вероятно, его способом начать торг.

— Предложение, капитан, — сказал Трузензуэкс.

— Ндийо?

— Предполагая, что все сказанное вами верно, почему бы просто не согласиться и не отдать ему то, что он хочет?

— Что! — Даже Флинкс поразился.

— Заверяю вас, что Кранг останется бесполезным и для него, и для его хозяйки. Я был оптимистичен, когда сказал, что мне потребуется три недели для оценки потенциальной полезности машины. Мы можем многое узнать из нее о тар-айимах, в этом я ничуть не сомневаюсь. Мне думается также, что я могу сказать с большой долей уверенности прямо сейчас, что в остальном она никогда не будет ничем большим, как выдающейся диковиной для археологов и туристов.

— Лакини, но... вы же заставили ее заработать! Во всяком случае, часть ее.

— Все сделанное мной не более чем надраивание спиралей двигателя генератора Каплиса. Наверное, мне удалось разогреть ее и придать ей вид функционирующей, но я сомневаюсь, что когда-нибудь смогу довести ее даже до частичной действенности. И мы по-прежнему не больше, чем раньше, представляем себе, что ей полагалось делать. Мне думается, никто не сможет продвинуться дальше... кого бы там ни привлекла ваша мадам Нуаман.

— Если вы убеждены...— начал Малайка.

Трузензуекс вопросительно посмотрел на Цзе-Мэллори.

— Утверждать нельзя ничего, капитан, но я без колебаний присоединяюсь к оценке моего брата.

— Мбуа улимвенгу! Тогда отлично. Забудем разрушение в пользу более хитрых маневров.— Он активировал рацию на канале широкого вещания. Теперь, когда он опять очутился на знакомой почве, голос его обрел прежнюю уверенность.— Никосос!

Послышалось шипение, треск, тишина, а затем вновь раздался писклявый голос:

— Незачем кричать, капитан. Вы подумали?

— Слушай, агент. Я дам тебе возможность приобрести то, что ты желаешь, и сберечь по ходу дела несколько жизней. У меня здесь в полной готовности шестимиллиметровая лазерная пушка и уйма зарядов, но я не вижу ничего, за что стоит драться. Желаю тебе удачи в попытках заставить ее заработать, если сумеешь, в чем я сомневаюсь. Весь город — твой. Я желаю только как можно быстрее покинуть эту нукию. Можешь получить и наши заметки, если пожелаешь. Все, что мы выяснили о самом Кранге... чего в сумме очень мало. Но у меня здесь мальчик и две женщины, и я хочу вытащить их из этого.

— Ах, как трогательно! Не ожидал от вас такого восхитительного альтруизма, капитан. Да, я думаю, что несмотря на отданный мне приказ, можно будет организовать финансовое соглашение, удовлетворяющее все заинтересованные стороны. В любом случае, пролитая кровь имеет склонность расстраивать мне печень. Хотя

уверен, что вы поймете, когда я скажу, что вы и ваши спутники должны будете некоторое время оставаться моими гостями. Минимальный срок, на самом-то деле. Но очень необходимый.

— Естественно, я понимаю такую необходимость и буду рад подписать...

— О нет, капитан, этого не потребуется. Я верю вам на слово. Ваша репутация широко известна. Лично я нахожу честность в нашей профессии несколько вредной, но в данном случае она к моей выгоде. Нет, как бы вам ни хотелось иметь такое соглашение в письменном виде, я предпочел бы не допускать существования такого официального документа. Такие вещи имеют привычку исчезать, а потом оказываться в самых неприятных местах. Теперь уже скоро. Наш полет пока был интересным, капитан, но боюсь, что я нахожу эту планету скучной. Если вы будете так добры, оставить свой передатчик включенным, мы последуем по его импульсам. Это может ускорить завершение всего этого неприятного дела. Я уверен, что вы желаете затягивать его даже меньше, чем я.— И отключился.

— Капитан,— донесся из рации голос Вульфа.— Меня от этого просто мутит. Неужели нет никакого другого способа?..

— Никакого, Вульф. Я тоже предпочел бы драться, но... Оставь открытой передачу для них, как он требовал. По крайней мере, наша работа здесь, похоже, оказалась бесплодной, иначе я и не рассматривал бы такого варианта. Мы можем пожелать им побольше того же самого. Что бы они ни нашли в городе, пусть забирают на здоровье. В конце концов, все это дело было чем-то вроде охоты на дикого мбизу.

— Но он же практически угрожал убить!..

— Вульф, пожалуйста, я знаю. Джуа тяжелое. И все же у нас нет выбора. Я тоже не доверяю ему. Но он может просто улететь теперь и вернуться попозже за нашими мумифицировавшимися трупами. Нет, держу пари, он предпочтет хапнуть лишний кредит, содержащийся в моем предложении. Почему бы ему не сделать этого? — Он пожал плечами, невзирая на то, что Вульф этого видеть не мог.

— Вульф, не будь соотношение сил таким...— Он вздохнул.— «Правила Дома».

— Я понимаю, капитан.

Малайка отключил рацию и тяжело опустился на одно из «сидений». Он вдруг сделался очень старым и усталым.

— Конечно, если бы вы, господа, открыли, как заставить работать эту машинези, я бы даже думать не стал...

— Мы тоже понимаем, капитан,— сказал Цзе-Мэллори.— Плохой выбор вообще не выбор. За себя мы никогда не беспокоились. Он должен по крайней мере показать нас Нуаман, что убедит ее в нашей бесполезности. И наше внезапное исчезновение тоже вызовет толки в определенных кругах.

— Нуаман. Будь проклята эта сука! — Он обратил взгляд к небу.— В сей день я навек забуду, что эта тварь человек и мванамке!

Он заметил взгляд Флинкса.

— Биби, дамой она, киджана, перестала быть задолго до рождения.

Глава двадцатая

В километре над ними очень довольный Эйбл Никосос развалился в кресле роскошной каюты челнока и передал приказ пилотам. Он радостно потирал руки. Дела шли неплохо. Почти столь же неплохо, как если бы он получил, как и планировалось, ту карту на Моте. Присутствие Малайки на планете чуточку осложняло дело, но не очень сильно. Похоже, что дело от этого станет еще выгодней. Кроме жирной премии от старой ведьмы за успешное выполнение более трудного, чем первоначально намечалось, задания, будет богатый выкуп за Малайку... уплаченный авансом. Как и условлено ранее, двое яйцеголовых будут отправлены к Нуаман. А как только будет выплачена достойная сумма выкупа — разве слово Малайки не было всегда надежным? —

парня можно будет выкинуть из ближайшего шлюза. Что же касается двух женщин, ну, усадьбе предков требовались новые игрушки. За последние несколько лет цена на здоровых молодых женщин нестерпимо подскочила. Нестерпимо! И во всем виноваты эти проклятые ханжи-церковники. «Насилие антиобщественно», понимаете ли! При скорости, с которой он их использовал, его хобби становилось слишком дорогим. Добавление двух новых даровых лиц (и тел, о да!) будет таким образом не только финансовой, но и эстетической прибылью. Он ничуть не сомневался, что обе окажутся молодыми и привлекательными. Иначе какие у них могут быть дела с этим вредным Малайкой?

Если же они совершенно не в его вкусе, он все равно сможет их использовать. Наверное, менее оптимально, но они все-таки могут оставаться пригодными для службы. А он знатоком слыл не зря.

Когда челнок спикировал к городу, начали выдвигаться его дельтавидные крылья.

Глава двадцать первая

Малайка, Цзе-Мэллори, Трузензуекс и Флинкс медленно брели обратно к краулеру. Никто не произнес ни слова, Флинкс уже твердо решил не позволить отобрать у себя пистолет. Он мог оказаться не меньшим специалистом по части вероломства! Он прочел путанные и мелкие свинячьи мыслишки Никососа, как ни трудно это далось, из-за того, что их носитель столь быстро двигался над поверхностью планеты. Существовала возможность, что двое ученых и Малайка легко отделаются, но, судя по мыслям агента, шансы, что ему и двум женщинам удастся то же самое, казались мизерными. В конечном итоге, ему не следует рассчитывать, нет, не следует ожидать, что коммерсант поставит на кон свою жизнь из-за него, или из-за двух женщин, или даже из-за двух ученых. Выживание — такой довод, что мораль просто не идет с ним ни в какое сравнение. Поэтому ему

лучше планировать предпринять какие-либо действия самостоятельно. Такая оценка их нынешнего положения была нелестной, но логичной. И это пугало его наравне с реальностью смертельного исхода. Он слегка вздрогнул, несмотря на тепло в помещении.

Последние несколько минут его что-то беспокоило, в дополнение к страшным предчувствиям. Он передернул плечами, несмотря на отсутствие там зуда. Вот оно! Не зуд, а отсутствие постоянного знакомого трения. Минидраг куда-то запропастился. Поглощенный событиями последних минут и сосредоточенный на мозге агента, он и не заметил пропажи змея. Он резко повернулся:

— Пип? Где Пип?

— Просто для уверенности,— пробормотал себе под нос Малайка, не расслышав тихого вопроса Флинкса. И щелкнул рацией: — Вульф, я не люблю играть, не держа в запасе по крайней мере нескольких карт. Разбери винтовку и установи ее дулом к входу.

— Да, капитан! — донесся полный энтузиазма ответ.

— Если этот малый так ловко связал и упаковал нас,— поинтересовался Цзе-Мэллори,— то зачем утруждать себя возней с винтовкой? Я думал, вы раз и навсегда оставили мысль попытаться вырваться из этой передраги с боем?

Флинкс осматривал пространство вокруг них. Змея по-прежнему не было видно. Без привычного присутствия рептилии он чувствовал себя нагим.

— Более-менее, так оно и есть. Мы знаем, что он нас припер к стенке, и он знает об этом, но он не знает, что мы знаем, что он нас припер к стенке.

— Пожалуйста, попроще.

— Ндийо. Разумеется. Представим это так. Человек ведет переговоры с куда меньшим высокомерием, чем мог бы, когда знает, что сидит под дулом пистолета того, кто страшится за свою жизнь. У нас достаточно мало рычагов, поэтому мы должны использовать и самые маломощные из всех, какие сможем найти.

Несмотря на разнообразные призывы, свист и увеще-

вания Флинкса, минидраг не показывался. Это было необычным, но не беспрецедентным. Иногда у змея появлялось собственное мнение. Трузензуекс не мог продублировать применяемые Флинксом прерывистые призывы, но помогал в визуальной части поиска. Это, по крайней мере временно, отвлекало его от мысли о злополучном стечении обстоятельств.

— Где он вероятнее всего мог спрятаться, малыш? — спросил ученый.

— О, я не уверен, сэр. В разных местах.— Теперь он был по-настоящему обеспокоен и лишь вполуха слушал философа. Он не чувствовал присутствия минидрага, и одно это вызывало у него беспокойство.— Он не часто выкидывает подобные фокусы. Полагаю, на него действовала общая депрессия. Он, знаете, чувствителен к подобному. Он предпочитает прохладные замкнутые места. Вроде...

И он резко оборвал фразу. Он увидел вдали минидрага. Тот прямо у него на глазах порхал вокруг прозрачного купола. Потом природное любопытство одолело-таки его, и, несмотря на предупреждающую мысль Флинкса, он засунул голову под прозрачный шлем. То, что случилось вслед за тем, удивило обоих наблюдателей. Минидраг проделал в воздухе неуклюжий вираж и, казалось, упал на самого себя, свернувшись в плотную спираль на самой высокой точке скамьи. Он лежал, застыв, не двигаясь, под куполом, пульсировавшим теперь неопределенным желтым цветом.

Все мысли об их непосредственных трудностях были мгновенно отброшены в пароксизме страха за своего постоянного спутника. Не обращая внимания на предостережения Трузензуекса, он бегом кинулся к только что покинутому ими месту. Малайка обернулся и, издав ругательство, бросился вслед за юношей. Его короткие ноги не могли тягаться с ногами Флинкса, но тем не менее он сумел развить достаточно впечатляющую скорость.

Приблизившись к куполу, Флинкс почувствовал под ногами легкую дрожь, но не обратил на нее внимания.

А Трузензуекс обратил. И взглянул на Цзе-Мэллори.

— Да, брат. Я тоже это почувствовал.— Голос его стал задумчивым. Снова дрожь, на этот раз сильнее.

— Что же происходит? — произнес озадаченный Трузензуекс.— Я думал, мы установили, что по крайней мере эта часть планеты сейсмологически безопасна.— Он обеспокоенно посмотрел на сводчатые стены, определяя их крепость и устойчивость.

Пол вновь содрогнулся, но уже гораздо сильнее. Дрожь не прекращалась и становилась все сильнее и, хотя никто этого не замечал, усиливалась по мере того как Флинкс приближался к куполу.

— Что же происходит? — прошептал Цзе-Мэллори.

— Элитат! Не уверен, — ответил философ таким же приглушенным тоном, — но я думаю, что наша загадка вот-вот разрешится сама собой.

Флинкс забрался на помост и мчался к куполу. Пип все еще не двигался. Юноша едва заметил сотрясавшую строение дрожь. Когда он приблизился к своему неподвижному приятелю, странное гудение, начавшееся у него в голове, стало еще хуже. Он нетерпеливо мотнул головой, очищая ее, но без толку. У него возникло странное ощущение эйфории, перемежающееся с болью.

«Не борись с этим», — казалось, шептало что-то. Он услышал тихо разбивающиеся на берегу волны. Минидраг лежал, плотно зажмурив глаза. Он, похоже, дергался под аккорды какой-то безмолвной песни. Первая мысль Флинкса была о конвульсиях, но движения рептилии, хотя и неправильные, казались для этого слишком ровными. Он начал было засовывать руку под большой шлем, к своему попавшему в беду приятелю. Гудение возросло, и он качнулся назад под внезапным приступом головокружения.

НЕ... БОРИСЬ... ТЫ!

Пип в беде... Беде.

Он снова мотнул головой, и на этот раз подобное действие, вроде бы, принесло ему небольшое облегчение. Все сливалось, его мысли потеряли четкость. Он сфокусировал слезившиеся глаза на змее и решительно нырнул под шлем.

П*О*Я*В*Л*Е*Н*И*Е

Внутри его черепа рухнула древняя плотина, ослабленная случаем и эволюцией. Прилив сдерживаемого ею был ужасен.

Обыкновенно прозрачная структура купола взорвалась массой искрящихся, сверкающих зорь. От венца до основания, все цвета видимого спектра... и, вероятно, невидимого тоже. Пурпурные, зеленые, золотые преобладали над красными, голубыми и другими основными цветами. Блистающий вихрь гневной, почти металлической переливчатости плел сложные и непонятные узоры в материале самого купола. Внутри здания феерические сетки из фосфоресценции, люминесценции и шаровых молний протравливали в воздухе световую паутину.

На ложе в куполе внутри здания, который и являлся Крангом, Флинкс лежал, застыв в кажущемся бессознательном состоянии, рядом со своим притихшим приятелем. Шлем над ними пульсировал темным огненно-фиолетовым цветом.

— Капитан... — пробился сквозь треск рации голос Вульфа, искаженный водопадами помех, но Малайка этого не заметил. Пораженный, он резко остановился, как только купол начал свою слепящую игру цветов.

Гигантские трубы машины пульсировали звоном, как от наковален, по их стенкам ползли кольца светящегося электричества. Они злобно трещали, словно разрываемая пластиковая фольга.

— ...межпространственный вызов!.. — У Вульфа не появилось возможности уловить ответ Малайки, ибо голос Никососа заставил его замолчать:

— Что ты там пытаешься выкинуть, купчишка? Предупреждаю тебя, без фокусов! Я прикажу своим людям уничтожить твой корабль! Мне нужен только сигнал передатчика. Целый сектор континента к востоку от вас... пылает, да, пылает, под поверхностью, кажется. Эта местность выглядит, словно охваченная пожаром. Не знаю, что ты затеял, приятель, но если ты хоть...

Голос исчез в Ниагаре помех. В этот миг мир наводнили X V, H и, по какой-то причине, Г.

Малайка сделал шаг вперед и рухнул на пол как подкошенный. По крайней мере, позже ему думалось,

что он упал. При всем, что он сумел действительно вспомнить, он мог плавать в воздухе. Ведь воздух в амфитеатре, казалось, внезапно решил показать свое присутствие, вынуждая его отступить и опуститься. Он тонул в нем. Мсаада! Забавно, они никогда не замечали, какой он плотный. Плотный. Голова его попала в гигантские клещи... нет, не клещи. Тысячи миллионов сапог чеканили чуждые марши по его голове, в то время как хоровод смеющихся электронов пытался стянуть с него скальп. Он почуял запах гари и апельсинов.

Когда он катался по полу, пытаясь сохранить целой голову, раскалывающуюся на куски, то мельком увидел Цзе-Мэллори. Социолог находился в схожем положении. Лицо его представляло собой ужасающее зрелище, когда он сражался с силой, толкающей их всех к тихому помешательству. Частично лишенное контроля разумом, высокое тело извивалось и трепетало на бледно-белом полу, словно задыхающаяся самаки. Трузензузекс, с другой стороны, неподвижно растянулся на спине. В первый раз на памяти коммерсанта мембраны его глаз закрылись. Ноги философа выпрямились во всю длину и застыли, но стопоруки слабо колыхались в воздухе, заряженном статическим электричеством.

Внизу биллион километров цепей и других элементов, являвшихся спящим разумом Кранга, заворочались, пробуждаясь. Да, мозг 1-го класса. Но заблокированный! Заблокированный от природы! И, что самое главное, несознающий самого себя! Это было неслыханно! Да, мозг 1-го класса можно ослабить, но только искусственно. Заблокировать? Никогда! И, вдобавок, естественным образом! Такая ситуация являлась... невероятной. Она противоречила Закону.

Кранг столкнулся с Уникальным Обстоятельством. Ему придется принимать окончательное решение самому. Проявлять инициативу. Но он не мог сам управлять собой. Для этого был необходим мозг наверху. Он осторожно прозондировал. Коль скоро блоки будут удалены... сотрудничество...

ПЕРЕНАЛАДЬ СВОИ КЛЕТКИ, ОРГАНИЗМ... ВОТ ТАКИ

Осторожно, осторожно.

Наверху тело Флинкса разох дернулось.

Я не могу этого сделать!

ТЫ ДОЛЖЕН. ЭТО... НЕОБХОДИМО.

Это больно!

НЕВЕЖЕСТВО ВСЕГДА ПРИЧИНЯЕТ БОЛЬ. ПОПРОБУЙ.

Тело Флинкса вновь заизвивалось. В голове у него безжалостно пульсировал, вырастая, казалось, до невозможных размеров, слепящий шар боли.

Я... не могу!

Кранг рассмотрел ситуацию. Более сильная пульсация могла снять блокировку... и, возможно, навек уничтожить мозг. Рассмотрим альтернативы. Если мозг заблокирован, то как же он вообще мог стимулировать первичную активацию?

На нахождение ответа ему потребовалась доля наносекунды. Поблизости находился мозг-катализатор. Это все объясняло знакомыми Крангу понятиями. Действуя быстро через посреднические каналы мозга 3-го класса, огромная машина произвела необходимую переналадку в мозге 1-го класса. И с облегчением почувствовала, как растворяются барьеры. На этот раз дело пошло легко. Они и с самого начала были слабыми и с прорехами. Энергия ЭТП начала течь по поджидавшим каналам. Дальнейшего вмешательства не требовалось.

Р*Е*А*Л*И*З*А*Ц*И*Я

Э*Н*Т*Р*О*П*И*И

За один краткий миг Флинкс осознал всю Вселенную. Она показалась ему очень маленьким непрозрачным хрустальным шариком. Мгновение прошло, и он в первый раз ясно все увидел. Да, совершенно ясно. Он почувствовал то, что лишь наполовину замечал, подозревал прежде. И такое, что вообще не замечал. Он увидел чудесную структуру, являвшуюся Крангом. Он воспринял чудесную структуру, каковой являлся сам. Для полного пробуждения инструмента требовалась определенная энергия. Сейчас лишь крошечная часть его пульсировала сознанием. Да, вот, и вот.

Кранг пробудился. Пробудился к полному сознанию

в первый раз за последние полмиллиона лет. Гимн-марш. Славно! Лившаяся теперь от настроенного мозга-активатора печальная песнь была незнакомой и грубоватой по исполнению. Но Кранг понимал, что за пятьсот тысячелетий вкусы могли измениться. Важно, что Экран автоматически возник, как только мелодия обеспечила необходимые ключевые импульсы.

Сенсоры Кранга мгновенно просканировали небо на много световых лет во всех направлениях. Поскольку активатор ничего не делал на инструктажном уровне, кроме трансляции ощущений опасности, машина ввела систему общего оптимального сканирования и надеялась, что ее окажется достаточно. Она признала в активаторе новичка. Его надо направлять. Где-то мелкая цепь должным образом отметила, что единственный корабль чуждой конструкции был распылен в момент активации Экрана, попав в него, когда тот возник. На волосок! Кранг опять пожалел, что мог действовать только с частью сознания до мгновения полной активации. К счастью, судно не проникло. Никакого вреда не причинено. Активатора уведомили, и он согласился. Еще один корабль — нет, два — притаились как раз за пределами Экрана. Хотя они оставались неподвижными и не предпринимали никаких враждебных действий, активирующий мозг указал Крангу сфокусироваться на участке пространства, занимаемом большим из двух судов. Машина послушно выполнила указание.

Ее поле оптимальной фокусировки на близком расстоянии являлось сферой минимум в тысячу километров. Она могла без всякого труда поразить указанное судно, совершенно не задев в то же время другое. Эти невероятные сенсоры могли образовать необходимый конус проекции в метре от любой желаемой точки. Это намного больше, чем требовалось. Она извлекла из сотрудничающего теперь мозга 1-го класса необходимые уточняющие данные. Будь у Кранга ноги, он притопывал бы ими, отбивая такт.

Наверху ритмические пульсации, превращавшие в труху мысли Цзе-Мэллори, на мгновение прекратились. Они тут же трансформировались в совершенно неопи-с-

емый гибрид между пронзительным криком и ревом. Ультразвуковой визг летучей мыши, усиленный в миллион раз и едва слышимый, сопровождаемый электротрубами и литаврами. Это не давило столь нестерпимо ему на череп, по сравнению с прежней музыкой. Социолог сумел перекатиться на спину и лежал, не двигаясь, тяжело и неровно вдыхая враждебный воздух, который, казалось, не желал попадать в его легкие.

Он повернул голову. Движение причинило ему боль. Он боролся, пытаясь не дать этому скрежещему стону проникнуть слишком глубоко, зная, что если он расслабится и позволит ему захватить его, то острые как нож звуки начнут кромсать нервы и нейроны. Он мог предотвратить это.

Малайка явно оказался крепче любого из них. Каким-то образом он сумел, шатаясь, подняться на ноги и начал, кренясь и отклоняясь, двигаться в направлении помоста. Он одолел половину расстояния, когда задвигалось здание.

В момент первого звука Вульф врубил двигатели краулера и рванул к двери. К счастью, большая машина стояла повернутой в этом направлении. Когда его ударило первым полным аккордом, он свалился с сидения водителя, зажав ладонями уши. Но краулер, установленный на данный курс, тупо продолжал ползти дальше. Как и прежде, огромные двери раздвинулись. В тот же миг, как они закрылись за краулером, попытка прекратилась.

Вульф медленно взобрался на сиденье и сумел остановить отчаянный бросок машины, прежде чем тот швырнул бы ее с обрыва. Он не знал, что произошло, все было слишком быстрым! Но он знал, что капитан и остальные все еще внутри. Он быстро проверил грузовой отсек. Обе женщины без чувств растянулись среди припасов, — то ли от воздействия этой «штуки», то ли от их быстрого рывка — он не мог этого определить.

Что же делать? Беспомощно растянувшись на полу краулера, ни на что не способный от мучительной боли, он мало чем может помочь капитану или кому бы то ни было. В данный момент о возвращении внутрь не могло

быть и речи. Попытка наладить связь произвела только океан помех. Возможно, ему удастся найти в челноке что-нибудь, способное заэкранировать его мозг и позволить ему вновь вступить в этот ад. Ему не было дано времени на обдумывание этой проблемы.

Здание, все миллионы тонн его, меняло свое местоположение. Оно накренилось вперед, и на мгновение его обуял страх, что оно опрокинется на малюсенький краулер. Оно не опрокинулось. Оно зависло на секунду, паря в вихревом небе, а затем слегка повернулось к югу. И начало глухо гудеть. Вибрация ощущалась и сквозь пол кабины. На высоте нескольких миль в насыщенном пылью воздухе он увидел, что верхние метров сто строения начали пылать иссиня-черным цветом. Он никогда раньше не видел чего-нибудь пылающего черным цветом, и этот феномен загипнотизировал его. Он продолжался каких-то тридцать секунд. Круглое основание, на котором покоилось здание, казалось, слегка посветлело. На некотором расстоянии вокруг здания воздух на мгновение принял розовый оттенок. А затем все прекратилось.

Кранг произвел устранение второго судна столь же буднично, как и первого. Весь процесс с момента первоначальной активации до настоящего времени занял немногим меньше двух минут.

Кранг терпеливо ждал дальнейших приказаний от Активирующего Звена. Директивы уничтожить другой чуждый звездолет не поступало. Фактически, мозг тут же устранился от управления Крангом. Машина поспорила сама с собой. Прошло очень много времени с тех пор, как она последний раз работала на полную мощь. Она вновь открыла, что ей это ощущение вполне нравится.

Но зашитые в нее инструкции были четкими и не оставляли никакого места для логических отклонений. При отсутствии активирующего мозга ей полагалось вернуться к состоянию спячки на пониженной мощности. Это означало дезактивацию всех, кроме самых элементарных ремонтно-охранительных функций. Кранг вздохнул. Цели построивших его, казалось, часто отли-

чались от его желаний, но у него не было возможности изменить свою программу. Огромные лопасти в глубине известняковых пещер, канализировавшие непрерывающиеся вихри планеты, начали опускаться. Генераторы, черпавшие бесчисленные эрги энергии из расплавленного ядра планеты, уменьшили подачу, и кипящий железоникелевый центр успокоился.

Медленно, но эффективно Кранг приступил к выполнению задачи по выключению самого себя.

Глава двадцать вторая

Флинкс сполз со скамьи и поднялся. Голова у него все еще пульсировала, но настоящая боль почти исчезла. Он напивался допьяна только раз в жизни. Теперь к нему вернулись воспоминания о мучившем его после этого чудовищном похмелье. После того как они пронеслись вблизи от нейтронной звезды, у него были измочалены и измотаны мускулы. Теперь они контролировались натянутой не менее туго, чем струны рояля, оскорбленной и подвергнутой жестокому насилию нервной системой, а костный мозг вибрировал в точном соответствии с тяжеловесным ритмом смолкнувшего Кранга. Он заглянул внутрь, бессознательно перестраивая определенные клеточные структуры. Боль растаяла, оставив после себя вспышку света.

Он огляделся кругом.

С помощью своего друга Трузензуекс медленно поднимался на ноги. Флинкс совершенно не желал представлять себе, что именно пережил инсектоид с его незащищенным экзоскелетом. Неожиданный наклон здания помешал Малайке добиться успеха в его попытке добраться до помоста. Теперь он сидел на краю скамьи, массируя колено и заботливо проверяя себя на предмет возможных повреждений. В общем, он казался целым, так как с его толстых губ срывалось во все возрастающем изобилии множество ругательств на замечательно большом числе языков.

Удостоверившись, что с его хьюманкссскими спутниками все в порядке, Флинкс обратил все свое внимание к змею. Маленькое кожистое тело плотно свернулось в спираль под колпаком активации. Оно не подавало никаких признаков жизни. Стараясь не угодить под этот купол головой, он взял Пипа со скамьи. Тот все еще не шевелился. Он осторожно прозондировал тельце своим обновленным стимулированным мозгом. Его вытолкнули в новую незнакомую вселенную, и он все еще испытывал некоторую неуверенность (а если честно — страх) в своих способностях. Он прозондировал глубже. Минидраг послужил проводником силам, управиться с которыми было выше его возможностей. Подобно перегруженному конденсатору, ему требовалась определенная реорганизация и переналадка.

Остальные собрались вместе и стояли с другой стороны, молча следя и тактично не выражая сочувствия. Незанятой частью своего мозга он быстро обыскал их головы. Все трое были еще ошеломлены событиями последних нескольких минут. Почти так же сильно, как и он, подумал Флинкс с горькой иронией. Он чувствовал излучаемую ими симпатию, и ему становилось лучше.

Последняя переналадка, одна упрямая артерия... нет, тут! Одно тонкое веко затрепетало, поднялось. Выглянул и повел взглядом маслянисто-черный глаз. Он повернулся вверх и встретился со взглядом Флинкса. Медленными рваными движениями минидраг начал раскручиваться. Флинкс высунул язык. Пип резко выбросил свой, до соприкосновения в старом жесте дружбы и признания. Флинкс почувствовал, как напряжение начинает покидать мускулы Пипа, и успокаивается пульс.

Он бросил привычку плакать примерно с того времени, когда открыл, что это не приносит никакой пользы, кроме промывки зрачков. И все же сейчас в уголках его глаз появилась подозрительная влага. Он отвернулся, чтобы ненароком не оскорбить этим других. Если бы он оставался лицом к ним или взял на себя труд прозондировать, то мог бы заметить на лице Трузензуекса нечто большее, чем всего лишь сочувствие.

Глава двадцать третья

Челнок остался невредим, и они поднимались в верхние слои атмосферы с большей легкостью и уверенностью, чем при путешествии вниз. Управляли Ата с Вульфом. Другие находились в задней части салона, сосредоточив свои мысли впервые за последнее время не на настоящем, а на будущем.

— Ну, сэр,— сказал Малайке Трузензуекс.— Мы приносим вам свои извинения. Похоже, что наш вклад оказался исключительно бесприбыльным. Признаться, вначале это по-настоящему не заботило. Но после перенесенных вами расходов и опасностей я желал бы, чтобы вы могли получить с этого что-то в смысле более материальной выгоды.

— О, вы теперь без нужды пессимистичны, мой твердопанцирный рафики.— Коммерсант энергично запыхтел невероятно дурно пахнущей трубкой.— Мне достался город, несомненно заполненный до отказа тарайимскими артефактами и изобретениями... если я когда-нибудь смогу откопать их из этого дьявольского песка! Прекрасная, пригодная для обитания планета. С процветающей водной экологической системой, вероятно, совместимой с хьюманкссской нормой. Я думаю, эта планета может даже вернуть к жизни парусные корабли, ндийо!

— Этот аспект ускользает от моего понимания,— сказал философ.

— Когда мы вернемся, я покажу вам триоиды. Один из наиболее поэтических образчиков технологического прошлого человека. Нет, нет, с точки зрения феда я не готов считать это путешествие банкротством! И всегда можно поиграть с Крангом, же? Даже если наш юный друг настаивает, что все дело в нелепой случайности, к которой он не имеет ни малейшего отношения.— Он вопросительно посмотрел на Флинкса, который их всех старательно игнорировал.— Но вот для вас, боюсь, это стало настоящим разочарованием. Вы теперь, должно быть, даже более подавлены, чем когда мы приземлились, же?

— Все зависит от того, как посмотреть на это,— сказал Цзе-Мэллори.— Когда мы пустились по следу этой штуки, мы на самом деле понятия не имели, что ожидали найти, за исключением того, что это что-то большое. Когда мы нашли ее, то не знали, что именно нашли. А теперь, когда мы покинули ее... ну, когда вы будете готовы вернуться и раскопать те артефакты,— он взглянул на брата по кораблю,— мы с Тру будем более чем счастливы помочь вам в сортировке, если не в раскопках. И мы все еще можем, как вы говорите, «поиграть» с самим Крангом. Он, по меньшей мере, будет основой для многих объемистых научных работ.— Он улыбнулся и покачал головой.— Одни только психологические и социологические намеки... а, Тру?

— Безусловно, брат.— Транкс усердно пытался изобразить человеческую позу глубокой задумчивости, потерпел неудачу и удовольствовался вместо этого выражением ностальгической беззаботности. Результат также вышел не совсем удачным.

— Похоже, что легенды браннеров и наших первобытных гоминидов имели под собой некоторое основание. Кто бы такое заподозрил? Кранг — и оружие, и музыкальный инструмент.

Они теперь покинули атмосферу, и Ата проложила курс на сближение со «Славной Дыrkой».

— Это многое говорит нам о тар-айимах, не упоминая уж о большом шаге к объяснению их интереса к двум таким, казалось бы, противоположным областям, как война и искусство. Не могу, однако, сказать, что мне нравится их вкус. Лично я предпочитаю Дебюсси и Корецкого. Несомненно, для их ушей — или что там у них было — такие звуки являлись приятными и волнующими, может быть, даже патристичными.

— Песня смерти грохочет, гибель людей в литавры бьет,— процитировал Цзе-Мэллори.

— Порзакалит, двадцать третий сонет,— сказал Трузензуекс.— Для этого требуется-таки поэт.

— Возможно, я чересчур туп,— проговорил Малайка,— но я все еще не понимаю, как эта келелекуу заработала!

— Вы, капитан, в этом отношении не одиноки, скорее, типичный представитель большинства. Однако, если пожелаете, я могу выдвинуть гипотезу.

— Так валяйте, выдвигайте!

— Очевидно,— продолжал транкс, осторожно отмахивая прочь ядовитые клубы дыма, производимые дымящей трубкой коммерсанта,— машина генерирует какой-то вид вибрации, признаться, я лично колеблюсь навешивать на него ярлык «звуковые волны». Вероятно, какая-то смесь звуковых и гравитационных характеристик волновых форм, которые мы не можем отождествить, хотя и заметили их воздействие!

Помните, как при нашем первоначальном прохождении сквозь атмосферу я отметил необычную плотность двойного слоя ветроблеска? — Малайка кивнул.— Вероятно, эти слои поддерживаются искусственно. Волновое излучение давайте назовем его, за неимением лучшего или более точного термина, К-волнами — генерируется Крангом. Эти волны проходят сквозь нижний слой металлического ветроблеска, но не сквозь верхний, более плотный. И соответственно, «зацикливаются» потом между двумя слоями, так как теперь они достаточно ослаблены, чтобы оказаться в состоянии прорваться обратно сквозь нижний. Ручаюсь, так они скачут вокруг всей планеты. И наверное не один раз, ибо их постоянно обновляют генераторы Кранга.

— О, теперь я знаю, что это, вероятно, не звуковые волны,— сказал Малайка,— но всепланетная циркуляция в атмосфере? Из единственного генерирующего источника... поддержание определенной минимальной силы... требуемая мощность... Вы действительно думаете, что такое возможно?

— Я, мой дорогой Малайка, считаю возможным все — если явно не продемонстрировано обратное,— тем более, когда дело связано с этой машиной.

— Это могут быть даже простые звуковые волны,— вставил Цзе-Мэллори.— В прошлом на самой Земле, в тысяча восемьсот восемьдесят восьмом году по старому календарю, в главном океане произошел взрыв вулкана на острове под названием Кракатау. Ударная волна

несколько раз обогнула земной шар. Грохот взрыва — помните, простые звуковые волны — слышали на всем полушарии. Учитывая способности тар-айимов и тот факт, что это было намного больше, чем всего лишь звуковые волны, я бы считал генератор таких волн достаточно мощным оружием. Кроме того, мне кажется, что вас не требуется долго убеждать после полученной нами крайне захватывающей демонстрации.

— Вывод постфактум,— сухо сказал Трузензу-зекс.— Очень проникательно с твоей стороны, брат. Однако, так как я в этом отношении чуть-чуть осведомленней тебя...

— Спорно!

— ...то я брошу это дело. Тар-айимы, как ты говоришь, были вполне способны усиливать природу, извините за каламбур.

— Я бы предположил тогда, что это объясняет случившееся с нашим рафики Никососом,— пробормотал вполголоса Малайка.— Как только его челнок вошел в район действующих вибраций...

— Деструктивное колебание? — добавил Цзе-Мэллори.

— Растрясло на куски? Возможно,— согласился Трузензузекс.— Или они вызвали аварию, или ослабили атомную структуру. Даже в том, что было, вероятно, самым безопасным местом на планете, вибрации — «музыка», если вам угодно — чуть не развалили мой скелет. Устройство не невозможное. Фантастическое — да, но не невозможное. Меня лично больше интересует метод, примененный для ликвидации их звездолета.

— Ндийо,— согласился Малайка.— Как насчет этого? Он и близко не подходил к атмосфере и поэтому не мог попасть в капкан слоев ветроблеска.

— Если бы Кранг вдобавок к поддержанию непроницаемого защитного экрана вокруг планеты не имел также способностей к нападению, то он бы был не более чем патовым устройством,— продолжал транкс.— Устройство целиком оборонительного характера противоречило бы всему, что мы знаем о психологии тар-айимов. И вы все знаете, как к концу нашего тяжелого

испытания столь значительно изменилось качество вибрации. Так вот, Флинкс, ты говоришь, что почувствовал уничтожение другого звездолета, и все же не было никаких признаков взрыва? Ни вспышки, ничего?

Безопасный вопрос, и это он едва ли мог отрицать.

— Совершенно верно, сэр. Он просто... пропал.

— Гм. Подозреваемая возможность, которая, вероятно, никогда не будет подтверждена, но... вспомните, что наш корабль находился на очень небольшом расстоянии и все же явно не пострадал... Я подозреваю, господи, что Кранг — о гравитационный генератор, но такой мощи, о какой не мечтали даже древние Боги.— Он посмотрел прямо в лицо Малайке.— Капитан, что произойдет, если гравитационное поле диаметром приблизительно в один сантиметр и с напряжением, сравнимым по силе с поверхностью нейтронной звезды, столкнется с реальной массой?

Смуглое лицо Малайки за несколько секунд отразило всю гамму чувств от озадаченности до понимания и изумления. А голос отразил сразу все состояния.

— Маниса! Это пустит в ход Прерывание Шварцшильда! Но это же!..

— Невозможно? — улыбнулся Трузензуекс.— Простите, капитан, но как еще это можно объяснить? Для генерации необходимой такому полю энергии понадобится корабль размером с планету... намного проще использовать планету, а? И помните, нет никаких свидетельств взрыва. Конечно же нет. Даже свет не может убежать от поля такой силы! А гравитация следует закону обратного квадрата, поэтому наш корабль практически не подвергался опасности. Более идеальное избирательное оружие трудно и вообразить. Всего лишь в километре от мишени вы даже не заметите такого поля. Но коснитесь его — и пшик! Мгновенно перестанет существовать! Надеюсь, что у любого хватит здравого смысла, капитан, не баловаться чересчур много с таким устройством.— Голос транкса обрел оттенок стали.— Мы совершенно недостаточно знаем об управлении таким полем. Что если мы откроем способ самораспространения такого поля? Кранг-то явно может это сделать,

как именно, я и вовсе не могу себе представить. Но если будет спущено такое неуправляемое поле, то оно просто будет бродить по вселенной, заглатывая... все.

Тут в каюте стало тихо.

— Но я думаю, на это мало шансов,— продолжал он более бодро,— если наш юный друг не сможет опять активизировать механизм. Не говоря уж о том,— добавил он,— чтобы столь же успешно управлять им.

Флинкс уже некоторое время прочитывал грядущее завуалированное обвинение. Он знал, что его требуется опровергнуть. Они не должны думать, что он способен управлять таким угрожающим оружием. Особенно, напомнил он себе, когда он сам не был уверен в этом!

— Я же говорил вам, сэр, я не знаю, что случилось. Машина управляла мной, а не наоборот!

— И все же,— многозначительно сказал транкс.

Было бы легко перестроить мозг инсектоида так, чтобы тот просто принял объяснения Флинкса за чистую монету. Слишком легко. Кроме того, идея преднамеренного вмешательства в мыслительные процессы другого существа была несколько отталкивающей и пугающей. Особенно когда мозг, о котором шла речь, был признанно мудрее его собственного. Сила, напомнил он себе, не знание. В будущем ему понадобится побольше последнего.

— Послушайте,— он думал быстро. Теперь это стало легко.— Что касается «управления» этим устройством, то вы сами говорили, что машина состоит из бесконечно сложных цепей. Коль скоро ее включили, она вполне способна справиться с ситуацией к собственному удовлетворению. Я всего лишь послужил чем-то вроде «водородной свечи», включающей КК-двигатель.

— Гм. А как вы объясните то, что она предприняла именно такие действия, а не какие-нибудь другие?

— Может быть, корабль Никососа сделал движение, истолкованное машиной как враждебное, и она ответила как положено. Наверно, она просто была настроена и готова, когда я вступил в нее. Я, безусловно, мало отличаюсь от прочих здесь присутствующих. (Ложь) Вероятно, мой дар, или талант, или как вам там угодно

называть его, имел к этому какое-то отношение. Вспомните, когда я в первый раз вступил в нее, это ничего не вызвало.

— У меня такое ощущение, что к этому имели немалое отношение твои собственные страхи в ту минуту. Да, это правдоподобно.

— Верно,— продолжал Флинкс, благодарный за открывшийся выход.— Я был напуган, когда вошел в него в этот раз, действительно напуган. (Правда.) Машина обязана была уловить мое эмоциональное напряжение. Она ведь, вдобавок, инструмент искусства! Вероятно, при этих условиях ее мог стимулировать любой из нас. (Возможно, а не вероятно.) В любом случае, сейчас все кончено, и я не испытываю никакого желания, ни малейшего, снова попробовать это сделать! (Смесь правды и неправды.)

— Достаточно, малыш! Ты слишком агрессивен для моего бедного, старческого ума. (Вздор!) На данном этапе я удовлетворен. (Флинкс прочел иное, но это не имело значения.) Ты убедил меня в честном и равном словесном бою. Попробуй сыграть со мной в психологические шахматы, и я выиграю у тебя даже веснушки! И все же...— Он взглянул на минидрага, а потом опять на Флинкса.— Ты говоришь, что не чувствуешь в себе изменений? Никаких постэффектов?

Флинкс покачал головой с уверенностью, вызвавшей бы гордость у матушки Мастифф.

— Нет. Я действительно не знаю, что случилось. Мой мозг был...— Он оборвал фразу, когда бортовые огни внезапно погасли. Челнок проскочил в свой причальный док в грузовом трюме «Славной Дырки».

— Вот и все,— резюмировал Малайка. К большому удовлетворению всех, его трубка догорела.— Мне очень хотелось бы обсудить это все с вами поглубже, господа, но как-нибудь в будущем. Нафаси, ндийо? Если я не заполучу в самом скором времени в свое горло что-нибудь привычного жидкого состава, то я окончательно рассохнусь.

Он двинулся к узкому проходу между ними и открыл небольшой пассажирский шлюз. Внутри просочился

бледно-зеленый свет из грузового трюма. Обхватив одной рукой Сиссиф, он начал спускаться по выдвижному трапу. Следующей отправилась Ата, за ней — двое ученых. Флинкс снял с подлокотника кресла уютно свернувшегося минидрага и поместил его себе на плечо. И поспешил убраться из челнока. Вульф до сих пор продолжал оставаться личностью, общения с которой Флинкс предпочитал избегать. Добравшись до жилых отсеков, все отправились своей дорогой: Ата и Вульф — в рубку, Малайка и Сиссиф — в свою каюту. Коммерсант еще не пропустил ни капли спиртного, но зато спасся от выкупа и приобрел планету. Даже если он никогда не реализует ни гроша со своего вклада, одного этого вполне хватало, чтобы он был слегка навеселе. Двое ученых приготовились возобновить свою бесконечную игру в психологические шахматы, словно никогда и не прерывали ее.

— По закону это не психоз,— донесся до Флинкса голос заспорившего Цзе-Мэллори.— И ты отлично это знаешь!

— Ай, Бран, как ты можешь такое говорить? Наверняка ведь, когда я совершил скачок на четыре клетки той фигурой вторичного детского страха...— Голоса их растаяли, когда он свернул за угол, направляясь к своей каюте.

Флинкс взглянул на свое плечо: минидраг, явно утомленный пережитым, крепко заснул. Он на мгновение остановился, а затем пожал плечами и усмехнулся. Насвистывая знаменитый и замечательно фривольный мотивчик, он фланировал по коридору в ожидании самого большого псевдобифштекса, какой только мог выдать автоповар. Ему требовалось о многом поразмыслить.

И, подумав, многое сделать.

Глава двадцать четвертая

Рашаллейла Нуаман лежала на своей огромной постели, празднично изучая потрепанную полуголую фигуру

племянницы. Девушка явно проявила больше силы, чем здравого смысла, возражая против требования мадам явиться к ней.

— Телин, — вздохнула она. — Ты знаешь, я ужасно разочаровалась в тебе. Глупость я могу иногда понять, но небрежность в работе — непростительна. Я, конечно же, знала о твоём забавном плане разделаться со мной.

При этих словах девушка вздрогнула, и её взгляд заметался по комнате в поисках пути к бегству. Даже допуская, что она смогла бы выскользнуть из рук двух бесстрастно стоящих по бокам от неё великанов, бежать на безвоздушной луне было некуда.

— О, пусть это тебя не беспокоит, детка. Меня-то не беспокоит. На самом деле я сочла эту попытку довольно восхитительной. Ты для разнообразия показала, что в тебе есть немного пороку. Но то, что ты вмешалась в мой бизнес, это, моя милая, — голос её опасно понизился, — было с твоей стороны неудачным выбором. Наверно, я отнеслась бы к тебе с большей симпатией, если бы ты преуспела. И к тому же с эйзеннами! Боже мой! Полагаю, тебе известно, что они самые злейшие враги человечества?

— Не надо всучивать мне эту патристическую лагу, старая ханжа! — огрызнулась злым и язвительным тоном Телин. — Ты бы продавала младенцев Дьяволу, если бы думала, что он более чем суеверие... и дело будет достаточно прибыльным.

— Ты говоришь глупости, девочка. А также дерзости. Разумеется, не продавала бы. По крайней мере, не просто назло кому-то, как ты. Риск получить клеймо врага Содружества и быть отлученной от Церкви потребовал бы гарантий куда большего потенциального дохода, чем такая мелочь, которой добивалась ты. И помимо всего прочего, твоя подростковая выходка вынудит меня терпеть уйму невыносимых насмешек от одного очень давнего и дорогого друга. Который, между прочим, как меня уведомили, давно уже зарегистрировал заявку на некую планету посредством межпространственной ретрансляции, неоспоримую никоим образом. Теперь я вынуждена буду обратиться к официальным средствам

приобретения того, что и так мое по праву. Как тебе может быть известно, такие процедуры крайне несправедливы. Однако мы здесь не для обсуждения этого. Мы здесь должны определить, дорогая племянница, что же мне с тобой делать. Боюсь, что твои наклонности приняли довольно опасный оборот. Я этого не боюсь, но мои люди тоже способны ошибаться. Соответственно, я вынуждена отправить тебя отдохнуть, до тех пор пока тебя не убедят направить свою недюжинную энергию на более продуктивные цели. Тебе в изобилии предоставят время раскаяться и перестроить свои мятежные наклонности. В звездной системе Катар есть превосходное и очень известное медицинское учреждение. Им управляет группа исключительно хороших терапевтов, не раз помогавших мне в прошлом. Хотя их методы часто ставятся под сомнение, особенно Церковью, успехи их нельзя отрицать. Директор — мой личный и давний друг.

— Рори, — умоляюще произнесла Телин.

— Я уверена, что они будут более чем счастливы принять тебя на время в качестве гостя. К несчастью, они специализируются на детских неврозах и сексуальных маньяках самой крайней разновидности. Так вот, как ты думаешь, какое отделение ты сочтешь более удобным для своего пребывания?

— Рори! — голос девушки стал теперь испуганным и визгливым.

Рори Маллап ван Клееф спокойно стоял в ногах постели, одетый в шелковую набедренную повязку и бусы.

— О, тебе незачем терзать своего соучастника и доверенного, моя милая. Дорогой Рори знает, с какой стороны постели ему медом намазано, — Раша сладко улынулась.

Голос его был ровным и мягким, почти нейтральным:

— Я очень сожалею, любимая. — Он напряг бицепс. — Я, конечно же, по-прежнему люблю тебя, но не вижу, почему нам обоим нужно страдать из-за этого несчастного препятствия. Я буду ждать тебя. — Затем, после задумчивого молчания: — Надеюсь, это не осложнит наших отношений.

Ответ Телин был непечатным.

— Це-це-це! Что за выражения. И это к тому же после всех этих дорогостоящих школ. Да, детка, я уверена, что тебя поместят в отделение, наиболее соответствующее твоим склонностям. Не вижу никакой причины, почему бы тебе не воспользоваться случаем пополнить свое образование, в то время как мы займемся улучшением твоего характера.

Она пренебрежительно махнула рукой; и плюющуюся и визжащую девушку выволокли из спальни.

— Не забудь, милая, я полагаюсь на тебя. Надеюсь, ты покажешь своим любезным хозяевам истинный дух Нуаман. Возвращайся к нам целой, хорошо? — Она скорбно покачала головой, когда закрывшиеся двери оборвали затихающие вопли девушки. — Це-це-це. Не уверена, что эта девушка когда-нибудь будет готова взять на себя бразды правления фирмой. Все ложится на мои плечи, а я стара. Но не настолько стара. — Она протянула руку. — Рори... поди сюда...

Они проделали полпути к дому и без всяких препятствий летели дальше к Моту. Флинкс оторвался от игры в хрустальный солитер, ставшей теперь ребячески простой. Ощущение сильного взрыва эмоций стало слишком велико, чтобы его можно было игнорировать. Так как по расписанию сейчас было время сна, в салоне находился только он один, и эта суматоха его удивила.

В салон вошла довольно растрепанная на вид Ата. Она явно не ожидала никого встретить, и присутствие Флинкса заметно расстроило ее.

— Ну, — неуклюже начала она, пытаясь одновременно привести в порядок одежду, — мы почти, э, закончили наше путешествие, Флинкс. Ты, как мне представляется, ждешь не дождешься прибытия домой... и получения приготовленной тебе Малайкой пачки кредитов!

— Да, и того, и другого. Вы, полагаю, направляетесь сменить в Рубке Вульфа?

— Хммм? О, да, естественно! — Ему пришлось скрывать свое веселье при виде того, как она ухватилась за

этот предлог.— Да, я только что сходила произвести некоторые изменения, в, э, расположении корабельных припасов. Они становятся громоздкими. Мне пришлось... довольно долго потрудиться над наведением там порядка.

— И вы навели?

Она широко улыбнулась:

— О, да. Теперь все будет на своих местах.— И исчезла на выходе.

Спустя немного времени салон проковыляла гораздо более растрепанная Сиссиф, ее одежда и она сама пребывали почти равном беспорядке. Лицо ее выражало лютую ненависть. Это выражение исчезало, только когда она морщилась из-за особенно болезненного синяка. Она уделила ему лишь один рассеянный взгляд, а потом удалилась, шатаясь, в направлении их с Малайкой каюты.

Стало быть, все получили выгоду от экспедиции, за исключением привлекательного и разъяренного меньшинства в одну особу. Он вздрогнул вернулся к своей игре, потерявшей теперь привлекательность. Требовалось многое сделать, он не знал, как к этому подступиться. Если он никак не сможет отказаться... Малайка, знал он, готовит для него большие дела. Он не мог представить себя той роли, какой виделся коммерсанту. Приодетым для торжественных заседаний, разоряющим конкурентов в пух и прах своей поразительной проницательностью. Наверное, можно будет организовать компромисс. Но это может означать расставание с рынком, с его тамошними друзьями. Матушка Маттифф, вероятно, приспособилась бы такой жизни без всякого труда. Он усмехнулся. А может ли Высшее Общество приспособиться ней? А серьезней, как приспособиться он? Когда нынче всякий уверен в собственной правоте пребывает в непоколебимом убеждении, что «его способ делать дела — единственно верный».

И еще он видел, что могут сделать малоприятные личности с другими, в достаточной мере, чтобы желать исправить такое положение. А там будут мозги, которые

окажут сопротивление таким усилиям. И кто он такой, чтобы судить жизнь других? Хотел ли он играть роль Бога? Кроме того, ему всего... ну, ему было почти семнадцать, не так ли? Он обладал талантом, и один невинный человек и двое виновных умерли из-за того, что он применил его не так, как следовало бы. Теперь он обладал Силой, и кто знает, сколько там умерло в космосе из-за нее? Силой. Чушь! Он и на одну десятую не был таким человеком, как Цзе-Мэллори. Ему понадобится помощь подобных людей, или же он, скорее всего, наделает страшных ошибок. А они теперь могут оказаться смертельными для многих. Мог ли он управиться с тем, чем он теперь стал? Хотел ли он этого?

И все же там лежала целая вселенная, и казалось позорным не посмотреть на нее.

Теперь, когда он мог видеть.

СОДЕРЖАНИЕ

РАДИ ЛЮБВИ К НЕ-МАТЕРИ

3

ТАР-АЙИМСКИЙ КРАНГ

231

Литературно-художественное издание

Фостер Алан Дин

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ФЛИНКСА-I

Романы

Ответственный за выпуск *В. В. Тарасенко*

Сдано в набор 7.09.94. Подписано в печать 23.09.94. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура Тип Таймс. Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 23,52. Усл. кр.-отт. 23,94. Тираж 50 000 экз. Заказ 1247.

Фирма «Русич». Лицензия ЛР № 040432. 214016, Смоленск,
ул. Соболева, 7.

Издание выпущено при участии производственно-коммерческого предприятия «Дилер». 220746, Минск, пр. Машерова, 23-415.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

СОКРОВИЩНИЦА
БОЕВОЙ ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

